

prose_contemporary

Мария
Васильевна
Глушко
<http://www.litmir.net/a/?id=64487>

Мадонна с пайковым хлебом

Автобиографический роман писательницы, чья юность выпала на тяжёлые годы Великой Отечественной войны. Книга написана замечательным русским языком, очень искренне и честно. В 1941 19-летняя Нина, студентка Бауманки, простившись со своим мужем, ушедшим на войну, по совету отца-боевого генерала- отправляется в эвакуацию в Ташкент, к мате и брату. Будучи на последних сроках беременности, Нина попадает в самую гущу людской беды; человеческий поток, поднятый войной, увлекает её всё дальше и дальше. Девушке предстоит узнать очень многое, ранее скрытое от неё спокойной и благополучной довоенной жизнью: о том, как по-разному живут люди в стране; и насколько отличаются их жизненные ценности и установки. Испытать боль и ужас, познать предательство и благородство; совершить главный подвиг своей жизни: родить и спасти своего сына.

30.03.2013

ru

дмитрий11997788

FictionBook Editor Release 2.6
23 October 2010
<http://www.litmir.net>
LitMir.net
161157
1.1

1.0 — Scan & OCR, создание fb2. Вычитка. Форматирование текста. Обложка, аннотация, дескриптор. Обработка скриптами (дмитрий11997788; октябрь 2010г.)

Мадонна с пайковым хлебом (Роман-газета № 8, 1990)

Мария Глушко. Мадонна с пайковым хлебом

Часть первая

1

Поезд шел медленно, не шел, а тащился, часто останавливался на разъездах, пропускал встречные эшелоны; иногда его загоняли в тупик, они подолгу стояли там, особенно

ночами, и Нина просыпалась от сперттого, застоявшегося воздуха, ее тошнило от запаха немых тел, махорочного дыма, горелого угля, мочи из уборной и едкой мази, которой соседка-попутчица смазывала болячки своему ребенку. Под потолком вагона горела синяя лампочка, но она ничего не освещала, а как бы наоборот, стущала темноту, и только привыкнув, глаза начинали различать скопление, тел на полу в проходе, ноги, высунувшиеся из-под полки, женщину напротив, скорчившуюся в ногах детей, руку и край шинели, свисавшие сверху — там спали молоденькие курсанты в новых, необмятых шинелях...

Вагон был плацкартным, и когда отъезжали от Москвы, каждый пассажир имел свою полку, но в пути, почти на каждой станции, подсаживались беженцы, пассажиры из разбомбленных составов, командированные и просто те, кто отчаялся уехать по «законному» билету, и тут не помогали ни крики проводников, ни слабые протесты «билетных» пассажиров.

У Нины затекли ноги, к ним привалился спящий худой старик, но она не смела повернуться, переменить позу, боялась потревожить старого человека. Ей было совестно, что она одна может почти нормально лежать на своей полке, в то время как даже наверху спали по двое, и она, стараясь занимать меньше места, поджимала ноги, а днем сидела в углу у окна, чтобы кто-нибудь другой мог прилечь и отдохнуть.

Поезд все стоял, и Нина чуть подняла светомаскировочную штору из толстой черной бумаги, прикинула к окну. Маленькая станция в синих скупых огоньках и клубах морозного дыма, платформа забита людьми, спят на узлах, вповалку, прижавшись друг к другу. Кто-то прохаживается, пристукивая ногами, другие мечутся с вещами, надеясь втиснуться в поезд... Но ночами вагоны не отпирают, да и днем выпускают пассажиров и тут же закрывают, назад впускают только «своих».

Нина смотрела на эту человеческую массу — там было много детей — и думала: как же они там, на морозе? Уже ноябрь, ночами сеется снежная крупка, а многие, наверно, уже не первую ночь так... Это стало обычной картиной: вокзалы переполнены, туда не пускают, люди валяются на привокзальных площадях и платформах, но она никак не могла привыкнуть к этому зрелищу — да что же это, неужели ничего нельзя сделать?

Опять заболел живот, она непроизвольно дернула ногами, застонала. Лев Михайлович — так звали старика — не открывая глаз, похлопал ее по колену, пришептывая: «Чу-чу-чу...» Может, ему снилось, что он укачивает внука. Впрочем, она вспомнила, что внуков у него нет.

Она старалась расслабиться, обмануть боль, но легче не становилось, и она с ужасом подумала, что, может быть, в консультации ошиблись и ей время рожать? Ее снимут с поезда, она родит на каком-нибудь полустанке и куда денется потом с ребенком?... Она представила, что вот так, же будет валяться на платформе — без карточек, без продуктов, с деньгами, на которые ничего не купишь, — и где-то пеленать ребенка, стирать пеленки... А в Ташкенте ее будет ждать мачеха и не дождется, и отец, и муж не будут знать, где она... Она заплакала, уткнувшись в меховую шапочку, от которой все еще слабо пахло довоенными духами, плакала долго, никак не могла успокоиться, а живот болел все сильнее, что-то перекатывалось в нем. Да нет, врачи не могли ошибиться, рожать ей в декабре, просто она, пробираясь ночью в туалет, упала, переполошила всех, и ее попутчики уже на всякий случай справлялись, нет ли в вагоне врача.

Поезд наконец тронулся, пошел, набирая скорость, в вагоне посвежело, из-под шторы просачивалась струя воздуха, пахнувшего дымом, Нина ловила ее ртом, чувствуя, как холодеют губы. Она старалась не думать о плохом и тревожном, лучше вспомнить что-нибудь веселое, хорошее из довоенной жизни, которая стала теперь невозможно далекой. И сейчас, из войны, все в той жизни казалось хорошим — даже то, как она завалила сопромат, а тогда — подумать только! — для нее это было настоящим горем, она даже ревела, а Виктор поддразнивал ее и даже стихи по этому случаю сочинил что-то вроде этого:

Друзья меня предупреждали,
Твердили все — и стар, и млад:
«Женись на Вересовой Гале,
Отлично сдавшей сопромат».
Я не послушался. И что же?
Теперь я сам себе не рад.
На ком женился я, о боже?
На завалившей сопромат!

Галка Вересова училась вместе с Виктором двумя курсами старше Нины, была сталинской стипендиаткой. Сохла по Виктору с первого курса, а когда Виктор с Ниной поженились, все бегала к ним, вязала пинетки, покупала байку на пеленки — для их будущего ребеночка. Виктор подшучивал над ней и бессовестно помыкал ею: «Знаешь, в Елисеевский завезли миноги, Нинка умирает, хочет миноги!» — и Галка мчалась на улицу Горького, в Елисеевский гастроном, выстаивала очередь, приносила миноги... Она была светлым и добрым человеком.

Галка Вересова погибла в сентябрьскую бомбежку, когда завалило бомбоубежище Лефортовского студгородка.

Подумать только, как сразу, в один день разломилась жизнь на две части — на «до» и «после», как сдвинулось все и перевернулись масштабы горя и радости, как из сегодняшнего дня хорошо видна вся жизнь «до», в которой все можно было исправить... А войну и смерть исправить нельзя.

Живот, наконец, отпустило, и Нина уснула под перестук колес, ей снилось, что они с Марусей Крашенинниковой принесли в аудиторию корзину красных крупных яблок, раздавали всем по одному и почему-то смеялись...

Во сне она забывала про войну, ей все еще снилась мирная жизнь.

2

Проснулась уже утром, поезд опять стоял — где-то недалеко от Пензы, — в окно с поднятой шторой било солнце, за окном тянулись пустые поля, все в белых гребнях изморози, по ним разгуливали большие птицы, в небе застыли белые комочки облаков; женщина в пуховом платке и ватнике шла по тропинке, несла на плече вязанку хвороста, следом бежала девочка в маленьких черных валенках и красных рукавичках — просто не верилось в это утро, что есть война.

Соседка, молодая красивая татарка, кормила детей: девочку лет десяти и трехлетнего мальчика с болячками за ушами и на голове. Рядом сидели две женщины — сестры — ночью они спали на полу — и, расстелив на коленях чистую холстинку, ели сало с хлебом и чесноком. В ногах у Нины пристроился незнакомый военный — может, сел ночью или перешел из другого купе. Он читал газету.

— Как вы себя чувствуете? — спросила соседка. У нее был гибкий певучий голос. — Вы ночью стонали.

— Спасибо, уже хорошо.

Ехали вместе пятью сутками и многое знали друг о друге. Например, эта красивая женщина — ее звали Халима — пробирается с детьми в Челкар. У нее погиб муж на западной границе, она хотела сперва вернуться в Казань, на родину, но потом раздумала: в Казани у нее — никого, а в Челкаре — родные мужа. Сейчас легче тем, кто в куче, добавила она. А сестры — молодые учительницы из Полтавы, их поезд разбомбило, и все вещи погибли, успели выскочить, прихватив документы и узелок с едой. Долго шли пешком, подсаживаясь в случайные поезда, оказались в Москве, узнали, что наркомат просвещения выехал в Куйбышев, теперь едут туда.

— И чего мы там нэ бачили, у том Куйбышеве? Кто нас там ждэ?

Нине нравился их мягкий украинский говор, окрашенный юмором, возле них было уютно и спокойно, она вспомнила Наталку Приходько, любимицу их группы, и ее постоянную присказку: «Ничого, не сумуй, ще нэ вечир!»

Лев Михайлович — тот старик, что спал у нее в ногах, — беженец из Прибалтики, с самого начала войны скитался по городам, разыскивал племянницу, больше у него никого из родных нет. Теперь вот нет и дома. Знакомые в Москве сказали, что племянница выехала в Ташкент. С юмором и без обиды рассказывал он, как перепугало знакомых его «явление в Москве»: сперва приняли за бродягу — так обтрепался он за дорогу, — потом, когда узнали, испугались еще больше, решили, что оседет у них, и хором уговаривали ехать в Ташкент, даже деньгами помогли.

Льва Михайловича сейчас в купе не было, и Нина, уже привыкшая к нему, беспокоилась: не отстал бы!

Она спустила ноги, сунула их в ботинки и отодвинулась к окну, освобождая место. Смотрела на учительниц, как вкусно едят они сало, закусывают чесноком. Сало толстое, розовое, с мясными прослойками, с мягкой смоленой шкуркой — и ей так захотелось этого сала, хотя бы маленький кусочек, помусолить во рту, она предчувствовала его вкус, и у нее даже заболело где-то под скулами... Но она скорее бы умерла, чем попросила, такой вот дурацкий характер, и почему я все усложняю? Она знала этот свой недостаток — глупую

застенчивость, доходящую до абсурда. Маруся как-то говорила: «Ох, смотри, Нинка, худо тебе придется, тебя любой воробей забьет! «Размазню» Чехова читала? Вот ты и есть размазня».

Стараясь не смотреть на сало, она достала из-под столика сумку с продуктами, расстелила на столе газетку, вытащила хлеб, сахар кусочками и сыр — все, что осталось от пайка, которым снабдил отец. Нарезала сыр тонкими ломтиками, получилось много, и она сказала: — Пожалуйста, берите.

Все посмотрели на нее и на сыр, но никто ничего не взял, и ей стало неловко. Потом мальчик протянул было ручонку к сахару, но мать легонечко хлопнула по ней:

— Нельзя, Айдар.

Нина подала ему три кусочка, он тут же запихал их в рот.

Появился Лев Михайлович с большим алюминиевым чайником:

— Ну-с, вот кипяточек, прошу... Только чайник надо сейчас же вернуть, я взял у проводника.

Все извлекли, кто кружку, кто чашку. Нина подставила стеклянную банку, в ней когда-то были маринованные огурцы-корнишоны, но она их давно съела.

Лев Михайлович разлил кипяток — Нина заметила на его пальце след обручального кольца, — потом отнес чайник, вернулся, сел рядом с капитаном.

— А вы? — Нина кинула в банку с кипятком несколько кусков сахара, сделала бутерброд с сыром, протянула ему. — Завтракайте и пейте чай.

Лев Михайлович покачал головой.

— Я уже завтракал, благодарю... На станции. К тому же, я остаюсь в Пензе.

Это известие ошеломило Нину. Она привязалась к этому человеку, которого сперва тоже испугалась, как и его московские знакомые, — не брит, не ухожен, пальто все в грязных пятнах, обвисли поля старой шляпы, — но он оказался человеком интеллигентным, с хорошими манерами, Нина потом узнала, что он, владеет несколькими языками, в свое время преподавал в университете, вышел на пенсию, а теперь вот война сделала его беженцем. Он неназойливо опекал Нину все эти дни, приносил ей со станций все, что удавалось достать: вареную картошку, воблу, кислую капусту в капустном листке, выкладывал перед ней на столик: «Это не вам, это грядущему поколению-с!» А как спокойно и надежно ей было, когда он спал полусидя, привалившись к ее ногам, а днем шутил, называл «деточкой», заговаривал ее тревогу... Как же теперь без него?

— Но почему? Разве ваша племянница в Пензе?

Насчет племянницы он не ответил. Тронул капитана за плечо.

— Но вам, Ниночка, я нашел хорошего попутчика до самого Ташкента.

Капитан взглянул на нее, качнул головой — вроде поклонился — и снова уткнулся в газету. И вдруг она все поняла: у него кончились продукты! Он голодный, он не мог завтракать на станции, потому что никакой тут станции нет, поезд стоял на разъезде! Он не может без продуктов ехать дальше! Да, он так и говорил — еще тогда, когда отъехали от Москвы: «Мой маршрут, деточка, прокладывает не билет, а желудок, потому, полагаю, маршрут этот будет прерывистым».

— Я знаю, почему вы выходите в Пензе, знаю, — сказала она. — Но это же не причина, это, простите, мелочно... Вот есть сыр, и у меня много хлеба, потом еще достанем...

Тут и учительницы подключились, стали уговаривать, отрезали ему сала, но он засмеялся, выставил ладони:

— Дорогие дамы, благодарю, но я еще так Низко не пал, чтобы пойти на иждивение к женщинам.

От расстройств Нина и есть не стала, попила кипятка с сахаром, чтобы отбить утреннюю горечь во рту, и все смотрела в его печальные старые глаза, на тонкое бледное лицо и изломанный усмешкою рот, и ей захотелось, чтобы поезд еще долго стоял тут. Но поезд уже тронулся. Лев Михайлович достал свой саквояж, стал прощаться; притрагиваясь к шляпе, каждому, даже детям, подал руку, а капитану сказал:

— Итак, поручаю вам сию дочь...

В Пензе Нина надела пальто, вышла его проводить. На перроне опять пыталась уговорить — зачем ему оставаться, ведь у нее есть деньги, есть хлеб, но он взял ее руку в свои ладони, мягко пожал:

— Деточка, я долго живу и знаю: человек должен есть свой хлеб. Он слаб, он может падать и подниматься, но есть предел, ниже которого падать уже нельзя. — Он посмотрел на нее печальными глазами. — В конце концов, я доберусь до Ташкента, и мы увидимся, если захотите...

— Вы так и не рассказали мне о языке эсперанто, а обещали...

— В другой раз, — улыбнулся он.

Она знала: другого раза не будет.

— Когда приедете, сообщите мне до востребования: Нечаевой Нине Васильевне. Запишите!

— Нечаевой Нине Васильевне, — повторил он, — я запомню.

Он сделал веселое лицо, помахал ей рукой, пошел, приволакивая ноги, и она увидела на свету его бывшее хорошее, а теперь потрепанное пальто, шляпу с обвисшими, мятыми полями и какой он глубокий старик. Сердце ее зашлось от жалости, она подумала: нет, больше мы никогда не увидимся. И он словно услышал ее последнюю мысль, обернулся, снял шляпу, издали помахал ею и опять побрел, странно подгибая, как бы изламывая в коленях ноги.

Она все стояла и смотрела ему вслед и думала, что, наверно, этот человек жил хорошей интересной жизнью, у него была квартира и в ней много старинных книг, а может, был и рояль — у него длинные артистические пальцы, — и он играл вечерами, а в доме пахло цветами. А теперь вот скитается — бездомный, осиротевший и голодный, ему негде приклонить голову, и все из-за проклятой войны! И сколько еще людей страдает на дорогах войны, каждый день идут плохие новости, и всякий раз перед сводкой Совинформбюро болью сжимается сердце...

Кто поверит — она и сама сейчас не верит, — что сперва, узнав о войне, она нисколько не испугалась, даже подумала, наконец-то и нам выпадет роль в истории! Так и Виктору сказала, а потом — и Марусе. И даже школьные строки процитировала: «Из мира прозы мы сброшены в невероятность!» Виктор посмотрел на нее и сказал: «Роль ролью, только ты в этой «невероятности» смотри сына мне сбереги!» А Маруся ничего не сказала, заплакала. Нина обняла тогда подругу и, дурачась, продолжала цитаты: «Иль вам, фантастам, иль вам, эстетам, мечта была мила, как дальность?» Маруся, конечно, не была похожа ни на фантастов, ни на эстетов, просто ей было тридцать лет, и она немало повидала. Вдохнула, покачала головой:

— Дурочка, чему радуешься?

Вот уж действительно — дурочка. Да и с чего ей быть умной? Что знала она о войне? О гражданской отец рассказывал эпизоды сплошь героические. О событиях на Халхин-Голе распевали юмористические песенки, финскую даже и войной не называли, а «кампанией». Отец за эту «кампанию» получил свой первый орден. В памяти застряло обещание бить врага на его территории. И самой ей хотелось бить врага на его территории: в воскресенье узнала о начале войны, едва дождалась понедельника, тайком от Виктора побежала в консультацию. Должны же понять: не время сейчас рожать детей — зря, что ли, она полгода училась на курсах медсестер? Но ее не поняли, и она редела в коридоре, там пожилая санитарка мыла пол, орудуя шваброй; подошла к ней, тронула за плечо:

— Чего реवेशь? Обманул, поди?

Нина сперва не поняла, а потом заплакала еще сильнее:

— Ничего не обманул, просто я хочу Родину защищать...

Санитарка посмотрела на нее:

— Сколь тебе годов? На вид — пятнадцать.

— Ничего не пятнадцать, а девятнадцать...

Санитарка вздохнула, опять взялась за швабру.

— Дура ты стоеросовая, вот что я скажу. Твое главное дело теперь дитя родить. Знаешь, сколь народу в этой войне побьют?

Откуда ей было знать? Она ничего не знала.

3

На перроне было холодно, опять сыпалась крупка, она прошлась притопывая, подышала на руки. Потом вернулась, спросила у проводника, долго ли простоим.

— Это неизвестно. Может, час, а может, день.

Кончались продукты, ей хотелось хоть чего-нибудь купить, но на станции ничего не продавали, а отлучиться она боялась.

Пожилой проводник посмотрел на ее живот:

— Час верняк простоим, видишь, на запаску загнали.

И она решилась добраться до вокзала, для этого пришлось ей перелезть через три товарных состава, но Нина уже приспособилась к этому.

Вокзал был забит людьми, сидели на чемоданах, узлах и просто на полу, разложив снесь, завтракали. Плакали дети, усталые женщины сустились возле них, успокаивали! одна кормила грудью ребенка, уставясь перед собой тоскующими покорными глазами. В зале ожидания на фанерных жестких диванчиках спали люди, милиционер прохаживался между

рядами, будил спящих, говорил: «Не положено». Нину это удивило: почему не положено спать?

Она вышла на привокзальную площадь, густо усеянную пестрыми пятнами пальто, шубок, узлов; здесь тоже сидели и лежали люди целыми семьями, некоторым посчастливилось занять скамейки, другие устроились прямо на асфальте, расстелив одеяло, плащи, газеты... В этой гуще людей, в этой безнадежности она почувствовала себя почти счастливой — все же я еду, знаю куда и к кому, а всех этих людей война гонит в неизвестное, и сколько им тут еще сидеть, они и сами не знают.

Вдруг закричала старая женщина, ее обокрали, возле нее стояли двое мальчиков и тоже плакали, милиционер что-то сердито говорил ей, держал за руку, а она вырывалась и кричала: «Я не хочу жить! Я не хочу жить!» У Нины подступили слезы — как же она теперь с детьми без денег, неужели ничем нельзя помочь? Есть такой простой обычай — с шапкой по кругу, и когда до войны в институтах ввели плату за обучение, они у себя в Бауманском применяли его, кидали кто сколько мог. Так внесли за Сережку Самоукина, он был сиротой, а тетка помогать ему не могла, и он уже собирался отчислиться. А тут рядом сотни и сотни людей, если бы каждый дал хотя бы по рублю... Но все вокруг сочувственно смотрели на кричащую женщину и никто не сдвинулся с места.

Нина позвала мальчика постарше, порылась в сумочке, вытащила сотенную бумажку, сунула ему в руку:

— Отдай бабушке... — И быстро пошла, чтобы не видеть его заплаканного лица и костлявого кулачка, зажавшего деньги. У нее еще оставалось из тех денег, что дал отец, пятьсот рублей — ничего, до Ташкента хватит, а там Людмила Карловна, не пропаду. У какой-то женщины из местных она спросила, далеко ли базар. Оказалось, если ехать трамваем, одна остановка, но Нина не стала ждать трамвая, она соскучилась по движению, по ходьбе, пошла пешком. Надо что-нибудь купить, вот бы попало сало, но на это надежды не было, и вдруг у нее мелькнула мысль: а что, если там, на базаре, она увидит Льва Михайловича! Ведь он остался, чтобы раздобыть продукты, а где же, кроме базара, их теперь раздобудешь? Они вместе накупят всего и вернутся к поезду! И не надо ей никаких капитанов и никаких других попутчиков, еда будет спать только половину ночи, а потом заставит лечь его, а сама сядет у него в ногах, как он сидел целых пять ночей! И в Ташкенте, если он не найдет племянницу, она уговорит мачеху взять его к себе, а если та не согласится, она заберет брата Никитку и они поселятся где-нибудь на квартире вместе со Львом Михайловичем — ничего, не пропадем!

Рынок был совсем пустой, по голым деревянным прилавкам скакали воробьи, выклеывая что-то из щелей, и только под навесом стояли три толсто одетые тетки, притопывая ногами в валенках, перед одной возвышалось эмалированное ведро с мочеными яблоками, другая торговала картошкой, разложенной кучками, третья продавала семечки.

Льва Михайловича тут, конечно, не было.

Она купила два стакана семечек и десяток яблок, поискала в сумочке, во что бы их взять, хозяйка яблок достала газетный лист, оторвала половину, скрутила кулек, сложила в него яблоки. Нина тут же, у прилавка, с жадностью съела одно, чувствуя, как блаженно заполняется рот остро-сладким соком, а женщины жалостливо смотрели на нее, покачивали головами:

— Господи, сущее дите... В такую круговерть с ребенком...

Нина боялась, что сейчас начнутся расспросы, она, этого не любившая и быстро пошла, все еще оглядываясь, но уже без всякой надежды увидеть Льва Михайловича.

Вдруг услышала перестук колес и испугалась, что это уводит ее поезд, прибавила шагу и уже почти бежала, но еще издали увидела, что те, ближние, составы все еще стоят, а значит, и ее поезд на месте.

Той старухи с детьми на привокзальной площади уже не было, наверно, ее куда-то отвели, в какое-нибудь учреждение, где помогут — ей хотелось так думать, так было спокойнее: верить в незыблемую справедливость мира.

Она бродила по перрону, щелкая семечки, собирая шелуху в кулак, обошла обшарпанное одноэтажное здание вокзала, его стены были оклеены бумажками-объявлениями, писанными разными почерками, разными чернилами, чаще — химическим карандашом, приклеенными хлебным мякишем, клеем, смолой и еще бог знает чем. «Разыскиваю семью Клименковых из Витебска, знающих прошу сообщить по адресу...» «Кто знает местопребывание моего отца Сергеева Николая Сергеевича, прошу известить...» Десятки бумажек, а сверху — прямо, по стене углем: «Валя, мамы в Пензе нет, еду дальше. Лида». Все это было знакомо и привычно, на каждой станции Нина читала такие объявления, похожие на крики отчаяния, но всякий раз сердце сжималось от боли и жалости, особенно тогда, когда читала о потерянных детях. Одно она даже списала себе на всякий случай — крупно и густо написанное красным карандашом, начиналось оно словом «Умоляю!», а

дальше шло: «Разыскиваю Зою Минаеву трех лет из разбомбленного эшелона, по сведениям, она жива, прошу сообщить...» Нина думала: вдруг ей посчастливится узнать о девочке?

Читая такие объявления, она представляла себе колесящих по стране, идущих пешком, мечущихся по городам, скитающихся по дорогам людей, разыскивающих близких, — родную каплю в человеческом океане, — и думала, что не только смертями страшна война, она страшна и разлуками!

Она снова — в обратном порядке — перелезла через два состава, с трудом придерживая размокший газетный пакет, вернулась в купе. Оделила всех яблоками, вышло по одному, а мальчику два, но его мать одно вернула Нине, сказала строго:

— Так нельзя. Вы тратите деньги, а дорога большая, и неизвестно, что нас ждет. Так нельзя. Нина не стала спорить, съела лишнее яблоко и уже хотела скомкать размокший газетный лист, но глаз зацепился за что-то знакомое, она, держа обрывок на весу, пробежала взглядом и вдруг наткнулась на свою фамилию — вернее, на фамилию отца: Нечаева Василия Семеновича. Это был Указ о присвоении генеральского звания. Сперва она подумала, что тут совпадение, — но нет, не может же быть второго генерал-майора артиллерии Нечаева Василия Семеновича. Газетный обрывок дрожал в ее руках, она быстро посмотрела на всех в купе и опять на газету — надо же, сохранилась довоенная газета, и именно из этого клочка ей сделали кулек, прямо как в сказке! Ее просто подмывало рассказать о таком чуде попутчикам, но она увидела, как измучены эти женщины, какое терпеливое горе на их лицах, и ничего не сказала. Сложила газету, спрятала в сумочку, легла, укрылась пальто. Отвернулась к перегородке, уткнулась в шапочку, слабо пахнувшую духами. Вспомнила, как в сороковом году приехал отец из Орла, зашел к ним в общежитие в новенькой генеральской форме с красными лампасами — эту форму тогда только что ввели — и повел их обедать. Студенты, говорил он, всегда хотят есть, не от голода, а от аппетита, и, приезжая, он всякий раз спешил накормить их, прихватывал с собой ее подружек. Машину он отпустил, они отправились пешком, и Виктор шел с ними — на правах жениха. Они шли и постепенно обрастали мальчишками, мальчишки затеяли спор насчет знаков различия, а один забежал вперед, да так и шел, пятясь задом, разглядывая звезды на бархатных петлицах. Отец смущенно остановился, спрятался в какой-то подъезд и послал Виктора за такси... Сейчас Нина вспоминала всех, с кем разлучила ее война: отца, Виктора, Марусю, мальчишек с ее курса... Неужели это не во сне — забытые вокзалы, плачущие женщины, пустые базары, и я куда-то еду... В незнакомый, чужой Ташкент: Зачем? Зачем?

4

Первыми из их группы ушли на войну Генка Коссе и Сергей Самоукин — добровольцами в лыжный десант. Они тоже жили в Лефортовском общежитии и перед отправкой перетаскивали в их семейную комнату ящик с книгами. Генка сказал:

— Вот, Нечаева, тебе боевое задание: прими и сохрани, тут Брэм, Брокгауз и Ефрон и еще кое-что. Жаль, если пропадут, мы два года собирали это у букинистов.

Сережа Самоукин добавил тихо:

— А если туго придется — можешь продать.

Виктору они пожали руку и наказали «грызть гранит науки» за себя и за них. Нина их расцеловала и, конечно, всплакнула, а Генка сказал:

— Ты, Нечаева, не реви, а то книги отсыреют, лучше жди нас с победой.

Она тогда сунула на память каждому по батистовому платочку, обшитому кружевом — других у нее не было, — и Виктор долго потом потешался над ней, называл экзальтированной дамочкой, сентиментальной гимназисткой. Нина молчала, ссориться она не умела, просто забрала из его рук толстый том Брэма, который он разглядывал, положила назад в ящик, прикрыла газетой. Это означало: не трогай. С тех пор какая-то трещина появилась в их отношениях — нет, не из-за «дамочки» и не из-за «гимназистки», но почему он так спокойно взирает, как другие уходят добровольцами? Она дулась на него, к тому же ее постоянно мучила тошнота, и он говорил смеясь:

— Стоит мне подойти к тебе, тебя тут же начинает тошнить.

Вечно у него шуточки, одни шуточки. Вон и Генка с Сережей ушли, а он устроился себе на лето в институтскую литейку, работает там и опять шутит, что «кует победу в тылу».

— А с твоего курса хоть кто-нибудь пошел добровольцем? Или тоже решили ковать победу в тылу?

Нет, если честно, то по-серьезному она, конечно, не хотела, чтобы Виктор шел на фронт. Да его и не возьмут — Галка Вересова говорила, что старшекурсников из МАИ и Бауманского не берут, и уверяла, что сведения эти точные. Но пусть бы он просто изъявил готовность, тогда она стала бы его отговаривать: они холостяки, а у нас будет ребенок, о нем ты подумал? Она поддразнивала его словно бы «понарошку», как в детской игре.

— Кто-нибудь решился?..

Он высоко поднял свои густые, сросшиеся на переносице брови, отставил ногу, выпрямился:

— Они, правда, всё на каникулах, но если бы знали, что и их ожидает твой прощальный поцелуй в придачу к батистовому платочку, немедленно примчались бы и побежали бить фрицев!

Снова шуточки, и эта картинная поза — она так и знала, что в серьезный разговор он не вступит, болтун несчастный! Эту черту — плоско шутить и употреблять пышные иронические фразы — многие в нем не терпели. Маруся, например, открыто обзывала его трепачом. До замужества Нина жила с ней в одной комнате, и он, бывало, придет к ним, отвесит поклон, отставит ногу и затынет:

— Дозволено ли будет мне, не достойному взять прах от ваших ног, осквернить своим присутствием... — и все в таком духе.

— Ну, завел! Перебивала Маруся. У нее никогда не хватало терпения дослушать тираду до конца. — Ты, Витька, вроде на шарманке играешь одно и то же: тру-ру-ру! — И она проделывала соответствующее круговое движение рукой. Потом, когда они поженились, Маруся перестала высказываться, но всякий раз крутила рукой и вытягивала губы, словно готовилась пропеть свое «тру-ру-ру!».

Отец тоже, заметила Нина, не любил в нем этого. А может, и вообще не любил Виктора.

Нина обижалась: нельзя же о человеке судить по шутливым словам?

С первых дней войны отец, конечно, был на фронте, часто писал ей, присылал деньги — то почтой, то с попутчиками, а в конце августа вдруг сам прикатил на машине — всего на один день, ночью предстояло возвращаться. Штаб его армии стоял тогда под Вязьмой, и Петя Величко, адъютант отца, рассказывал: жмет проклятый немец, каждый день поливает с самолетов огнем и бомбами.

— Зачем врешь и маленьких пугаешь? — Отец надвинул ему фуражку на уши, и сразу лицо у Пети сделалось мальчишеским, худым и беспомощным. Да он и был мальчишкой, на год ее старше, и Нину мучило, что она не могла сказать: «Знаешь, Виктор присился добровольцем, но его, как старшекурсника, не взяли».

Отец тогда привез ей денег, подарил часики «Зиф», а потом повел их обедать в гостиницу ЦДКА. Нина видела, как он устал и похудел, как велик ему стал в ворота и плечах китель с полевыми петлицами. И теперь уже никто не смотрел на них, вид у отца был совсем не парадней.

В ресторане гостиницы Виктор принялся изучать меню, а отец рассказывал новости:

Людмила Карловна сообщила, что выезжает в Ташкент, просила писать ей на главпочтамт.

— Чего ее понесло туда? — Отец пожал плечами. — Я написал, чтоб в случае нужды обратилась к генералу Рябинину, это мой товарищ еще по гражданской... — Он потер лицо, добавил: — По Никитке соскучился, редко пишет, злодей...

Нина тоже скучала по брату, два года не видела — с тех пор, как уехала в институт, — а сестру Лию почти и не знала, видела ее грудной.

— Ты чего там подсчитываешь? — Отец забрал у Виктора меню. — Не жмись, сегодня тесть платит!

Нина увидела, как насмешливо взметнулись брови Виктора, и поняла, что сейчас он начнет выдавать тираду. Позу он, конечно, не принял, поскольку сидел, но ногу, может быть, под столом отставил.

— Пытался подсчитать, во сколько мне, бедному студенту, обойдется прокорм генеральской дочки, но сбился со счета...

Лицо у отца еще больше потускнело, трубочкой вытянулись губы. Нине показалось, что и он, как Маруся, пропоет сейчас «Тру-ру-ру!».

— Да, вкусно поесть она любит. — Он положил ей на голову свою большую тяжелую руку, и глаза его увлажнились. — Вот только не выросла на моих харчах, так и осталась маленькой, беленькой девочкой.

— Я в маму. — Она потерлась о его руку, пропахшую табачным дымом, от этого уложенная венцом коса ее сдвинулась и упала, она быстренько приколола ее шпильками. — Мама была тебе по плечо, я ведь помню...

Виктор с Петей куда-то вышли, и она спросила:

— Он тебе не нравится, да?

Отец посмотрел на нее:

— Нравиться он должен тебе.

И опять ее мучило, что она не может сказать о Викторе главного, что, наверно, отец хотел услышать, и тогда она рассказала о себе — как хотела идти на фронт медсестрой и для этого бегала в женскую консультацию. Она думала, отец похвалит ее хотя бы за намерение, а он вдруг закричал:

— Выбрось из головы! Ты — мать, запомни это! Тут по тылам еще немало лбов ошивается. Орут о любви к Родине, а сами — подальше от фронта! Где-нибудь в Ташкенте им сподручнее любить Родину, там не стреляют!

Она опустила глаза подумала: это он и про Виктора. Они долго молчали, потом он взял ее руку, прижал ладонью к своей щеке:

— Трудно тебе придется...

5

Проснулась она под вечер оттого, что замерзли колени и косточки рук. Поезд опять стоял, в вагоне было холодно, проводник оповестил: уголь кончается, не рассчитывали на такую длительную поездку, давно должны быть в Ташкенте, а еще только подъезжаем к Куйбышеву, теперь топить будут только ночью.

За окном косо летела жесткая белая крупка, била в стекло, там все побелело — насыпь, и пустой огород за насыпью, и плоская крыша сарайчика, стояла женщина в платке и телогрейке, сыпала курам корм, они толклись у ее ног, рябенькие и мелкие, как куропатки. Нина вспомнила, как девчонкой ездила с отцом на охоту, увидев куропаток, закричала: «Па, смотри, какие маленькие курочки!» От ее крика куры мигом взлетели — все враз, — оглушив ее шорохом крыльев.

Дети напротив спали, Халима вытаскивала из узла теплые вещи, набрасывала поверх одеяла, сама куталась в толстый плёток.

— Вы ложитесь, поспите на моей полке, я их посторожу, — сказала Нина.

— Ладно. Горшочек там, внизу.

Халима легла, накрывшись платком, и мгновенно уснула. Нина пересела к спящим детям, придвинулась к их ногам, чтоб было теплее.

На полу стояли чемоданы и сумка, учительницы из Полтавы уже приготовились выходить и сидели с напряженными лицами, тихо переговариваясь. Кто-то сказал, что в город без специальных пропусков не пускают, и теперь они не знали, как им быть, пропусков у них не было.

Капитан громко храпел на верхней полке, прикрыв лицо газетой, от его храпа то поднимался, то опускался край газеты. Курсантов уже не было, значит, вышли, пока она спала.

Замерзли ноги, она постукивала ими одна о другую, но это не помогало. В чемодане у нее были шерстяные носки толстой вязки, но с багажной полки ей одной чемодан не снять, а просить учительниц она стеснялась, вот если б сидел тут Лев Михайлович... Она представила, как скитается он где-то по холоду в своем потрепанном, демисезонном пальто, и вздохнула.

Поезд наконец тронулся и, набирая скорость, застучал на стыках колесами, полтавчанки засуетились, вынесли было вещи в коридор и снова занесли их, и все подглядывали в окно, решали, что же делать, если не пустят в город. Потом та, что помоложе, сказала:

— Хай не пустят. Вернемся, поедем до другого миста, работать везде можно.

Ил сразу успокоились, завязали потуже платки, встали. Сказали Нине:

— Да свиданьчика вам, хай вам щастить... А може, мы вернемось.

Нине стало жаль, что вот и они уходят, она уже привыкла к ним, и неизвестно, кто придет на их место. Она так и не поняла толком, зачем им надо непременно в Куйбышев, и ей хотелось, чтобы они все-таки вернулись. Она вообще быстро привыкала к людям и ненавидела разлуку, которая с самого детства стала спутницей ее жизни. Как все семьи военных, они часто переезжали, за десять лет учебы она сменила семь школ, только успевала привыкнуть к товарищам и подругам, опять приходилось расставаться. По всей стране оставляла друзей, а сейчас с ней не было ни одного, и она чувствовала себя очень одинокой.

Зажглись синие лампочки, проводник пошел по вагону, опуская маскировочные шторы.

— Куйбышев, готовьтесь к выходу! Подъезжаем к Куйбышеву!

Марусин город, подумала Нина, и опять тоска схватила за сердце. Кольнула безумная мысль: вот выйти сейчас и помчаться к Марусе, остаться с нею. Она выехала из Москвы на неделю раньше и, конечно, уже добралась. Что мне мачеха, которая так и осталась чужой!

Но Нина знала, что не выйдет: не могла она опять навязать себя Марусе. Не могла и не хотела. И потом, там, в Ташкенте, не только мачеха, там Никитка. Ей хотелось выйти из вагона, хотя бы издали посмотреть на Марусин город — знала бы Маруся, как недалеко я от нее! Но нельзя было оставить детей, и Нина, придвинувшись к окну, чуть отодвинула штору. Синие огни вокзала мешали рассмотреть его, а города и вовсе не было видно. И все та же картина: платформа густо забита людьми, то и дело открываются двери вокзала, оттуда вырываются седые клубочки тепла.

Учительницы не вернулись, вместо них купе заполнила целая семья: муж, жена, четверо мальчишек — все толстые, громкоголосые, от них почему-то пахло свежими огурцами. Они обсели нижние полки и сразу принялись есть, разворачивали большие промасленные свертки, и в купе поплыли запахи колбасы, соленой рыбы, укропный дух соленых огурцов...

Нина почувствовала, что очень хочет есть, но о безвкусном, как резина, сыре и о сахаре не могла без отвращения думать. Ничего другого у нее не было, она неэкономно съела все в первые же дни, оставался только белый хлеб, но и его она есть не могла. Ощутила остро-соленый, с перчинкой вкус огурца, и ей показалось: сейчас произойдет чудо, кто-то протянет ей огурец и бутерброд с колбасой... Если человек так сильно хочет, не может не произойти чуда! Хоть бы кусок черного хлеба! Или щепотку соли, чтобы посолить белый, пресный, как трава, хлеб!

Нет, конечно же, никто ничего ей не предложит, надо терпеть. Научиться терпеть постоянно и долго. Всю войну надо терпеть.

Она отвернулась, посмотрела на спящих детей, лица их от синего света казались неживыми. Они были очень красивы, особенно девочка, она спала, обняв братика, а он часто дергал ручками, наверно, у него чесались болячки. Днем он все рассказывал: «А папа как даст фашистам трах-трах-трах! А потом они его убили». Он не плакал, наверно, еще не понимал смерть, а девочка просила тихонько: «Не надо, Айдар... Не надо!».

А вдруг и мой ребенок вот так же останется без отца? Ведь когда-то он закончит училище и попадет на фронт — вдруг его убьют? Нет, это будет ужасно и несправедливо! Судьба не допустит, должен же он хотя бы увидеть своего ребенка! Но ведь и других убивают несправедливо, разве в войне есть справедливость? Хоть бы увидеть его сейчас, ну почему это невозможно? Прижаться к нему, сказать, как на всю жизнь он ей нужен, как будет она его ждать — хоть тысячу лет! Она закрыла глаза, чтобы представить себе его лицо, это просто ужасно, что у нее нет его фотографии, они не успели сфотографироваться, они вообще ничего в жизни не успели, и вот — разлука, и она боялась, что забудет его лицо, и сейчас припоминала черты: яркие, пухлые, совсем как у женщины, губы и эти ямочки на щеках, оставшиеся с детства... Все говорили, что он, красивый, и почему он полюбил меня, за что? Себя она считала бесцветной — маленькая, белобрысая, даже ресницы у нее белые, а про нос мачеха, бывало, говорила: «У нашей Нины нос — семерым рос, а одной ей достался». Правда, все хвалили ее волосы, но это оттого, что ничего другого похвалить нельзя. Сколько красивых девчонок в институте, а он выбрал меня, а я-то, дура, не понимала своего счастья, все придиралась к нему: и шуточки у него плоские, и на фронт не просится... Но ведь это я так, понарошку, а, выходит, в жизни понарошку не бывает, в ней все по правде...

Наконец семейство отужинало и стало укладываться на отдых. Дело это было непростое, но они не больно-то мудрили: двух мальчишек постарше закинули на багажную полку, а двух поделили — с одним мать улеглась на полку Нины, головой к коридору, поджала ноги, сложив колени на спящую Халиму, та и не почувствовала; отец, разувшись, пристроился со вторым мальчиком рядом со спящими детьми, головой к окну, кинув Нине:

— Подвиньтесь, барышня.

Нина подвинулась, в бок ей уперлись ноги мужчины, от них удушливо несло застарелым потом.

Она сидела теперь, вытянув шею, стараясь вдыхать как можно меньше этого вонючего воздуха, но он, кажется, плыл уже везде. Неожиданно ее затопило, она вылезла в коридор, но и там преследовала эта невыносимая вонь. Пробралась в тамбур, постояла там, чувствуя, как от тошноты все тело обливается липким потом.

Наконец поезд дернулся и пошел, сразу посвежело, по ногам ударил холод, и она вернулась в купе. Мужчина вытянул ноги, его ступни теперь свисали с полки, и сесть ей было негде.

Она постояла так, не зная, куда приткнуться, потом нащупала под столиком складную лесенку, выдвинула, опрокинула набок, села, уронив на столик голову.

Что же делать? Спать она не хотела, если бы просто прилечь — во всем теле чувствовалась непонятная слабость и вялость — прилечь бы и почитать... У нее был с собой томик Сенкевича, была и свеча — Лев Михайлович, оставил, — но зажигать не разрешали, боялись пожара.

Сидеть было неудобно, лесенка покачивалась, жесткий край стола давил на подбородок, она сняла с головы шапочку, подложила под щеку, ощутив уже совсем слабый, умирающий запах духов. И опять ее охватило отчаяние — когда же кончится эта бесконечная дорога? Уж лучше бы вместе с институтом поехать в Ижевск, и сейчас она была бы среди своих...

6

С первым эшелонам эвакуироваться в Ижевск им с Марусей не удалось. Всю ночь Маруся простояла в очереди, чтобы получить по справке хлеб за десять дней, но не достала. Нина досадовала, ей это препятствие казалось несущественным — неужели не достанем хлеба в дороге? «Ты еще не знаешь, что такое «без хлеба», — сказала тогда Маруся. Но не одни они не смогли уехать в тот раз, и поэтому вскоре в деканате вывесили объявление: студентам, не уехавшим в Ижевск с первым эшелонам, предлагалось получить в профкоме института обувь и продукты и добраться пешком до Коврова, туда будет подан состав. Этот вариант для Нины отпал, она узнала, что до Коврова — не менее 300 километров. Она не знала, как ей быть дальше, у нее кончились деньги. Виктор ничем помочь ей не мог, он был в Молотове, в артиллерийском училище, оттуда от него пришло всего одно письмо, а об отце она вообще ничего не знала. С той августовской встречи прошло два месяца, уже сдана Вязьма, где раньше стоял их штаб, и от отца с тех пор — ни весточки.

Нина не знала, где навести справки об отце, и решила сходить в спецчасть института, там ей сказали, что наркомат обороны выехал в Куйбышев, посоветовали справиться в Генеральном штабе и дали адрес.

На гремящем трамвае Нина поехала в центр, она давно, почти с начала войны не бывала там, и теперь ее поразило, как странно изменились знакомые улицы и площади, как обезображены здания, обложенные понизу мешками с песком, как незнакомо выглядит Большой театр в грязных разводах камуфляжа... Еще в октябре, слышала она, на театр упала бомба, но следов разрушения не было, и она подумала, что, возможно, про бомбу — очередная легенда. По Москве тогда ходило немало легенд.

На площади Дзержинского ее застала воздушная тревога, трамвай остановился, и она вместе со всеми побежала в метро. Там уже скопилось много людей, все больше женщины с детьми; усаживались на скамейках, на ступенях, а то и просто на холодных плитах пола. Дежурные с противогазами и девушки-милиционеры прохаживались у края платформы, и было непривычно видеть остановившиеся поезда и эскалаторы, людей, сидящих с напряженными лицами.

Нина к бомбежкам привыкла и не то чтобы не боялась, а просто знала, что умрет не от бомбы. Уж если суждено ей было погибнуть от бомбы, это случилось бы тогда, когда разбомбило тот самый трехэтажный корпус с большим подвалом, куда они бегали во время воздушных тревог. В тот день, как и всегда, комендант общежития и дежурные стучали в комнаты, заставляли идти в убежище, и она пошла, прихватив узелок с едой и книгу. Галка Вересова раздобыла скамеечку, усадила Нину, сама устроилась на деревянном чемоданчике, задремала. В сырой духоте подвала Нину тошнило, она съела соленый огурец и стала читать, но тошнота не проходила, и вдруг она вспомнила про семечки, которые остались там, в комнате. Ей захотелось жареных семечек так сильно и неотступно, что показалось: без семечек она сейчас умрет. Оставив на скамеечке рассказы Джека Лондона и узелок, она поднялась к выходу и захлебнулась вечерним свежим воздухом. У входа стояли дежурные — парни из студентов, — задрав головы, смотрели, как в черном небе ерзают два прожекторных луча, сбегаются и разбегаются, ищут самолет: вот сверкнула искорка, на ней скрестились лучи и повали самолет... Отсюда он казался игрушечно маленьким, серебряным, медленно плывущим в свете скрещенных лучей. Нина стояла и тоже смотрела в небо, а потом, когда самолет уплыл за силуэты высоких домов, вышла на улицу. Дежурные стали загонять ее назад, но она сказала «мне надо», и они, покосившись на ее живот, отступили. Она побежала в свой корпус, отперла комнату, выхватила из-под подушки кулечек с семечками, и в это время ее бросило на кровать, одновременно распахнулась дверь, посыпались стекла в окне, стол прокатился на ножках к стене и встал дыбом... И тут же все эти разрозненные звуки поглотил оглушивший ее звук взрыва, и сразу запахло пылью. Она успела сунуть голову под подушку — неосознанно, машинально, как прячутся от страшного дети, — и долго лежала так, до самого отбоя, боясь шелохнуться. Ей казалось, что бомба попала прямо сюда и сейчас она увидит обрушенный потолок и разлетевшиеся стены.

Но комната была цела, только в окне не было стекла; она спустилась по лестнице, усеянной кусками штукатурки, миновала красный от кирпичной пыли вестибюль, вышла на улицу.

Того здания уже не было, оно превратилось в груды развалин, яркий прожектор с машины освещал их, там было светло как днем, стояло еще несколько машин, все было оцеплено, и Нина видела, как из двух шлангов смывали с тротуара кровь. Она закричала и побежала туда, ведь там была Галка! Ее не пускали, она рвалась и кричала что-то — ведь там была Галка!

Она не знала, сколько времени металась в крике, увидела Марусю и не удивилась, что Маруся здесь, а не в институтской сварочной мастерской — она там работала, сваривала противотанковые надолбы, и примчалась на институтской машине как была: в фартуке, с гарью на лице и под носом... Маруся увела Нину, а та все кричала: «Там Галка!» Маруся собрала вещи Нины и увезла ее в свою комнату, в общежитие в Бригадирском переулке. Они и стали с тех пор жить вместе.

...Нина вышла из метро, все еще чувствуя на лице подвижные и теплые, пахнувшие резиной струйки воздуха, и уже не садилась в трамвай, пошла пешком. Рваные доскуты гари тучей носились над Москвой, — как будто стаи черных птиц закрывали небо, — оседали на крышах и тротуарах, порывы ветра сметали их к обочинам, прибывали к окнам домов. Нина увидела, что плащ ее и руки все в точечках сажи.

Она долго сидела в бюро пропусков, наконец ей дали телефон какого-то майора, она позвонила, и он сказал, чтоб ждала, никуда не уходила. Она думала, что ее позовут, но он спустился к ней сам, невысокий, коренастый, с усталыми, в красных прожилках глазами, велел показать документы. Она подала паспорт, он долго листал его вперед и назад, потом спросил: «А откуда видно, что генерал-майор Нечаев ваш отец?» Она пожала плечами, стояла перед ним, опустив голову, не знала, что сказать. «Ну ладно, — вздохнул он. — С июля ваш отец в действующей армии, но с начала октября сведений о нем нет». Она подняла на него глаза, полные слез: «Как — нет? Он погиб?» Майор медленно покачал головой: «Мы бы знали. Просто нет сведений, еще не поступили».

Она ушла, не зная, радоваться или печалиться. Где он? Что с ним? Лишь бы был жив! «Мы бы знали», — сказал майор.

Она решила съездить на Тишинский рынок. Своих денег уже не было, те, что в августе оставил отец, израсходовала и теперь заняла у Маруси тридцатку. Надо было устраиваться работать, и она устроилась в литейку стерженщицей — единственное, что умела по студенческой практике, — но работать там не смогла, от запаха формовочной земли ее тошнило, открывалась рвота. Маруся советовала сунуться куда-нибудь в канцелярию, но все учреждения и канцелярии свертывались, ее нигде не взяли.

Рынок был пустой, даже семечек она не нашла и побрела к шоссе Энтузиастов, забитому машинами и людьми. Никогда она не видела такого скопления людей, которые никуда не спешили, а с хмурыми лицами медленно текли по шоссе либо угрюмо стояли у обочин.

Нина знала, что многие предприятия остановлены, их эвакуируют на восток, рабочим выдали вперед зарплату, и теперь, в ожидании эшелонов, толпы загрозили улицы и шоссе. Медленно двигались машины — легковушки и крытые брезентом грузовики, — Нина стояла в гуще людей, стараясь из-за спин увидеть то, что видели другие. Там происходило что-то странное: вставшие цепочкой люди шли рядом с «эмкой», положив на ее крылья руки, и не давали ей вырваться вперед. Машина шла все медленнее, наконец остановилась. Кто-то рванул дверцу, оттуда вывалился лысый мужчина с белыми неподвижными глазами, он прижимал к животу маленький чемоданчик с таким Нина ходила на занятия. По чемоданчику ударили и выбили его, он упал, раскрылся, посыпалось что-то серебристо-светлое, Нина не сразу поняла, что это женские наручные часы. Десятки, может, сотни часиков, они ударялись об асфальт и отскакивали, и люди давили, растаптывали их ногами, а из машины через пыльные стекла испуганно смотрели на все это две женщины и мальчик; лысый стоял, уронив руки с тупыми пальцами, смотрел, как под каблуками с хрустом оседают, вдавливаются в асфальт миниатюрные пружинки и шестеренки.

Нина смотрела на испуганного мальчика в машине и жалела его, он не должен был ничего этого видеть и знать, иначе как же ему жить дальше? В ней что-то обмерло, она выбралась из толпы, постояла, привалившись к афишной тумбе. Хоть бы кто-нибудь объяснил ей, что происходит. Она, конечно, знала из сводок, что на западном участке прорвана линия нашей обороны, но все равно, то, что происходило, было непонятным и непостижимым... Зачем жгут архивы? Зачем бегут эти трусливые крысы? Зачем раздали все, что было в магазинах, так что теперь там, кроме горчицы, ничего нет? Зачем — ведь Москву ни за что не сдадут! Было обидно и больно, что жизнь, которая всегда казалась ей правильной и осмысленной, вдруг уродливо вывернулась наизнанку. Она посмотрела на свои часы — подарок отца, — они были точь-в-точь такие же, как те, ворованные, что хрустели под каблуками.

...Издали она увидела, как повели куда-то того лысого, награждая тумками, и как жалко он озирался, закрывал руками голову.

Да, все это она пережила, а когда восстановился порядок, взяла и уехала. Зачем? Ей вдруг показалось, что никогда больше, никогда не вернется она в Москву, в ту прежнюю жизнь, которую не умела ценить. Может, та жизнь и ушла-то от нас в наказание за то, что мы не умели ее ценить, подумала она.

7

Желтый сноп света обшарил купе, и Нина, подняв штору, увидела огни. Не те мертвые, синие, которые ничего не освещали, а настоящие, яркие, и за вокзалом, в городе — праздничное море огней! Выходит, так далеко уехали от войны, что светомаскировка не нужна!

«Актюбинск», — прочла она на здании вокзала и решила выйти, вдруг удастся что-нибудь купить. Пробиралась по темному вагону к выходу, и все, кто не спал, бежали к дверям — туда, в совсем другой мир, светлый и радостный, так похожий на довоенный!

Но он лишь издали казался таким.

Нина шла вдоль перрона и видела ту же, ставшую привычной картину: забитый вокзал, скопление людей и те же клочки бумажек с объявлениями на коричневой стене здания: «Ищу...», «Прошу...», «Потеряла...».

Нет, от войны нельзя уехать. Куда ни беги, она догонит.

Прямо на перроне, неподалеку от вокзала, Нина увидела навес с длинным дощатым прилавком, вдоль него тянулась очередь, а по ту сторону орудовали черпаками женщины в белых куртках поверх пальто.

Наверху под самым навесом, лампочки освещали крупные белые буквы: «Коммерческие обеды». Она пристроилась в хвост длинной очереди, стояла, оглядываясь на поезд и не надеясь, что успеет поесть.

Было холодно, изо рта вырывался парок, завиваясь в кудрявое облачко, оно тут же сливалось с другими облачками, от этого казалось, что над очередью нависла бахрома тумана. Сюда к ней доносился запах кислых щей, она давно не ела горячего, и от этого запаха, от иступленного желания вот сейчас же съесть миску щей сводило скулы и кололо в висках. Опять оглянулась на поезд, он мертво стоял на первом пути без паровоза, и Нина подумала, что, может быть, все-таки успеет, только бы не кончились эти обеды. И за ней уже протянулся длинный хвост, это успокаивало: значит, обеды еще не кончаются — не будут же люди стоять зря?

В конце увидела Халиму с детьми и отвернулась. Что-то тягостно заныло в ней, она знала, что должна, обязана поменяться с ней очередью, ведь там дети... Но она знала также, что ни за что не сделает этого, не сможет. Если она встанет в самый хвост, ей не хватит обеда или тронется поезд... А если не съест этих щей, упадет тут же, на месте.

Медленно, шаг за шагом продвигалась к раздаче, уже было совсем близко, она видела, как старик взял, обжигая руки, алюминиевую миску, над которой плывет пар, отошел с нею на край прилавка и стал есть. И Нина уже не оборачивалась к поезду, забыла и про поезд, и про Халиму с детьми, у нее тряслись руки, она никак не могла достать из сумочки деньги. Наконец-то в руках ее тяжелая горячая миска, она окунула лицо в густой пахучий пар — у нее даже дыхание перехватило.

Хлеба не было, его с обедом не давали, и она жадно, задыхаясь, черпала гнущей ложкой самую гущину — кислую капусту, в которую были добавлены мелко нарезанные зеленые помидоры, — и не имела терпения жевать, проглатывала как есть, замечая, как быстро тает содержимое миски. Потом в эту же миску шлепнули ложку соевой каши и два кусочка мяса — такая роскошь! — она теперь ела неторопливо и все боялась оглянуться.

Встав боком, увидела, что подают паровоз, но не уходила, ей надо было убедиться, что дети Халима успеют доесть. Ей стало легче, как будто сняли с головы тугий железный обруч, но теперь мучила совесть, как всегда, когда она совершала заведомо ложный шаг.

Вспомнились недавние слова Льва Михайловича — «есть предел, ниже которого падать нельзя», — но как удержаться на этом пределе?..

Но вот Халима уже стала кормить мальчика, и Нина пошла к вагону. Теперь главное — чтоб не тронулся поезд: паровоз уже подцепили, он разводил пары, выпуская из-под колес седые струи.

Наконец Халима с детьми побежала к поезду, и Нина, окончательно успокоившись, поднялась в вагон. Здесь было темно, по-прежнему бессильно горели синие лампочки, менять их, как видно, не собирались, других не было.

В купе был один капитан, он сидел за столиком и пил пиво, на столе стояли еще две пивные бутылки. Когда вошла Нина, он встал, освободил место у столика.

— Пожалуйста, сидите, — сказала она. Но он, забрав стакан и вторую бутылку, пересел к дверям.

Многодетное семейство перешло в соседнее опустевшее купе, сразу стало просторнее. И вообще чем ближе подъезжали к Ташкенту, тем свободнее становилось в вагоне, пассажиры высаживались в пути, рассеивались по стране.

Вбежал мальчик, забился в уголок, принялся чесать свои болячки, появилась мать, отшлепала его по рукам. Посмотрела на Нину:

— Успели там поесть?

— Успела, — сказала Нина и покраснела.

Халима покачала головой:

— Дорого, двенадцать рублей один обед...

Нина полезла в сумочку, пересчитала деньги. Ничего, должно хватить. Сейчас она тратила мало, но не потому, что экономила, просто негде было тратить.

Поезд тронулся, мимо окна побежали огни, и опять стало казаться, что там, за окном, совсем другая жизнь...

В купе заглянул старичок-проводник с большим медным чайником:

— Кипяточку не желаете?

— Да не с чем пить, — сказала Халима.

— Почему же не с чем! — Нина засуетилась, вытащила холщовый мешочек с сахарным песком и зачерствевший батон. — Пожалуйста... Пожалуйста...

Нарезала батон ломтиками, посыпала песком, дала детям. Растянула горловину мешка, подвинула Халиме:

— Пожалуйста...

Халима положила две ложечки в чашку с кипятком — для Айдара, — стянула горловину мешочка, отодвинула:

— Уберите, вам негде достать. Вы не для себя сейчас едите, вы дитя кормите.

Нине было отрадно слышать эти слова. Выходит, я не так уж и виновата. Выходит, это не я, а он просил есть...

Она прильнула к окну, и все смотрела на далекие густые огни. Как их много, и возле каждого — жизнь, — каждый кому-то родной, кого-то ждет... Только моего огонька нет нигде. На всей земле нет. Опять тоска ужалила сердце, расплылись огни, стали большими, матовыми... Теплые капли упали на руку, Нина вытерла их, прижала к лицу свою шапочку, от которой уже ничем не пахло...

8

На ночь она все равно опускала штору — для тепла, — но тепла не было, вяло сочилась понизу чуть прогретая струйка воздуха и сразу остывала. Нина теперь спала в пальто, но все равно мерзла, ворочалась на своей полке, укрывала ноги полкой пальто, но, стоило ей задремать, они тут же высовывались и стыли. Она насунула на ступни меховую шапочку-кубанку, но до боли мерзли колени, она растирала их перчатками и опять укрывала полкой пальто.

Утром молчаливый капитан поднял до половины штору, выглянул в окно, потом хмуро посмотрел на Нину и вышел. Вернулся со старым жиденьким одеялом, кинул на ноги Нине и сразу ушел — она и «спасибо» сказать не успела.

Напротив сидела пожилая пара, он был в пенсне, читал книгу, а она, опершись рукой на столик, напряженно смотрела в окно, как будто ожидала увидеть там что-то особенное. Они сели в Челкаре, там вышла Халима с детьми, на прощанье поцеловала Нину, сказала своим милым певучим голосом:

— Пусть вас минуют беды, Нина, вы добрый человек.

Нина чуть не заплакала тогда — привыкла к этой женщине, а надо расставаться. И не к кому теперь, совсем не к кому потянуться душой... Вот только капитан остался, он словно все еще связывал ее со Львом Михайловичем, но был хмур, молчалив и, наверно, считает ее обузой.

Она развернула одеяло, закуталась в него до плеч, стала смотреть в окно. Там плыло серое утро под серым небом, с серой изморозью на кустарниках и на странных, стелющихся деревьях с перекрученными стволами. Нина в детстве жила во многих городах, везде, где служил отец, а в этих краях бывать не приходилось, и о Средней Азии представление у нее было смутное, по книгам и кино. Например, ей казалось, что тут непременно должно быть жарко, в крайнем случае, тепло, ей виделись щедрые южные базары с большими

продолговатыми дынями, с урюком и курагой, кумыс в пиалах... Хотя нет, кажется, кумыс — это в Калмыкии.

На разъезде поезд остановился, Нина увидела, как мимо окна пробежал капитан в одной гимнастерке с тем же чайником. Ей тоже хотелось выйти, размяться, подышать чистым воздухом, она изнывала от плавающего по вагону махорочного дыма, но она только что пригелась под одеялом, боялась вылезать на холод.

На стене одинокого желтого домика чернел репродуктор, из него вылетали какие-то слова, разобрать их было невозможно, а потом вдруг послышалась музыка, и Нина вспомнила, что видела сегодня «музыкальный» сон, что-то она играла на пианино, только забыла что.

Вернулся капитан с пачкой газет, кинул их на стол, сказал:

— Читайте!

Он налил ей в чашку кипятка, пить не хотелось, но она, обхватив чашку пальцами, погрела руки, а потом стала пить. От кипятка пахло дымом, и ей нравилось это, напоминало чай из самовара, дома у них был настоящий самовар, ординарец отца раздувал его сапогом.

Она посмотрела в газетах сводку Совинформбюро, ничего существенного там не было, взгляд упал на заголовок: «Концерт Э. Гилельса», — и она вспомнила, что во сне играла ноктюрн Глинки «К сестре», а Виктор переворачивал ноты, и вдруг там, в конце, пошло совсем другое, наверно, он перепутал, она почему-то испугалась и подумала: как же я доиграю, ведь без нот не помню...

Проводник в дверях разговаривал с капитаном, и Нина услышала, как он сказал:

— После Куйбышева хорошо идем, если и дальше так, завтра к вечеру будем в Ташкенте.

Завтра! — вскинулась она. Неужели завтра конец этому отупляющему движению, однообразию быта, этой удушливой махорочной вони! И Никитку она увидит завтра! Но полной радости почему-то не было, она вдруг впервые подумала, что, возможно, их в Ташкенте и нет.

Эта мысль с самого начала, почти с самой Москвы, едва тронулся поезд, жила в ней и не давала покоя. Нина гнала ее, гасила, заговаривала, топила в воспоминаниях и мелочах, иногда это удавалось, но ненадолго, а потом опять выплывала: куда я еду? к кому? И опять Нина заговаривала тревогу, старалась уснуть, пробовала читать, но слова не складывались в фразы, так и оставались словами — раскрытый на одной и той же странице том Сенкевича лежал на столике обложкой кверху...

Две телеграммы дала она мачехе перед отъездом — сперва одну, потом, на всякий случай, другую — на этот сомнительный адрес «до востребования»; почти две недели идет поезд, давно должна бы получить, лишь бы была в Ташкенте. Сейчас Нина старалась думать о Людмиле Карловне тепло и по-доброму, ей тоже досталось: выехали из Орла, прихватив самое необходимое, Лия совсем маленькая, а Никитка не очень-то послушный, как все мальчишки в тринадцать лет... И мало ли как мы жили до войны, тогда все было иначе, и мерки были другими, и отношения, а сейчас нас будет две взрослые женщины, станем помогать друг другу...

Но опять поднималась тревога, она вспомнила, как Виктор говорил: «Если придется уезжать из Москвы, добираться к моим, в Саратов. Слышишь? К моим, в Саратов! Я написал им».

Их собрали тогда в здании школы где-то на Красной Пресне, и они сидели вдвоем под окном школы, прижавшись друг к другу, он держал ладонь на ее животе, слушал, как бьется ребенок. «Если мальчик, назови Михаилом, ладно?»

А она вспомнила, как женщина-комендант принесла ей в комнату повестку из военкомата. Виктора не было, еще не пришел с работы, в повестке от руки было вписано: «На медкомиссию». Она положила на стол эту бумажку нежно-розового цвета и опять принялась за шитье. Ей подарили узкое старинное бельевое кружево, она обшивала этим кружевом маленькую батистовую рубашечку, а сама все поглядывала на бумажку — от нее исходили враждебные токи. «На медкомиссию» — это ведь не на фронт, это даже еще не в армию, к тому же пятый курс не берут... Он, когда пришел, повертел бумажку, сказал: «Готовь платочек и поцелуйчик!» В ней что-то оборвалось, она пролепетала, что ведь пятый курс не берут, а он засмеялся: «Меня возьмут, я им там надоел за месяц!» И она поняла, что он уже давно, может, даже раньше Генки и Сережи подал заявление, и стала плакать, упрекать, что скрыл, не посоветовался... «А ты советовалась, когда бегала в консультацию?» — прищурившись, спросил он, и она удивилась, что он знает.

До самого его отъезда ходила потерянная, с опущенными руками и все время плакала. Он утешал, спрашивал: «Разве ты хотела, чтобы я сидел тут, в тылу?» Ах, какая теперь разница, чего я хотела! Она чувствовала, что теперь ничего уже не изменить, от них ничего не зависит, над ними теперь — злая воля войны, она и будет прочерчивать их судьбы. ...На станцию Красная Пресня тогда подали эшелон, их рассаживали в вагоны, он до последних минут был с ней, они стояли у вагона, и все смотрели на них, но им это не

мешало, а потом эшелон тронулся без гудков и сигналов, он побежал, из вагона ему подали руки, втянули, он обернулся и крикнул: «Слышишь? К моим, в Саратов!» И сейчас она жалела, что не послушалась его, дала отцу уговорить себя и вот теперь едет в неизвестное, а в Саратове, быть может, ее ждут. Вошел капитан с повеселевшим лицом, достал из вещмешка банку американской тушенки, открыл ее: — Присаживайтесь. — Потом спросил: — Вас встретят в Ташкенте? Она посмотрела на него и не сказала ничего.

Вечером подъезжали к Ташкенту.

В вагоне поднялась суета, упаковывали вещи, капитан снял ее багаж — два чемодана и два перетянутых ремнями мешка, — сверху пристроил свой портфель и ушел, курить. Тихо пререкалась пожилая пара напротив, он рылся в открытом чемодане, перекладывал вещи, что-то искал, она взвинченно выговаривала ему и тоже принималась искать; наконец они закрыли чемодан и успокоились.

Нина безучастно смотрела в окно, там крупными невесомыми хлопьями сеялся снег, и все было бело и тревожно, она мельком подумала, что надо бы вытащить носки, но тут же и забыла об этом, сидела, нервно поглаживая сумочку. Время от времени дышала в ладони, пытаясь согреть руки, уже совсем не топили, и было очень холодно, ноги в ботиках стали тяжелыми, как колоды.

Теперь она твердо знала, что никто ее не встретит. Людмилы Карловны в Ташкенте нет и никогда не было, она не понимала, откуда это предчувствие, но верила ему. У нее иногда случалось так, что она наперед угадывала события: когда мать повезла в деревню родителям отца продукты, Нина знала, что больше не увидит ее. Они с отцом провожали ее, мать из вагона смотрела на них, улыбалась, взмахивала маленькой ладонью, и Нина — ей было чуть больше десяти — вдруг заплакала, она подумала, что видит маму в последний раз... Мать умерла там от тифа, и Нина ее больше не видела.

Она поймала на себе пристальный взгляд попутчицы, в своей шляпке та была похожа на состарившуюся актрису, — и почему она так смотрит на меня, неужели догадывается, что меня некому встречать?

Красивая у вас коса, — улыбнулась она краешком губ, и от этой мягкой улыбки Нине стало печально, она боялась, что расплечется сейчас, — все- то я плачу, только и умею, что плакать, недаром мачеха говорила: «У нашей Нины глаза на мокром месте, вечно из них течет».

Дернувшись в последний раз, поезд остановился, вошел капитан, взял ее чемоданы:

— Пока побудьте, я вернусь за мешками.

Потом он вернулся с мальчиком-подростком, они, молча взяли вещи, понесли к вокзалу. Капитан ничего не объяснил, Нина почти бежала за ним, боясь, что сейчас упадет от голода и усталости.

У широких дверей вокзала стоял пожилой милиционер, но их пропустили, и Нину сразу обдало теплом. Здесь тоже все было забито, лежали на полу старики и женщины, оставив узкие дорожки-проходы; они прошли мимо зала ожидания, на дверях которого было написано: «Только для пассажиров с детьми», но, как видно, и зал не мог вместить всех, дети спали на полу, на коленях матерей, укрытые одеялами и платками.

Капитан постучал в стеклянную дверь ресторана, дверь открыли, и они вошли в зал, где сидели одни военные, потащили вещи в буфетную. Полная женщина в белом кружевном переднике, откинув занавеску, отделяющую буфет от подсобки, пропустила их, сказала: — Только до утра.

Потом она и тот подросток — наверно, ее сын — вышли, капитан взял у Нины портфель, облегченно вздохнул.

— Ну, вот. Сейчас вас покормят и устроят отдыхать.

С лица и шапочки Нины текло, она полезла в сумку за платком, под руку попался покоробленный клочок газеты — ах да, это же про отца! Ей захотелось показать газету капитану и сказать, что это ее отец, но она боялась, как бы он не подумал, что она хочет и дальше навязать себя его заботам.

— Спасибо вам. Что бы я без вас делала?

— А, чепуха. Не я, нашелся бы кто-то другой...

Он притронулся ладонью к козырьку фуражки и пошел, легко покачивая крутыми плечами, она смотрела, как сзади по разрезу разлетаются полы его шинели, и удивилась, что он не в шапке, а в фуражке.

Женщина принесла ей не то гуляш, не то бефстроганов с пшенной кашей и компот со сладким пончиком.

— Хлеба, извините, нет.

У нее было усталое измученное лицо, она села у стола-шкафчика, подперев щеку ладонью, и все смотрела на Нину. Нина старалась есть медленно и нежадно.

— Москву-то сильно бомбят?

— Бомбят.

Потом она позвала мальчика — его звали Ваней, — велела приготовить постель. Ваня составил пустые стулья в два ряда, принялся стелить байковые одеяла.

— Только до утра, дальше нельзя, — повторила женщина. — Спокойной вам ночи.

Нина подумала: как бессмысленно звучит теперь это «спокойной ночи», и разве с начала войны была, у кого-нибудь хоть одна спокойная ночь?

Она разулась, стянула мокрые чулки, достала из чемодана носки, вытащила черный свитер, натянула носки, повесила чулки на спинку стула и осторожно легла. Лежала, боясь повернуться, чтобы не разъехались легкие скрипучие стулья, и старалась решить, что же ей делать завтра.

Долго не могла согреться, очень хотелось горячего чая или хотя бы кипятку. Оттуда, из зала, врывались запахи еды и табачный дым, слышался гул голосов и стук ножей, и вдруг она увидела Марусю: та, лукаво улыбаясь, подавала ей большой каравай белого хлеба. «Зачем мне столько?» — хотела спросить Нина, но не могла — голоса не было.

10

Маруся Крашенинникова была в их группе самой старшей, они считали ее старой — тридцать с хвостиком, — и Нину удивляло, что в таком возрасте она пошла учиться и замужем не была, за всем этим скрывалась какая-то романтическая история, может быть, несчастная любовь... Но потом оказалось, что никакой истории нет: отец Маруси, самарский железнодорожник, как-то ночью попал под маневровый паровоз и погиб, оставив шестерых детей, и Марусе, как старшей, пришлось идти работать, помогать матери кормить шесть ртов. И только потом, когда все выросли и встали на ноги, она смогла идти учиться.

Как и почему они с Ниной подружились, такие во всем разные и по возрасту, и по характеру, Нина объяснить не могла, да и не задумывалась над этим. Была в Марусе какая-то надежность и Обстоятельность, которая привлекала робкую по характеру Нину, а может, сыграло роль и то, что их поселили в одной комнате и Нина, у которой школьная наука была еще свежа, помогала Марусе с логарифмами и задачами по физике. Но очень скоро Маруся обогнала Нину и уже сама тянула ее за собой.

Дружбу Нины с Виктором Маруся не поощряла, говорила, что все эти катки и драмкружки только отвлекают от учебы, но Нина догадывалась, что просто ей не нравился Виктор и она рада была бы положить конец этой дружбе. «Этот болтун Колесов приходил», — говорила она. Или: «Твой балаболка Колесов оставил записку». Нина обижалась за «болтуна» и «балаболку», но прощала Марусю, потому что любила ее. Виктор, наоборот, о Марусе всегда говорил хорошо: «Она из тех немногих, на кого можно полностью положиться». Нина часто вспоминала эти его слова потом, когда Маруся из-за нее отказалась идти до Коврова и сдала назад в профком обувь и сухой паек. «Я не могу тебя оставить», — сказала она. И потом, когда у Нины кончились все деньги и ей так и не удалось устроиться работать, Маруся сказала:

— Ладно, брось, проживем, все равно тебе скоро в декрет.

Они стали жить на Марусин заработок, Нину это тяготило, она не знала даже, сможет ли когда расплатиться с нею. Поскольку ей приходилось вести несложное хозяйство, она завела тетрадку, куда записывала ежедневные расходы, потом подбивала итог, делила пополам — это и был ее долг Марусе. Бывало, придет Маруся с работы, умоется, сядет за стол:

— Жена, что сварила? Подавай, а то побую!

Но Нина не только готовила и бегала по магазинам, отоваривала карточки, она старалась отдарить Марусю и другим своим Трудом, стирала ей, штопала чулки, чистила обувь... Как-то раз Маруся застала ее в общей прачечной «на месте преступления», закричала:

— Ты это брось, тазы с бельем таскать — не твое дело! Ты что, в прислугах у меня? — и заметив, что Нина готова зареветь, добавила уже мягко: — Родишь недоноска, любить его не буду!

Не было между ними ни ласковых слов, ни девчоночьих объятий, суховатая сдержанная Маруся не любила этого, но Нина чувствовала, что нет у нее подруги ближе и дороже. Маруся уже и не думала об Ижевске, ей хотелось вернуться в Куйбышев, к своим, и она вечерами часто говорила:

— Ах, Самара-городок, попаду ли я туда?

В Куйбышев были эвакуированы многие правительственные учреждения, и попасть туда теперь было непросто; Нина думала, что отец мог бы помочь Марусе, но о нем по-прежнему не было вестей.

Он объявился неожиданно в последних числах октября. Вышел из окружения — больной, с разбитыми ногами — чуть отлежавшись, позвонил в институт, ему сообщили, что студенты эвакуированы в Ижевск. Но он все-таки поехал в Лефортово, там вахтерша сказала ему, что Нина в Москве, но живет в другом общежитии, в Бригадирском переулке. Здесь-то он и разыскал ее.

Она помнит, как он вошел к ней с серым изнуренным лицом, в валенках и солдатской шинели — генеральская за два месяца окружения превратилась в лохмотья, а новую еще не сшили, — и сказал глухим срывающимся голосом:

— Родная моя...

Она смотрела на него и плакала, а он похлопывал ее по руке и говорил:

— Ничего... Ничего... Все будет хорошо...

Он скупно, избегая подробностей, рассказывал, как попали в окружение и трижды пытались прорваться с боями, как соединились с партизанами и все-таки пробились к своим, и все время повторял:

— Теперь ничего... Теперь все хорошо.

Потом пришла Маруся, и стали думать, как быть дальше. Нина попросила его дать Марусе денег и отправить в Куйбышев — она была в неоплатном долгу перед подругой и ни о чем другом пока что думать не могла. А когда они проводили Марусю, отец нашел ей военного попутчика, — он привез Нину к себе, в гостиницу ЦДКА, и сказал, чтобы она уезжала в Ташкент. О Людмиле Карловне сведений не имел и не мог иметь, но был уверен, что она в Ташкенте. Кто-то сказал ему об этом, и он даже отправил ей письмо, чтобы в случае необходимости обратилась к Рябинину.

— Виктор просил, чтобы я ехала в Саратов, к его родным.

Отец посмотрел тогда на нее, покачал головой:

— Ты маленькая дурочка. Ведь это его родные, а тебе они пока что чужие...

Он сам усадил ее в поезд, в купе увидел Льва Михайловича, что-то сказал ему, Нина услышала только: «Вы уж, пожалуйста...» Лев Михайлович приложил ладонь к груди, поклонился. А потом в Пензе передал ее капитану, капитан — этой женщине с измученным лицом. А женщина уже никому не передаст, цепочка кончилась, тут самый край ее.

...Маруся протягивала ей хлеб и шептала: «Бедная... Бедная...»

Ее разбудило радио.

Сперва она не поняла, где находится, всю ночь плыла куда-то или ехала, даже ощущала покачивание, и сейчас ей казалось, что она все еще в поезде, хотела встать и чуть не свалилась с разъехавшихся стульев, а потом все вспомнила.

Было еще очень рано, едва начинало светать, и мысль о том, что придется встать, идти куда-то — куда? — была невыносима. Она стала слушать радио.

С самой Москвы она не слышала знакомых дикторских голосов и сейчас с тревогой вслушивалась в сводку новостей, память выхватила то, что ей казалось главным:

«Продолжаются ожесточенные бои под Москвой» и «Наши войска оставили город Харьков».

Перед ее отъездом налеты на Москву участились, немецкие самолеты прилетали по два — три раза за ночь, и теперь, судя по сводкам, налеты не ослабевали.

Нина слушала о зверствах фашистов на оккупированной территории и думала: там же наши люди, дети, не все успели выехать — каково им там? И собственное положение теперь не казалось ей таким уж безнадежным и трагическим — господи, да я же в своей стране, среди своих людей, чего же я ною. Меня оберегают, чуть ли не за руку ведут по этим трудным дням, надо же и самой хоть что-то для себя делать.

Военные сводки кончились, дикторы перешли к обзору газет, рассказывали о героизме тружеников тыла. Нина заставила себя подняться, натянула чулки и свитер, сунула ноги в не просохшие за ночь ботики.

За время сна она нисколько не отдохнула, и собственное тело казалось большим и тяжелым. Зал ресторана, через который шли они вчера, был закрыт, выйти можно было только черным ходом, через кухню. На кухне женщина в сером ватнике разжигала огромную плиту, плита не горела, из топки валил дым, женщина дула в нее, прикрыв глаза, потом долго откашливалась.

Нина хотела выйти незаметно, она боялась, как бы ее не заставили забрать с собой и вещи, и опять ругала себя, что набрала столько разного барахла...

Истопница куда-то отлучилась, и Нина, схватив сумочку, быстро прошла через кухню прямо во двор. Во дворе стояли пустые ящики, кучей был свален уголь, истопница накладывала его совком в ведро. Нина миновала двор, прошла мимо здания вокзала — стены его тоже были облеплены бумажками, — вышла к билетным кассам. Кассы были закрыты, но возле них жались в очереди люди. Господи, и отсюда едут!.. Куда?.. Она почувствовала слабость в ногах и привалилась к стене. В голове путалось, она никак не могла вспомнить, что сейчас надо сделать. Что-то она решила еще вчера, когда капитан сказал, что поезд выбился из расписания. Ага, надо искать Людмилу Карловну — вот что. Еще маячила перед ней слабая надежда, и она подошла к девушке в милицмейской форме: — Как проехать в адресный стол?

Девушка посмотрела на нее, на живот, обтянутый пальто, объяснила каким трамваем ехать, но тут же добавила, что в воскресенье он не работает. Так сегодня воскресенье! Нина потеряла счет дням и теперь думала: где же я перебуду до завтра?

Она пошла без всякой цели, просто чтобы не стоять, на углу увидела, как старик опускал в почтовый ящик письмо. Это навело на мысль: пойти на главпочтамт, узнать, забрала ли мачеха ее телеграммы, ей сказали, что туда надо ехать трамваем. В трамвае она вроде задремала и забыла, куда и зачем едет. Просто я не выспалась, не могу сосредоточиться, решила она.

К окошку «До востребования» тоже тянулась очередь, но здесь было тепло, Нина хотела где-нибудь присесть, ей не удалось, и она привалилась плечом к стене, опять неудержимо потянуло в сон.

Женщина в окошке долго не могла понять, что ей надо, и терпеливо объясняла, что чужую корреспонденцию ни выдавать, ни показывать не имеет права. Нина вытащила свой паспорт, подала женщине.

— Я тоже Нечеева, вы только скажите, взяты ли телеграммы, я не знаю, тут ли моя... мать...

Она объясняла долго и путано, а потом смотрела, как быстрые пальцы пробежали вперед по толстой стопке писем, вернулись назад и замерли вдруг, и в ней все замерло.

Телеграммы были на месте.

Ей даже разрешили прочесть их, и она прочла то, что когда-то сама написала. Ну, все, ну, все, подумала она.

— Здесь еще письмо, тоже Нечеевой Людмиле Карловне.

Ей показали конверт, надписанный зелеными чернилами, и она узнала почерк отца. Ну, все. Она отошла от окошка, опять искала, где бы сесть, но везде сидели люди, писали либо читали письма, заполняли бланки, пересчитывали деньги или просто так сидели с озабоченными лицами.

Ну, все, опять подумала она, присела на подоконник, привалилась головой к оконному проему, закрыла глаза. Расстегнула пальто, положила руку на живот как хорошо, что его еще нет и он не страдает вместе со мной...

...Хотелось пить, и она ловила в горсть колкую струю фонтана с красивым названием «Ночь», но выпить не успевала, вода уходила меж пальцев. Вдвоем с отцом они были тогда в Гурзуфе, в военном санатории, мачеха не поехала, сказала, зимой неинтересно, а там в феврале цвели абрикосы, росли пальмы с мохнатыми войлочными стволами, и между кипарисами проглядывали горы в россыпи огней... В парке Нина видела, как женщина сгоняла с дорожек лужи самодельной метлой, ее поразило, что к палке привязан пучок жестких веток туи — у нас в Свердловске эти ветки стояли бы в вазе и украшали бы комнату!

Рябинин. Или Рябов. Нет, кажется, он сказал тогда — Рябинин. Его товарищ по гражданской войне. Если б ей дали прочесть письмо отца, там наверняка есть эта фамилия...

Не хотелось уходить из тепла, кажется, я заболела, поняла она, но не сидеть же тут до ночи, ведь надо что-то делать. Может, вернуться к вокзалу и попытаться уехать в Саратов — ах, надо было сразу ехать туда! Но она помнила ту очередь у закрытых касс. Ничего, еще

немного посижу и пойду. Что стоит моя беда — беда одного человека — перед трагедией целой страны! Мало что стоит. Но от этого беда не переставала быть бедой. Рябинин. Опять выплыла эта фамилия, с которой неизвестно, что делать.

Штаб военного округа она разыскала не сразу: все, к кому обращалась, пожимали плечами — то ли не знали, то ли не хотели говорить. Может, они меня принимают за шпионку, думала она. В Москве тогда ходило множество слухов про шпионов, был даже плакат: мужчина со строгими глазами поднес палец ко рту, намекая на молчание, а рядом вытянулось огромное ухо шпиона. И как-то на площади Свердлова Нина принялась следить за подозрительным дядькой, дядька вел себя странно, метался по площади с саквояжем в руках, озираясь и все чего-то высматривал, а потом оказалось, он ищет туалет. Они долго хохотали тогда с Марусей.

Ей встретились двое военных со шпалами на петлицах, назвали улицу Жуковского и сказали, как туда добраться. Она уже выбилась из сил, болело горло и ноги в коленях, и вдруг она вспомнила, что все еще тянется воскресенье, наверно, там, кроме дежурных, никого нет, а идти потом еще куда-то — куда? — она уже не сможет.

Когда она, все еще сомневаясь, назвала в бюро пропусков фамилию «Рябинин», дежурный капитан — он был очень похож на ее попутчика, сперва она даже подумала, что это он, — указал на висевший на стене телефон и дал ей номер.

Если бы Рябинина не было, он бы сказал, он должен знать, подумала она.

Ей ответил густой и вроде бы сердитый голос, а когда она тихо назвала себя, он переспросил:

— Как; как?.. Нечаева?.. Ну, поднимайся давай, давно жду!

Она положила трубку, постояла, пока ей выписывали пропуск. Что означало это его «давно жду»? Конечно, тут какая-то ошибка, но выбора у нее не было, больше идти некуда.

Лифт вознес ее на третий этаж, она пошла по толстой ковровой дорожке, слыша, как чавкает в ботиках, и все время оглядывалась, не остаются ли грязные следы. Тут начались вдруг какие-то провалы в сознании, она совершенно не помнила, как разыскала кабинет и вошла в него, осознала себя уже сидящей в кресле без пальто, свитер сильно обтягивал живот, и она чуть согнулась, чтоб было меньше заметно, а напротив сидел пожилой генерал с такими же, как у отца, бархатными петлицами и скрещенными пушками поверх звезд.

— Телеграмму я получил неделю назад. — Он подал Нине синий бланк с наклеенными желтыми полосками: «Отправил Ташкент дочь прошу разыскать, помочь устроиться или выехать Саратов. Нечаев».

Сперва она ничего не поняла — кого разыскать, кому помочь, — а он сказал:

— Всю неделю тебя жду, где ты остановилась?

— Нигде. Я вчера приехала. Спала на вокзале, в буфете, там на площади много людей...

Рябинин вздохнул, поднялся, пошел к дверям. Открыл, что-то кому-то сказал. Со спины — в кителе и галифе — он был очень похож на отца, от этого ей все время хотелось плакать, и она старалась поменьше смотреть на него.

— Да-а, война наделала... — Он говорил, прохаживаясь по кабинету, ковер глушил его шаги. — В Ташкенте селить больше некуда, в каждой квартире — эвакуированная семья... Ко мне приехало родственников семь человек — все из Белоруссии... Но ведь всех город принять не может.

Он остановился, сверху посмотрел на нее.

— А ведь я знал тебя еще вот такой, — показал рукой невысоко от пола. — Твоя мать пекла жаворонков с изюмом...

— А мама умерла... — вздрагивающим голосом произнесла она.

— Знаю, слышал. Эх, жизнь...

Он расспрашивал об отце, она рассказывала, и он слушал, чуть открыв рот и прищурившись, — отец говорил, что все артиллеристы глуховаты, — опять становился похожим на него, и Нине опять мучительно хотелось плакать. Он странно смотрел на нее, и ей померещилась в этом взгляде подозрительность — он не верит мне, — и она — стала делать глупости: вытащила зачем-то паспорт и тот клочок газеты с Указом, протянула ему... Понимала, что это стыдно, что делать этого не надо, но держала перед ним, бормотала:

— Вот... Я Нечаева, вот...

Он, удивленный, отстранил ее руку.

— Батюшки, да у тебя жар, ты больная!

Рванул со стола телефонную трубку, стал кричать на кого-то, потом принялся двигать ящиками стола, подал ей две таблетки. И тут распахнулась дверь, красноармеец внес поднос с чаем и бутербродами. Вместе с ним вошел лейтенант.

— Майора Ванина мне живого или мертвого, лучше, конечно, живого, — сказал Рябинин лейтенанту, и тот, крутнувшись на каблуках, вышел. Нина смотрела на все это отстраненно и как бы издалека.

Потом они пили чай, в нем покачивались тонкие ломтики лимона, Рябинин рассказывал, как в девятнадцатом бежал с отцом от белых из плена — босиком, в одном белье по снегу... То ли от чая, то ли от таблеток, ей стало легче, в голове прояснилось, и она сказала:

— Я хочу в Саратов.

Бутерброды были пахучие и, наверно, вкусные, с копченой колбасой и сыром, некоторые — с розовой семгой, и Нина жалела, что не хочет сейчас и не может есть их, вот бы завернуть и взять с собой... Но куда — с собой?

— Хочу в Саратов, — повторила она.

Взвизгнул телефон, Рябинин поднял трубку, долго слушал, потом сказал:

— Так и сделаем.

Он спросил Нину, где ее вещи, — она только теперь вспомнила про них — и объяснил, что адъютант отвезет ее и устроит на полигоне, это за городом в сорока километрах, майор Ванин будет ждать, он начальник полигона и все устроит...

Зачем полигон?.. И какой-то Ванин... — подумала она. И заплакала.

— Мне надо в Саратов!

— И поедешь в свой Саратов, только не сейчас. Ты больна, тебе надо подлечиться и отдохнуть...

Она поднялась, все еще плача и вздрагивая, никак не могла успокоиться, и он обнял ее, прижал к своему плечу ее голову, от кителя пахло одеколоном, табаком и кожей, это тоже напомнило об отце, и она никак не могла остановить слезы.

Потом опять в сознании были пустоты, она не помнила, как оделась, во рту было горячо и сухо, а в машине, когда они ехали к вокзалу за вещами, увидела в руках у себя сверток с бутербродами, и не могла вспомнить, сама ли взяла, или он дал...

Позже она уснула, ее мучили кошмары, она падала в черную пропасть и знала, что это во сне, старалась поскорее проснуться, чтобы не долететь туда, к невидимому страшному дну, и не разбиться.

Она с детства страдала ангинами, они мучили кошмарами и бредом, высокой температурой, зато не были затяжными. И сейчас уже на третий день она поднялась, огляделась в незнакомой сухой комнате, держась за спинку железной кровати, прошла к плите, на которой стоял эмалированный чайник с помятым носиком. От плиты шло тепло, уютно сопел чайник, и Нине стало легко, только от слабости кружилась голова и дрожали жиденькие ноги.

На припечке стояла железная кружка, она, с трудом подняв чайник, налила в кружку кипятка, стала пить, обжигая губы. Во рту было шершаво и сухо, и она пила, пила, чувствуя, как в горячей влаге приятно отдыхает язык и все там становится круглым, мягким...

Она разглядывала комнату — кровать, стол, три табуретки и невысокий облупленный шкаф... Может быть, это была кухня, потому что в дверном проеме виднелась вторая комната, устланная дорожками, там стояла высокая двуспальная кровать, на окне висела тюлевая занавеска.

Нина смутно помнила, как привели ее сюда и высокая худая женщина сказала неприятным сдавленным голосом:

— Здесь ей будет теплее.

А дальше она уже ничего не помнила, опять плыла или ехала куда-то, за ней гнался кто-то невидимый, и весь ужас был в том, что его нельзя было увидеть, она только слышала шаги все ближе и ближе, закрывала голову ладонями и начинала кричать. Какие-то люди склонялись над нею, она едва различала темные лица и не могла бы сказать, мужские они или женские, И опять наваливались кошмары, она видела, как сквозь дома прорастали деревья без листьев и черные птицы усеивали их, а потом кто-то сказал отчетливо и громко:

— Засим...

Она старалась понять, кто сказал это слово и что оно означает, но не смогла.

Сидела сейчас на кровати, глотала кипяток пересохшим горлом, прислушивалась к тишине. Ее не пугало, что в комнатах никого нет — если топится плита, обязательно кто-то придет, — глазами поискала свою сумочку, не нашла. Ничего, посижу вот немного и поищу.

За дверью деревянно и тяжело простукали шаги, от сильного толчка отлетела дверь, низкорослый красноармеец внес большую охапку дров — такую большую, что за нею самого его не было видно. Он увидел Нину, сказал «виноват» и бросил дрова у плиты. Нина смотрела, на странные поленья, никогда таких не видела — перекрученные, волокнистые, будто не нарублены, а разорваны. Красноармеец — он был в меховой безрукавке поверх выгоревшей гимнастерки — широкими ладонями стряхивал с себя дровяной мусор. — Алевтина Андреевна есть? — спросил он, стараясь не смотреть на Нину. Она не знала, кто такая Алевтина Андреевна, и не ответила, полезла под одеяло — замерзли ноги, — только сейчас заметила на себе чужую ночную сорочку из толстой розовой байки. Но она не смутилась, что раздета, потому что красноармейца воспринимала не как реального человека, мужчину, а как принадлежность этой комнаты, может быть даже, он был продолжением сна.

Она уже закрыла было глаза, но опять простукали деревянно и сбивчиво быстрые шаги, вошла высокая женщина в котиковой шубке и седой старичок в барашковой шапке. Они разделись, повесили у дверей одежду на самодельную вешалку из голых, прибитых гвоздями катушек, потом женщина сказала красноармейцу:

— Харитоша, пойдی забей курицу. — У нее был странный сдавленный голос, как будто в горле застряло что-то жесткое и она никак не могла проглотить.

Старичок пригладил реденькие волосы, погрел у плиты руки, все время потирая их, они сухо шуршали и этот звук, как и голос женщины, мучил Нину.

Он подошел к кровати, все еще покручивая руки.

— Нуте-с, откроем рот и скажем «а-а!». — У него были добрые голубые глаза и смешные, мятые уши.

Он долго выслушивал Нину, прижимая к спине и груди холодную трубочку, выстукивал пальцами, наконец сказал:

— Гораздо, гораздо...

Ощупывал у нее под челюстями, мелко перебирая пальцами, ей было щекотно.

— Скажите, а ребенок тоже... он болеет?

Врач устал на нее свой маленькие добрые глазки.

— Не понял. Какой ребенок?

— Мой ребенок. — Она положила на живот руку. — Он тоже болеет, как и я?

— В какой-то мере... Если вы, то и он.

Господи, что же это, почему?.. Еще и не родился, а уже болеет, это несправедливо и жестоко... Жаркие слезы подступили к сухим глазам, она отвернула лицо к стене.

— Этого нельзя! — Врач похлопал ее по руке. — Вы травмируете своего малыша... Все хорошо, вы выздоравливаете, повода волноваться нет.

Он что-то долго говорил той женщине, называл ее Алевтиной Андреевной, Нина не понимала слов, вдруг захотелось спать, она закрыла глаза и услышала:

— Засим откланиваюсь.

Ей казалось, что спала она совсем недолго, но когда проснулась, был уже вечер, в другой комнате горел свет, у стола сидела Алевтина Андреевна, что-то вязала. Нина лежала в темноте, следила, как на стене играют блики пламени, дрожат и перемещаются, высвечивая две прикрепленные кнопками к стене, засиженные мухами откритки с видами Кавказа. В плите горели дрова, там потрескивало, из поддувала на железный лист выскакивали раскаленные угольки, меркли, подергивались белым налетом и рассыпались в золу, а на плите стояла кастрюля, в ней булькало, вместе с паром взвивался густой дух куриного бульона.

Ей опять захотелось пить, но вставать было лень, тело наслаждалось покоем и неподвижностью, вот бы вечно так лежать, ни о чем не думая, — ни о войне, ни о поездках, забитых людьми, ни о беженцах, осаждающих вокзалы... Но не думать не получалось, уже стучали в голове беспокойные молоточки — тук- тук! — принуждая что-то делать, что-то решать. Вот и опять связалась разорванная было цепочка, думала она, опять меня подхватили чьи-то руки и повели, но что делать дальше, я не знаю.

Она тихонько спустила ноги, задела низенькую скамейку, скамейка упала, и Алевтина Андреевна крикнула своим сдавленным голосом:

— Кто там? Это ты, Харитоша?

Она вышла сюда, на кухню, с вязаньем в руках, увидела сидящую на кровати Нину.

— А, это вы?.. Захотели... Ах, пить!

Сунув вязанье под мышку, нацедила из чайника воды, подала кружку Нине. Вода была теплой, невкусной, но Нина выпила ее, ей захотелось чаю — настоящего, с заваркой, — но попросить она стеснялась.

Алевтина Андреевна включила свет, села неподалеку, опять принялась вязать, стала расспрашивать Нину про мужа и когда ей рожать, время от времени поднимала на нее свои выпуклые глаза и снова опускала, считала петли.

— Ванин сказал, что выделит вам домик, — она называла так мужа: «Ванин», — получите карточки, вас прикрепят к военному распределителю, хотя, с другой стороны, в Саратове, вы говорите, у вас родные...

— Родные мужа...

— Ну, это все равно, в таком положении, конечно, лучше быть с родными...

Она говорила и говорила, а Нине казалось, что это в ее горле тугой жесткий комок, и она все глотала, глотала, никак не могла проглотить его.

— Тут вам решать, — заключила Алевтина Андреевна и опять подняла на нее свои выпуклые глаза.

Но Нина ничего сейчас решить не могла, отодвигала это на «потом», а может, думала она, все решится как-то само собой. Она всегда приходила к решениям трудно, ее тяготила необходимость самой делать выбор — даже институт за нее выбрал отец, сказал, что Бауманский — самый лучший, и тогда она отправила документы. Возможно, и сейчас отец пришлет какую-нибудь телеграмму или Рябинин придумает что-нибудь — время, считала, она, у нее еще есть.

14

Они сидели в комнате за большим круглым столом, покрытым розовой скатертью, и покрывало на кровати тоже было розовое, розовый абажур с бахромой висел над столом, от него по комнате разливался розовый свет, он бледнил лица и уютно освещал светлых тонов ковер на стене, и другую стену с портретами вождей, и старинную куклу с закрывающимися глазами, про которую Алевтина Андреевна говорила, что она «заграничная», и которая неизвестно кому принадлежала — Нина уже знала, что детей у Ваниных нет.

Ванин, невысокий седоватый крепыш с румяными щеками, писал за столом какой-то отчет, курил одну за другой папиросы; Алевтина Андреевна молча вязала, а Нина читала книгу — все того же Сенкевича.

Больше недели жила она здесь, на полигоне, так ничего и не решив, все почему-то ждала телеграммы от отца. Как-то Ванин взял ее на машине в город, она заскочила на главпочтамт, но для нее ничего не было, да она особенно и не надеялась: если отец и напишет, то скорее всего на адрес Рябинина, а для письма от Виктора было еще рано. От него она получила единственное письмо перед отъездом из Москвы, письмо было из Молотова, он писал: «Стоило месяц обивать пороги военкомата, чтобы застрять в училище, этак и война кончится, и придется ходить в тыловых «крысах». Тогда она и дала ему телеграмму, чтобы писал в Ташкент, но когда-то еще придет письмо?

Через Ванина Рябинин передал ей, что на всякий случай навел справки — ни в Ташкенте, ни в его окрестностях семьи генерала Нечаева нет. Но Нина и без того знала, что нет, — те ее телеграммы и письмо отца на имя Людмилы Карловны до сих пор лежат на почте невестребованными.

Три раза в день красноармеец Харитон приносил с кухни судки с едой и уносил потом грязную посуду, он же колол дрова и топил печи, не занятая хозяйством Алевтина Андреевна целыми днями вязала, а потом Нина увидела, как она распустила готовый шарфик и начала вязать шапочку, — и поняла, что вяжет она без всякой практической цели, а просто для препровождения времени.

Постепенно Нина привыкла к здешнему размеренному быту и голосу этой женщины, но ее мучило вынужденное безделье и то, что эта женщина сидит тут ради нее; она радовалась, когда Алевтина Андреевна отлучалась в город, принималась наводить порядок, вытирала везде пыль, мыла легкие крашенные полы, намотав на щетку тряпку — сгибаться ей было трудно, — как-то раз хозяйка застала ее за этим занятием, сказала недовольно:

— Ах нет, не стоит, мы это делаем не так...

Но она не объяснила, как именно они делают, а прошла в комнату и, тяжело вздыхая, опять принялась вязать. И все чаще Нина ловила на себе нетерпеливый взгляд ее выпуклых холодных глаз и понимала, что она в тягость этой женщине. Вот и сейчас сидела она с

книгой, скользила глазами поверх строк и думала: ноябрь на исходе и надо что-то решать, а я все тяну...

Нина все время ощущала какие-то враждебные токи, исходящие от Алевтины Андреевны. Она почему-то сразу — еще тогда, когда Алевтина Андреевна вошла в своей шубке и пуховом платке, — почувствовала эту враждебность и прониклась неприязнью к ней. С Ниной и раньше случалось такое. Например, в детстве, Нине было лет одиннадцать, когда (Отец впервые познакомил ее с Людмилой Карловной. Нина пришла к отцу в штаб корпуса — было это в Саратове, — отец стоял рядом с машинисткой, что-то диктовал ей. «А вот моя дочь», — сказал он, увидев Нину, и машинистка протянула ей руку. Нина запомнила серые усмешливые глаза и длинные малиновые ногти. Подумала: как она печатает с такими ногтями? «Людмила Карловна знает немецкий, ты можешь поговорить с ней», — улыбнулся отец. Но Нина молчала. Она еще не знала, что эта женщина войдет к ним в дом, займет место умершей матери, вообще ничего о ней не знала, но у нее сразу вспыхнула острая неприязнь, беспричинная и необъяснимая, и тягостное предчувствие, связанное с этой женщиной. Она стояла молча, смотрела в пол, понимала, что ставит отца в неловкое положение, но ничего поделать с собой не могла. И тогда заговорила Людмила Карловна, спросила по-немецки, как зовут, сколько лет, в каком классе учиться... Нина уже три года занималась с учителем, все понимала и неплохо говорила, но сейчас тупо молчала, так и стояла с опущенными глазами. «Что ж ты, мне стыдно за тебя», — покачал головой отец, и она знала: надо хоть что-нибудь ответить, — но не могла. На нее нашел очередной «столбняк» упрямства — так называл это отец, — она словно бы замирала, и ничто не могло заставить ее проронить слово. «Она стесняется», — извиняюще сказала тогда Людмила Карловна, и отец повторил: «Стесняется» — и потрепал Нину по плечу. Вот и сейчас Нина пыталась переломить себя, заставить проникнуться благодарностью, но ничего не получалось. Ей казалось, что Алевтина Андреевна догадывается о ее чувствах: когда они случайно встречались взглядами, словно обжигались друг о друга, сразу отводили глаза.

15

Оказалось, что в «свой» домик перейти пока нельзя, там надо было перекладывать печь, она внутри завалилась, и Нина осталась у Ваниных.

Днем ее развлекали дела, она убирала, стирала, научилась топить плиту, хотя далось ей это нелегко, раньше никогда топить не приходилось, и первый раз намучилась с этим: дрова были странные, перекрученные и кривые — теперь она знала, что это саксаул, — не лезли в топку и не рубились, а когда она все же втиснула их, не хотели загораться. Но потом она осилила эту науку, стала каждый день сама топить плиту, Харитон приносил дрова, она кипятила чайник, ставила кастрюлю с водой, мыла голову и сама мылась; на полигоне была баня, три дня в неделю были женскими, но теперь мыться в бане она стеснялась. Алевтина Андреевна через день отлучалась в город, навещала городскую квартиру, и Нина любила эти дни, когда оставалась одна. В обед приходил Ваня, Харитон приносил судки, от них вкусно пахло, бока их были в жирных томатных потеках, они садились вдвоем за стол, Ваня — с газетами. Нина разливала борщ, Ваня читал ей военные сводки, они говорили о войне. Нина рассказывала про Москву, про беженцев и объявления на стенах вокзалов... Ваня говорил, что войне долго не бывать, что вот-вот остановят немцев и погонят назад, сказал же Сталин: «Пройдет полгодика, а может, годик...», а после войны непременно организуют специальную газету или службу розыска, чтобы все, кто растерял друг друга, могли найтись... Нине было утешительно все это слушать, она думала: Ваня военный, ему известно то, что неизвестно ей, она заранее радовалась, что разлученные войной соединятся, а сама она вернется в Москву и заживет прежней жизнью, и ждать этого не так уж долго. А пока надо терпеть.

После обеда Ваня укладывался ненадолго на кровать, шуршал газетами и покашливал — совсем как отец, — она вспоминала такой же домик на артополигоне под Саратовом, такую же казенную разбитую мебель с жестяными инвентарными номерами и как мама вечерами брала гитару и пела: «Вот вспыхнуло утро, румянятся воды-ы...»

К вечеру возвращалась Алевтина Андреевна, привозила новости, и все они были невеселыми, иногда — страшными: в городе орудует банда, ограбили женщину, а возле рынка нашли убитого милиционера...

Как он может с ней жить? — думала Нина и опять вспомнила мать с ее праздничным голосом, ее белые блузки, узкие ладони и длинные пальцы, перебиравшие гитарные струны...

Нина набрасывала пальто, выходила на желтое некрашеное крылечко. Снега давно не было, даже не верилось, что когда-то он сыпался с замутненного неба крупными липкими хлопьями, а сейчас небо было чистым, ярким, подсвеченным золотым закатом, в нем плыла одинокая птица, издали доносилась музыка — наверно, играло радио, — и все это: небо, птица, музыка — заполняло Нину беспричинной торжественной радостью, и ей хотелось бесконечно долго стоять здесь, вдыхать колкий воздух с чуть уловимым запахом печного дыма...

Нина вспомнила то лето — ей было десять лет, она с отцом, Линой и пятилетним Никитой жили на полигоне, а мама уехала в деревню отца. Из той поездки она не вернется, но тогда никто этого еще не знал. Отец готовился к маневрам и дома почти не бывал. Перед маневрами сказал ей: «Помогай тут Лине управляться с Никитой, а если маневры пройдут успешно, я подарю тебе часы». Ручные часики в тот год были главной мечтой Нины, но отец говорил: «Рано!» И вдруг — пообещал! Целую неделю потом его не было, не приезжал даже ночью, и Нина знала, что он в поле, на маневрах, изо всех сил старалась помогать Лине, воспитывала Никиту, а это было нелегко. Никита был строптив и упрям, и всякий раз, ложась спать, Нина думала: хоть бы маневры прошли успешно! И вот настал день, когда к их домику, к Самому крыльцу, подкатило несколько машин, из них высыпали военные — в пыли, в выгоревших гимнастерках с пятнами пота на спине и под мышками, среди них Нина не сразу распознала отца — до того все казались одинаковыми. Отец сказал ей глухим севшим голосом, чтоб поторопила Лину с обедом да чтоб побольше на стол арбузов!

Потом она сливала им ковшиком из ведра на крутые заросшие затылки, на шеи с резкой полосой загара, на сметанно белые плечи и спины, ей было смешно, как одинаково вздрагивали они от холодной колодезной воды, как фыркали совсем по-лошадиному, она смеялась, и ей не терпелось спросить, как прошли маневры, но она понимала, что сейчас — не время, все они устали и голодны.

Она помогала Лине доставать из погреба арбузы — огромные, холодные, каждый — в обхват; голые по пояс мужчины встали цепочкой, принимали арбузы, перекидывали из рук в руки до самого крыльца, там забирал их отец, уносил в комнату.

Есть в такую жару они не захотели, а сперва принялись за арбузы, отец каждому дал по ножу, и каждый брал себе арбуз, холодный, в седых капельках росы, с треском взрезал макушку, потом рассекал на доли. Ели жадно, со всхлипами, до ломоты в зубах, с рук и подбородков текло, арбузный медовый запах разлился по комнате, поздние пчелы кружили над столом, Нина смотрела на них, и ей было весело, она чувствовала, как рвется из нее нетерпеливое счастье. Это было ее последнее счастливое лето, но она еще не знала этого, беспричинная радость охватила ее, она забыла и про маневры, и про часы, ей весело было смотреть на отца, как он лукаво подмигивал ей и влажная полоса блестела на его лице от уха до уха.

Наконец, утолив первую, самую жаркую жажду, они закурили, Никитка забрался к отцу на колени, спросил: «Ты стрелял?» Тогда Нина все вспомнила и тоже спросила: «А маневры прошли удачно?» И все засмеялись, а один, круглолицый, со щеточкой коротких усов, сказал: «Гляди; какая у тебя, Нечаев, дочка сознательная!» Отец засмеялся: «Она не от сознательности, я ей часы обещал. — Потом повернулся к Нине. — А насчет маневров спроси вот у товарища...» Он назвал фамилию прославленного героя гражданской войны, о котором складывали легенды и песни.

Нина забыла и про свой вопрос, и про часы, смотрела на этого обыкновенного человека, который ничем не выделялся, сидел за столом, как все, в гимнастерке без ремня и портупеи, и обыкновенно ел арбуз. И тут Никитка вдруг спросил: «А чего ж вы тогда не похожи?» — «На кого?» Никитка сполз с отцовских коленей, побежал в другую комнату, принес книгу, открыл ее, ткнул пальцем в портрет: «А вот и не похожи!» Нина прямо обмерла от такой бестактности брата — как ему не стыдно?! А гость сказал виновато: «А ведь верно, не похож», — и все засмеялись. Они стали передавать друг другу книгу и долго смеялись, а потом «непохожий» герой весело взглянул на отца и сказал: «А часы, Нечаев, ты дочке все-таки гони!»

Потом, когда она выросла и оглядывалась на прошлое, у нее всегда возникало ощущение, что тот день отчеркнул, подвел черту под счастьем ее детства. Может, потому тот день и запомнился.

Сейчас она стояла на крыльце, смотрела вдоль вечерней улицы с рядами одинаковых домиков, и ей померещился запах арбузов.

Но это был просто запах свежего ветра. В низком черном небе висели крупные чистые звезды, она увидела ковш Большой Медведицы — других созвездий не знала, — вспомнила, как Виктор учил ее искать Полярную звезду.

Они долго стояли тогда у общежития на Бригадирском, где жила Нина, и вдруг он сказал: «Пошли ко мне. Ребята у Олега на дне рождения, может, там и заночуют...» От этих слов Нине стало ознобно и страшно, она знала, что пойдет и что там сегодня все у них случится, она понимала, что и он знает это, — не смотрит в ЛИЦО, стоит, курит, прикусывает и рвет мундштук папиросы...

Они поехали в Лефортово, и там она сдала вахтерше свой студенческий билет, вахтерша сказала: «До двадцати трех, не позже!»

Они вошли в комнату с тремя кроватями, Виктор помог ей снять плащ, от смущения стал заводить патефон, поставил какую-то пластинку — кажется, это был Утесов, — спросил: «Есть хочешь?» Она есть не хотела, стала разглядывать книги на этажерке, но это все были учебники, он подошел и обнял ее, стал целовать шею, плечи, запалено выговаривая: «Моя маленькая... Моя беленькая...»

Потом она лежала, потрясенная случившимся, чувствовала под щекой его горячее плечо, он перебирал пальцами ее волосы, целовал их...

«Что будет?.. Что теперь будет?» — билось в ней, кажется, она произнесла это вслух, и он сказал: «Ничего страшного, утром заберу твой студбилет». И оттого, что он не понял ее, она заплакала, уткнувшись ему в шею, он ладонями стирал ее слезы, целовал глаза.

Рано утром он пошел «выручать» студбилет, она ждала его в коридоре. Увидела, как идет он, слегка косолапя, еще издали показывая ей коричневые корочки: «Я ей сказал, что ты моя жена».

В гулком пустом трамвае возвращалась она к себе, стараясь придумать, что сказать девчонкам. Так ничего и не придумала. Девчонки еще спали, только Маруся, завернувшись в одеяло, сидела на кровати. Когда вошла Нина, она ничего не сказала, ни о чем не спросила, только посмотрела на нее и легла, отвернувшись к стене.

...Нина опять запрокинула голову, посмотрела на Полярную звезду — вдруг и он сейчас смотрит на нее?.. Но может, там, в Молотове, небо покрыто тучами, а может, он уже и не в Молотове... Где же он? Что с ним? Как могу я так долго жить без него?

Она пыталась сейчас вспомнить его лицо, ей не удалось, опять виделись отдельные черты — что, если я никогда больше его не увижу?.. Никогда не получу от него письма?

Зачем я здесь, среди чужих людей?.. Почему не еду в Саратов, где его любят и тоскуют по нем так же, как я?.. Где все о нем знают...

Она заплакала, повторяя: «Никогда... Никогда...» Она уже не помнила, откуда выплыло это слово, оно пронзило ее безнадежностью, она плакала, вслушиваясь в его звучание: «Никогда!.. Никогда!..»

И опять ночами она прислушивалась к перестуку колес, задыхалась от махорочного дыма и запаха горелого угля, без конца клацали двери, гулял сквозняк, э соседнем купе кто-то храпел и плакал ребенок. Опять они подолгу стояли на разъездах, их обгоняли эшелоны с платформами, на платформах высились громады неопределенных очертаний, покрытые брезентом в грязных разводах. И навстречу мчались странные, похожие на призраки поезда, обросшие сосульками, заснеженные, с черными окнами, неизвестно, откуда они появлялись и куда исчезали.

Она ехала в Саратов. Все осталось позади: звонки Рябинина, уговоры, настойчивые советы показаться врачу, подготовленный домик с переложенной печью и заново выбеленными комнатками... Все это было уже позади.

Она ехала в Саратов и старалась теперь думать о людях, у которых жила, с теплотой и благодарностью.

Ей казалось, что она движется к концу своих нелепых скитаний. Конечно, не так она мечтала познакомиться с родными Виктора — родителями и сестрой: в июле они собирались прикатить в гости с московскими деликатесами — с апельсинами и шоколадными наборами в разноцветной фольге, с дунайской селедкой, — война перечеркнула мечты и планы, и она едет почти нахлебницей: в сумочке у нее всего сто рублей, ни денежного аттестата от Виктора, ни хлебных карточек и скоро на руках будет ребенок. Но ведь это и их ребенок, их внук, и скоро Виктор вышлет ей аттестат, а отец, конечно же, пришлет денег... Нет, это ее не пугало. Гораздо больше заботила пересадка в Илецке: предстояло вынести вещи, которых не стало меньше, и закомпостировать билет. А еще дать телеграмму-«молнию», чтобы ее встретили.

Синий рассвет сочился в окно, и все за окном казалось синим: снег на земле и на крышах домов, стены пристанционных построек, небо и лица людей на платформах: поезд вяло

тащился к станции Челкар, приостанавливался, трогался рывком и опять шел, лениво стуча колесами.

Топили плохо, у Нины опять мерзли колени, она никак не могла заснуть, дремала и часто вскидывалась, жалили беспокойные мысли, и главная — о пересадке. Она пыталась думать о приятном — как приедет и ее встретят, как они узнают друг друга... И как потом поедут через город, который она почти совсем забыла... Это был город ее детства, отец здесь служил, она училась тут со второго по седьмой класс, нигде так долго они не жили, и Нина всегда думала о Саратове, как о своей маленькой родине, другой у нее не было. Она родилась на дорогах гражданской войны, где-то под Владивостоком, ее увезли оттуда двухлетней, больше она там не бывала. Все самое значительное, главное в ее детстве случилось тут, в Саратове, здесь оставались подруги — Ира Дрягина и Лида Лаврентьева, по-школьному Лавро, и Нина знала, что Лавро — в Ленинграде, учится в университете, а Ира — в Саратовском сельхозинституте, так что они вполне могут встретиться. Нина пыталась вспомнить, где эта улица со странным названием «Бабушкин взвоз», на которой живет Ира, представила себе горбатую крутую улицу, с которой катились они на санках до самой Волги, но где она находится, так и не вспомнила.

За окном посветлело, поезд дернулся раз-другой и остановился. Пассажиры с чемоданами, корзинами и узлами забили проход, и Нина долго ждала, пока проход освободится, ей надо было в туалет, но проводника в вагоне уже не было, он разговаривал с кем-то на перроне. Нина сунула в сумочку мыльницу и тоже спустилась на перрон.

Проводник не знал, сколько будут стоять, но полагал, что долго.

— Вон сколько их тут накопилось! Сперва энтот на Москву отойдет, потом энтот на Ташкент, а уже после мы...

На Москву! Он сказал, на Москву! Ее прямо жаром обдало от мысли, что вот этот самый обыкновенный поезд через несколько дней будет в Москве. Из окон смотрели пассажиры — счастливые, они едут в Москву! И ей захотелось вдруг в Москву, сама не знала почему, ведь сейчас у нее там никого не было, но, может, отец все еще в Москве, вдруг и Виктор там, ведь все дороги ведут через Москву!

— Барышня, надолго не пропадайте! — крикнул вдогонку проводник.

Чтобы попасть в пристанционный туалет, ей надо было перелезть через два состава, и первым стоял тот, московский. Она уже научилась лазить через поезда и сейчас, с трудом преодолев высокую подножку, оказалась в тамбуре, даже постояла там, как бы примериваясь к мысли: вот бы остаться! Открылась дверь, вышел военный, Нина увидела, что в вагоне одни военные, четверо играли на чемодане в карты. Тот, что вышел, посмотрел на Нину, разминая папиросу, закурил.

Она спустилась с другой стороны вагона, потом с таким же трудом перелезла через второй поезд — на Ташкент — и оказалась на перроне перед небольшим розовым вокзалом с обвалившейся местами штукатуркой; бросались в глаза две длинные стрелы вразлет под самой крышей: налево — «Камера хранения», направо — «Туалет».

Она пошла направо, выстояла длинную очередь, здесь было много детей, они плакали, гулко, как в бане, плыли звуки, запах хлорки разъедал глаза, старая женщина чесала густым гребешком девочке волосы, била на гребешке вшей, смывала под краном... Нину стало тошнить, она старалась не смотреть ни на что, но это было трудно, и она часто выбегала, чтобы отдышаться, опять возвращалась в едкие пары хлорки.

Ей удалось умыться режущей холодной водой с мылом, она сразу почувствовала себя лучше, хотела еще расплести косу и расчесать волосы — от самого Ташкента не расчесывала, — но это было долго, и она не стала.

Ни один поезд пока не уехал, и ей опять предстояло перелезть через составы, она видела, как некоторые женщины ныряли под вагоны между колесами и сразу оказывались на той стороне, но сама так боялась. Не того, что поезд тронется и задавит, боялась она, а сумрачной глубины под колесами — в ней с самого детства жил страх перед глубинами, подвалами, пещерами; Виктор, смеясь, говорил, что, наверно, когда-то ее далекого предка поймали в пещере враги...

Она зажала в кулаках по клочку газеты, чтоб не пачкать руки, ухватила за поручни, влезла в тамбур ташкентского поезда. Постояла немного, чтобы отдышаться, и уже двинулась ко второй двери, но тут кто-то крикнул:

— Ниночка!

Она была уверена, что кричат не ей, но все-таки обернулась, увидела серое лицо под мятыми полями шляпы, протянутые к ней вздрагивающие руки.

— Ниночка, деточка!

Она рванулась навстречу и прямо упала в эти бессильные руки.

— Лев Михайлович... Лев Михайлович... — Оторвалась, посмотрела на него и опять припала к его пропахшему дымом пальто, заплакала — и от радости, что встретились, и

оттого, как сильно он изменился за эти две недели. (Неужели только две недели? Ей казалось, что прошла вечность!) Как усохло, потемнело его лицо, тени обметали глаза, как будто он долго и сильно болел.

— Ну-ну, деточка, не надо плакать, мы встретились, это дар судьбы... — Он постукивал ладонью по ее спине, как будто баюкал. — Я увидел вас из окна и сразу узнал...

Он рассказал, что и в самом деле болел, в Пензе лежал в больнице, а теперь вот опять добирается в Ташкент, все к той же племяннице...

Господи, зачем ему Ташкент и та племянница? Может, ее вовсе и нет! Ах, если б могла она взять его с собой в Саратов — он сейчас был ей дороже и ближе всех.

Но она ехала в дом, который пока что был ей чужим.

— Вы достали продукты?

— Много ли мне, старику, надо? — уклончиво ответил он и поднял палец. — Подождите меня секундочку, только не уходите!

Он исчез в вагоне и тут же появился опять, подал ей большое красное яблоко.

— Прошу, вам полезно...

Она поняла, что надо взять, и тут же, при нем, стала есть, он смотрел, как она ест, и просветленно улыбался.

Нина уже поняла, что никаких продуктов у него нет, может, и было единственное яблоко, и сейчас старалась сообразить, как бы заманить его к себе и накормить.

— Вы не боитесь отстать? Проводите меня.

Он оживился, суетливо слез с подножки, подал ей руку, на московский поезд забираться не стал, а посмотрел вправо-влево, обходить было далеко и, ухватив Нину за руку, полез под вагон. Нина вцепилась в его пальцы, старалась не смотреть вверх, на нависающую громаду, они вылезли с другой стороны и оказались как раз напротив Нининого шестого вагона.

Проводник стоял у вагона, он посмотрел на старика и на Нину, в глазах его был удивленный вопрос. Нина ничего объяснить не стала, взяла Льва Михайловича под руку, повела к подножке. Сказала торжественно:

— Я приглашаю вас в гости!

17

В купе никого не было, она открыла чемоданчик с продуктами — при нем, чтобы он увидел, как много у нее всего, — достала хлеб, сыр, ветчину, баночку с огурцами, передавала ему, он складывал всё на столик.

Они сидели вдвоем», Нина разворачивала пакеты, резала высокий пышный хлеб и рассказывала ему про себя, как в Ташкенте родных не оказалось и она теперь едет в Саратов, в семью мужа.

Он печально слушал, качая головой.

— Ах, деточка, напрасно вы... В вашем-то положении пускаться одной в дорогу... Надо было остаться там.

Он совсем расстроился, когда узнал, что ей предстоит пересадка, и даже есть не стал, пошел по вагону искать ей попутчиков. В шестом вагоне до Саратова никто не ехал, и он пошел дальше, его долго не было, и Нина уже стала беспокоиться, что он не успеет поесть, что его поезд может тронуться и она вообще его больше не увидит. Московский уже шел, и в окно она видела, как ташкентский дернулся колесами и замер, значит, прицепили паровоз. Она все время смотрела в окно, наконец увидела Льва Михайловича, он шел с каким-то военным, военный чуть впереди, и Лев Михайлович, изломившись в поясе, что-то говорил ему, плавно жестикулируя, в руках его была свернутая трубочкой газета.

Когда они вошли в купе, он сказал:

— Вот, Ниночка, военинженер, он ваш попутчик до Саратова и любезно согласился...

Немолодой, сутуловатый военинженер посмотрел на нее, как-то неопределенно дернул головой. Нина пригласила их завтракать, ей неловко было спросить, как это «любезно согласился» будет выглядеть практически, но попутчик обстоятельно и по-деловому объяснил, что едет в девятом вагоне, в Илецке придет к ней в купе, поможет вынести вещи, так что пусть она без него с места не трогается.

От завтрака он отказался, ушел, сутуля свои покатые плечи, а Нина посмотрела на Льва Михайловича — вот он, ее добрый гений, опять кому-то поручил ее, выстроил защитную стенку которой она может прислониться. Но она ничего не сказала ему, просто смотрела, и он под таким ее взглядом смутился, стоял, опершись локтем на верхнюю полку, постукивал по ее ребру свернутой газетой.

— Оказывается, Ростов вторично был в руках у немцев, хотя об этом не сообщалось... — Он развернул газету. — Вот здесь пишут о том, что наши войска взяли Ростов, Сталин послал Тимошенко приветствие...

Он посмотрел на Нину, она готовила бутерброды, мазала маслом хлеб.

— Возможно, тут поворот войне, и судьба повернется наконец к нам светлым ликом, достаточно она нас испытывала...

Он говорил много и витиевато, она подумала, что это, наверно, от смущения, может быть, давно уже не, видел он всего того, чем собиралась его угощать.

Она пригласила его к столу, он сел рядом с ней, и она опять почувствовала, как от пальто его пахнет дымом и больницей.

Ел он мало, деликатно, как будто лишь пробовал одно-другое, движения его были изящны, несуетливы, он брал ломтик сухой колбасы, поджигая мизинец, подносил ко рту, улыбаясь, откусывал с самого краешка и держал на весу в тонких, округло согнутых пальцах. Рядом, на сиденье, лежала его шляпа с мятыми полями, и сейчас, без шляпы, лицо его выглядело значительным, жалкость исчезла, он был похож на аристократа с хорошими манерами — таких показывают в кино и спектаклях. И опять она подумала, что вот война вырвала его из умной, значительной жизни, сделала скитальцем и неизвестно, вернется ли он когда-нибудь в свою прежнюю жизнь.

— Так я и не рассказал вам об эсперанто...

— Красивое слово «эсперанто».

— В буквальном переводе оно означает «надеющийся», это язык надежды, и, уверяю вас, у этого искусственно созданного языка есть будущее.

Он что-то говорил, объяснял ей, выписывал пальцем в воздухе то ли буквы, то ли фигуры, видно было, что он давно не ел досыта и теперь слегка опьянел от еды, глаза у него блестели и побелел кончик носа, и она подумала, что в молодости, наверно, он был очень красив.

— Ля бильдо пендас сур ля муро — слышите, как звучит?

— ...сур ля муро, — повторила она.

— Это всего-навсего: «картина висит на стене»...

Ей было жаль, что фраза оказалась будничной, она звучала так, словно в ней зашифровано признание в любви.

Да, в молодости он был красив; но главное не это. Он добр, а доброта выше красоты.

Он еще что-то говорил, а она, оторвав кусок газеты, взглянула в окно и стала заворачивать многоэтажные бутерброды. Он заметил это, встал, поклонился, взял свою шляпу и сказал, что ему пора.

Она тоже встала и, прихватив сверток, вышла с ним из вагона. Они подошли к ташкентскому поезду, она протянула ему сверток и сказала:

— Если вы не возьмете, я сейчас заплачу.

Помявшись, он принял из ее рук этот сверток, вздохнул.

— Боже, я впадаю в ничтожество...

Она улыбнулась:

— Сур ля муро...

— Сур ля муро, дорогая.

Она взяла его узкую суховатую ладонь, прижала к щеке, ей захотелось сказать ему на прощание что-то хорошее, теплое, но она не умела. Как часто тихие, согревающие слова бились в ней, душили ее, но она стеснялась произносить их вслух.

— Мне пора, — опять сказал он и поднялся на подножку.

— Напишите мне в Саратов! — крикнула она.

— Непременно. Я помню: Нечаяева Нина Васильевна.

Поезд дернулся, медленно провернулись колеса, он влез на площадку и обернулся к ней. Она шла рядом, они смотрели друг на друга испуганными, полными отчаянья глазами и знали, что расстаются навсегда. Две песчинки в людском море, два потерявшихся в войне существа, они все еще тянулись друг к другу, но им, бездомным, некуда было друг друга позвать.

Она в последний раз увидела, как он поднял руку, прощально взмахнул ладонью, ей показалось, что он перекрестил ее, хотелось что-то крикнуть ему, самое главное и последнее, но все уже было поздно, они расстались навсегда.

В Илецк прибыли ночью. Проводник обещал разбудить, но Нина так и не уснула, и, едва остановился поезд, она поднялась, обулась, кое-как обернула вокруг головы растрепавшуюся косу, натянула шапочку и стала ждать. Мелкие вещи собрала еще вечером, а главный багаж был наверху, самой ей не снять, и она сидела, нервно поезживаясь, ждала, когда придет попутчик.

Она не знала, сколько простоит тут поезд, и проводник не знал, они опять выбились из расписания, и Нине уже казалось, что стоят долго, а того инженера почему-то нет, может, он вообще забыл про нее.

В купе было темно, все спали, сейчас, на остановке, ощутимо сгущался несвежий воздух со стойким чесночным запахом, Нина вышла в коридор, стояла сжав руки, чувствуя, как от волнения заболел низ живота и стало тошнить.

В вагон садились пассажиры, протискивались боком в узком полуосвещенном коридоре — женщина с корзиной, с ней мальчик, два железнодорожника, потом старик и милиционер, Нина тоже стояла боком, она всем мешала, но не уходила, боялась, что не узнает своего попутчика, она совсем не помнила его. Но вот опять железно клацнула дверь, по ногам пошел холод, двое военных быстро пошли по коридору, всматриваясь в номера купе. Нине хотелось крикнуть: «Я здесь», но она только подняла руку и, чувствуя, что от волнения задыхается, потрясла ладонью.

— Кажется, здесь, сказал один, прищуренно всматриваясь в Нину, и она сразу узнала его по сутулой спине и острому, как бы сдавленному с боков лицу.

Оба вошли в купе, и второй — он был моложе и выше — влез своими ногами-циркулями на нижние полки, снял ее чемоданы и тюк в ремнях, вынес в коридор.

На перроне было холодно, задувал сбоку ветер, Нина вертела головой, искала старичка-проводника, чтобы с ним попрощаться, но его нигде не было. Они быстро пошли к вокзальчику, перешагивая через высокие рельсы: впереди военинженер с двумя чемоданами — Нининым и своим, — он шагал крупно, пружинно, полы его, шинели отлетали назад, о бедро билась полевая сумка; за ним вразвалочку — по-гусиному выбрасывая ноги, шел второй, нес остальные вещи Нины и свой вещмешок, он тоже был в шинели, но без знаков различия; сзади семенила Нина с мелкими вещами и сумочкой, она все время оглядывалась назад, на свой нагон, ей казалось, что-то она забыла, и опять глазами пересчитывала багаж.

В вокзале было холодно, тесно, пахло карболкой, слепой свет лампочек тонул в слоях папиросного дыма, всюду — на сиденьях и прямо на грязном полу — вповалку спали люди, плакали дети... Нина огляделась, увидела у стены девочку, та сидела на толстой красной подушке, а рядом на деревянном чемодане — старик. На коленях у него на грязном вафельном полотенце были разложены коричневые яйца и головки лука, они ели.

Попутчики Нины протиснулись к старику, пристроили рядом вещи, сказали Нине, чтоб ждала тут, и ушли. Она смотрела им вслед и думала: если не вернутся, я тут погибну.

Она вдруг поняла, что боится вокзалов, чужих городов, этих терпеливых несчастных людей, которые куда-то едут, боится самой этой теперешней жизни, сложной, трудной, запутанной... И как боится она остаться наедине с этой, жизнью, как хочется вручить себя кому-то, чтоб уж ничего самой не решать, никуда не пробиваться...

Но они, конечно же, вернутся — вон рядом с ее вещами — чемоданчик военинженера и вещмешок того, другого.

— Яичка хотишь?

Она не сразу поняла, что это ей протягивает старик яйцо. Смотрит на нее снизу водянистыми глазами, жует, в бороде его запутались желтые яичные крошки.

— Нет, спасибо, я не хочу...

От дыма щипало глаза, она подумала, что лучше бы остаться на улице, и ведь неизвестно, как долго придется стоять тут.

Хныкала девочка, просила пить, старик не обращал на нее внимания, крепкими зубами с хрустом откусывал от луковицы, заедал хлебом, лицо его выражало покорное терпение и усталость. Потом он завернул еду в полотенце, убрал в плоскую кошелку, взглянул на Нину раз и другой, она поняла, что сейчас он заговорит. Для начала спросил, далеко ли она едет, а потом стал рассказывать про себя — с внучкой вторую неделю в дороге, пробираются в Стерлитамак, а здесь застряли, третий день нет билетов.

Нина подумала, что он ждет от нее какой-то практической помощи или совета, но что могла она? Пролепетала что-то насчет комнаты матери и ребенка, но старик с тем же покорным терпением покачал головой:

— Да теперь все с ребенками едут, знаешь, сколько тех комнат надо?

Вернулись попутчики, они узнали, что на Саратов компостировать начнут не раньше пяти утра, и теперь надо перебраться поближе к воинским кассам. Где-то они раздобыли четыре

бутылки крем-сода, передали Нине, она отдала одну старику для девочки, которая все еще ныла, хотела пить и спать, остальные сунула в сумку с едой.

Они пошли, пробираясь между спящими, а то и перешагивая через них — ступить было некуда, — выбрались из зала ожидания в коридор, инженер сказал:

— На всякий случай меня зовут Игнат Петрович, и скажу, что вы моя жена.

Но в воинский зал их пустили сразу, ничего объяснять не пришлось, здесь тоже было холодно и тесно, на скамейках с откидными фанерными сиденьями так же сидя спали военные, а у единственного открытого кассового окошка стояла толпа.

Игнат Петрович нашел для Нины место, усадил ее; взял у нее билет, пошел к кассе, а красноармейца, — его звали Веней — куда-то услали.

Нина сидела, расстегнув на животе пальто, у нее опять заныло внизу, тянуло прилечь, но было негде, надо потерпеть. Она вспомнила покорное лицо старика и подумала: неужели человек живёт только для того, чтобы в конце жизни научиться покорности и терпению? Но для этого стоит ли родиться? Ей всегда твердили, что жизнь — это борьба и обязательная, победа. Но с кем же бороться тому старику и той девочке? Кого побеждать? И с кем бороться мне? А главное, как бороться? Сейчас она понимала, как мало смысла в тех общих словах, а делам ее не учили. Ее учили рассчитывать консоли и фермы, брать интегралы, читать со словарем английский и немецкий текст... Господи, сколько она помнит себя, все время учиться! А самого главного не умеет — жить!

В груди у нее сделалось мягко и слабо, стало жаль себя, она испугалась, что заплачет сейчас, откинулась на жесткую спинку, закрыла глаза. Как мне плохо, как плохо, мысленно твердила она, я не могу, не умею терпеть и не понимаю, зачем терпеть? В этом нет смысла. Она чувствовала свое тяжелое неуклюжее тело, из-за которого оказалась на этой станции, в этой бессмысленной толчее — зачем? Ведь оттого, что ей плохо, никому не становится лучше, какой же смысл в том, что она сидит вот тут, поджимая замерзшие ноги, придерживая руками живот, который болит все сильнее?

— ...Уснули?

Она открыла глаза. Игнат Петрович, держа на весу билеты, что-то говорил ей, она не понимала что.

— Наш Веня пошел на разведку.

Он протянул ей билет, она сунула его в сумочку, сидела, стараясь не двигаться и не разбудить задремавшую боль, а Игнат Петрович стоял, вытянув шею, смотрел на дверь. Вернувшийся «из разведки» красноармеец сказал, что поезд подадут не раньше девяти, но состав стоит в тупике. Он вытащил из кармана ключ, которым открывают двери вагонов, выразительно повертел им.

— Так и сделаем, — кивнул Игнат Петрович, — у меня беременная жена, не торчать же тут...

Он засмеялся, они подхватили вещи и опять пошли, лавируя между рядами диванов и скамеек, выбрались на перрон, пересекли путаницу рельсов, потом опять долго шли и оказались перед длинным составом из одинаковых грязно-зеленых вагонов с наглухо закрытыми дверями. Тут Нина вспомнила, что хотела дать телеграмму в Саратов, Игнат Петрович сказал:

— Время есть, устроимся, Веня сгоняет на телеграф.

Они нашли восьмой вагон, Веня вытащил ключ, открыл дверь, победно оглянулся. Они пропустили вперед ину, потом втащили вещи и пошли по слабо освещенному вагону. В нем было уже полно пассажиров, в основном, моряков, почти все спали, укрывшись шинелями, здесь было жарко натоплено, парко.

— Мирово! — сказал Веня — Выходит, не мы одни такие умные...

Нине казалось, что идут они невероятно долго, тянуло в сон, ноги ослабели, сделались какими-то жидкими в коленях, ей показалось, что вот сейчас она упадет. Ухватившись за стояк, подпирающий полку, она отдохнула немного и медленно пошла, перехватываясь руками за поручни и стояки. Подумала: не может быть, у меня в запасе еще дней десять.

— Купейных не было, — виновато сказал Игнат Петрович, когда они нашли свои места. Но Нине было все безразлично, она не села, а упала на свою полку, завозилась в сумочке, вырвала из записной книжки листок, написала текст и адрес, подала Вене вместе с деньгами.

— Срочную... А лучше — «молнию»...

Потом сняла пальто, бросила на ноги и легла, подмостив под голову сумочку. Сразу стало хорошо, тело сделалось легким, невесомым, сейчас она его не ощущала, вроде никакого тела у нее и не было. Вот. и все, конец скитаниям, подумала она, даже не верилось, что через каких-то два дня она будет в Саратове.

Вдруг подумала, что ведь это город не только ее детства, но и Виктора, и он тогда тоже жил в этом городе, они могли учиться в одной школе, ходить по одной улице и не знать, что в

будущем судьба соединит их. Она поплыла куда-то легко, невесомо, словно кто-то нес ее на руках, осторожно и ласково, и в ней звучало отчетливо и счастливо: «Все будет хорошо... Все будет хорошо...»

Нина не поняла, отчего проснулась, было еще темно или уже темно, она не знала, опять ныло в животе, и она поднялась, пошла в туалет. В коридоре подслеповато горели редкие лампочки, она посмотрела на свои часики, было пять, было пять, пять утра или вечера. Поезд шел быстро, качался вагон, ее бросало от стенки к стенке, она чувствовала, как дрожит под ногами пол.

Возвращаясь, опять взглянула на часы, они показывали ровно пяти, и она поняла, что часы стоят. Все спали, спросить было не у кого, да и к чему ей время, она снова легла и постаралась уснуть, но не удалось. Во всем теле чувствовалась не то чтобы боль, а странная дисгармония, все разладилось, сдвинулось, опять тело отяжелело, она старалась устроиться на полке поудобнее, но не получалось.

Она закрыла глаза, заставляла себя думать о чем-нибудь хорошее, спокойном как приедет в Саратов и ее встретят, наверно, телеграмму уже получили. — но вдруг боль пронзила поясницу и точно остро запульсировала вниз. Нина зажала рукой рот, чтобы не стонать, уткнулась в шапочку и опять уловила исчезнувший запах духов, но это уже было сейчас ненужным, ни о чем не напоминало и не отвлекло ее.

Лежала, боясь шевельнуться, старалась вспомнить, что могла съесть несвежего, отчего это разболелся живот. Во рту запеклось, хотелось пить, она вспомнила, что где-то есть бутылка крем-сода, но боялась встать, ей казалось, что если сейчас она сможет заснуть, то все успокоится и пройдет.

Она пригелась и задремала было, но вдруг новый приступ боли потряс — ее, боль перекатилась с поясницы на живот, все в ней напряглось и замерло.

Нет, нет, у меня же еще десять дней... Ну пусть девять.

Тихо постанывая, Нина встала, держась за перегородки, поплелась в туалет. Ей стало страшно от одиночества, она постучалась в служебное купе, долго никто не открывал, и она, преодолевая слабость, стучала еще и еще. Наконец откатилась дверь, на пороге встала пожилая проводница с хмурым мятым лицом.

— Нет ли у вас чего-нибудь от желудка?

Проводница смотрела бессмысленными глазами.

Заправила за ухо прядь волос, зевнула.

— Чего надо-то, не пойму.

Нина часто задышала, испарина выступила на лице, она знала, что сейчас накатит новая волна боли.

— От желудка... Может, таблетки... — И тут охнула, обняв живот, села прямо на пол.

Проводница подхватила ее, волоком протаскала к себе.

— О господи-святители, ты не рожать ли наладилась? Пойти мужика твоего разбудить...

Сквозь боль и темноту в глазах Нина пыталась выдавить из себя несколько слов, объяснить, что с нею вовсе не муж и будить его не надо, а живот болит от желудка, что-то съела... Но так ничего и не сказала, через стиснутые зубы не вырвалось ни одного слова.

— О господи-святители, — хлопотала проводница, стараясь уложить Нину на своей полке. Но Нина, как ванька-встанька, тут же опять садилась, так ей было легче.

Проводница куда-то исчезла и опять вернулась, из-за плеча ее выглянуло испуганное лицо Игната Петровича.

— Вам плохо? — хрипло спросил он, она не ответила, сидела, откинув голову, опершись руками на полку, и вся ушла в боль. И опять как тогда, в кабинете Рябинина, начались провалы и пропуски в сознании: черные ямы, заполненные болью. Она увидела старуху, сверху падал желтый свет, старуха ощупывала ее живот, зачем-то измеряла его пальцами — Нине казалось, что все это ей снится: старуха в платке, сухие холодные пальцы и этот желтый колкий свет... До нее долетали отдельные слова, она никак не могла сложить их в фразу и понять смысл. И вдруг услышала:

— Роды... Это роды.

Какие роды, о чем она? У меня ж еще в запасе десять дней... Ну девять.

Они что-то делали с ее телом, она отбивалась руками и все норовила встать, пойти в туалет, старуха и проводница ее не пускали.

— Ты что, в унитаз хочешь родить? Раз фельдшерица говорит, что роды, значит, роды!

— Нет... — простонала Нина, — мне рано... Это расстройство...

Но ее опять обволокло болью, она тихо стонала, раскачивалась, ожидая облегчения, уже знала, что за приступом боли обязательно придет облегчение, и тогда она отдохнет и все им объяснит.

Потом в память вошло и застряло там странное слово:

— Аксай.

Слово было бессмысленным, оно ничего не выражало и не объясняло, но его почему-то повторяли:

— Аксай... Но в Аксае мы не стоим...

— И опять:

— Аксай... Только минуту.

Боль отпустила, Нина старалась быстрее отдохнуть, уйти в сон, но мучило непонятное слово, в нем была тревога. Она открыла глаза, и спросила:

— Аксай — это что?

Фельдшерица пригнулась к ней, и она увидела темное в морщинах лицо с острыми скулами.

— Ак-сай... — медленно повторила Нина сухим спекшимся голосом.

Проводница стояла в дверях и все время выглядывала в коридор.

— До Уральска она не дотянет, — сказала фельдшерица. — Надо снимать в Аксае.

Проводница опять выглянула в коридор:

— Да ейный кавалер побежал к начальнику поезда.

— Надо снимать, — повторила фельдшер.

— Не надо, — слабым голосом попросила Нина. — Я в Саратов хочу дайте мне таблетки...

Она обняла себя руками и заплакала от безнадёжности; все напрасно, они ее не слушают, с ней не хотят говорить, они сделают по-своему, и это будет несправедливо...

И снова ее сковало горячей обливной болью, она задавила крик, вырвался тихий протяжный стон, фельдшерица промокнула ей лоб марлей, поднесла ватку с остро бьющим запахом нашатыря. Что же это такое, мучилась Нина, не могла природа так жестоко обойтись с женщиной, никто бы не согласился рожать, эти муки нечеловеческие, а они говорят, роды... Ну и пусть, пусть, наверно, я умираю, покорно думала она.

Время для нее не существовало, она не знала, день ли сейчас или ночь, и не понимала, что с ней делают, почему толпится так много людей, ее подняли, одели и повели, поддерживая с двух сторон, а она, когда боль простреливала её, все норовила опуститься на пол, висла на чужих руках, чернота занавешивала лица людей, но один раз она узнала Игната Петровича и удивилась, что он не защитил ее, позволяет этим людям делать с ней что-то непонятное... Игнат Петрович шел впереди и все оглядывался, смотрел жалко, потерянно, и она покорила воле всех этих людей. Кто-то подхватил ее сильными руками, снял со ступеней и повел к маленькой желтой станции, там уже стояли вещи, ее посадили на чемодан. Опять возникло перед ней лицо Игната Петровича:

— Вы извините, мне надо ехать, я не могу остаться.

Она смотрела, как страдает его лицо и как изо рта вылетают колечки пара, а потом заскрипел под ногами снег, старуха-фельдшер сказала женщине с желтым свернутым флажком:

— Вы ответственные, я запишу вашу фамилию!

Под ее ногами тоже захрустел снег, она побежала к вагону, и Нина, прижав сумочку, смотрела, как тихо стронулся и пошел поезд, набирая скорость, изогнулся в хвосте и превратился в черточку.

Где-то кричали, урчала машина, кто-то бил в колокол, с неба сыпалась снежная пыль, она сидела, покачиваясь, на чемодане, отгороженная болью от звуков мира, и ни о чем не думала, ни о чем уже не жалела.

Сквозь сон Нина слышала голоса, чувствовала, как суют ей под мышку градусник, но просыпаться не хотелось, так блаженно было лежать, не чувствуя никакой боли в маленьком воздушно-слабом теле. Смутно помнилось, как привезли ее сюда, в эту больницу, в тесном холодном вестибюле встретила нянечка, запали в память пальто и белая полоска халата и как нянечка, закинув себе на шею ее руку, повела по лесенке, приговаривая:

— Ничего, ничего, дыши глубже, мамочка...

Кто же это «мамочка», удивилась тогда Нина, а потом поняла: да ведь это она мне — «мамочка»... Потом — маленькая палата, там кричала женщина низким звериным голосом,

а Нина думала: как не стыдно, нельзя же так, как животное, надо терпеть... Потом женщину увели, а Нина прилегла и задремала. Боль ушла и не возвращалась, и Нина мысленно упрекнула тех людей, в вагоне: я же говорила, а они не поверили... Решила дожидаться утра и уйти на станцию, первым же проходящим поездом уехать в Саратов. Но в полночь началась новая волна схваток, боль разрывала ее на части и уже не давала передышки, Нина каталась по кровати, стонала и вдруг длинно протяжно завывала, не узнавая себя и своего голоса. И тогда кто-то крикнул:

— Клава, давай ее на стол!

Сейчас, освобожденная от боли, она думала с удивлением: значит, все женщины так страдают? И моя мать страдала, и Людмила Карловна, и все- все. И мир знает об этих нечеловеческих муках и не стоит перед женщинами на коленях, не просит прощения за то, что заставляет страдать? В этом заключалась какая-то изначальная несправедливость, но сейчас она думала обо всем этом легко и счастливо, без обиды и горечи; потрясенное пережитой болью сознание сейчас заставляло вбирать в себя радость — беспричинную, вызванную лишь отсутствием боли. Сейчас она знала, что мир хорош, хотелось посмотреть в окно, чтобы увидеть этот прекрасный мир и людей, но ей велели лежать на спине, она видела только белый потолок с лепным кругом в середине и свисавший из него шнур с матовым плафоном. И этот круг и шар были красивы, совершенны цветом и формой, а еще она видела верх застекленной двери и знала, что там, за этой дверью, идет прекрасная и таинственная жизнь.

— Кто тут мамочка Нечаева?

Нина скосила глаза и увидела румяную толстушку в халате и марлевой косынке. Отчего-то испугалась, подумала, что вот сейчас ее заберут отсюда и опять станут с ней что-то делать. Она подняла слабую руку, и женщина подошла, села к ней на кровать.

— Это вас сняли с поезда?.. Значит, карточек у вас нет. — Она похлопала Нину по руке. — Ну ладно, эту сняли с поезда, а вы-то, мамочка, куда свои подевали, а?.. Одна потеряла, у другой пропали, третья не захватила и принести некому... Вы не меня, мамочки, вы государство обманываете!

Она опять потрепала Нину по руке, потом встала и вышла, и в палате сразу загомонили женщины.

— Как же, разбежалась я ей карточку сдавать! На пайковом хлебе, что ли, она рожу себе такую наела?

Другой голос, молодой и звонкий, добавил:

— Главное, все у нее обманщики, а я правда потеряла, из магазина шла, как схватило меня на улице, я и не помню, куда положила...

Нина никого не видела, ее кровать стояла у двери, и что происходило там, у окна, не знала и палату всю целиком не видела, только по голосам определила, что, кроме нее, в палате еще двое. Судя по голосам, одна уже в годах, молодая называла ее Ксенией Ивановной, у нее выходило слитно: Ксениванна. Молодую звали Леля, в голосе ее была какая-то певучая протяженность, от этого постоянно казалось, что она вот-вот заплачет.

Они разговаривали о жизни, о мужьях, Леля жаловалась на свекровь, все ей не так, поедом ест, раньше-то муж заступался, а теперь некому... У Ксениванны, поняла Нина, уже трое детей, четвертого она не хотела, муж уговорил.

— Я как чуяла беду, к бабке пошла, а он узнал, догнал меня, назад поволол. «Рожай» да «рожай»! Что, мол, не прокормим, что ли? Плохо ли, мат, четверо — мы помрем, а у них вон какая родня останется! Ну уговорил, а теперь что? На войне с первого дня, а если, не дай бог, убьют, что я с этой оравой буду делать?

Зачем она про это, думала Нина. Зачем про то, что убьют? Нельзя, не надо.

Распахнулась дверь, медсестра в марлевой маске внесла два белых свертка — на каждой руке по одному, — толчком ноги закрыла дверь:

— Ну, выбирайте, который чей. — Поверх маски лукаво улыбались ее глаза.

И Нина вскинулась было, она вспомнила о своем ребенке, о сыне, — как я забыла о нем! Как не подумала ни разу! Ведь он есть, есть...

Багровые от натуги младенческие личики выглядели одинаково, новорожденные кричали, как заведенные, тонкими, какими-то механическими голосами, жадно ловили ротиками края пеленок... Нина опять приподнялась на локтях, пытаясь угадать, который же её сын, но подлетела Леля, схватила своего, а второго медсестра понесла Ксениванне. Нина опять прилегла, от волнения у нее пересохло горло. Но она знала, что сейчас принесут и его, на ощупь оправила простыни, пригладила ладонями волосы — как будто боялась не понравиться будущему сыну. Почему «будущему»? — тут же улыбнулась она, ведь он уже есть! И как она могла все утро не вспомнить о нем, словно мучилась и страдала впустую, от какой-то болезни! Вчера — или это было сегодня? — она не разглядела его, ей сказали, что сын, что-то делали с ним, он орал басовито, хотелось крикнуть, чтоб не мучили его, но не

хватило сил, и, кажется, она прямо там и уснула, а очнувшись уже в палате и обо всем забыла. Ребенок еще не играл никакой роли в ее жизни, она думала о нем отвлеченно, как о ребенке вообще, не ощущая своей к нему кровной причастности, и это пугало: что же это такое, выходит, я не люблю его? Она слышала и читала, что мать начинает любить свое дитя еще до его появления на свет, а она даже Забыла о нем...

Она поглядела на свои руки с грубо обрезанными ногтями в пятнах йода и стала ждать. Слушала, как там, захлебываясь, сосут младенцы, Леля воркует что-то, а Ксениванна ворчит: — Ну-ну, я те укушу, я те укушу, баловница...

Нина потрогала свои маленькие пустые груди, подумала: как же я его буду кормить, чем? Медсестры все не было, и Нина прислушивалась к тому, что происходит там, за дверью. Почему не несут? Что с ним? Почему ничего ей не говорят? Она все ждала, напряженно поглядывая на дверь, и вдруг дверь расплылась в слепящее пятно, по вискам скатились тихие слезы. С ним что-то случилось, и от нее скрывают. Это я виновата, все мои переезды, переживания, болезнь, он не выдержал...

Она пальцами смахивала слезы и растревляла себя мыслями о том, что, может быть, и Виктора никогда больше не увидит, ведь его тоже могут убить, у нее не будет ни мужа, ни ребенка — никакого следа от прожитого, как будто и не жила эти девятнадцать лет! Она неосторожно всхлипнула, тут же скрипнула невидимая кровать, это Леля положила уснувшего ребенка, подошла к ней.

— Что случилось-то, болит чего?

Нина объяснила: не несут ребенка, с ним что-то случилось, и ей не говорят... Она уже плакала в голос.

Леля рассмеялась.

— Да живой-здоровый, никуда не денется! Тут правило, детей приносят через двенадцать часов, значит, вечером принесут! У тебя кто, мальчик?

— Мальчик.

Ксениванна — ее кровать стояла у самого окна — крикнула оттуда:

— Это хорошо, а то где женихов брать? Сплошь девки рождаются, и у нас вот с Лелькой девки...

Почему-то после этих слов Нина поверила, что с ним ничего не случилось, она благодарно посмотрела на Лелю и закрыла глаза. Подумала: как добры к ней все, и доброта эта дается даром, без всяких ее заслуг, по непостижимой милости судьбы. Видно, так уж ей на роду написано — жить среди хороших людей.

21

Принесли кусок хлеба — двести граммов — и сказали, что это на весь день, но она, конечно же, съела его сразу, оставив маленькую горелую корку. Постелила на грудь полотенце — ей все еще не разрешали поворачиваться — и стала ждать завтрак.

— Тебя покормить? — спросила нянечка и поставила на полотенце тарелку с жидкой пшенной кашей.

Нина старалась есть медленно и нежадно, брала на ложку маленькие порции, долго мусолила во рту и чувствовала, что не только не наелась, а еще сильнее хочет есть. Жидкий полусладкий чай выпила сразу, пить лежа было неудобно, под конец она облилась, а когда унесли посуду, закрыла глаза, с тоской подумала: как же дотерпеть до обеда?

В сумке с продуктами, которыми ее снабдили тогда Ванины, еще оставались ветчина и хлеб, но она не знала, где та сумка и где вообще ее вещи, может, где-нибудь в больничной кладовой, разыскать их она сможет, только когда разрешат ходить.

Леля с Ксениванной завтракали на подоконнике, Нина их не видела, но к ней долетали запахи колбасы и соленых огурцов.

Нина сунула в рот горелую хлебную корку, стала сосать ее, пробовала уснуть, чтобы быстрее шло время, но не смогла, так и лежала с закрытыми глазами, с набухшей коркой за щекой, от этой корки рот заполнялся кисловатой слюной.

Она стала думать о Саратове, как приедет туда и через несколько дней обязательно сходит на Малую Сергиевскую улицу, где жили они в тридцатые годы. Отец служил начальником артиллерии корпуса, они жили в особняке с широким коридором и большими полупустыми комнатами со светлой казенной мебелью. Тогда еще была жива мама, а Никитка был совсем маленький. Мама переворачивала большую крашеную табуретку вверх ногами, ставила туда, между перекладинами, Никитку и оставляла на попечение Нины, а сама с Линой уходила на базар. Нина возила табуретку по полу, катала Никитку, он подпрыгивал на толстых коротких ножках и кричал: «Ту-у-у!» Мама и Лина возвращались, нагруженные

сумками, приносили продукты на всю неделю, а детям — гостинцы: сладкие рожки и леденцовых петушков на палочке.

Мама не стало, когда Нина училась в третьем классе. Уехала в деревню, к родителям отца, и не вернулась. Уже и лето кончилось, а ее все не было, Лина ходила заплаканная, отец уехал куда-то, но он часто уезжал, это не удивляло, и как-то Лина не выдержала, сказала: — Не вернется мамаша, померла она. Уже потом Нина узнала: в те годы в Поволжье был неурожай, голод, мать повезла в деревню муку, заболела тифом и умерла. Отец ездил хоронить, а от детей долго скрывали, пока были силы молчать.

Нина долго не могла смириться со смертью матери, в душе не верила — может, оттого, что мертвую не видела и не хоронила, — все вечерами ждала: откроется дверь, войдет мама и опять тряхнет головой в коротких кудряшках, возьмет гитару и запоет: «Вот вспыхнуло утро-о, румянятся воды-ы...» И снова станет в доме шумно, нестрашно, и тишина забьется в углы...

Нина пыталась представить себе Саратов таким, каким он был в ту пору, но она мало что помнила: памятник Чернышевскому в центре, готическую, острую крышу консерватории, покатые, сбегавшие к Волге улицы, одна из них и называлась Бабушкин взвоз; сад «Липки», где летом по вечерам играл военный духовой оркестр и пахло душистым табаком и мороженым... Улицу Ленина, где жил Виктор, она не помнила, кажется, это недалеко от почтамта, и как от вокзала туда добираться, не знала.

Она представила себе, как удивились и испугались родные Виктора, не обнаружив ее в поезде. Но, может быть, Игнат Петрович или проводница сказали им, что ее сняли в Аксае?.. Скорее всего, так и было. А теперь они ждут от меня второй телеграммы, из Аксае... А может... может, кто-то из них — отец Виктора, мать или сестра — приедут сюда за мной, ведь знают, как трудно добираться одной с ребенком?.. Но об этом она не смела и мечтать. Она уже знала, как не совпадают мечты с явью и как горько бывает потом — словно имела и потеряла. Так уж лучше не мечтать.

...Она очнулась оттого, что в коридоре тяжело затопали, все куда-то бежали, и Леля выбежала из палаты, за нею — Ксениванна, на ходу, натягивая халат и все никак не попадая в рукав.

Что-то там случилось.

Нина подняла голову, но через стеклянную, закрашенную белым дверь ничего не увидела. А там все бежали, где-то хлопали двери, глухо разлетались голоса, и она подумала о сыне — вдруг что-то с ним?

Медленно спустила ноги на пол и, цепляясь за спинку кровати, встала на зыбкие слабые ноги. Постояла так, сделала два-три шажка, потянулась за халатом, но сразу закружилась голова, и она снова опустилась на кровать, посидела, преодолевая слабость.

Нет, надо идти. Что-то случилось, может, даже пожар...

Она набросила на плечи халат, опять встала. В ногах и в теле не было силы, все же она добралась до двери, открыла ее и, держась за стенку, пошла по пустому коридору, чувствуя, как все дрожит в ней от слабости. Она шла туда, где скопилась толпа, к дверям ординаторской, там белели халаты медперсонала, стояли в синих линялых халатах больные, почему-то и мужчины — что они делают тут, в роддоме? Но думать об этом было некогда, из распахнутых настежь дверей вылетал меткий торжественный голос, который Нина сразу узнала.

— ...Разгром немецко-фашистских войск под Москвой!..

Левитан повторял «важное сообщение», Нине хотелось подойти ближе, но она боялась оторваться от стены, стояла, прикрыв глаза, боясь что-то пропустить или не расслышать. Кругом все молчали, было тихо, и знакомый голос поверх голов летел прямо к ней. Она подумала, что от слабости сейчас упадет, и отвернулась к холодной стене. Прижалась к ней щекой и заплакала.

В палате в этот день только и разговору было что о Москве. Ксениванна рассказывала, как до войны ездила с мужем в Москву к родственникам, была в Мавзолее и на Сельскохозяйственной выставке, а на метро сперва ездить боялась, не могла ступить на эскалатор, а потом привыкла, только все время кружилась голова... Леле не верилось, что там поезда ходят под землей и даже под рекой, и она жалела, что не была в Москве, а Ксениванна говорила:

— Ничего, теперь побываешь. Теперь его, паразита, погонят, а там и войне скоро конец, потому что Москва — всему голова!

И Нина снова вспоминала те тревожные октябрьские дни, бомбежки по ночам, и то, что теперь разгромили немцев и погнали от Москвы, для нее было не только общей счастливой победой, но имело и личное к ней отношение; она думала, что теперь-то, может быть, удастся вернуться в Москву, пусть не сейчас, а потом, через месяц, когда установится связь с отцом и он пришлет деньги... Вернется из Ижевска институт, и снова она войдет в аудиторию с движущейся коричневой доской, испещренной формулами, — она даже почувствовала сейчас запах мела, — и все для нее продолжится... И только в страшных снах к ней станут приходить холодные, забитые беженцами вокзалы и та кричавшая на площади старуха...

И опять она увидела себя в аудитории, там стояли ряды столов, амфитеатром сбегающие к кафедре, и сладкий озноб охватил ее — господи, как мало нужно человеку, чтоб стать счастливым, нужно просто вернуть ему утраченное!

И потом, она почему-то была уверена, что в боях под Москвой участвовал и отец — стоял же его штаб когда-то под Вязьмой, а Вязьма недалеко от Москвы, — и это тоже имело к ней личное отношение, от этого казалось, что все самое плохое и трудное теперь позади. Она даже думала, что, возможно, в том перечне отличившихся войск прозвучала и фамилия отца, а она от слабости и волнения не расслышала, хорошо бы теперь достать газету...

То, что она пережила с Москвой самое трудное, теперь наполняло ее гордостью.

В обед принесли чечевичный суп и две ложки той же жиденькой каши с крошечной тефтелькой, Нина съела все сразу, растягивать не было сил, но сытости не почувствовала, она мечтала о кусочке хлеба, и это не давало уснуть, к тому же еще не прошло возбуждение, она ворочалась на кровати и думала: хоть бы книгу какую-нибудь...

После «мертвого часа» пришла врач, осмотрела Нину, ощупала живот.

— Теперь можете повернуться на бочок.

Леля фыркнула, засмеялась:

— Да она уже ходит всюю!

Врач пожурела Нину, впрочем совсем не строго, спросила:

— А как мы себя чувствуем?

— Хорошо. Только все время хочу есть.

Она надеялась, что, может быть, врач назначит ей дополнительное питание, но та не поняла, улыбнулась и сказала:

— Это неплохо, это для молока неплохо, зато когда появится молоко, аппетит уменьшится...

После ухода врача к ней подбежала Ксениванна с банкой и пирожками.

— Как тебя зовут-то, Нина? Ну и чего же ты молчишь, не попросишь? Загнуться тут хочешь?

Она поставила банку, в которой было что-то желтое, положила на тумбочку три пирожка, и Нина не вытерпела, сразу схватила один, стала есть.

Ксениванна сидела на ее кровати, смотрела, а Нина думала: хоть бы она ушла, — ей было неловко есть, когда на нее так смотрят.

— Такие мы все гордые, прямо беда, — ворчала Ксениванна, — нет бы сказать, мол, есть хочу, дак отвернется к стене и молчит!

Тут подскочила Леля, выложила яйцо и два огурца — господи, куда мне столько? — она стала расспрашивать Нину, что да как, куда ехала, к кому. Нина ела и соображала, как бы разыскать свои вещи и сумку с продуктами, угостить их ветчиной, если, конечно, она не испортилась, и потом, там было еще полбуханки белого пышного хлеба...

Распахнулась дверь, боком вошла медсестра в марлевой маске, на руках несла по ребенку, один кричал пискляво, другой молчал. Медсестра посмотрела на Нину лукавыми глазами, и Нина почувствовала, как напряглось в ней все.

— Ну, который твой? — Она нарочно подала Нине того, который кричал, но Нина его не взяла, потянулась к другому, молчавшему, и медсестра, поиграв бровями, отдала ей теплый сверточек в желтых пеленках. — Угадала, молодец.

Ребенок спал, надвинув бровки, и во сне присасывал пухлыми, четко очерченными губами, и на щеках его появлялись и исчезали ямочки. Нина, удерживая дыхание, нацепила маску, смотрела в личико, в котором неопределенно, намеком проступали черты Виктора. Сквозь пеленки переливалось в нее мягкое тепло, и от этого сладко и больно защемило сердце. Она прижалась щекой к его голове, и он зачмокал обеспокоенно, и опять на щеках обозначились ямочки.

Ей хотелось развернуть сына, посмотреть на его ножки и ручки, но она боялась, что не сумеет снова запеленать, и сквозь пеленки ощупывала его тельце, угадывала локти, колени, умилялась тонкими, прямыми, как стрелочки, ресницами — подумать только, уже есть реснички! — потом прижала к себе, легла, закрыв глаза, вдыхая легкий младенческий запах. Так недавно она была совсем одна, так страдала от одиночества, а теперь вот есть он,

он уже живет отдельно от нее, отдельно будет страдать, радоваться, болеть, но зато их теперь двое, он будет всегда рядом... Если даже весь мир отвернется от нее, он все равно будет рядом, и этого уже никто не отменит...

Она все же не вытерпела, распутала пеленки и развернула, осмотрела его, голенького, с перевязанной пуповиной, и опять ее умилило, что все у него настоящее, только крошечное, мягкие розовые пятки, кулачки с широкими мужскими — будущими мужскими — ноготками, совсем как у Виктора. Маленький Виктор, Витя, Витюшка, Витенька... Непослушный сорванец Витька Колесов...

Она, конечно, помнила, как Виктор тогда просил: если будет мальчик, назвать Михаилом, в честь деда. Но Михаил — это было чужое, да и какой он Михаил, если — Виктор, Витюшка, Витька!

Давно уже она не чувствовала себя такой счастливой, она смотрела на сына, и странные мысли волновали ее — например, вдруг подумала, что, возможно, ее собственная жизнь не имеет самостоятельного значения, и она родилась только для того, чтобы дать жизнь этому человечку!.. И все, кто были до нее, — бабки, прабабки и еще пра-пра-пра, они тоже — всего лишь мостик, по которому он, ее сын, пришел в мир... Она вспомнила про Москву, торжественный голос Левитана — ведь это рождение ее сына совпало с таким событием, не может быть, чтобы это было просто так, случайным совпадением, наверно, в этом особый смысл и ему уготовано большое будущее, и ей предстоит пронести его через все невзгоды, чтобы сохранить для этого будущего... Да, это должно быть так, иначе к чему все ее страдания, ведь должен в них быть хоть какой-то смысл?

Ее удивило, что еще сегодня, совсем недавно, она думала о себе отдельно от него — как поедет в Москву и войдет в аудиторию... Да нет же, мы вместе вернемся туда и везде теперь будем вместе — нас двое, нас двое...

Пришла медсестра забрать детей, покачала головой, сказала:

— Мамочки, миленькие, не разворачивайте детей, они в стерильных пеленках, а вам прямо не терпится занести в пуповину инфекцию!

Она ловко запеленала ребенка, от неудовольствия он нахмурил бровки и побагровел лицом. Нина помяла свои пустые груди:

— Я ж его не кормила, мне нечем...

— Он сыт, мамочки сцеживают...

Она унесла детей, и Нина взяла банку — в ней была тыквенная каша — стала есть. И ночью проснулась, доела кашу, опять уснула. Ей снились счастливые сны; Москва, розовое утро, красные флаги кругом, она спешит на демонстрацию, и нет никакой войны... И еще: она стоит у зеркала, Маруся заплетает ей косу, по радио играет музыка, и нет никакой войны...

23

— Отрежь ты ее к шутам, — сказала нянечка Фрося и подала Нине ножницы. — На нее мыла не напасешься.

Нина вздохнула и стала расплетать косу. Тяжелой волной падали волосы на колени, она разделяла их на узкие пряди, перерезала каждую — все сразу ножницы не брали — и складывала на кушетку.

Она вспомнила, как в десятом классе девчонки, посмотрев фильм «Цирк», побежали в парикмахерскую стричься «под Орлову», она тогда тоже побежала, а пожилая парикмахерша посмотрела на ее косу, сказала: «Я вот тебе надаю по заднице, будешь знать... Приходи с матерью, тогда посмотрим!»

Косу было жаль, но рано или поздно это пришлось бы сделать, возиться с косой теперь не было ни времени, ни возможности. Нине хотелось продержаться до Саратова, чтобы перед матерью Виктора предстать такой, какой она была с Виктором, — с короной светлых, отливающих золотом волос.

Она поискала зеркало, хотелось посмотреть на себя стриженую, но здесь, в кубовой, зеркала не было.

Нянечка сливала ей над тазом воду, подавала банку с зеленым вонючим мылом — другого в больнице не было, — и Нина с наслаждением гоняла по волосам мягкую пену, ощущая непривычную легкость головы.

Потом Фрося заплела срезанные волосы в косу, подала ей:

— Когда ни то обернешь вокруг головы, заколешь, вот и опять с косой.

Нина вымылась до пояса, натянула короткую, в больничных штампах рубашку с завязочками у горла, а свою комбинацию стала стирать, Фрося, пригорюнившись, смотрела на нее, часто повторяя:

— Ох, горе, горе...

Фрося и надоумила: постирать комбинацию, высушить да продать на толкучке, что возле станции, — без денег-то далеко ли уедешь? А Нине выдала казенную рубаху из списанных.

— Ох, горе, горе... Задешево не отдавай, присмотришь там к бабам, что почем, да запроси с верхом, вещь богатая, стоящая.

Комбинация — подарок отца — и в самом деле выглядела богато: плотный шелк цвета чайной розы, а по подолу и на груди — широкие блестящие кружева. Отец приобрел ее в торгсине за мамино колечко с бирюзой. Берег кольцо для Нины, но она носить не стала: они, комсомолки, презирали побрякушки.

Потом она покормила сына и пошла завтракать в обеденный зал. В последний раз ела она здесь, и все, кто был в зале, смотрели на нее.

Это была обыкновенная районная больница, в которой две небольшие палаты отведены под родильное отделение, и сейчас на нее смотрели мужчины и женщины с добротой и сочувствием, она одна была тут такая «которую сняли с поезда и у которой пропали все вещи».

У нее действительно все пропало — и чемоданы, и тюк, и сумка с продуктами, оказалось, в больницу ее привезли без всяких вещей, была при ней только женская сумочка с документами, билетом и остатками денег; сестра-хозяйка посоветовал а сходить на станцию, но и там вещей не оказалось — ни в камере хранения, ни в комнате дежурного.

Нина даже разыскала ту железнодорожницу с флажком, которой передала ее в тот день фельдшерица, железнодорожница сказала, что остановила тогда случайную машину, усадила Нину в кабину, а вещи покидала в кузов, и что за рулем сидела женщина.

Железнодорожница на чем свет ругала лихих людей, которые «чужое горе обернули себе в наживу», а Нина, возвращаясь в больницу ни с чем, думала: какое же горе? У меня сын, а это счастье... А чемоданы мои, может, до сих пор трясутся в кузове, а та женщина- шофер и не видела их...

Она сама удивилась, как мало огорчила ее пропажа вещей. Больше всего, конечно, она жалела чемодан с детским приданым — во что же теперь я его заверну? Но сестра-хозяйка отправилась к главврачу, вышла с бумагой, сказала Нине:

— Распишись.

Это был акт, в нем перечислялось все, что больница смогла выделить для ее ребенка. Фрося принесла кусок сурового полотна и «цыганскую» иглу, показала, как надо шить заплочный мешок с двумя лямками — весь вечер Нина шила его. И еще ей выдали сухой паек: немного хлеба, пару яиц и горстку довоенных пахучих леденцов — монпансье.

— С таким пайком далеко не уедешь, — вздохнула Фрося и от себя добавила бутылку киселя.

После завтрака Нина вернулась в палату, сложила в мешок выданные ей простынки и желтые от частых стирок пеленки, в последний раз оглядела свое временное пристанище.

Ксениванны и Лели уже не было, их выписали, теперь здесь лежали другие женщины, и Нина сказала:

— Счастливы вам.

Они тоже все про Нину знали, одна из них, постарше, ответила:

— И тебе, милая, счастливо добратсья. Возьми вот, не побрезгуй...

Подошла, дала Нине большую темную ватрушку, Нина взяла.

Потом она одевалась в приемном покое, ей вынесли туда сына, замотанного в два одеяла — байковое и суконное, — сестры и нянечки высыпали на крыльцо проводить ее.

Она пошла по расчищенной от снега дорожке — с мешком за плечами и сыном на руках, — часто оглядывалась на женщин в белых халатах, они махали ей руками, а она с трудом удерживалась, чтобы не разреветься от благодарности к этим людям. Ей мечталось когда-нибудь, возможно, после войны, когда у нее все будет хорошо, встретить этих женщин и отдать им последнее;.. Но она знала, что никогда их не встретит, а если б и встретила — после войны всем станет хорошо, и никому не нужна будет ее помощь...

Белое морозное солнце било в глаза, заливало чистый нетронутый снег, желтые колеи на немощенной дороге, деревья с пухлыми нарядными от снега ветками, двухэтажные домики с салатными и кремовыми фасадами в мокрых пятнах; пахло печным дымом, угольной пылью. У низенького деревянного забора закутанная в платок старуха высыпала из ржавого ведра жужелицу. Когда Нина проходила мимо, она разогнулась, заслонившись от солнца ладонью, посмотрела ей вслед... Наверно, тут все друг друга знают, подумала Нина и пожалела, что не познакомилась с этим то ли городом, то ли поселком, а. это ведь родина ее сына...

Возле станции стояла лошадь, впряженная в бочку на колесах, она потряхивала головой и печально смотрела из-под белых от инея ресниц; у ее ног скакали воробьи, рыжая собака растерянно бегала вдоль длинного приземистого здания, старик в железнодорожной

шинели зачем-то бил в медный колокол, висевший на кронштейне, пятился задом одинокий паровоз, окутанный белым облаком пара, холодно блестели убегающие вдаль рельсы. Распахнулись двери станции, облако тепла вывалилось оттуда, и в нем — крикливые усталые женщины, замученные дети, мужчины с чемоданами, кошелками, перетянутыми веревкой корзинами; ругань, плач, крики взорвали тишину, рыжая собака боком отскочила от толпы, лошадь испуганно переступила ногами, вспорхнули и улетели воробьи. Нина испуганно подумала, что и ей опять придется нырнуть в эту крикливую суету, но она вспомнила, что ведь есть сын, и про Москву, куда они скоро вернутся, и сразу стало легче. Что бы ни случилось, куда бы ни забросила теперь судьба, она знала, что их двое и им есть куда вернуться. Если все время помнить об этом, то ничего не страшно, все можно перетерпеть. Она думала сейчас о Льве Михайловиче, о том старике с девочкой, о кричавшей старухе, обо всех, кого видела на городских вокзалах, — им-то некуда вернуться сейчас, но и они, узнав о Москве — что она в безопасности, — сумеют все перетерпеть, потому что и у них теперь есть надежда.

Она поправила на плечах лямки мешка, удобнее перехватила ребенка и, обогнув здание станции и толпу, ожидающую поезда, пошла к «барахолке».

Маленький толкучий рынок оказался, как и объясняла Фрося, сразу за станцией; по истоптанному черному снегу слонялись люди, желающие продать у кого что было: валенки, платки, стеганные телогрейки, зажигалки, старые фланелевые костюмы... На открытых клеенками табуретках, выстроенных в один ряд, дымились вареная картошка, горкой возвышалась в мисках квашеная капуста, пупырчатые соленые огурцы, россыпью лежали розовые головки лука... Здесь, в «съестном» ряду, где пахло укропом и смородинным листом, дешевле десяти рублей ничего не продавалось: горка картошки — десятка, стакан пшена — десятка, коробка спичек — десятка... На импровизированном прилавке — доска на двух больших камнях ~ укутанные в тяжелые шали старухи торговали подсолнечными и тыквенными семечками, Нина подошла, приценилась, но покупать ничего не стала, просто надо было привалить ненадолго свою ношу к прилавку, дать отдых онемевшим рукам. Она все никак не решалась вытащить комбинацию, было непривычно и стыдно стоять в роли торговки, к той же она не знала, сколько просить за свой товар, ничего похожего здесь не продавали и узнать цену она не могла.

Все же наконец достала комбинацию и приткнулась тут же, у прилавка, надеясь, что не прогонят — у этих старых женщин были добрые лица. Ее и не прогнали, только одна сказала:

— Как бы твой дитенок не скатился, ты его на руки возьми, а красоту свою сюда поклади.

Она так и сделала. Пристроила «красоту» на прилавке, и от движения воздуха заплескался, заструился розовый легкий шелк.

Старушка скосила глаза:

— Эхе-хе... Кто ж нынче такое купит? Не до жиру, быть бы живу...

Нина приуныла. Видела, что покупателей почти нет, все продают, только кучка красноармейцев толпится у табуретки с картошкой. А тот, кто забредал на рынок, останавливался возле Нины, разглядывал ее товар и уходил молча, либо, прицокивая языком, ронял:

— Стоящая вещь.

Хоть бы рублей двадцать дали, подумала она. Но никто даже не приценивался.

Ну и ладно, не надо, оставлю себе, не умру же без этих денег!

У нее замерзли в ботиках ноги, и она уже додумывала уйти, но тут подошла молодая беременная женщина в беличьей шубке и белых маленьких бурках, обшитых кожей.

— Какая прелесть, — пропела она мелодичным голосом, осторожно взяла в тонкие пальцы комбинацию, встряхнула ее, заиграли на солнце блестящие кружева. — Сережа, иди-ка сюда!

Подошел высокий военный с раздутым саквояжем, на петлицах его бекеша алели шпалы, серебрилась эмблема — змея над чашей. Военврач, определила Нина.

— Погляди, какая прелесть! — женщина вертела перед ним трепещущий шелк, а он смотрел на жену с доброй снисходительной улыбкой, как смотрят на избалованных детей. Счастливая, с ней муж, вздохнула Нина.

— Сколько же это стоит? — спросила женщина, не выпуская из рук комбинацию.

— Не знаю, — Нина пожала плечами. Женщина удивленно взглянула на мужа, потом — на Нину. — Но я правда не знаю.

Женщина зашла за прилавок, прикоснулась рукой к одеяльцу, в которое был завернут ребенок.

— Можно я посмотрю?.. Я осторожно. — Она откинула угол одеяла, заглянула и тут же опять опустила его. — Какой славный... И видно, что мальчик.

Она улыбнулась Нине, и Нина ответно улыбнулась, они дружелюбно смотрели друг на друга — две матери, как два близких человека, знающих друг о друге то, чего никто не знает. Счастливая, опять подумала Нина. Он будет приносить ей цветы, стоять под окнами роддома, и она через окно сможет показать ему ребенка... Она и завидовала, и радовалась за эту женщину, и жалела ее — ей предстоят страдания, и никто, даже самый любящий человек, не снимет и части этих страданий, в своих муках она будет одинока...

— И я не знаю, — засмеялась женщина. — Сейчас все цены перепутались.

Она все держала полюбившуюся вещь, не в силах расстаться, теребила ее, в легкой розовой пене тонули тонкие пальцы.

Муж взглянул на часы, и она заторопилась. Опять посмотрела на Нину.

— Двести рублей пойдет?

Нина покраснела.

— Да, но... Может, это много?

— Ничего не много! — всунулась соседняя старуха и легонько толкнула Нину локтем. —

Еще и мало, если по теперешним ценам...

— Вы правы, это не много, — спокойно согласилась женщина и, порывшись в лакированном ридикюле, вытащила две сотенные бумажки, подала Нине.

— Спасибо, — тихо сказала Нина, и все смотрела на них, как они отошли немного, и он, открыв пузатый саквояж, вытащил газету, завернул покупку.

Старуха тоже смотрела на них, вздохнула:

— Вот ведь как, война всех перемешала, а все одно видно, ежели кто из хорошей-то жизни...

А те не уходили, женщина о чем-то говорила мужу и оглядывалась на Нину. Он тоже посмотрел на нее, достал из саквояжа белый хлеб, саквояж сразу похудел, подал хлеб жене, а та понесла Нине.

— Я думаю, двести рублей и правда мало, вот еще хлеб, пожалуйста.

Нина отнекивалась, стеснялась брать, но женщина положила буханку на прилавок и, улыбнувшись еще раз, ушла. Издали помахала рукой.

— Вот видишь, — проворчала старуха, — а ты заладила: «Много, много...»

Хлеб был красивый, румяный, с лопнувшей на боку корочкой — такой, какой она ела у Ваниных, — и Нина понимала, что этот хлеб — не в придачу к деньгам, а просто милостыня, но, в сущности, ведь все это время она жила милостыней и добротой людей, сама-то не заработала себе и на маленький кусочек хлеба.

— У вас есть нож? — спросила она у старухи.

— Нету, а тебе на что?

— Хотите, отломите себе хлеба.

Старуха поправила шаль, постукала, валенками друг о друга.

— Хотеть-то хочу, да не отломлю.

— Почему?

— Тебе самой надо, ты дитя кормишь. Лучше купи у меня семечек.

Нина положила сына на прилавок, подставила карманы, купила два стакана семечек. Потом отломала от хлеба большой край, подала старухе.

— Ох, гляди, пробросаешься, — сказала та. Однако хлеб взяла.

Нина колупнула пальцем податливый ноздреватый мякиш, положила в рот и почувствовала, как сразу закололо в грудях — пришло время кормить. Она сунула хлеб в заплочный мешок, взяла сына и пошла к станции.

Из-за снежных заносов, поезд опоздал, и в Саратов они прибыли не утром, а днем.

Последнюю ночь она почти не спала, все представляла встречу со свекровью, и все ее мучили какие-то сомнения, так и казалось: что-то должно случиться. Тягостное предчувствие томило ее. Она уже привыкла к тому, что все ее расчеты и планы всегда летят кувырком, и старалась ничего не рассчитывать, но все равно рассчитывала: проживем с Витюшкой до весны, до теплых дней — и уедем в Москву, может, к тому времени вернется институт...

Опять навстречу мчались черные обледеленные поезда с сутробами на крышах, Нина смотрела на них из окна, и ей делалось страшно, почему-то поезда эти казались пустыми, летят они неизвестно куда сквозь снег и мороз, и в них нет ни одного живого человека. На разъезде, перед самой Волгой, долго стояли, к ней подсели две женщины с мешками, одна проворчала:

— Близок локоть, да поди укуси! Прежде-то два часика — и дома, а теперь и все двенадцать можем простоять.

Нина узнала напевный саратовский говорок.

Из разговора она поняла, что они ездили менять на продукты вещи, и вдруг одна сказала:

— Как там мои ребятишки, одни ведь, старик другой месяц на окопах...

— Как «на окопах»? На каких «окопах»? Почему? Неужели его ждут в Саратове? Неужели он придет и сюда? И опять ей придется бежать?... Но почему, ведь от Москвы отогнали, а Москва много западнее...

Нет, никуда не поеду больше, никуда! Будь что будет!

Потом она подумала, что того «старика», мужа этой женщины, возможно, мобилизовали куда-нибудь далеко, на далекие окопы, и успокоилась.

Последний кусок пути поезд шел медленно, часто останавливался и снова нерешительно дергался, как будто машинист раздумывал: стоит ли двигаться дальше.

Из вагона Нина вышла последней. Встала на перроне, всматриваясь в мечущихся у поезда мужчин и женщин с неясной надеждой, — вдруг по какому-то чуду ее все же пришли встречать?

Маленькое малиновое солнце застыло в небе, под ногами хрустел малиновый сухой снег, бежали люди с малиновыми лицами — то ли от солнца, то ли от мороза, — прикрывали варежками лицо... И Нина, пока шла к трамваю, чувствовала, как забивает дыхание, как сковало губы и ноздри, она никак не могла вдохнуть воздух.

Что будет с ним? — думала о сыне и все крепче прижимала его. Она и не помнит такого мороза.

У вокзала было трамвайное кольцо, повизгивая колесами, подъезжали красные и синие вагоны со слепыми замерзшими окнами, дуги скользили по проводам, с них на повороте сыпались искры.

Нина спросила у женщины, как добраться на улицу Ленина, та сказала «букашкой», но с пересадкой у крытого рынка. «Букашки» долго не было, у Нины, онемело лицо и пальцы ног, она притопывала на снегу, и все, кто стоял тут, тоже пританцовывали, а двое мужчин, чтобы согреться, толкались Плечами, падали на скользком, вставали и опять толкались.

Нина все чаще припадала к одеялу, дышала туда, где голова сына, а женщина, которая объясняла про трамвай, посмотрела на нее круглыми испуганными глазами:

— Гражданочка, щека-то у тебя совсем белая, три ее, три!..

Но Нина не могла одной рукой держать сына, он с каждой минутой тяжелел, она пригнулась к суконному одеялу, пыталась потереться о него.

— Дай, поддержи, а ты — снегом, снегом...

Женщина поставила сумку, забрала у Нины ребенка, и Нина, зачерпнув на обочине горсть сухого рассыпчатого снега, принялась растирать щеки.

Заплакал сын, наверно, замерз, в отчаянии подумала Нина, женщина, покачивая его, сказала, что с утра было тридцать градусов, дети не учатся, на школах вывесили красные флажки, а базар совсем пустой, привозу нет...

Нина уже расстегивала пальто, чтобы запахнуть поверх одеяла полы, но тут подкатил трамвай с буквой «Б» наверху, и она с трудом взошла на подножку.

В трамвае было холодно, вожатый сидел в полушубке, окна покрылись изморозью, как глаза бельмами, толсто одетая кондукторша в платке и перчатках с отрезанными пальцами отрывала от рулона билетики.

Еще там, в поезде, Нина мечтала, как в трамвае припадет к окну, станет разглядывать улицы и дома, узнавать и вспоминать, но стекла замерзли и было не до того, она все прижимала сына и дышала на его головку поверх одеяла и думала, что это самое последнее ее скитание оказалось самым тяжелым.

Чем дальше отъезжали от вокзала, тем больше набивалось в вагон людей и даже вроде потеплело. На остановках кондукторша дергала протянутую вдоль вагона веревку, вожатый давал звонки, трамвай катил дальше, петлял, кружил, мотались из стороны в сторону стоявшие пассажиры, висли на ременных петлях.

Страшно было подумать, что опять придется выходить на этот мороз и опять ждать трамвая, но тут Нине повезло: едва успела выйти, подкатила «единичка», она тяжело поднялась на подножку, качнулась, с ужасом чувствуя, что сейчас выпадет назад, на мостовую, но кто-то за ней, ухватившись за ручки, вдавил ее в вагон.

Сесть было негде, а держаться нечем — руки заняты, — и она привалилась спиной к дверям; у бедра мотался мешок, оттягивая руку, хотя ничего, кроме пеленок и колбасы, в нем не было, он казался очень тяжелым — правду говорят, что в дороге и иголка весит. Вышла на площади, стояла, оглядываясь, не знала, как добраться до улицы Ленина, она совсем забыла город. Какой-то старик посоветовал вернуться назад и пересечь две улицы, там она и выйдет к нужному дому, а иначе даст большой кряк.

У нее были деньги, те двести рублей, она могла бы взять такси или остановить какую-нибудь машину, но мимо проезжали только грузовики, и она пошла, задыхаясь от морозного воздуха, на спине и под мышками выступил пот усталости и, остывая, холодил тело. Она шагала механически, в каком-то полубытьи, и только боязнь уронить ребенка удерживала ее сознание. Господи, кончится ли это когда-нибудь!.. Это были последние, самые трудные метры, но Нина знала, что пройдет их.

Часть вторая

25

Сперва она подумала, что попала не туда, и вышла, снова взглянула на большой черный номер над распахнутыми воротами — да нет, все правильно. Опять шагнула во двор, привалилась спиной к глухой стене соседнего дома, согнув ногу, уперлась в нее подошвой, приспустила на колено свою ношу.

Во дворе начинались похороны. У крыльца с короткими перильцами на двух табуретках стоял красный гроб с прислоненными двумя тощими венками в бумажных цветах, толпились мужчины и женщины, пятясь разворачивался грузовик с откинутыми бортами, невысокий седоватый мужчина плакал и мял в ладонях барашковую шапку, две женщины в черных платках держали его под руки.

Нина обежала глазами тесный двор, сюда выходили чьи-то окна, в глубине лепились низкие сарайчики, и никакого другого входа в дом не было. Но она не могла пройти эти несколько шагов мимо чьего-то горя к деревянному крыльцу, возле которого стоит гроб.

Она подумала, что судьба словно нарочно подбрасывает ей всякий раз препятствия вот теперь она, замерзшая, смертельно уставшая, вынуждена стоять тут, рядом с домом, где ждут ее тепло и отдых.

Она пригнулась, подышала внутрь одеяльца, постучала себя по боку сперва одной, потом другой рукой, краем глаза уловила какое-то движение возле гроба и поняла, что те женщины в черном и мужчина — он был уже в шапке — смотрят на нее. Одна из женщин обошла гроб, направилась к Нине, и Нина обмерла: эти глаза под сросшимися бровями, ямочки на щеках опухшего лица — боже мой, кого же они хоронят?!

— Ты Нина, да? — низким заплаканным голосом спросила женщина. — А я Вера. Как ты узнала?.. Ну иди, простись. Вот горе, вот горе...

Она забрала у Нины ребенка, и Нина стояла окаменело, с опущенными руками, не решаясь шагнуть. Кого же хоронят, кого же? — билось в ней, а Вера уже подталкивала ее плечом, и она видела, как люди расступились, давай дорогу, она пошла, все еще не видя, кто лежит в глубоком гробу...

Вера подвела ее к мужчине в высокой барашковой шапке, сказала:

— Папа, это Нина... Она узнала про маму, пришла проститься...

Нина встала у гроба, стояла так опустив голову и чувствуя, как все дрожит у нее внутри от испуга. Все смотрели на нее и чего-то ждали. Она понимала, чего они ждут: чтобы она нагнулась и поцеловала покойную. Но она не могла целовать эту чужую женщину с желтым лбом и знакомыми бровями, не могла заставить себя заплакать, она не чувствовала сейчас ничего, кроме облегчений и усталости, и думала о том, чтобы все это поскорее кончилось.

— Ну, все, — сказал мужчина в шапке, и сразу все задвигались, двое спрыгнули с грузовика, подняли гроб, понесли к машине, следом проплыли венки.

Вера передала Нине ребенка.

— На кладбище ты, конечно, не поедешь?.. Но обязательно дождись нас.

Она повела Нину в дом, они прошли по длинному темному коридору, заставленному велосипедами, корытами, кадушками, — здесь пахло керосином и кислой капустой — миновали несколько дверей, Вера толкнула свою дверь, обитую войлоком, крикнула:

— Ада!

В тесную и теплую прихожую выбежала молодая женщина в косынке и валенках, в руке ее была ложка.

— Ада, это Нина, наша невестка, оказывается, она в Саратове, а мы и не знали. Ты проводи ее в нашу комнату, пусть подождет нас. — И опять Нине: — Дождись, не уходи!

Куда мне уходить? — подумала Нина.

У Ады было странное асимметричное лицо, она улыбнулась Нине, сказала:

«Раздевайся», — забрала у нее ребенка, унесла в комнату.

Из кухни вместе с теплом выплывал кислый запах щей, и Нина почувствовала, что очень голодна, сейчас бы хоть тарелку домашних щей... Она разделась, стянула ботики и, прихватив свой мешок, вошла в большую и светлую комнату с четырьмя окнами и большой печью-голландкой, обложенной кафелем. От печи волнами растекалось тепло, Нина прижалась к ней лицом и ладонями, потом — спиной, оглядела комнату, где ей предстояло жить. Здесь стояли две кровати с никелированными спинками, два шкафа, большой сундук с плоской крышкой и круглый стол посередине. Над столом свисал кремовый шелковый абажур с бахромой, на окнах топорщились тюлевые занавески, и так уютно, так хорошо показалось тут Нине, что она подумала: ну вот, это мне награда за все страдания и скитания.

На кровати, что ближе к печке, было откинута покрывало, там Ада возилась с ребенком.

— Сейчас мы его подмоем.

Она вышла ненадолго, вернулась с тазом и кувшином.

— Он давно не купан, — сказала Нина.

— Вечером, после поминок, искупаем!

Они обмыли малыша, потом Ада ловко запеленала его, кричащего, подала Нине:

— Просит есть.

Нина чувствовала, как мало у нее сейчас молока, вялые груди висели, как пустые мешочки, сын стискивал деснами соски, вертел головой и опять начинал кричать.

Нельзя ли мне чаю, — попросила Нина, — или хотя бы горячей воды. — Она достала из мешка остатки черствого хлеба.

— Что там чай? — засуетилась Ада. — Ты кормящая, тебе надо питаться, я вот сейчас борща принесу!

Она опять выскочила на кухню и вернулась, внесла тарелку с красным дымящимся борщом, завернула на столе край скатерти.

Нина села к столу вместе с сыном, ела, обжигаясь, душистый борщ, пахнувший жареным луком и постным маслом, — такой она ела только в детстве, Лина была мастерица готовить его, — и чувствовала, как согревается изнутри, как горячая волна заливает все тело.

Сын захлебывался, звучно глотая, а у нее все еще дрожали руки, и она, боясь плеснуть на ребенка горячим, низко наклонялась над тарелкой.

— Выходит, ты тоже из Москвы? — вдруг спросила Ада.

Нина кивнула, не поднимая головы, подумала: почему «тоже»?

— Ведь и мы из Москвы, — засмеялась Ада и, пока Нина ела, успела рассказать все про себя и про здешнюю жизнь. Еще в октябре эвакуировалась с сыном и больной матерью, их подселили к Колесовым, комнаты, правда, смежные, но та, вторая, совсем маленькая, вот нас и поселили туда, так что приходится ходить через хозяев.

И тут Нина увидела, что из дверей, ведущих во вторую комнату, выглядывает мальчик ет пяти, он сосал длинную полосатую конфету и круглыми глазами смотрел на Нину.

Они говорили о Москве, вспоминали Третьяковку и метро, Парк культуры и отдыха с каруселями и парашютной вышкой, и та жизнь обеим казалась сейчас счастливой и праздничной.

— Ничего, мы с тобой еще и в Москве встретимся, — мечтательно сказала Ада. — Вот кончится война...

— Я не буду ждать, когда кончится война, — вставила Нина. — Я весной вернусь в Москву.

Ада покачала головой:

— Думаешь, так это просто? В — Москву без пропуска сейчас не поедешь, а для пропуска нужен вызов... Есть кому тебя вызвать?

— Нет, — уныло ответила Нина. — Мой институт в Ижевске.

— Ну ничего, это вопрос времени...

Ада стала опять рассказывать про здешнюю жизнь, про морозы, которые держатся тут с ноября, про сказочные цены на рынке, про Нинину свекровь, как она неожиданно умерла: еще накануне стирала на кухне, ничего у нее не болело, только жаловалась, что устала, легла спать и утром не проснулась.

— Она хорошая была, добрая, а Михаил Михайлович, твой свекор, не хотел поминок, говорит, не по времени, а я думаю, не хорошо это, не по-русски, что есть, то и подадим...

Нина вспомнила, как испугалась тогда, подумала, что в том красном гробу — Виктор, вот дура-то, откуда тут быть Виктору, он же в Молотове в училище...

— ...В подвале у них взяла капусту, картошку, — все говорила Ада, — наварила борща, мясные талоны рыбой отоварила, поджарю, соседи принесли бидончик суфле...

Что это такое суфле? — подумала Нина. Осторожно положила на кровать уснувшего сына, порылась в своем мешке.

— Вот еще колбаса и яичный порошок.

Ада взяла коробку в пестрых наклейках:

— Ну, богатый стол получается. Омлет запекую...

Нину тянуло прилечь, от сытости и усталости все тело стало тяжелым и слабым. Ада повела ее в свою комнату. В маленькой комнатке, заставленной тремя кушетками, в кресле на колесиках сидела пожилая женщина с толстыми, как бревна, ногами, она что-то вязала.

— Мама, это Нина, невестка Колесовых, она тоже из Москвы.

Старушка посмотрела на Нину поверх очков.

— Как там наша Москва? Держится?

Нине не хотелось говорить, что из Москвы она давно, пришлось бы долго рассказывать про свои странствия, и она просто ответила:

— Немцев ведь отогнали...

— Да, отогнали. — Старушка вдруг заплакала. — Говорила я, не надо уезжать из Москвы, ведь чему быть, того не миновать, а теперь вот умру на чужбине...

— Ну, опять, мама, ладно тебе...

Из ящика под маленьким столиком Ада вытянула подушку, кинула на кушетку.

— Ложись, отдыхай, они ведь еще не скоро. А я пойду стол накрывать.

Нина легла, вытянув ноги, Ада кинула ей на плечи что-то мягкое, теплое, — как хорошо-то, боже мой, почти как дома... Вот и настал конец моим скитаниям... Бедный, бедный

Виктор, он еще не знает, что мама его умерла и я стояла у ее гроба...(И тут вдруг Нина вспомнила: «Она узнала про маму, пришла проститься»). И еще: «Дождись нас, не уходи».

Куда мне уходить?

Она все еще брела по дымным от мороза переулкам, стискивая уставшими руками тяжелую ношу, но уже не было сил, руки разжались, она уронила сына, вздрогнула и проснулась.

Гулко стучала в ушах кровь, ныли плечи, ступни ног горели огнем. Хотела что-то вспомнить и не могла. Снова уснула и во сне услышала те слова: «Она пришла проститься... Не уходи...» Так ясно услышала, словно кто-то произнес их сейчас. Что-то заныло тревожно и больно. Опять она проснулась — да что же со мной, ведь все хорошо, я приехала, сын мой спит, я лежу в тепле, и надо спать, спать...

Она увидела себя в любимом сиреневом платье, как легко взбегает она по институтской лестнице, взмахивает чемоданчиком, запрокидывает голову и смеется, а сверху кто-то, перегнувшись через перила, машет рукой, зовет ее... И нет никакой войны.

26

Ее разбудил крик ребенка. С трудом разлепила заплывшие глаза, пошарила ладонями возле себя — ей казалось, что она все еще в поезде и рядом, на полке, должен быть сын, а его почему-то не было. Она села на жесткой, кушетке, все еще не понимая куда же девался ребенок, но увидела мать Ады — та по-прежнему сидела в своем кресле, дремала, — и сразу все вспомнила.

Открылась дверь, из соседней комнаты Ада внесла орущего ребенка, за ней вошла Вера все в том же черном платке, завязанном концами назад.

— Мамка, есть давай! — сказала Ада и подала сына.

Нина привычным движением задрала свитер и, развязав тесемочки казенной рубашки, приложила сына к маленькой тугой груди. Вера села рядом, смотрела, как он сосет, потом спросила:

— Как ты его назвала?

— Виктором.

— Как хорошо. И главное, он похож.

Они помолчали, потом Вера опять спросила:

— От Виктора письма получаешь?

— Было одно, еще в Москве. Из Молотова.

— Он давно уже в Стерлитамаке, и два месяца от него нет писем.

Стерлитамак! Два месяца! Выходит, ни писем, ни телеграмм моих он не получил... Где-то она уже слышала про этот город Стерлитамак, но где? Потом вспомнила: кажется, тот старик с девочкой, что сидел на Илецком вокзале, пробирался в Стерлитамак.

Два месяца! — опять подумала она. Но сюда-то он непременно напишет и узнает, что я здесь. Что мы все вместе — я, сын, Вера, отец...

Вера сидела, пригорюнившись, смотрела на ребенка, и Нине она сейчас казалась близкой, родной, хотелось поговорить с ней, рассказать о себе — и про Ташкент, и как в Аксае ее сняли с поезда, и как пропали все ее вещи... Но Вера уже встала, поправила сползший на лоб платок.

— Поторапливайся, уже темнеет, папа тебя проводит.

Куда проводит? — удивилась Нина. Они все еще не знают, что я приехала к ним и провожать меня некуда.

Там, за дверью, стучали посудой, слышался звук шагов и голос Ады, а тут было тихо, мальчик спал, свернувшись клубочком, мать Ады дремала в кресле, некрасиво раскрыв рот, ее маленькая худая рука лежала у мальчика на плече.

Нина разглядывала комнату, наверно, когда-то это была комната Виктора, и пыталась представить, как здесь было при нем... Но нельзя было угадать, как выглядела комната в то веселое мирное время, сейчас она была по-вокзальному неудобной, временной: эти старые кушетки с тонкими ножками, дощатый пол с облупленной краской, в углу свалены вещи, которые некуда приткнуть...

Сын уснул, отвалившись от груди и все еще присасывая губками, Нина поправила свитер, пригладила волосы. Потом встала, прижав сына, пошла к двери, за которой ждала неизвестность.

В большой комнате от абажура разливался спокойный желтый свет, Ада убирала со стола, Вера переодевалась за дверцей шкафа, Михаил Михайлович сидел за столом, сжав кулаками виски...

— Положи его на кровать, — улыбнулась ей Ада, и Нина, откинув покрывало, опустила спящего ребенка подальше от подушек, несмело присела рядышком. Михаил Михайлович поднял голову, посмотрел на нее, потом встал, подошел к кровати. Она опять удивилась, какой он маленький и как не похож ни на Виктора, ни на Веру.

— Значит, Витька... — Он покачал головой. — Что ж ты, Витька, так поздно пришел, не дождалась тебя бабушка Лена...

Он коротко взрыднул, седоватые волосы распались надвое, упали на глаза, он ладонями отвел их назад. Суетливо потоптался возле внука, склонился над ним.

— Вылитый Витька. Как-нибудь найду карточку, оде ему три месяца, вылитый... Теперь у нас двое Витек Колесовых.

Он стал ходить по комнате, вздыхая и потирая лицо, часто останавливаясь, смотрел в окно и все покачивал головой.

— А я только вчера с окопов вернулся... Вызвали, думал — по работе, а тут...

Он опять заплакал, Вера подошла к нему — она была уже в халате — обняла отца.

— Ладно, папа, успокойся. Ничего не поделаешь.

Второй раз Нина слышала про окопы — зачем здесь, у Саратова, окопы? Но она ни о чем не спросила.

Михаил Михайлович посмотрел на нее.

— Ты где живешь?

— Нигде, — не сразу ответила Нина. — Я прямо с поезда к вам.

Михаил Михайлович переглянулся с дочерью и снова посмотрел на Нину.

— К нам?.. Почему — к нам?

Нина заметила, как сразу похолодели его глаза, а лицо стало озабоченным и напряженным. Надо было сперва списаться... Предупредить...

— Я из Илецка давала телеграмму.

Они опять переглянулись.

— Никакой телеграммы мы не получали... И почему из Илецка?

Нина молчала. Ей уже не хотелось рассказывать ни про Ташкент, ни про Аксай, она смотрела; как Михаил Михайлович озабоченно ходил по комнате и без конца убирал падающие на глаза волосы, заводил ладони на затылок, от этого казалось, что он сейчас сладко потянется или спляшет «цыганочку».

— Сперва надо было списаться, — повторил он, и слова эти казались Нине бессмысленными: как 'это «списаться», если и телеграммы не доходят?.

— Виктор советовал в случае чего ехать к вам, — упавшим голосом сказала она.

— Но он же не знал, что к нам уже подселили... — Он повел ладонью в сторону Ады, Ада быстро стянула скатерть, ушла на кухню.

— А где же твои вещи? — Михаил Михайлович прищуренно посмотрел на нее, как будто уличал во лжи.

— Вещи пропали в Аксае, — устало ответила Нина. Если б ее стали расспрашивать — что за Аксай, почему в Аксае? — она рассказала бы все, но им, как видно, ничего этого знать не хотелось, их интересовало сейчас одно: почему так неожиданно она свалилась им на голову и что теперь с ней делать?

Но не выгонят же они меня? Ведь тут его внук, сам же сказал: «Теперь у нас двое Витек Колесовых.

Он сел к столу, велел сесте и Вере, она двинула стулом, села, положила на стол сцепленные руки.

— В одной комнате нам нельзя, трудно, — начал он, — мы работаем, должны высыпаться, а герой наш будет кричать ночами, все дети кричат. — Он гладил маленькими розовыми ладонями крышку стола и ти хим спокойным голосом ронял слова. — Сейчас война, все силы надо отдавать победе над врагом, и хотя мы не стоим у станка — Вера старший экономист, а я скромный бухгалтер, — наша работа — тоже вклад...

Ада с хмурым лицом прошла в свою комнату, Михаил Михайлович проводил ее глазами. Тут же она опять появилась, с тем же хмурым, непроницаемым лицом, и ушла на кухню. Нина чувствовала себя в чм-то виноватой и перед Адой и перед этими сидящими за столом людьми, но не понимала, в чем ее вина...

— Да, вот так, значит... — продолжал Михаил Михайлович. — Галинских к нам вселили по ордеру, так что, сама понимаешь, выселить их мы не можем...

— Но, папа, — вдруг перебила Вера, и в душе у Нины ворохнулась надежда. — Но ведь первые дни Нина может пожить у нас... Пока не найдет комнату...

— Конечно, конечно! — Михаил Михайлович резво вскочил, поправил волосы, и опять казалось, что сейчас он спляшет «цыганочку». Он порылся в ящиках комода, что-то искал там, принес общую тетрадь и толстый красно-синий карандаш.

— Сходи в военкомат, потом в исполком, — говорил он и истово записывал что-то в тетрадке, — обязаны помочь... А что в Саратове есть родственники, не признавайся...

Он еще что-то говорил и черкал в тетрадке, Нина не слушала. Боже мой, выходит, не кончились мои скитания? Что же теперь делать, упасть перед ним на колени, умолять: «Не прогоняйте меня, я так измучилась, мы будем спать в прихожей, только не прогоняйте!» Но она знала, что не сделает этого, сидела молча, окаменело, и смотрела в пол.

Только бы не заплакать, сейчас никак нельзя плакать, перед ними — нельзя. Она старалась думать о чем-нибудь хорошем — завтра же сходит на главпочтамт, может, уже есть от отца письмо или деньги... Возьмет у Веры адрес Виктора, даст телеграмму, чтоб писал до востребования... Но о Викторе сейчас почему-то думалось холодно, даже враждебно, словно и он нес ответственность за то, что его родные выгоняют ее с сыном из своего дома...

— О, да ты совсем спишь! — Михаил Михайлович вырвал из тетради листок, положил на стол, — Вот тут адреса и трамваи, обязаны помочь.

Михаил Михайлович сказал дочери, что свою кровать уступает Нине, а сам — что подделает, — перемучится на сундучке. Это его «перемучусь» опять ужалило Нину чувством невольной вины, но она и тут промолчала. Да и что могла бы она сказать? Дело с ней они уже считали решенным и успокоились, напряжение ушло с их лиц, черты расслабились, в глазах опять проступила печаль. Михаил Михайлович подошел к комоду, там в рамке стоял портрет жены, она была в шляпке и меховой горжетке. Улыбалась, на щеках играли ямочки, и он долго стоял, смотрел, смотрел, насадно вздыхая, а Вера стелила ему на сундуке, звонко взбивая подушки.

— Где мне помыться? — спросила Нина.

Вера объяснила, что ванна есть, но она общая, внутри квартиры, и там холодно, не топлено, титан не работает, они ходят в баню, а умыться можно на кухне.

На кухне Ада мыла посуду. Когда Нина вошла, спросила ее сухо:

— Есть будешь? Тут остался борщ.

Нине есть не хотелось, она стояла, ждала, пока освободится раковина.

— Жаль, помыться нельзя, я грязная.

— Почему нельзя? Сейчас поставлю воду..

Ада налила в ведро воды, поставила на керосинку и опять принялась за Сосуду.

— А они не рассердятся?

— Кто?

— Ну, они... Колесовы.

— Еще чего! — Ада отшвырнула полотенце. — Хватит того, что выгоняют родного внука, сволочи! А теперь, выходит, мы виноваты, и в душе ты, наверно, проклинаешь нас.

— Что вы, Ада!

— Не выкай! Говори мне «ты»! — Она улыбнулась, лицо ее сделалось еще более асимметричным, рубец на левой щеке стягивал кожу. Ада объяснила, что рубец — от ожога, пять лет назад разорвался примус, который она накачивала.

Она усадила Нину и села сама, достала из шкафчика мешочек с тыквенными семечками, и, пока грелась вода, они сидели, грызли семечки, опять вспоминали Москву. Нина рассказывала, как три раза пыталась прыгать с парашютной вышки, но так и не прыгнула.

— Я ужасная трусиха, — улыбнулась она.

— Оно и видно, — проворчала Ада. — Другая бы сказала: не уйду — и все! Теперь чужим помогают, а тут родня все-таки...

Нина покачала головой.

— Нет, я так не могу.

Ада встала, попробовала в ведре воду, снова села, принялась за семечки.

— Елена Петровна добрая была, она бы не допустила... А, ладно, кончится война, вернемся в Москву, а они пусть себе... — Она помолчала, взглянула раз-другой на Нину. — Они ведь почему? Вера в девках засиделась, замуж собирается, он эвакуированный на их заводе, к себе жить зовут... Ну и что? Могли бы шкафами перегородить комнату, ведь двадцать четыре метра, хоть на велосипеде катись!

— Нет, я так не могу, — повторила Нина.

Потом Ада вышла в коридор, внесла оцинкованное корыто — холодное, замерзшее так, что пальцы прилипали к краям, — достала Таз, мыло. Вызвалась помочь, но Нина отказалась, она стеснялась казенной больничной рубашки в черных печатях.

Когда Ада вышла, Нина накинула дверной крючок, стала раздеваться. С теплотой и благодарностью думала она об этой женщине, которую война тоже заставила скитаться по чужим углам; доброта Ады и то, что она из Москвы, сразу сблизило их, Нине казалось, что она давно уже знает ее...

Она помылась, подтерла пол и пошла в комнату... Здесь уже все спали, свет не горел, и она, вытянув руки, осторожно ступая, добралась до стола, задела стул и замерла, прислушиваясь. Но все было тихо, никто не проснулся, и она прошла к кровати, легла рядом с сыном.

Окна были задернуты светозащитными шторами из плотной черной материи, и в комнату не проникало ни лучика света. Она лежала в крошечной тьме, думала о завтрашнем дне и чувствовала, как постепенно ею овладевает отчаянье. Куда деться? Кому я нужна тут, в чужом городе, где таких, как я, многие тысячи, а может, и миллион? Как жить — без вещей, без карточек, без продуктов?.. И всех денег — двести рублей, на буханку хлеба... Зачем только уехала из Ташкента? Если б заранее знать...

Она вспомнила, как там, в Аксайской больнице, наивно думала: вот получили они телеграмму, пришли встречать, узнали, что меня сняли с поезда, и приедут за мной и ребенком в Аксай... Если б знать... Если б знать...

Она давила всхлипы, утопая лицом в подушке, ей казалось, что в этом крошечном-черном, как могила, мире она совсем одна со своим маленьким сыном, мир забыл о них... Боясь разрыдаться, передохнула, повернулась на бок. И увидела желтую полосу света под дверью — значит, Ада еще не легла. Почему-то от этой мысли стало легче, она обняла рукой тельце сына — от него шло легкое живое тепло — и, постепенно успокаиваясь, уснул.

Она старалась возвращаться как можно позже, чтобы сразу же спать, приходила усталая и замерзшая, Ада встречала ее, отпаивала на кухне горячим чаем, разматывала ребенка, уносила в комнату. Потом наливала суп, пододвигала пшеничную кашу, приговаривала:

— Ешь-ешь, это не ихнее, это наше.

А потом на кухню выходила Вера, колдовала над своими кастрюлями, как бы между прочим спрашивала:

— Ну, как успехи?

Нина пожимала плечами и откладывала ложку, Вера кидала взгляд на тарелку с кашей, возилась у окна, там между рамами висели на веревочке промасленные свертки, Вера доставала их, разворачивала, пододвигала Нине сыр и масло:

— Почему ты не завтракаешь? Вот здесь бери все, тебе надо питаться, иначе будет мало молока...

Но Нина до свертков не дотрагивалась. Утром она, конечно, ела, Ада, уходя на работу, оставляла ей хлеб с маргарином и кусочек сахара, а есть «колесовское» Нина не могла. Вера, вздохнув, убирала свертки, спускала их между рамами и уходила, но Нина знала: это не конец, сейчас своими мелкими суетливыми шажками прибежит Михаил Михайлович и тоже спросит:

— Как успехи?

Она опять виновато пожмет плечами, и он скажет, как обычно:

— Ну, не все сразу, отчаиваться не будем, терпенье и труд все перетрут.

«Как успехи?», «Как успехи?» Ее и мучило больше всего то, что не намечалось ни малейших успехов. Вот уже пять дней бродит она в поисках пристанища — и все напрасно. Первые два дня стояли сильные морозы, доходило до сорока, и Ада сказала, что таскать в такой мороз ребенка нельзя, это преступление, мать Ады вызвалась присмотреть за ним. Нина занесла сына к ним в комнату, покормила, положила на кушетку — он все время спал, — сцедила в бутылочку молока.

В запасе у нее тогда было шесть свободных часов, и, прихватив свой мешок, она помчалась первым делом на почтамт. Она была уверена, что от отца есть письмо или деньги. А может, то и другое сразу.

Как когда-то в Ташкенте, отстояла длинную очередь и смотрела потом, как быстро перебирает женщина толстую пачку писем. Зачем она так быстро, ведь может пропустить, мучилась Нина.

Ей ничего не было, и она стояла, оглушенная, как будто с ней только что приключилась беда. Потом пошла, дала телеграмму в Стерлитамак. Сегодня или завтра он получит, напишет письмо. Но неизвестно, сколько дней пропутешествует это письмо.

Письмо от Виктора казалось сейчас не главным, и сам он почему-то как бы отодвинулся, стал далеким, при мысли о нем уже не схватывало сердце тоской, и она удивилась этому.

Отогревшись на почте, Нина вышла на розовую от мороза улицу, ей тут же забили дыхание; прикрыв перчаткой рот, она побежала к трамвайной остановке, соображая, как бы попасть на вещевой рынок.

По прежним далеким временам она помнила, что был такой смешанный рынок где-то неподалеку от пристани, там продавали и продукты и вещи с рук, почему-то он назывался «пешкой».

В трамвае ей объяснили, где надо выходить, и она, отстегнув с руки часы на репсовом ремешке, прыгнула на остановке, бегом, чтоб не замерзнуть, помчалась к зеленым ларькам, за которыми и начиналась эта «пешка». Людей было мало, жались к ларькам женщины с разными вещами: старыми ватниками, детскими чепчиками, самодельными бурками, споротым ватином... Иногда они прохаживались, притопывая, пристукивая ногой об ногу. Покупателей меньше, чем продавцов, подумала Нина, и вряд ли затея ее удастся, но все же встала рядом со старухой, торговавшей чепчиками, ухватила часики за ремешок так, чтобы они свесились с ладони. Она поглядывала на чепчики и думала, что хорошо бы Витюшке такой вот, голубенький с кружевами, и если продаст часы, обязательно купит. О цене она имела самое смутное представление, но ей уже было от чего отталкиваться: если комбинацию продала за двести, то за часы, пожалуй, можно просить пятьсот.

Она постояла, чувствуя, как деревенеют ноги, и подумала, что, наверно, пятьсот — много, можно отдать и за четыреста. Надежды у нее не было, и она стояла просто так, раз уж приехала сюда, и тоже постукивала ногой об ногу. Резиновые ботинки окаменели и сделались как колоды.

Она уже собиралась уходить, как вдруг к ней подскочил небритый дядька в солдатском ватнике и ушанке, с малиновым от мороза лицом. Он так и впился взглядом в часы.

— Что просишь?

— Пятьсот... — неуверенно ответила Нина.

— Ишь ты... — Он взял часики — в его толстых пальцах они выглядели совсем крошечными, — поднес к уху, зачем-то потряс, потом оттянул головку, прокрутил стрелки, а Нина все боялась, как бы он не раздавил часы в своих огромных ладонях. Наконец вернул часы, вложил ей в перчатку:

— Любую половину дать?

— Как это? — не поняла она.

— Хошь правую, хошь левую... Двести пятьдесят.

Но это мало, подумала Нина, я же ничего не смогу купить... Но она не успела и рта раскрыть, как старуха с чепчиками, а за ней и другая, с галошами, накинулись на дядьку, он даже попятился.

— Ах ты, шиш окаянный, чего делаешь! Видишь, что девка неопытная, так и норовишь объегорить?

Подожли другие женщины и тоже принялись орать на дядьку, а он все пятился, пока не исчез за ларьками.

— В базарный день ты, глупая, за них всю тыщу возьмешь! — сказала та, что с чепчиками — А уж восемьсот верных!

Но Нина-то знала, что ни за тысячу, ни за восемьсот ей не продать, и базарного дня ждать она не могла. И стоять тут долго тоже не могла в своих ботинках, совсем зашлись ноги, коленей уже не чувствовала и сейчас подумывала, куда бы забежать погреться.

Кто-то сзади ткнул ее в плечо, она обернулась. Из-за ларька к ней тянулась рука с деньгами — разложенными веером сотнями. Их было пять, Нина взяла, протянула часики, которые тут же исчезли в огромном кулаке, сказала: Спасибо.

Старуха с чепчиками покачала головой:

— Ах, глупая, глупая! Ее обманули, а она — «спасибо». Да он эти часы завтра же за тыщу продаст.

Нина улыбнулась, купила облюбованный чепчик, положила в мешок, побежала в продуктовый ряд. Там тоже было пусто, только старик продавал пшено на стаканы, а второй прохаживался, держа под мышкой обернутый газетой кирпич хлеба. Она купила этот хлеб и три стакана пшена, побежала, постукивая задубевшими ботинками.

Погреться было негде, она заскочила в подъезд какого-то дома, но там было так же холодно, как на улице, руки прилипали к железным ручкам, — нет, сегодня она уже не в состоянии никуда идти, надо домой. К тому же через два часа кормить.

В трамвае тоже было холодно, но дыхание пассажиров смягчало воздух. Нина старалась пробраться в самую середину толчеи, чтобы хоть немного согреться.

Витюшка еще спал, она долго растирала шерстяными перчатками ноги, потом отмерила стакан пшена, помыла его, поставила варить. Ей никогда не приходилось варить пшено, получилось неизвестно что, то ли густой суп, то ли жидкая каша. Потом она взяла у Ады в шкафчике головку лука, достала между рамами комбизир, поджарила лук, заправила варево.

Медленно, с болью отходили ноги и запястья рук — словно сотни иголок вонзались в пальцы, — и она решила, что правильно сделала, вернувшись в дом, иначе поморозилась бы.

Сегодняшним днем она была все-таки довольна: дала телеграмму и принесла хоть немного продуктов, здесь не то, что у Ваниных, здесь все живут на карточные пайки, и она не могла есть не свой хлеб.

Разлила по тарелкам густой суп, отнесла матери Ады и мальчику — его звали Вовой, отрезала им по большому куску хлеба и сама поела на кухне.

— Ах, хорош кондер, — похвалила мать Ады, когда Нина пришла забрать тарелки. Нина улыбнулась: оказывается то, что она наварила, называется кондером.

Жаром горели ноги, она думала, что вот сейчас покормит «сына и приляжет хоть ненадолго, и все бы хорошо, все бы терпимо, но вечером придут с работы Михаил Михайлович и Вера, как им сказать, что нигде еще не была — ни в военкомате, ни в исполкоме? А может, сегодня они ни о чем и не спросят, такой мороз, даже воробьи не летают, но вечером она впервые услышала это: «Как успехи?»

Вопрос задал Михаил Михайлович, когда они с Адой грели воду, чтобы искупать Витюшку, тут же толклась Вера, разогревала ужин.

Нина молчала, и он опять спросил:

— Так ты нигде не была?

Ада демонстративно вышла, хлопнув дверью, а Нина все молчала, не знала, что сказать — вот уж и правда, размазня, вспомнила она Марусино слово.

— Папа, Нина ничего у нас не ест, — пожаловалась Вера. — Она питается у Ады, это неудобно.

— Конечно, неудобно, — подхватил Михаил Михайлович — Мы свои, а как говорится, свой своему поневоле друг, а Галинские — чужие...

— Они не чужие, — возразила Нина. — Они из Москвы.

— Ну и что? В Москве миллионы живут... И что же, все родня?

— Да, все родня.

Она встала и ушла в комнату к Аде, они сидели там, Ада дошивала Витюшке распашонки, которые накроила из двух своих наволочек, а потом, когда кухня освободилась, внесла корыто, обдала кипятком, чтоб нагрелось. Налила воду, развела слабо марганцовку, пробуя воду, окунула голый локоть — Нина запоминала все эти приготовления.

Впервые с того дня, как родился, Витюшку купали целиком, и когда Ада опустила его в пеленке — как в маленьком гамаке, — в розовую воду, он задвигал руками и ногами, испуганно таращил глазки, и, казалось, сейчас заплачет. Но он не плакал, быстро освоился в воде, лежал расслабленно, Нина поливала на него из ладоней, капли попадали на лицо, он вздрагивал, всхлипывал, а кричать стал, когда вынули из воды и закутали в нагретую простынку.

Нина покормила его, и он спокойно спал целую ночь, а она и во сне вспоминала, что завтра снова на улицу, на мороз, искать этот военкомат, и когда же настанет конец ее скитаниям? Утром поела того же кондеру и, оставив сына на мать Ады, ушла. Было так же морозно, на школах по-прежнему висели красные флажки, в трамвае она еще раз заглянула в бумажку, испещренную четким каллиграфическим почерком — здесь было все: адреса, номера

трамваев, названия остановок и даже фразы, которые нужно произносить, например, такая, дважды подчеркнутая: «В Саратове ни родных, ни знакомых не имеется».

Ну ладно, по крайней мере, не придется путаться в адресах, расспрашивать всех и мерзнуть на улицах.

В военкомате ей отказали сразу. До того она выстояла очередь в коридоре, но здесь хотя бы было тепло, а когда вошла в комнату с голыми стенами и изложила просьбу, усталый майор терпеливо разъяснил: своего жилого фонда у них нет, военный городок перенаселен эвакуированными семьями комсостава, а поскольку у нее нет ни аттестата, ни других документов, подтверждающих, что она — семья военного, то и на жилучет поставить ее не могут.

Она постояла немного, думая, что, может быть, он скажет еще что-то, но он смотрел мимо нее, на дверь, у которой уже стояла женщина с двумя детьми.

— Значит, я не ваша?

— Выходит, что не наша, — вздохнул он. — Потребуйте от мужа аттестат.

По дороге домой она думала: конечно, если б Виктор знал, как важны все эти справки, он бы прислал их еще в Москву. Но откуда ему знать, если и сама я узнала об этом только сейчас?

Вечером рассказала про свой пустой визит, Михаил Михайлович молчал, жевал губами, сопел своим узким носиком. Потом спросил:

— А почему ты не сказала, что ты — дочь боевого генерала? Что твой отец на фронте? У тебя такая справка есть?

У нее не было такой справки. Был только тот клочок газеты, который, в сущности, ничего не доказывал. Но если бы даже была справка, она уже не смогла бы пустить ее в дело — сама не знала почему. Может, потому, что помнила, как в Ташкенте, больная, почти в бреду, совала униженно Рябинину свой паспорт и газетный клочок с Указом...

При чем тут боевой генерал? — вдруг сказала она. — Я приехала в Саратов не как дочь боевого генерала, а как жена курсанта военного училища!

Она сама удивилась, как жестко выпалила все это — ее просто возмутило, что человек, сидя тут, в тылу, учил ее эксплуатировать военные заслуги отца.

— Остается тебе сходить в исполком... Как говорится, попытка — не пытка...

В исполком она попала на следующий день. Сперва ее записали на очередь, выдали талончик с указанием примерного времени приема — после обеда, — но она, съездив домой, покормила сына и тут же вернулась.

В этот день пошел снег, мороз упал, и она обрадовалась, подумала; вот определят ей сегодня жилье — не так холодно будет переезжать. Слово «переезжать» вызвало у нее улыбку: какой переезд, если весь багаж — сын и мешок с несколькими распашонками, которые шили они вечерами с Адой?

Очередь теснилась на улице, коридор был забит, туда не пускали, там сидели и стояли те, кого записали раньше.

Она стояла, прислушиваясь к плачу детей, к разговорам, и уже знала, что люди шли сюда с различными нуждами: у кого-то кончились дрова, кто-то не мог получить карточки, кого-то не прописывали, кто-то хлопотал о детсаде, но большинство, поняла Нина, — как и она, хлопотали о жилье. Тех, кто выходил из приемной, моментально окружали, расспрашивали, и она пристраивалась, чтобы услышать что-то полезное для себя. Все, кто пришел по поводу жилья, рассказывали одно и то же: жилья в городе нет, предложено выезжать в район. Ее надежды гасли, она упала духом и уже подумывала: стоит ли выстаивать эту очередь, не уйти ли? Но никто не уходил, все на что-то надеялись, ждали, и она стала ждать.

У нее теперь не было часов, ей казалось, что стоит она очень долго и пора кормить ребенка, и без конца спрашивала, который час...

Наконец вошла в большую задымленную комнату, здесь стояли четыре стола, четверо депутатов вели прием. Ее направили к пожилой женщине, которая простуженно кашляла, курила и разгоняла махорочный дым.

Нина уже не удивилась, услышав то, что слышала в коридоре: ни одного свободного места в городе нет, даже в школах живут, по две семьи в классе, надо ехать в район.

Женщина разглядывала паспорт, роняла: «А, из Москвы...», потом справку из Аксайской больницы — «Такая крошка!» — под конец спросила:

— Вы с какой организацией эвакуированы?

Ни с какой. Я сама.

— А, самотек! — Она сложила руки, посмотрела на Нину. — Но почему именно в Саратов?

Нина опустила голову:

— Так пришлось...

Женщина вернула документы, вздохнула:

— Голубушка, мы ничего не можем сделать, мы даже организованных эвакуированных не можем расселить. У нас на вокзале живут люди...

Нина молчала. И женщина молчала, нетерпеливо постукивая пальцами по столу.

— Что же мне делать? — дрогнувшим голосом спросила Нина, она чувствовала, что пропускает время кормления и там, наверно, сын уже кричит, а она тут сидит, лишенная последней надежды.

— Я, вас запишу, но сразу говорю: не надейтесь. — Женщина придвинула к себе большую толстую книгу, раскрыла ее. — Куда сообщить? Вы где остановились?

Нина сказала адрес и вспомнила жирно подчеркнутую фразу:

— У меня ни родных, ни знакомых тут, просто пустили на несколько дней.

Опять она соврала, как тогда летчику, эта ложь была сейчас необходима — ее поразила мысль, что, оказывается, обман может оказаться необходимым.

Женщина закашлялась и долго кашляла, а потом сказала надсадным голосом:

— Поищите в городе сами, может, кто и пустит... Но сомневаюсь.

Домой она вернулась совершенно убитой. Это было не то слово — «домой», — дома у нее не было, было временное пристанище, откуда предстояло уходить — а куда? Ее повергало в ужас предстоящее вечером объяснение с Колесовыми. Что сказать им? Что женщина-депутат записала ее в свой журнал? Но ведь при этом сказала «не надейтесь»... Нина и сама теперь догадывалась: жизнь устроена так, что надежды не сбываются. А может, они не сбываются только у таких, как я, у тех, кто вырос размазней?

Она думала: а вдруг теперь, когда она испробовала все и у нее не осталось надежд, вдруг теперь они сжалятся — не над ней, над ребенком — и не прогонят? Скажут: «Что ж с тобой делать, живи!» Хотя бы оставили до весны, до тепла...

Она покормила сына, постирала пеленки, убрала на кухне. Посидела там, пошла в комнату Ады, поиграла с Вовочкой. Она старалась как можно меньше бывать в комнате Колесовых, только спала там, ее мучило, что, укладываясь спать, Михаил Михайлович всякий раз ощупывал свое ложе на сундучке и вздыхал: жестко. И сейчас Нина без конца поглядывала на часы, маялась, торопила время — скорее бы вечер, скорее бы все кончилось... Что — кончилось, — она не знала, но чего-то ждала от этого вечера.

Первой с работы вернулась Ада, взглянула на Нину — и все поняла, ни о чем не спросила, потащила на кухню, угощала яичницей с салом, продукты она принесла с работы. Ада работала в Квартирно-эксплуатационной части — в КЭЧи вольнонаемным техником-смотрителем, изредка им привозили из подсобного хозяйства продукты и продавали по заборным книжкам.

Когда пришли Михаил Михайлович с Верой, Ада и вовсе не отходила от Нины, вроде старалась загородить, прикрыть собой.

Колесовы вошли на кухню, Вера подала Нине конверт:

— Вот твоя телеграмма.

В конверте оказался телеграфный бланк, на котором торопливым почерком был написан текст: «Встречайте... Поезд... вагон...» Выходит, никто эту телеграмму не передавал, шла она как обыкновенное письмо почти двадцать дней. Нина еще раз прочитала телеграмму, скомкала ее, кинула в плиту.

Михаил Михайлович быстро съел суп, Вера хотела подлить ему, но он загородил тарелку:

— Добавка не по времени, потерпим.

Убрал ладонями со лба волосы, спросил подобревшим ГОЛОСОМ:

— Как наши успехи?

Не поднимая головы, Нина сказала, что никаких успехов нет, в исполкоме ей отказали.

Правда, депутат' записала ее, но...

Он дальше слушать не стал, посмотрел на Веру, вздохнул:

— Где тонко, там и рвется... Тебе бы с Витькой идти, с ребенком не имеют права...

Ада все время маячила между ним и Ниной, а после этих слов остановилась:

— Вы соображаете, что говорите?... На улице — минус сорок!

— Ну-ну, сегодня гораздо теплее... И он ведь в одеяле.

Нина подняла голову, посмотрела на него, прямо в его прозрачные маленькие глазки и почувствовала, как остро ненавидит сейчас этого человека, — ее даже затошнило. Впервые в жизни она ненавидела так навсегда, на всю жизнь человека, который предавал ребенка ради того, чтобы отстоять в этой войне для себя сухой и теплый угол.

В бровях его высыхали искорки выступившего пота, глаза смотрели прозрачно и невинно, а она все глядела на него, давя подступающую тошноту. И теперь-то знала: надо уходить. Даже если б он умолял остаться, надо уходить. Чтобы ненависть к нему не отравила жизнь.

По утрам тепло укутывала сына — в два одеяла, сверху теплый и легкий старенький плед, его подарила Ада, — и уходила, повесив на плечо мешок с пеленками и кое-какой едой. Пятилетний Вовочка болел, сидел на кушетке толсто одетый, с завязанным горлом, и матери Ады хватало хлопот с ним одним.

Морозы упали, на солнцепеке даже слегка подтаивало, крыши обрастали сосульками, но Колесовы говорили, что это ненадолго и под самый Новый год обязательно снова ударят холода.

До Нового года оставалась неделя, но приближения его не чувствовалось. Нина вспоминала эти дни, полные счастливой суеты и хлопот, люди везли на санках елки, пахло хвоей и мандаринами, в витринах сверкали елочные украшения, и как в прошлом году шили они в общежитии бархатные маски для маскарада, а руководитель драмкружка достал им из костюмерной театра костюмы, Нина оделась Золушкой, и все говорили, что костюм ей очень идет... В ее детстве елок не было, их не устраивали, почему-то это считалось мещанством, связывалось с религиозным праздником — рождеством, а потом вдруг елки появились, запрет отменили, дети, радовались и говорили, что елку подарил дядя Постышев... А сейчас никто не запрещает, но людям не до ёлок — идут с усталыми озабоченными лицами, везут на санках детей в детсады, спешат к трамваям, чтобы не опоздать на работу... Да и какая радость от елки в ночном затемненном городе и скудно освещенных квартирах?

Она не представляла себе, как ищут жилье, что для этого надо делать, и сперва просто бродила по улицам, присматриваясь к домам и лицам прохожих. У нее не было часов, она не ощущала хода времени и не знала, когда надо кормить сына, иногда справлялась у прохожих и шла дальше, не понимая, куда и зачем идет. Но вот он задвигался, закричал, она поняла, что надо уже кормить, отыскала подъезд потеплее, села на лестничной ступеньке. Сын все кричал и дергался ножками, не брал грудь, она подумала, что он, наверно, мокрый, но где же его перепеленать? не здесь же, на лестнице?

Где-то на площадке открылась дверь, зашаркали шаги, и Нина подвинулась, села боком, чтобы дать пройти. Мимо нее по лестнице спустилась старая женщина с ведром, обвязанная пуховым платком. Остановилась, посмотрела на Нину темными запавшими глазами.

— Вы чего тут?... Ждете кого?

— Ребенка зашла покормить... Ничего? Я скоро...

— Но, милая, как можно... Зайдите в комнату, — неуверенно пригласила женщина.

Нина поднялась, тяжело держась за перила.

— Спасибо. Мне бы только перепеленать...

Женщина поднялась с ведром назад, Нина за ней.

Щелкнул язычок замка, из открытой двери дохнуло жилым теплом и запахом тушеной капусты.

— Входите. — Женщина пропустила Нину вперед, оставила в коридоре ведро, потом провела ее в большую комнату, заставленную старинной мебелью.

— Располагайтесь. Хотите чаю с монпансье?

Нина понимала, что к чаю ее приглашают из вежливости, и отказалась. Положила сына на диван, перепеленала, стала кормить. Женщина деликатно отошла к буфету, что-то искала там в ящичках.

В комнате было хорошо, уютно, стояли резные шкафы с книгами, кресла с высокими спинками, висели картины, овальные портреты в узких рамочках. Может быть, подумала Нина, здесь живет какой-то ученый... А эта интеллигентная женщина — его жена. Или мать? Женщина возраста не имела, ей можно дать и сорок, и шестьдесят.

— Спасибо, я пойду, — наконец сказала Нина.

Ей хотелось побыть тут еще, отдохнуть в тепле, и она ждала, что, может быть, ей предложат посидеть, но женщина молчала. Надо было согласиться выпить чаю, а теперь, конечно, уже поздно. Она еще раз поблагодарила, взяла сына, вышла в темный коридор и неожиданно для себя, осмелев, спросила:

— Не знаете ли, кто поблизости сдает комнату?

Женщина посмотрела на нее, покачала головой:

— Не знаю, милая. Всех уплотнили...

Нина извинилась и вышла, за ней, прихватив ведро, вышла и женщина. Они спускались по лестнице, женщина что-то ей говорила, к Нине долетали отдельные слова:

— Уплотнили... Вряд ли... Прописка...

Словно перешагнув запрещающий барьер, Нина теперь заходила в дворы, подъезды, иногда, набравшись) храбрости, даже стучалась в квартиры, везде ей с сочувственным вздохом отвечали одно и то же: ни комнаты, ни даже угла свободного нет.

В обед Нина возвращалась, кормила сына, стирала пеленки, наскоро съедала что-нибудь горячее и опять уходила. Выбирала улицы, где дома были побогаче и попримятнее, заходила в широкие подъезды, стучала в квартиры, где-то не открывали, там никого не было, а если и открывали, отвечали одно и то же: нет. На нее смотрели с удивлением, подозрением, чаще — с состраданием, ее уже не смущали эти взгляды, она чувствовала, как тают ее силы и тают надежды, так она бродила до самого вечера, возвращалась, вопросы об успехах уже не пугали ее, она устало валилась на кровать, проваливалась в глубокий, как смерть, сон, а утром, пожевав хлеба и запив его несладким чаем, снова уходила, чтобы стучаться в чужие дома. Казалось, что уже так долго, много дней и месяцев бродит она по городу и стучится в дома, ей открывают, ее обдает запахом чужого жилья — жареной рыбы, несвежих постелей, угольного перегара, лекарств, — и женщины и мужчины, молодые и старые, немощные и здоровые произносят одно и то же слово: нет. Как будто ничего другого говорить они не умеют.

Что же делать? Ведь должно где-нибудь найтись место и для нас. Не может быть, чтобы человеку в жизни не нашлось места! Она бы, конечно, поехала и в район, но кто ее там устроит? Та женщина-депутат говорила, что туда направляют организованных эвакуированных. А она — «самотек».

И тут ее словно обожгло что-то. Она остановилась возле чугунной ажурной ограды, за которой сквозь голые кусты розовел кирпичный одноэтажный особнячок: и широкое крыльцо с козырьком, подпираемым двумя тонкими колоннами, тоже показалось знакомым. В детстве Нине казалось, что домик присел, опершись руками-колоннами на прикрытые подолом колени. А чердачное оконце, круглое, чуть сплюснутое с боков, Всегда напоминало рот, готовый вот-вот произнести звук «о»... Да, так и есть, это тот самый дом, где жила она в детстве, на этом крыльце часто сидела в тихие закатные часы, и скоба для чистки подошв та самая, как-то она упала прямо на эту скобу, глубоко поранила кисть руки, и сейчас заметен белый шрам...

«М. Сергиевская» — прочитала Нина название улицы, та самая, Малая Сергиевская — боже мой, тогда, была жива мама, в доме пахло сдобными пирогами, здесь, в огромном коридоре, Нина возила в перевернутой табуретке маленького Никитку, а Лина раздувала самовар и пела про казака, который скакал через долину... Вечером приходил отец, от него знакомо пахло табаком и кожей портупеи, он колот Нину небритыми щеками, целовал и называл червонной кралечкой...

Нина обошла дом, посмотрела на окна, задернутые чужими занавесками, вернулась, поднялась на крыльцо. Тот же самый звонок-вертушка, над ним выпуклые буквы «Прошу звонить» — говорили, что до революции тут жил зубной врач, — вертушка давно не работала, рядом вделана скромная кнопка, и Нина, дрожа от волнения, позвонила. Она сама не понимала, зачем звонит, что ей нужно в этом чужом доме, что она скажет, когда откроют дверь, но звонила, а потом стала стучать, но никто не открывал. Она спустилась на деревянное крыльцо, прижала к себе сына и сидела так, думала: и зачем только судьба привела ее, бездомную, к этому порогу? Нет ничего больнее, чем в горести вспоминать о давно ушедшем счастье.

Она поднялась и пошла по улице, постояла возле своей школы — теперь тут надстроено второй этаж, — вспомнила Иру Дрягину и Лиду Лаврентьеву, по-школьному Лавро, обе жили тут, Лавро, конечно, нет, она учится в Ленинграде, а Ира должна быть в Саратове, вот бы разыскать ее...

Домой вернулась к вечеру, и на этот раз Михаил Михайлович не спрашивал об успехах и вообще не говорил с нею, молча ходил из угла в угол, Нина вспомнила, как утром он потирал бока, постанывая, и все время ощупывал тощий матрасик на сундучке и как Вера сказала:

— Папа, ложись на кровати, а я буду на сундуке, мне ведь легче.

— Ну как же, ты ведь женщина, — ответил он и посмотрел на Нину, — Потерплю, будет же когда-нибудь этому конец...

Нине есть не хотелось, Ада подала ей очищенную морковку, Нина откусила раз-другой и оставила на столе, пошла спать, а утром никак не хотела подниматься, от усталости болело в ней все, и тело было слабым. Но пришлось встать, кормить сына и вновь идти искать жилье — ни о чем другом она думать не могла.

Ей все равно было, куда идти — по этой улице или по другой, вправо или влево, — снег мягко проседал под ботинками, было тихо, безветренно, она остановилась на углу, размышляя, идти ли дальше или свергнуть за угол. Неподалеку стояла женщина, приткнув к ногам две большие сумки, одна была с углем, из другой выпирали говяжьи ребра с розовыми следами мяса — как видно, женщина отдыхала. Нина подошла к ней.

— Не знаете, не сдается ли где комната?

Женщина посмотрела на нее, заправила под платок выбившиеся пряди.

— Какие теперь комнаты? Хоть бы угол, и то навряд ли...

Опять посмотрела на Нину, на ее руки, державшие ребенка...

— Ты его дыбки держи, будет легче. — Женщина подошла, показала, как надо взять «дыбки», голова сына оказалась у плеча Нины, так и в самом деле стало легче. — В жактовских домах искать бесполезно, ты в частном секторе поищи...

Она объяснила, как добраться в «частный сектор»: трамваем до Привалова моста, перейти через Глебу- чев Овраг, там пойдут улицы Кирпичная и Горная — сплошь частные дома.

Нина, когда жила здесь, и не слышала, что есть в городе какой-то, Глебучев Овраг, Привалов мост... Да и не надеялась уже ни на что: нет, не принимает ее этот город, не хочет принять, но ведь все равно куда-то идти надо, и она пошла к остановке.

Время растянулось до бесконечности, ей казалось; что целую жизнь назад приехала она сюда и с тех пор все ищет и не может найти себе пристанище.

Доехала до улицы Октябрьской, "узкой, выложенной булыжником. Улица спускалась к длинному насыпному мосту. За мостом виднелись круто взбегающие на гору улицы, по ним были рассыпаны одноэтажные домики с железными крышами и резными наличниками — наверно, это и был «частный сектор».

Нина пошла на мост, по обе стороны его круто шли вниз деревянные лестницы в широкую балку, там лепились низенькие ветхие дома с крошечными дворами.

На голом мосту было ветрено, и Нина спустилась по лестнице, искала глазами, где бы сесть, — Витюшка давно уже крякал, хотел есть. Обошла забор из досок, серых от старости, села на лавочку у раскрытой, полузаметенной снегом калитки. Здесь ветер не чувствовался, и она сидела, прикрыв грудь и голову ребенка концом одеяла и пледа, по очереди поднимала и держала на весу уставшие и замерзшие ноги. Витюшка сосал, приятно облекая грудь, ее клонило в сон, и временами сознание как бы выключалось, она падла куда-то, вздрогнув, просыпалась и опять на мгновение забывалась, успела даже увидеть странный бессмысленный сон: старая цыганка протягивала ей ребенка и говорила низким голосом: «Ты чего тут?..»

— Ты чего тут?

Нина разлепила веки, перед ней стояла женщина в платке и ватнике, держала ведра с водой.

— Ты чего это тут, на морозе? И дитенка и грудь у застудишь.

— Я сейчас... Немножко осталось... — Нина боялась, что ее прогонят и она не успеет докормит сына.

— Айда в дом, у меня топлено! — Женщина с ведрами вошла в калитку, обернулась к Нине. — Давай, а то у меня руки к дужкам примерзают.

В сенях женщина поставила ведра на скамейку, прикрыла фанерными кружками, открыла дверь:

— Скорей, не то выстудишь!

Нина вошла, сиюсь стряхнуть с себя все еще одолевающую сонную одурь. В локтях она ощущала слабость, боялась, что уронит ребенка, огляделась, искала, куда б его положить.

— Сюда клади! — Женщина показала на кровать. — Да разверни, а то упрет.

Жарко, до красного раскала, горела плита, на ней посапывал алюминиевый чайник, тонкая перегородка без двери отделяла другую комнату, вместо двери висела пестрая ситцевая занавеска.

Женщина разделась, распустила платок, отряхнула с ног валенки, осталась в стеганой жилетке и белых шерстяных носках. Нина увидела, что она совсем еще нестарая.

— Ты как сюда забрела? Вижу, что нездешняя... Ай в гости к кому шла?

— Нет. Жилье искала.

— Нашла?

— Нет. Никто не пускает.

Женщина остро посмотрела на нее и опять задвигалась, засуетилась, добавила в печь пару поленьев — они были свалены тут «же, на притопочном листе, поставила на плиту кастрюлю; Поглядела на ноги Нины.

— Больно уж лапти твои не по погоде.

Нина поджала ноги, чтоб их не было видно. Она смотрела на сына, на его тельце, стянутом пеленками, отпечатались рубцы, и сейчас он лежал, освобожденный от пут, двигал ручонками и таращил глаза.

— Тебя звать-то как?

— Нина.

— А меня Евгения Ивановна, можешь теткой Женей — Она подошла к кровати. — Да он у тебя совсем еще махонький! Ишь разомлел...

Витюшка в тепле' раздумялся и выглядел в голубом чепчике и белой распашонке, сшитой Адой из наволочки, чистеньким, хорошеньким. А они его не полюбили, подумала Нина. Ну и пусть... Очень хотелось упасть прямо вот тут, на эту кровать, и уснуть. Но это была

чужая кровать и чужой дом, а ей надо идти, искать квартиру. Вот отдохну немного и пойду...

— Ты скидай пальто и свои модные лапти, сейчас каши поедим, у меня и масло есть конопляное.

Евгения Ивановна двигалась от плиты к столу и все что-то говорила, до Нины доходили отдельные слова — «обещалась», «грибной», «волглый»... Что такое «волглый»? — подумала Нина.

— Ты откуда же будешь?

— Из Москвы.

Евгения Ивановна подошла, заглянула ей в лицо:

— Из самой-самой Москвы? — Она села у стола на скрипучий фанерный стул, сложила на столе темные, все в трещинах руки и заговорила про «вакуиро-ванных» — страсть, сколько их понаехало в Саратов, у них, на бывшем «шарикоподшипнике», даже в красном уголке живут...!

— Шарикоподшипник — это что, завод?

— Ну да, только нынче, сама понимаешь, он уже не подшипниковый...

И снова она заговорила про эвакуированных, и у них в Глебучевом Овраге они есть, хотя тут больше домов аварийных, но куда ж денешься? Вот и этот ее домик от свекрови остался, он насыпной, сейчас таких и не строят, до войны их уже расселять собирались, а овраг засыпать, ну а теперь не до того...

Она рассказывала и все выхватывала из темных стриженных волос круглую гребенку, часто-часто скребла голову и возвращала на место — видно, это у нее была привычка.

— Как это — насыпной? — спросила Нина.

— Меж досок шлаку насыпали для тепла, вот и насыпной..

Звякнуло в сенях, потом открылась дверь, через порог перевалилась низенькая, толсто укутанная старуха.

— А, Политивна, заходи, — сказала Евгения Иванова. — А у меня, вишь, гости...

— Гость в дом, бог в дом, — тонким голосом отозвалась старушка и принялась разматывать с себя платки. — А я тебе узюму к чаю принесла, давеча в церкви добрые люди за-ради рождества подали...

Евгения Ивановна подхватила, подбежала к плите, стала раскладывать по мискам кашу.

— Нам, Политивна, что рождество, что пасха — один черт, жрать нечего.

Болтай! Рядом со святым праздником черта поминаешь.

Нина есть не хотела, каша странно пахла, она сидела за столом, проваливаясь в короткую дрему, но сразу просыпалась, вспоминала: надо идти. Все казалось ей странным, нереальным, время кусками проваливалось куда-то, только что сидела тут и смеялась румяная старушка, со странным то ли именем, то ли отчеством, а сейчас ее уже нет, и со стола убрано, а сама она сидит разутая, в теплых полосатых носках, пьет чай, заедает изюмом... Окно занавешено одеялом, а под потолком часто гаснет и желто вспыхивает голая без абажура лампочка... Комната сократилась, вроде съежилась, в углах скопились тени...

— Электричество, — выговорила Нина, с трудом ворочая толстый неповоротливым языком.

— Горе это, а не электричество, — вздохнула Евгения Ивановна, вытирая клеенку. — По неделям не бывает, а лампа керосин жрет — не напасешься, все больше с фитильком сию...

— Пойду, пора. — Нина двинула стулом, пытаясь встать. У нее закружилась голова.

— Куда пойдешь? Темно уже и дитенка не донесешь, видать, захворала ты, девка. Иди-ка спать, утро вечера мудренее...

— А кормить, — опять трудно выговорила Нина.

— Ты ж его только что, перед чаем, кормила... Я уж упеленала его, он спит себе.

Евгения Ивановна повела ее за занавеску, там оказалась совсем маленькая комнатка. Когда же я его кормила? — пыталась вспомнить Нина и не могла.

— Беспокоиться-то о тебе, видать, некому?

Некому, подумала она. Разве вот Ада...

Она легла на узкую железную кровать, ее охватило ознобом, затрясло всю; клацая зубами, пыталась что-то сказать об Аде, но не могла. Наверно, я умираю, решила она и не испугалась.

Она падала с высоты сквозь зеленые облака, старалась хоть за что-нибудь удержаться, хваталась за клочки зеленого тумана, но в горстях оставалась теплая влага, а она все падала, замирая от ужаса, под ней разверзлись черные глубины, в которых дышало что-то большое, непонятное... А потом она стояла уже на твердой земле, и снова та цыганка подошла к ней, вложила в руки ребенка и побежала прочь, оглядываясь и смеясь. Нина хотела крикнуть: «Подождите, куда же вы, мне негде жить, некуда его нести!» — но голос застревал в сухом горле, она вспомнила, что надо идти искать жилье, и проснулась.

В маленьком окне сквозь наледь било солнце, освещало комнату, раздернутую ситцевую занавеску и старуху с платком на плечах, где-то Нина уже видела ее, но не помнила где. Старуха сматывала на клубок веревку из разноцветных лоскутов материи, медленно двигались маленькие пухлые руки, смешно ходили локти, и вся она казалась спокойной, уютной, какой и должна быть всякая бабушка.

— Это для чего? — спросила Нина.

Старушка подхватила со стула, отложила клубок.

— Водицы подать?

— Для чего это? — Нина показала на клубок.

— А так, баловство, половик после сплету.

Нина попила теплой невкусной воды, пахнувшей железом, попыталась спустить с кровати ноги:

— Надо идти...

— Болтай! Лежи себе, хворая ты.

Нина откинулась на подушки, смотрела на старуху, которая снова занялась клубком, и все хотела вспомнить, где раньше видела ее, а потом опять уснула, но и во сне мучила мысль о том, что надо идти, искать квартиру. И побрела по каким-то темным оврагам, там везде валялись большие камни, она, оступаясь, перетаскивала тяжелые ноги, вокруг не было ни людей, ни домов, но она все равно шла, потому что возвращаться было некуда. И вдруг вышла к тому дому-особнячку с крыльцом, там почему-то было лето, в распахнутых окнах шевелились знакомые накрахмаленные занавески, и дверь была открыта. Она поднялась на теплое крыльцо, чувствуя босой ногой шероховатость крашеных досок, и оказалась в широком коридоре, в нем стоял трехколесный Никиткин велосипед и знакомо пахло ванилью... И в комнатах все было прежнее, топорщились от крахмала тюлевые занавески, на окне желто цвела чайная роза, напротив двери стояло старенькое пианино, в кабинете отца — залитый чернилами письменный стол, когда-то Никитка опрокинул чернильницу... В детской — две кровати и Лина, узкая кушетка, которую она называла лежанкой... Вот здесь я и буду жить, подумала Нина, ведь это мой дом и отсюда меня не прогонят. Но где же все? Где мама, Лина, Никита? Вещи стояли на своих местах, а людей не было, но все указывало на то, что они только что сидели тут, — отставленный стул, завернутый край скатерти, еще качался на гвозде ремень, отец недавно правил бритву, наспех брошена на кровать мамина гитара с пышным бантом... Сейчас мама войдет, возьмет гитару и запоеет: «Вот вспыхнуло утро...»

Здесь и буду жить, опять, но уже неуверенно подумала Нина и все прислушивалась к тишине коридора, ожидая услышать шаги. И вдруг вспомнила: да ведь сейчас война, отец на фронте, мамы давно нет, а Никитка где-то в эвакуации с мачехой... Выходит, я забралась в чужой дом, сижу тут, а надо идти искать квартиру... Она посмотрела на свои ноги — как же я босиком по снегу?

— Надо идти, — четко произнесла она и проснулась.

В комнате было темно, из-за задернутой ситцевой занавески просачивался желтый свет, куда-то делась румяная старушка, а может, ее и не было, просто приснилась... За занавеской стукали железной посудой, разливался приторный сладковатый запах, кто-то ходил по жидким половицам, и Нина никак не могла понять, где она и кто там ходит.

— Пора идти, — громко сказала она и села на кровати, спустила ноги. Все поплыло перед глазами, и она сидела, преодолевая головокружение.

Дрогнули и раздвинулись занавески, впуская прямоугольник света, вошла женщина с темным узким лицом, чем-то она напоминала Лину, только казалась старше.

— Ну, отудобила маленько? — Она выхватила из волос круглую гребенку, привычно поскребла голову раз-другой, и Нина сразу вспомнила: тетя Женя!

— Мне надо квартиру искать, — слабо выговорила она.

Евгения Ивановна подошла, тронула ладонью ее лоб — от рук пахло чем-то приторно-сладким.

— Ты, девка, три дня не евши, ослабла, куда тебе такой-то... А жар вроде упал.

Нина удивилась: Как это «три дня»? Я же только сегодня пришла сюда, вон та же лампочка горит... Она медленно повела глазами, чувствуя, как проявляется в голове.

— Старушка тут сидела...

— Это Политивна, она все три дня с тобой пробыла. Я на работе, а она тут. Значит, не приснилась. Это та самая старуха со странным не то именем, не то отчеством. Почему-то это обрадовало Нину.

— Как странно ее зовут.

— Зовут Лизаветой, а отец Ипполит был, да разве ж выговоришь по отцу? Язык сломаешь, вот и кличем Политивной, она привыкла.

— А кто она?

— Нет никто. Соседка моя. Нищенка.

— Как — нищенка?

— Нищенка и есть. При церкви кормится. Свечи продает, ну, и кусочки берет, кто подаст... Ей можно, она головой больная. А так старуха добрая, хоть с придурью. Евгения Ивановна засмеялась, привычно провела гребенкой по волосам. — Градусника у меня нет, а по всему, жар у тебя упал, сейчас кашу тыквенную поедим. Встанешь или сюда подать?

Нина стянула с колен одеяло, почувствовала в руках тяжесть и боль — так бывает, когда долго что-то несешь на согнутых руках... И вдруг ужас пронзил ее: а где же сын?!

— Где... Где... — задыхаясь, выкрикнула она. Господи, я же совсем забыла о нем! Как я могла? Она шарилась по постели руками и повторяла испуганно свое «Где?» и смотрела на Евгению Ивановну остановившимися глазами.

— Да окстись! Тут он, никуда не делся, Политивна понесла к Клавдии.

— Зачем? Куда?

— А как кормить? Ты в жару лежишь, молока нету, Клавка своего кормит и твоего кормила...

Евгения Ивановна вышла, а Нина, тяжело дыша, все еще не оправившись от испуга, ощупала свои груди — что же я буду делать теперь, как кормить?

Загремело в сенях, глухо бухнула тяжелая дверь, в комнате заговорили, но голоса тонули в тяжелом теплом воздухе, Нина не разбирала слов, и тут Евгения Ивановна внесла ребенка.

— Получай!

Витюшка спал, Нина размотала с него одеяла, он остался в простынке, она прижалась щекой к его личику, полежала так, вдыхая теплый младенческий запах... Сын вошел в ее жизнь, но еще не завладел сознанием, иногда она вроде бы забывала о нем и ни разу не видела во сне, от этого чувствовала свою вину перед ним — как же так, ведь я люблю его и никого, кроме меня, у него нет, я ему единственная защита... И чем же его теперь кормить? Она смотрела на него, и от нежности и жалости у нее щемило сердце.

— Ай туда тебе подать? — уловила она конец фразы. Заговорила сына подушкой, встала. Сунула ноги в короткие обрезанные валенки — они стояли у кровати, — перебарывая слабость готовых вот-вот переломиться в коленях ног, вышла в комнату.

Евгения Ивановна и Ипполитовна ели желтую кашу из тыквы, без хлеба, от нее шел приторный запах, Нина есть не хотела, а все пила пустой несладкий чай. Да это был и не чай, а кипяток, покрашенный горелой коркой хлеба, но Нина пила жадно, стакан за стаканом, и все не могла напиться.

— Ох, люблю чай, особенно после бани, — заговорила Евгения Ивановна, кося глазом на Нину. — И что бы дуре запасть еще тогда, до карточек?

Ипполитовна, разморенная горячей кашей, стянула с головы платок на плечи, седые волосы ее, заплетенные в две жиденькие косицы, были перевиты коричневой тесьмой, завязанной на темени бантиком.

— На всю жизнь не напасешься, — сказала она. — Теперь терпи до послевоенной.

— Да уж потерплю, без чаю не помру. Говорят, семь лет мак не родил, а голоду не было. Чай — не хлеб, без него можно, только бы война проклятая скорее кончилась!

— Куда денется, кончится. — Ипполитовна доела кашу, облила ложку, вытерла губы. — Давеча старик в церкви рассказывал, мол, сон видел: два гроба стоят, в одном кровищи полно и написано «сорок один», в другом цветы разные, написано «сорок два», и по всему выходит, в сорок втором войне конец!

— Ой, погоди ты со своим стариком, забыла совсем! и Евгения Ивановна всплеснула руками, — У нее на заводе митинг был, по радио сам Калинин выступал, про освобожденные города говорил: Наро-Фоминск, Калуга, Калинин, а дальше не упомяну...

— Вот и выходит, в сорок втором войне конец! — подхватила Ипполитовна.

Евгения Ивановна покачала головой:

— Ой, навряд... Сколько земли отдали, не успеть за год вернуть.

Нина вспомнила свой сон, спросила:

— А если во сне цыганка дитя отдает, это к чему?

Ипполитовна зарумянилась щеками, засмеялась:

— Дак, если девочка — к диву, мальчик — к прибыли, выходит, все — к добру.

«К добру» для Нины, как и для всех, сейчас означало одно: конец войне! Может, и правда в сорок втором наступит этот конец? И она вернется с сыном в Москву, вон уже как далеко немца отогнали...

Ипполитовна посмотрела на Нину, вздохнула раз- другой.

— Несладко тебе придется с дитем-то... Прибрал бы его господь на свои пречистые рученьки, развязал бы тебя...

Что она такое болтает? Глаза Нины заплывли слезами, все вокруг стало далеким и мутным.

— Ты, старая, говори да оглядывайся! — раздался суровый голос Евгении Ивановны. — Богу молишься, а греха не боишься, чего младенцу просишь? А ну как тебя за это черти в геенну потянут?

Ипполитовна моргнула маленькими глазками, сложила на животе пухлые руки.

— Болтай! Не жил он еще, не понимает, а ее жалко, у нее другие детки-то потом народятся.

— Не хочу других, — тонко и жалобно пискнула Нина. — Мне этот нужен, других не хочу!!!

Евгения Ивановна встала, взяла с плиты чайник, налила Нине еще стакан.

— Не слушай ее, дуру старую! Еще какой парень вырастет, на инженера выучится, вот пусть она тогда поглядит на него.

Ипполитовна засмеялась сконфуженно, мелко затряслись дряблые щеки.

— Дак рази я доживу? Не приведи бог сэстоль-то жить.

Нина уже не хотела пить, она с тоской думала о заснеженных морозных улицах, по которым опять придется бродить и кормить сына в чужих холодных подъездах, и как кормить, если нет молока? у — Можно, я сегодня еще побуду у вас? А завтра пойду искать квартиру.

Евгения Ивановна собрала посуду, принялась мыть в тазике.

— Куда ты пойдешь, ведь на ногах не держишься! — Она обернулась, посмотрела на Нину. — Коль не побрезгуешь моей халупой, живи тут.

У Нины затряслись руки, кипяткок выплеснулся на клеенку, она подумала, что ослышалась или не так поняла.

— Как — тут? Насовсем?

— А как же? Я одна, мужики мои на войне, будем вдвоем горе мыкать.

От слабости Нину все время тянуло на слезы, она не сдержалась, закрыла лицо ладонями, заплакала.

— Спасибо вам... Я буду платить...

Ипполитовна всплеснула короткими ручками:

— Ой, Женька, добрая ты баба, богу угодница, зачтется тебе на небеси!

— Черт ли мне в небесах, мне на земле подай! Чтоб с голоду не сдохла, чтоб мужики живые с войны пришли... А ты, москвичка, как оклемаешься, тащи вещички и живи, а платить мне не надо.

Какие вещички? — подумала Нина. Все мое — со мной. Но она ничего не сказала, сидела, все еще не смея поверить, что ни завтра, ни в какой другой день уже не придется брести с ребенком на руках в поисках пристанища.

Евгения Ивановна подметала у плиты, двигала вьюшками, журчал тихий умиротворяющий голосок Ипполитовны, а Нина оглядывала комнату, словно только сейчас попала сюда и увидела все заново: вешалку у дверей, старый, весь в дырочках от шашеля буфет на трех ножках, вместо четвертой — кирпич, кровать с подзором и тремя пухлыми, сложенными пирамидой подушками, картинка в углу, пришпиленная кнопками, — темная от копоти, и засиженная мухами литография, где-то Нина видела эту мадонну с младенцем, только не могла вспомнить где. Ее охватило покоем, тепло и сладко отдыхала душа, из черного репродуктора сочилась тихая музыка, и такими надежными казались эти ветхие стены, что она повторяла про себя: «Как хорошо... как хорошо...»

Потом Ипполитовна ушла, Евгения Ивановна внесла из сеней ведро, впусив клубок белого холода.

— Давай-ка стелиться, завтра мне рано. Вот только листок у численника оторву.

Пошла к настенному календарю — он висел рядом с плитой, от жары уголки его завились вверх. Евгения Ивановна сорвала листок, поглядела на обороте, покачала головой:

— «Отбеливание лица отрубями»... Гляди, какими балушками до войны занимались... — Она смяла листок, кинула в плиту. — Еще один день войны долой! Все на день меньше.

Она отошла от календаря, и Нина увидела на нем цифру — «1942». Значит, уже Новый год? — удивилась она. Выходит, он пришел, когда я болела? А вдруг и правда в этот год кончится война! И все вернется — отец, Виктор, Москва, институт... «.

Она пошла в маленькую комнатку, за занавеску, легла рядом с сыном. Он высвободил из пеленок ручонки и спал, прижав кулачки к груди. Нина вспомнила, что завтра не надо никуда идти, не надо мучить его, и почувствовала себя счастливой.

Она, конечно, понимала, что в сорок втором война кончиться не может, и мечты ее были как бы «понарошку». Пока что положение на фронтах не только не улучшалось, а даже ухудшалось: был окончательно окружен Ленинград, немцы рвались к Сталинграду и участвовали воздушные налеты на Саратов.

Евгения Ивановна говорила:

— Это отдавали бегом, а назад брать, знаешь, сколько будем?

Зимой сорок второго кое-где — удалось остановить и даже чуть потеснить врага, зато на юге, где потеплее, он шел не останавливаясь.

Вечерами они слушали радио, и если известия были плохие, Евгения Ивановна грозила кулаком черной тарелке репродуктора:

— Чтоб ты охрип, паразит! Чтоб у тебя глотку перехватило!

Часто выключали электричество, и они сидели с фитильком копилки, а когда начиналась воздушная тревога, гасили и фитилек, Нина закладывала уши сына ватой, повязывала ему толстый платок, ложилась, обняв его, стараясь прикрыть собой; от грохота зениток трясло их ветхий домишко, шуршало в стенах — это осыпался шлак, — и она чувствовала, как вздрагивает Витюшка, крепче прижимала его к себе.

От плохих сводок у нее болела душа, она вдруг ясно поняла, что каждая победа или поражение, каждый взятый или сданный клочок земли имел значение не только для тех, кто жил на той земле, но и для каждого, и для всех, для нее — тоже; все, вся война приобрела личное значение, ведь на фронте воевал ее отец, а возможно, уже и муж, в окруженном Ленинграде была Лавро, с которой они когда-то дружили, в захваченном немцами Курске родился Никитка, а когда она услышала о том, что разграблена Ясная Поляна, сразу вспомнила детство и как они в тридцать седьмом всем классом вместе с учительницей ездили в зимние каникулы поклониться могиле Толстого... Был глубокий, чистый до синевы снег, птицы, перелетая с ветки на ветку, роняли снежную пыль, она вспыхивала на солнце разноцветными искорками и гасла, словно стгорала; они стояли в тишине у простой и великой могилы, и когда кто-то хотел задать вопрос и совсем как на уроке поднял руку, учительница прошептала: «Тсс... Потом. Здесь помолчим». Но и другие, не связанные с воспоминаниями города и села, где Нина никогда не бывала, становились сейчас, в своей трагедии, близкими, она думала о тысячах беженцев, о таких, как Халима с детьми и Лев Михайлович, которые, бросив все, метались по стране, жили на вокзалах и площадях, думала и о тех, кто не успел уехать, остался там под властью врага, — тем было, конечно же, еще хуже...

Все-все теперь имело значение не только общее но и личное; ее прежняя жизнь, благополучие сына, светлые аудитории института, улицы и парки, заполненные щебетом птиц, — все это могло вернуться к ней только тогда, когда кончится война... Раньше она не задумывалась о том, как неотвратимо судьба страны преломляется в судьбе отдельного человека, даже такого маленького, как ее сын.

И куда крокоидолы лезут, куда прут? Ни дна бы им, ни крыши! — ворчала Евгения Ивановна, услышав, что немцы заняли Феодосию. — Темное лицо ее становилось острым и злым. А то принималась ругать кого-то, кого называла общим словом «они».

Половину земли отдали, это как же? Почему? Займы на оборону брали?.. Ведь мы не от богатства, от копеек своих платили, не жалели, а они?..

Доставалось от нее и Сталину, которого она почему-то называла «тятей»:

— А энтот тятя чего смотрел? Чего страну не приготовил к войне? А теперь вот о братьях и сестрах вспомнил...

Нина не выдерживала, бросалась в защиту:

— Нельзя так, тетя Женя... Про Сталина — нельзя!

— А что, посодют? Пускай. Баланду и там дают... Поди, не хуже, чем тут едим, — хуже-то некуда!

Нина любила Сталина и слышать о нем плохое не могла. В доме у них всегда висели два портрета — Ленина и Сталина, — она с детства привыкла к его лицу, к знакомому прищуру глаз, к утопавшей в усах полуулыбке, и «когда шли в Москве на демонстрацию, узнавала на трибуне Мавзолея, сердце с ликованием рвалось к нему, она завидовала пионерам, которые несли ему на трибуну цветы и потом стояли рядом с ним...

Разве мало он делал для страны? И не только для нашей — разве не посылали мы своих летчиков в Испанию, чтобы помочь республике одолеть фашистов? Делалось это почему-то секретно, об этом не говорили вслух, но все про это знали. А потом привезли испанских

детей. Семья Нины жила в Москве, отец учился в Академии имени Фрунзе, и однажды он спросил Нину и Никитку: «Хотели бы вы испанского брата или сестру?» Много дней ждала Нина испанского брата, а его все не было, Никитка приставал к отцу — «когда» да «когда», а потом мачеха сказала: «Нам не разрешили, потому что у нас и без того двое». Испанский брат Игнасио появился у Бурминых, все его звали Игнатиком, Нина с завистью смотрела, как Павлина — она была тремя годами старше Нины — водила своего Игнатика на музыку и в танцкласс, у них дома были установлены дни, когда говорили только по-испански. Но однажды ночью Нина проснулась, испуганная криками отца: «Вон из моего дома, вон!» В ночной рубашонке, босиком прошлепала она в ярко освещенную столовую, там стояла и плакала мать Павлины Бурминой, а отец топал на нее ногами и кричал «Вон из моего дома!», хотя никакого своего дома у них не было, они, как и Бурмины, жили в общежитии академии на Проезде Девичьего поля. Нина сперва не узнала Павлину мать — до того она изменилась. Всегда подтянутая, кокетливо одетая, она стояла, по-крестьянски обвязанная платком, плакала и бормотала: «Он негодяй... Человек с двойным дном...» — а отец наступал на нее: «И ты поверила про своего мужа и моего друга? Вон из моего дома!» Так Нина узнала, что отца Павлины арестовали. Позже отец жалел, что круто обошелся с несчастной женщиной: «Она вынуждена говорить так, чтобы спасти семью, она сама не верит тому, что говорит!» Он написал Сталину лично письмо, что знает полковника Бурмина с гражданской войны и ручается за него головой. Мачеха, насмешливо подняв брови, цедила: «У тебя две головы? Или ты думаешь, что вождь и учитель в самом деле ничего не знает?» Это издевательское «вождь и учитель» покорило Нину, и она, боявшаяся всяких скандалов и ссор, была рада, что отец поссорился с Людмилой Карловной, кричал и на нее: «Ты эти свои мещанские штучки-дрючки брось! Молчи о том, чего не понимаешь! Безобразия делаются его именем, но не им, за него прячутся подхалимы и карьеристы!»

Павла ходила заплаканная, ее мать отстранили от преподавания — она вела в академии английский язык, — и они куда-то уехали. Как-то Нина спросила отца: «Твое письмо не помогло?» Отец печально покачал головой: «Я уверен, до Сталина оно не дошло». Ночью она тихонько плакала в подушку, думала о Павле, о ее родителях и как страшно, безжалостно сломали их жизнь...

Мать Павлы тоже звали Павлиной, отца — Павлом, и он придумал про их семью шуточные стишки:

Жили-были три павлина, изготовленных из глины.
На четвертого павлина так и не достали глины...

Нина верила: если бы до Сталина дошло письмо отца, справедливость была бы восстановлена.

Сейчас она вспоминала, как в начале войны слышала по радио его больной рвущийся голос и как кто-то там или он сам наливал в стакан воду... Остро жалела его тогда, чутьем угадывала его одиночество, — ведь это в радостях и победах он вместе со всеми, а в горе страны, в общем горе он все равно одинок, потому что за все отвечает больше всех. Многие теперь, думала Нина, наверно, взваливают вину на него только потому, что он вождь. И после споров с Евгенией Ивановной часто думала: зачем он все брал на себя? Зачем позволил вознести себя на такую страшную высоту, где он так одинок?

— Один Сталин не может знать все, — сказала она Евгении Ивановне.

Та, выхватив свою круглую гребенку, злыми взмахами провела по голове:

— И что в тридцать третьем в Поволжье был голод — тоже не знал? Дети мерли, а он не знал?..

— Наверно, не знал, — неуверенно ответила Нина. Она впервые услышала о голоде, а ведь в тридцать третьем они жили тут, в Саратове.

— А ежели ни черта не знает про страну, пускай слазит! Пускай другого кого поставят, который все будет знать!

Они ссорились, расходились по углам, Евгения Ивановна принималась ожесточенно чистить золой кастрюли. Нина возилась с сыном и думала; как она может с таким злом говорить о Сталине в то время, как ее муж и сын, возможно, сейчас идут в атаку со словами: «За Родину, за Сталина!» Она не понимала, что они очень по-разному прожили свои жизни: Нина — короткую, благополучную, а эта женщина — долгую, трудную, полную жертв и лишений... Разный опыт отложился у них, и думать одинаково они просто не могли. Но обе быстро отходили, Евгения Ивановна звала к столу:

— Иди, Нетеля, поедим, чего бог и наш тятя Сталин послали...

Они сидели за столом, ели мелкую картошку в мундирах, пили чай с сахарином, Евгения Ивановна рассказывала, как жили до войны тут, в Глебучевом Овраге, который местные остряки прозвали Глеб-порт-маньчжурией, как по весне не раз затопляли их паводковые воды, случались и жертвы, а потом сделали водосток, вода через него идет прямо в Волгу. И как радовались все, что скоро будут расселять эту Глеб-порт-маньчжурию, уже ходили люди из исполкома, всех переписывали и определяли, кому какая квартира требуется, они записались вместе с Ипполитовной, хотели зажить одной семьей, а тут началась война...

Сын как раз перед войной ушел на действительную, теперь воюет, а позже пошел и муж.

— Ну, после войны вас расселят, — сказала Нина.

— Нет, теперь не скоро. Пока та война кончится, пока все хозяйство поправят, не до того будет. Я уж не доживу.

Нина смотрела на эту женщину, которая умела быть и доброй, и сердитой, почти злой, и сердце ее оттаивало, она думала: какая разница, что говорит эта женщина? Важно, что она делает... Пригрела одинокую Ипполитовну, приютила меня с ребенком, делится последним куском...

Что было бы с жизнью, если бы она состояла из одних Колесовых и не было бы таких, как тетя Женя?

31

Евгения Ивановна работала на заводе «Шарикоподшипник», где до войны работал и ее муж. Сейчас это был военный завод, там точили корпуса снарядов, и Евгения Ивановна перекрестила завод, называла его «наш неподшипник». Сперва она ради рабочей карточки встала к станку, но долго не выдержала, болели и распухали застуженные в молодости ноги, и ее, как жену кадрового рабочего, перевели в вахтеры. Работала теперь, как сама говорила, «в тепле да сухости, и посидеть можно», посменно — сутки на заводе, сутки дома, а главное, там иногда выдавали талоны то на мыло, то на ситец, и каждый день продавали коммерческие обеды. Обеды эти были, конечно, скудные, суп на комбихири и ложка каши на второе, кашу Евгения Ивановна съедала на работе, чтобы сэкономить хлеб, а суп копила в судке — за сутки полагались ей две порции, — приносила домой.

— Садись, Нетеля, супу поедим!

Нетелей она прозвала Нину потому, что молоко у той так и не появилось после болезни.

Нина кинулась в детскую консультацию, ей выписали молочные смеси — какие-то «брис» и «врис», — но молочная кухня почему-то не работала и никто не знал, когда начнет работать, ее научили саму готовить смеси.

В том же Глебучевом Овраге многодетная семья казанских татар держала козу, и Нина каждый день меняла Витюшкины четыреста граммов хлеба на пол-литра молока — на деньги хозяева молоко не продавали.

Молоко полагалось разбавлять рисовым отваром, но рису Нина не достала, разбавляла водой, кидала каплю сахара, который купила за бешеные деньги — даже детские талоны на сахар отоваривали леденцами — все это кипятила, этим и кормила сына.

Евгения Ивановна говорила, что такого питания ребенку недостаточно, без грудного молока ребенок пропадет, и заставляла два раза в день носить Витюшку к Клавдии.

Первый раз к кормящей Клавдии Нину повела Ипполитовна.

— Баба она непутящая, семеро по лавкам и все от разных отцов, но добрая, — сказала Евгения Ивановна.

Клавдия, румяная и веселая женщина, жила неподалеку, в таком же насыпном домике; когда Нина пришла сюда в первый раз, то сразу чуть не повернула назад — до того грязно, захламлено было в комнатах. Грязные узлы по углам, на полу — раздавленные куски соленых огурцов, на столе — тоже огурцы и шкурки от вареной картошки, в другой комнате на широкой кровати среди какого-то рванья торчали то ли четыре, то ли пять белесых головок, шестого Клавдия тютюшкала на руках, приговаривала:

— Аиньки!.. Аюшеньки!..

Увидела Ипполитовну и Нину с ребенком, засмеялась:

— Названный сыночек прибыл... Все ты, Политивна, мне деточек пристраиваешь...

— Дак куды денешься, не помирать же младенцам, а у тебя вымя, как у коровы.

— Я не против, мне еще лучше, не трудиться, не сцеживать... Ты, Митенька, полежи, а ко мне сыночек Витенька пришел...

Клавдия сунула ребенка в тряпье на кровати, убрала с лица растрепанные волосы, сколола сзади шпилькой, из расстегнутой спереди кофты вывалила полную, в синих жилках грудь. Руки ее с короткими ногтями были грязны, Нина подумала, что и грудь, конечно, не чище;

Клавдии тянулась к ней руками, а Нина топталась, не решаясь отдать сына, и смотрела на Ипполитовну.

Ты, Клавдии, сиську-то помой, — смекнула старуха. — Мы ведь не здешние, не глеб-портманьчжурские, а московские, теллигентные...

— Ой-ей-ешеньки! — засмеялась Клавдия, но не обиделась, вышла в сени, загремела там соском умывальника. Вернулась, вытирая руки и грудь серым, застиранным полотенцем.

Нина подала ей Витюшку, и Клавдия принялась подкидывать его:

— Ах ты, мой теллигентненький... Ах, мой красавчик...

Уронит, с ужасом смотрела на сына Нина. Пьяная она, что ли? Ведь уронит!

— Корми давай, — приказала Ипполитовна, — он голодный.

— А может, сама попробуешь? — захохотала Клавдия и стрельнула в Ипполитовну струйкой молока.

— Болтай! — Ипполитовна утерла щеку. — Напущу вот на тебя порчу, я ведь колдунья!

— Тогда погадай, коль колдунья.

Она уселась на топчан, принялась кормить Витюшку, а Ипполитовна достала из ящика стола мохнатые и засаленные карты, стала раскладывать на столе, сдвинув обьедки на край. С. Ниной никто не заговаривал, будто ее и нет, и она пыталась сообразить, как будет расплачиваться, возьмет ли Клавдия деньги или потребует хлеб.

Ипполитовна долго глядела в разложенные карты, потом вытерла уголки губ и завела:

— Плохого нет, плохого быть не может...

— Да ты не про плохое, ты про хорошее гадай, — вставила Клавдия.

— ...а сегодня гостя жди, червовый пожалуйет.

— Коська, что ль?

— Уж не знай. Только он гостем и уйдет. А на жизнь тебе ложится крестовый.

— Валька, что ль?

— Не знай. По твоим кавалерам, Клавдя, в колоде восемь королей надо держать.

Клавдия заливисто захохотала, и Нина опять подумала, что она, пожалуй, навеселе... Как же так, ведь она ребенка кормит? Ей захотелось сразу же схватить сына и убежать, но она знала, что не сделает этого, ведь ребенку нужно материнское молоко, и выхода у нее не было.

— А от казенного короля, Клавдя, тебе будет престиж.

— Это чево такое?

— А тово. Пристегнет тебя казенный король за твоих кавалеров, больно балуют они.

Давеча на При-валке у дамочки золотые серьги чуть не с ушами оборвали...

— А мне-то что? Мое дело маленькое: мне заказывают, я рожаю, а они обязаны своих деток кормить...

— Ну гляди, я прокукарекала, а там хоть и не рассветай.

Витюшка уснул, отвалился от груди, Клавдия подала его Нине:

— Тихонько, не мни, не дани, а то срыгнет.

— Спасибо. Я вам буду платить.

Клавдия опять засмеялась.

— Поллитровками разве...

Когда шли домой, Нина спросила:

— Она что же, пьяница?

— Что ты, это она так, пошутила насчет поллитровок...

Ипполитовна стала рассказывать про Клавдию — живет хоть и небогато, но нужды не знает, кавалеры ейные носят и харчами и деньгами, потому как от каждого тут ребяенок...

Нине было ужасно все это слышать, по опыту своей недлинной жизни она твердо знала, что таких, как Клавдия, следует презирать и держаться от них подальше, а ей приходится нести сюда, в этот порочный дом, своего сына.

— А нет ли другой кормящей женщины, поприличней? — спросила она.

— Как не быть, да кормить чужого не станет. А Клавдия баба добрая.

Нина обреченно вздохнула, Ипполитовна покосилась на нее, поджала губы.

— Ты, москвичка, ведь берешь у татар козьё молоко, дак у козы почему пачпорт не спрашиваешь? Может, та коза похлеще Клавки шлюха.

Нина не поняла, почему обиделась Ипполитовна, не попрощавшись, нырнула в Свою калитку, пристукнула ею. А Нина понесла сына к ветхому домику, который неожиданно стал и ее домом.

Уже два месяца Нина жила, соприкасаясь с людьми, которые были ей непонятны, не совпадали с теми эталонными, правильными, о которых читала в книгах, видела в кино, о которых постоянно твердили в школе. И жила она всегда среди людей, не похожих ни на Евгению Ивановну, ни на Ипполитовну или Клавдию... Ей трудно было разобраться во всем, что удивляло в этих людях. Евгения Ивановна могла ругать всех сверху донизу, в то

же время любила и ценила Советскую власть, без этой власти, как говорила она, «мы бы все пропали, я только через ликбез грамоту осилила, а Кольку — младшего — Советская власть бесплатно выучила, в люди вывела, дело в руки дала». Она могла быть грубой, пустить мужское крепкое словечко — в интеллигентной семье Нины этого не водилось, — но с нею было надежно и уютно... Она терпит ночные Витюшкины крики, а то и встанет, компресс на животик приложит и, жалея Нину, унесет его к себе, чтобы Нина могла поспать... А Ипполитовна, своим образом жизни прямо-таки позорящая Советскую власть? Верит в бога, которого, как известно, нет; продает свечи в церкви, которую просто по недоразумению забыли закрыть или переоборудовать в клуб; побирается, нищенствует, хотя у нас нищих нет и быть не может. Наверно, от жадности? Слышала Нина про старух, у которых после смерти находили в перинах большие деньги... По всем законам правильной жизни с таким чуждым элементом общаться позорно, но когда Нина болела, этот «чуждый элемент» ухаживал за ней, возился с Витюшкой, носил его на кормление к Клавдии... А Клавдия, жизнь которой ничего, кроме осуждения, вызывать не может, кормит чужого ребенка как своего... Хотя, как говорит Евгения Ивановна, могла бы продавать лишнее молоко, оно теперь в цене, за него платят сумасшедшие деньги. И кто мешает этой Клавдии выйти замуж и начать правильную жизнь? Куприн в «Яме» писал про падших женщин, так это же при царе, тогда женщине некуда было деться, а Клавдия вполне могла бы закончить хотя бы техникум, трудиться и приносить пользу... Нину мучило, что жизнь, казавшаяся ей раньше такой целесообразной, разложенной по правильным полочкам, оказалась сложной, перемешанной, непонятной. Об этом не с кем было поговорить, и она не знала, надо ли говорит. Как объяснить, что люди, которых она в прежней своей жизни осуждала бы, вдруг оказались самыми близкими и нужными для нее и сына, а такие, как Колесовы, схожие с ней образом жизни, стали чужее чужих? Может, когда-нибудь она разберется в этом и все поймет. Единственный человек, с кем она могла бы поговорить обо всем, — Ада, и ей очень хотелось увидеть Аду, но для этого надо было идти к Колесовым, а этого она сейчас не могла.

Первое время она много думала о Колесовых, особенно о Михаиле Михайловиче, рисовала себе картины: он, старый, немощный и больной, приезжает к ним в ту будущую жизнь, полную тепла и света, а она захлопывает перед ним дверь. Но тут же ей становилось жаль старика, она исправляла картину: он, старый, немощный и больной, приезжает к ним в дом, она принимает его, отводит ему самый теплый и сухой угол, несет первый, самый лучший кусок, кладет спать на самую мягкую постель и ухаживает за ним, больным, как родная дочь. Да, только так. Пусть это и будет самой великой мезьей человеку, который отверг родного внука.

Отрадно и сладко было придумывать разные сцены, в них она подавляла своих обидчиков благородством и добротой.

Еще в январе, едва оправившись от болезни, Нина поехала на почту. Евгения Ивановна, правда, гнала ее в загс записывать сына, без метрики, говорила она, не дадут детской карточки.

— Мысленное ли дело, ребенку месяц, а по закону его вроде бы и нет!

Как только у нее выдались свободные сутки, она вызвалась посидеть с Витюшкой, а Нину послала в загс. Нина и направилась было туда, честно пошла к остановке, чтобы сесть на «аннушку», но в это время подкатил трамвай, та же «аннушка», но ехала она в противоположном направлении, к почтамту, и ноги сами понесли Нину к трамваю. И всего-то три остановки, уговаривала она себя, поднимаясь в вагон.

Казалось, целую вечность не была она на почте, там должна скопиться уйма писем от отца и Виктора, и еще она надеялась получить деньги — деньги у нее были на исходе, и она с ужасом думала о будущем: нельзя же сесть на шею тете Жене! Деньги обязательно должны прийти — от отца или от Виктора, — Нина не представляла, что делать, если денег не будет.

Повторилось то же самое, она простояла очередь к окошку с буквой «Н», потом опять напряженно смотрела на пальцы женщины, перебиравшие письма, вдруг эти пальцы замерли, женщина посмотрела на лежавший перед нею паспорт, и у Нины екнуло сердце: есть!

Вместе с паспортом женщина подала Нине всего один тощий конверт, надписанный незнакомым почерком. Она, скользя по конверту взглядом, опять посмотрела на женщину, как будто спрашивала: и это все? Но та уже взяла другой документ, и Нина

отошла, оглушенная тем, что нет ей ни писем, ни денег. Поглядела на конверт без обратного адреса, на штемпеле стояло «Ташкент», но кто ей мог писать из Ташкента — Рябинин, Ванин? Она вытащила из конверта тетрадный листок в клеточку, на котором было выведено четким ученическим почерком: «Здравствуйте, незнакомая Нина! Сообщаю, что Л. М. Райский приказал вам долго жить. Он скончался под новый год в нашей больнице от воспаления легких. Медсестра Люся».

Какая Люся? И кто такой Райский? Она решила, что письмо попало к ней по ошибке, наверно, в Саратове есть еще Нина Нечаева, и хотела даже снова встать к тому же окошку, вернуть письмо и заодно еще раз протянуть женщине паспорт. Но она торопилась. Они что, забыли меня совсем?

Она пыталась подсчитать, сколько времени прошло с тех пор, как послала отцу и мужу телеграммы, выходило — дней двадцать, не больше, и это немного успокоило ее, она стала думать, как же ей теперь быть без денег, но ничего придумать не могла. Должен же Виктор в конце концов прислать аттестат или деньги, а как быть сейчас?

О муже она почему-то думала теперь спокойно и чуть отчужденно; та острота разлуки, которая схватывала сердце, прошла; Нине казалось, что расстались они очень давно и между ними пролегла целая жизнь. Она ловила себя на том, что редко и мало думает о Викторе, она давно не получала от него писем и чувствовала, как рвутся ниточки, связывающие их, она бёз него прожила самый трудный кусок жизни, и это разделило их. Она уже написала письма отцу и Марусе, а ему все откладывала со дня на день, потому что не знала, о чем писать и как писать. «Дорогой и любимый»? Но она не чувствовала искренности этих слов. И потом, как объяснить, почему она не живет у его родных? И все тянула с письмом — вот получу от него, тогда и напишу... Возможно, подумала она, там, на улице Ленина, уже лежит его письмо к ней, но все равно к Колесовым пойти не могла. В трамвае полезла в сумочку, наткнулась на письмо от неизвестной Люси, перечитала его. Заметила внизу приписку, которой не увидела раньше: «А племянницу свою он так и не разыскал». И тут что-то ударило в ноги — она вспомнила! Л. М. Райский — это же Лев Михайлович, тот, что приносил ей кипяток, — вареную картошку, ночами сидел у нее в ногах... И та последняя встреча на какой-то станции, с которой поезда унесли их в разные стороны... Сур ля муро... Господи, так он умер, умер...

Сидящая напротив женщина странно глядела на нее, и Нина поняла, что плачет. Уже пора было выходить, а она все не могла успокоиться, на улице сняла с ограды горсть снега, приложила к глазам... Вспомнила, как смотрел он тогда на нее, как будто на всем свете, кроме нее, никого у него нет... Обещал написать, да не смог, поручил медсестре Люсе, но все равно это был последний привет от него.

В коридоре загса, как и везде, была очередь, висело, правда, объявление о том, что регистрация новорожденных производится вне очереди, но она без очереди не пошла: у нее были заплаканные глаза и она все еще никак не могла успокоиться. В коридоре стоял гул, было накурено, ее, тогда еще слабую после болезни, пошатывало, а сесть было негде, она стояла, привалившись к стене, стараясь не слушать, о чем говорят, но к ней прорывались какие-то слова и фразы:

— В одночасье... Он и говорит... Она ушла...

Стоять пришлось долго, Нина часто выходила во двор подышать и посидеть на ступеньке, она пожевала темную лепешку, которую, сунула ей Евгения Ивановна, и вернулась в коридор.

Наконец вошла в небольшую холодную комнату, сядя старушка взяла у нее документы — паспорт, свидетельство о браке и справку из Аксайской больницы — темные руки ее были в перчатках без пальцев, она часто подносила пальцы горсткой ко рту, дышала на них и опять бралась за документы.

— Что ж вы, милочка... За такие вещи штрафуют, милочка... Что ж вы так долго... — низким голосом ворчала она и строго смотрела на Нину.

— Болела я, — пробормотала Нина и вдруг опять заплакала, не удержалась, — быстрые слезы сбегали к подбородку, она подбирала их пальцами.

— Это зря, милочка, сырости мне не надо, и так замерзла... Никто штрафовать вас не собирается, это я так, для порядка.

— Я не потому, — всхлипнула Нина, — я потому, что умер человек...

Старушка подняла голову, посмотрела на нее:

— Родной, что ли?

— Родной...

Старушка вздохнула, записала что-то в толстую разграфленную книгу, велела Нине расписаться, потом вытащила из ящика зеленоватый бланк, со стуком макая перо в чернильницу, стала заполнять. Писала долго, выводила красивые буквы, время от времени поднимала голову, смотрела на Нину.

— Отец, конечно, на фронте?

— Да, — кивнула Нина, но тут же поняла, что спрашивают не про ее отца. — Нет, он пока в училище.

Почему-то ей показалось странным, что у ее сына есть отец. Она знала, но не чувствовала этого, не ощущала, что кто-то, кроме нее, имеет отношение к ее ребенку. Словно он родился только для нее одной, без участия отца, а только потому, что пришел его срок — так распускается почка на ветке потому, что приходит срок.

Старушка встала, протянула ей холодную руку:

— Поздравляю вас, ваш сын — гражданин Советского Союза...

На обратном пути в трамвае Нина достала из сумочки плотную зеленоватую бумажку, читала: Колесов Виктор Викторович. Ей было странно и умилятельно, что этот Виктор Викторович — ее сын. И дома, вскипятив на керосинке молоко — плита уже не горела, покормив сына, она разглядывала этот документ, и опять умиляло ее, что вот у этого маленького человека есть уже свой документ, и он теперь уже не только для нее, а и для государства, и для всех живет «взаправду».

Она долго смотрела на графу «Отец», пытаясь разбудить в себе нежность, но душа оставалась холодной. Неужели я разлюбила его? Но ведь это стыдно, нельзя, быть может, он скоро уедет на фронт... Вспоминала, как прощались тогда на Красной Пресне, но и это сейчас не волновало ее. Она решила, что сегодня, сейчас же напишет ему письмо — про сына, как регистрировала его и как ее поздравили... Вырвала из тетрадки листок, достала огрызок химического карандаша, долго сидела над пустым листком и ничего не написала, решила, что надо дождаться письма от него — вдруг его уже нет и в Стерлитамаке?

Да нет, все это отговорки, поняла она. Разве для писем нужен адрес? И разве их обязательно отправлять? Сколько писем слагала она для него в уме когда-то в поезде и в Ташкенте! Они рождались сами собой из ее тоски, сами собой рвались из сердца слова к нему — куда же все это делось?..

Вечером опять развернула зеленый листок, прочитала первую графу, где после фамилии, имени и отчества сына шла дата рождения. Она записана была сперва цифрами, потом словами. Нина пыталась взглянуть на эту дату глазами тех, кто будет жить после войны. Она ничего не знала о том времени, оно представлялось ей праздничным и светлым, и из того времени декабрь сорок первого предстанет, как легенда. Когда вырастет сын, он во всех анкетах напишет эту дату, и люди, читая ее, всякий раз будут удивляться, что он из того великого и страшного времени — и как же он уцелел? И может быть, уже за это станут к нему добрее...

Теперь, когда Нина мыльной тряпочкой смыла с литографии копоть и мушинные точки, она узнала эту картину — «Мадонна с цветком» Леонардо да Винчи. Как видно, литография висела давно, поржавели державшие ее кнопки, почернели края, а теперь репродукция засияла красками: голубое платье мадонны, розовый младенец, золотые нимбы над их головами...

Нина вспомнила, как до войны еще подростком ездила с отцом в Ленинград, они попали в Эрмитаж, и царство таких вот праздничных красок, стояли перед этой картиной, женщина-экскурсовод рассказывала ее историю — картина долгое время находилась в семье художника Бенуа, отсюда ее второе название: «Мадонна Бенуа». Потом экскурсанты пошли дальше, а они все еще стояли тут, и отец сказал: «Знаешь, она чем-то похожа на тебя, вернее, ты на нее... Этот детский выпуклый лобик...»

Нина взяла заплакавшего Витюшку на руки, села перед отмытой, обновленной картиной, долго разглядывала эту совсем юную мать, которая показывает своему малышу цветок... Безмятежная, счастливая улыбка освещает ее лицо, а ее розовый пухленький сын, весь в «перевязочках», тянется к цветку ручонками...

Нина посмотрела на Витюшку, он мусолил пустышку, держа ее в кулачке, а ей захотелось есть — ужасно, до тошноты, — она развернула тряпицу с кусочком завтрашнего хлеба, отщипнула от него, сунула в рот и не жевала, а просто подержала во рту, чувствуя, как рот заполняется голодной слюной. Этот хлеб предназначался на завтра, но она никак не могла удержаться, опять отщипнула, чтобы подержать во рту, но он не держался, а сам проглатывался.

Евгения Ивановна внесла старую большую кастрюлю, принялась выгребать в нее из печи золу. Уголь давно кончился, теперь топили только дровами и копили древесную золу,

ссыпали в тряпочки и при стирке добавляли в воду, вода становилась мягкой, меньше тратилось мыла.

— Дров на эту прожору не напасешься, — ворчала Евгения Ивановна, — видать, что до мая топить придется...

Весна выдалась холодная, снег и не собирался таять, печь быстро выстуживалась, на ночь приходилось топить второй раз, но к утру становилось так холодно, что виден был парок от дыхания.

— Тетя Женя, откуда у вас эта картинка?

Евгения Ивановна подняла голову.

— Эта?.. Еще свекровь повесила, вместо иконы. Говорила, это богородица с Иисусом Христом. — Она тяжело поднялась с низенькой скамеечки, подошла к картинке, темным в трещинах пальцем ткнула в нее. — Гляди, улыбается, еще не знает, что сынка ее, когда вырастет, на кресте распнут.

— А за что?

Нина, конечно, слышала эту легенду, но так никогда и не могла понять: за что же его распяли? Что он такого сделал?

— Это ты у Политивны спроси, она все эти сказки знает.

Евгения Ивановна вернулась к плите, взяла совочек, опять стала выгребать из поддувала седую золу и все оглядывалась на Нину, усмехалась чему-то, потом сказала:

— Вот и ты тоже, как она, с младенцем сидишь, вот бы и тебя нарисовал кто... Только заместо цветка хлеб пайковый держишь...

Она засмеялась, ушла в сени стирать, а Нина увидела, что незаметно, щипок за щипком, съела весь хлеб. Что же завтра буду есть? Завтра на ее карточку хлеба не дадут — за три дня вперед забрала. Завтра возьмет на Витюшкину, но эти четыреста граммов неприкосновенны, они — на молоко. Она посмотрела на пустую тряпицу, собрала с нее последние крошки — вот тебе и «Мадонна с пайковым хлебом». Съела мадонна весь свой хлеб.

На картине улыбалась счастливая мать, у нее пышные груди, ей есть чем накормить своего младенца. Нина ощупала свои — маленькие с сосками-пуговками, Нет, она не жалела сейчас этого нарисованного упитанного младенца с толстыми выпирающими щеками, ведь его распнут, когда он вырастет. А на ее коленях сидел живой младенец, которого война распинает уже сейчас и каждый день... На которого сыплет с неба бомбы... А за что? Что и кому плохого он сделал? Он успел только родиться.

Она опять подумала о завтрашнем дне, мысленно перебирала, что бы продать, но у нее ничего уже не было.

Вошла Евгения Ивановна в ватнике и платке, грея под мышками красные руки — наверно, вешала во дворе белье.

— Никак опять плачешь?.. Слезы у тебя какие близкие!

— Просто вспомнила папу, как в Ленинграде были, такие вот картины смотрели...

— Что картинки? Они и есть картинки. — Она размотала платок, стянула с ног валенки, осмотрела их. — Вот картинка, пятки вовсе прохудились, подшить надо. В дежурке моей стало холодно, как на улице, только что ветру нет.

Она посидела расслабленно, откинувшись к стене, ждала, пока уйдет усталость. Нина смотрела на нее, рано постаревшую, с темным, строгим лицом и думала, что, быть может, у этой женщины вся жизнь была трудной, насадной, и где брала она силы, чтобы не надорваться?

— Счас пшено варить поставлю, поедем с тобой, — сказала Евгения Ивановна, быстро подхватила, худенькая, юркая, забежала по комнате.

Она заметила, что я съела весь свой хлеб, подумала Нина.

— Вы говорили, пшено — на завтра.

— А-а, — Евгения Ивановна махнула рукой, еще и пошутила: — Не ровен час — разбомбят, пропадет пшено, лучше уж съесть. Завтра, как говорится, бог даст, день, даст и пищу, принесу с завода супу, хоть и суп-рататуй, а все хлебово.

Она все говорила и говорила, сыпала присказки, а сама моталась по комнате, гремела ведром, мыла в котелке пшено, разжигала плиту, и все бегом, медленно делать дела она не умела. Нина пристроила Витюшку на кровать, обложила подушками и тоже принялась суетиться, подметала, чистила чайник, перебрала на полках с посудой — лишь бы не сидеть. Потом, когда делать стало нечего, постояла возле плиты, сказала:

— Тетя Женя, я не могу больше вас объедать. Я чувствую себя так, словно все время в тягость вам.

— Евгения Ивановна дула в топку, поджигала в поддувале бумагу, дым почему-то шел в комнату, дрова не загорались.

— У, ветер проклятый задувает, — ворчала она, — не дает загореться, а керосин жалко, совсем его чуть осталось.

— У меня ничего нет и денег нет, — опять завела Нина, — и неизвестно, когда мне их пришлют...

— Принеси-ка еще щепок, — перебила Евгения Ивановна.

Нина вышла в сени, набрала из старой рассохшейся бочки щепы, внесла в комнату. Они оттаивали в тепле, и в доме запахло свежей стружкой и летом.

Дрова взялись наконец, в плите загудело, Евгения Ивановна чуть прикрыла вьюшку, чтоб уменьшить огонь.

— Я больше не буду у вас есть.

Евгения Ивановна выпрямилась, посмотрела на Нину усталыми глазами.

— Выходит, уморишь себя голодом? Говори да оглядывайся. Полезет мне кусок в горло, если ты не станешь есть?

Нина промолчала. Она и сама не знала, как бы это выглядело практически, если бы она вдруг ничего, кроме хлеба, не стала есть. Но мысль, что вот опять ей приходится жить подачками, опять ее кто-то кормит, была ей сейчас невыносима — ведь Евгения Ивановна делилась с ней не лишним, как Ванины в Ташкенте, а последним.

Потом они сели за стол, и Нина, обжигаясь, ела кашу, Евгения Ивановна сварила Витюшке жиденькую мучную болтушку на молоке, кормила его с ложечки, приговаривала:

— Ешь-ешь... Вот выучишься на инженера, на алименты подам. Скажу, мол, в войну, граждане судьи, затирухой его кормила, а теперь пускай меня, старуху» кормит кренделями...

Вечер лепился к окнам, электричества вторую неделю не было, но и фитилька они не зажигали, сэкономили масло. Весело горел в печи огонь, отсвет его падал на стену, Нина видела в открытую дверцу, как пламя обнимало поленья, они потрескивали, рассыпая искры, яркие угольки выскакивали из поддувала и гасли шипя, и Витюшка разевал ротик, а сам косил глазенками на огонь, в его зрачках прыгали капельки света.

— Дождаться бы внуков от Кольки, — вздохнула Евгения Ивановна. — Вот кончится война, сразу оженю его.

Нина думала: и все люди, наверно, свои мечты о будущем начинают со слов «Вот кончится война...». Знать бы, когда она кончится.

Она еще с вечера почистила пальто, распушила щеткой мех на воротнике и шапочке, утром сложила все в подаренный Адой клетчатый плед, завязала углы, получился тугой аккуратный узел. Надела старый стеганый ватник, в котором Евгения Ивановна ходила в сарай за дровами, и пошла к соседке.

Ипполитовна мыла стол, скоблила ножом желтые доски столешницы, обдавала их кипятком из черного крутогобокого чугуна. Нина поздоровалась, посидела немного на табуретке, смотрела, как трясутся пухлые у локтей руки, словно они изжидкого теста.

— Ипполитовна, не посидите часик с Витюшкой? — наконец решила она; - Надо отлучиться ненадолго, а тетя Женья на работе.

— Почему не посидеть, посидю... Домою вот и приду.

Нина вернулась, поменяла сыну пеленки, ополоснула в тазике, развесила над плитой. Подбросила дров, и тут как раз вошла Ипполитовна. Покосилась на узел.

— Никак в баню собралась?

Нина не ответила. Сказала про Витюшку, что кормленный, повязала старый, весь вытертый хозяйский платок, подхватила узел, уже на ходу бросила:

— Я недолго.

Она знала, что лучше всего было, бы съездить на сенной базар, большой, настоящий, но на это ушло бы полдня, и она решила опять туда же, на «пешку».

И на этот раз самым трудным для нее будет — назначить цену. Теперешние цены совсем сбили ее с толку, и сколько может стоить пальто, она не представляла. Может, просить тысячу? Но надо было много чего купить, а в тысячу она не уложится. Во-первых, стеганый ватник, пусть не новый, но чтоб и не рваный. Теплый платок. Хоть и весна, тепла пока не видно, надо в чём-то ходить: Потом, хотя бы две пары белья, пусть и старенького, — она все еще носила ту больничную рубашку с завязочками, вечером постирает, развесит над плитой, утром надевает, и рубашка уже начала ползти на плечах. И Витюшке надо какую-то тепленькую шапочку, он уже большой, сидит, не все же кутать ему голову одеялом. Нет, тысячу мало, не стоит и продавать, это все равно, что просто обменять

пальто с шапочкой на ватник с платком. Она вспомнила, что надо еще немного сахара для Витюшки, сахар был на исходе, и потом что-нибудь для Клавдиных детишек... Нет, за тысячу не стоит и связываться.

На остановке ее выдавили из трамвая, и она со своим узлом пошла к тем пустым зеленым киоскам. Еще и не развязала узел, а уж ее окружили завсегдатаи, в большинстве женщины-перекупщицы. Одна, помоложе, с бойкими острыми глазами, даже помогла развязать узел. Нина встряхнула пальто, повесила на плечо и хотела уже выйти из-за будки, но та потянула ее за рукав.

— Что просишь? — Она произнесла «просишь».

— Две тыщи! — выпалила Нина и сама испугалась, подумала, что сейчас эта картавая ее изругает.

— И с шапкой?

— С шапкой.

Картавая не дала ей и в вещевого ряд встать, завела между двумя будками, отвернулась, задрала юбку и вытащила то ли из потайного кармана, то ли из рейтуз пачку сотенных.

— Подальше положишь поближе возьмешь, — засмеялась она, обнажая белые крупные зубы.

Пачка сотенных была в оберточной бумаге и стянута посередине белой резинкой, женщина, не разворачивая, пересчитала их за уголки — две тысячи.

Продешевила, жадно подумала Нина. Но поди знай...

Картавая сунула пачку Нине в руки, наказала тут же спрятать, а то, не ровен час, из рук выхватят, подхватила пальто, сунула в рукав шапочку и исчезла, а Нина, свернув плед и зажав его под мышкой, побежала в вещевого ряд.

Продешевила, опять пожалела она, можно было просить две с половиной — то-то накупила бы всего!

Ватник, почти новый и подходящий по, размеру, она сторговала сразу. Полезла в сумочку, вытащила деньги, стянула с пачки резинку. И вдруг посыпались какие-то бумажки, сперва она и не поняла, откуда взялись эти нарезанные из газет прямоугольники. Стала пересчитывать деньги — каждая сотня была сложена пополам, получилось двадцать половинок, десять сотен.

Как же так, где остальные? Она побелела, посмотрела под ноги, там на снегу лежали рассыпанные газетные прямоугольники. Просто на всякий случай еще раз заглянула в сумочку и побежала к зеленым ларькам, но картавой и след простыл.

Нина прижалась спиной, к ларьку, стояла так, ей все еще не верилось, что ее обманули, обокрали, и она опять пересчитывала деньги, рылась в сумочке, хотя уже понимала, что искать там нечего. Она стояла, как во сне, пока боль в руке не отрезвила ее, будто кто укусил кисть, это большой ржавый замок на ларьке ожег морозом. Она побрела было к трамваю, но вспомнила: надо покупать ватник и платок.

Вернулась с таким же узлом, кроме ватника и платка, ничего купить не смогла, надо было хоть немного оставить денег, чтобы выкупать паяк. Ипполитовна, видя ее хмурое лицо, ничего не спросила, поднялась.

— В церкву мне надо. Мальца не корми, я его к Клавке носила....

Она ушла, Нина распаковала узел, посмотрела на покупки, пересчитала остатки денег...

Господи, что же это, кругом страдания, война, помогать друг другу должны, а тут обманывают! Она разделась, нагребла из поддувала золы, завязала ее в тряпку, положила в ведро. Сбегала к колонке за водой, поставила в сених на керосинку ведро — плита уже не горела, — греть воду для стирки. В делах постепенно успокоилась, подумала: ладно, переживу, как будто продала его за тысячу, сперва ведь так и хотела...

Сын спал, а она села за письмо Марусе. Это было уже второе письмо к ней из Саратова, в первом она сообщала, что приехала в Саратов и про рождение сына... А о чем писать сейчас? О своей жизни здесь — не хотелось, это длинно и придется ныть... Маруся подумает, что я так и осталась размазней. Да я и есть размазня, наверно, это у меня и на лице написано, иначе со мной не поступали бы так, как сегодня.

Написала наконец коротко о себе и Витюшке, что живы-здоровы, живут у хорошей доброй женщины и ждут от нее, от Маруси, ответ.

Когда-то придет этот ответ? И придет ли?

Нина часто думала о Никитке и мачехе, ничего о них не знала — где они, что с ними? — да и от кого бы могла она узнать! Только от отца, а от него писем не было, и куда ему писать — она не знала.

У нее было чувство, что все о ней забыли, как бы выключили из своей жизни, ни до кого она не могла дозваться, и ей никто не отзывался.

Виктору писать уже не пыталась, при мысли о нем почему-то всегда возникал в душе холодок обиды, хотя она понимала, что ни в скитаниях ее, ни в страданиях он не виноват.

Наверно, он тоже несет груз войны, делает свое какое-то важное и трудное дело, а может быть, уже сражается на фронте... Но все равно не могла заставить себя написать ему прежде, чем получит письмо от него.

Их семейная жизнь была короткой, они еще не успели сродниться, а война уже разлучила их, и Нина чувствовала, как постепенно отвыкает от него, им нужна была встреча, % но война скорой встречи не сулила.

Вечером вернулась с работы Евгения Ивановна, Нина рассказала ей историю с продажей пальто, всплакнула.

Евгения Ивановна всплеснула руками:

— Ах, Нетеля! Ах, Феёна недоёна! И чего тебе приспичило продавать эдакую вещь! Ты же такое теперь до после войны не справишь! Ну, не реви!

Нина плакала не из-за пальто, с этим она смирилась, она плакала от неудачи: так хотелось выкрутиться самой, без посторонней помощи, так надоело, так стыдно жить в долг — и опять ничего не получилось. Неудачница я, вот уж неудачница!

— Витьке шапочку хотела купить, — всхлипнула Нина.

Евгения Ивановна поставила на плиту судки, из камышовой кошелки вытащила хлеб свой и Нинин; детский, белый, который почему-то назывался «ку хон», Евгения Ивановна завернула и отложила в буфет.

— Ладно, об чем теперь горевать, люди головы кладут, а ты об деньгах плачешь.

— Я не о деньгах...

— Ладно, — перебила Евгения Ивановна, — счас супу поедим, а после работа нам предстоит, сундук вон разберем.

Они ели жидкий горячий суп, Нина старалась поменьше откусывать от своего хлеба, но поменьше не получалось, тонкий ломтик быстро кончился, и Нина принялась за второй.

Евгения Ивановна была сегодня молчаливой и задумчивой, все хмурилась, часто выхватывала из волос свою круглую гребенку, быстрым резким движением скребла голову, еще больше потемнело ее лицо.

Нина знала, что уже три месяца она не получает от своих писем и, хоть не верит ни в какие гаданья, все чаще просит Ипполитовну раскинуть карты. У Ипполитовны всегда по картам выходило, что все хорошо, все живы-здоровы, а не пишут потому, что за казенным королем, на задании, оттуда писать нельзя.

— Оба, что ль, на задании? — усмехнулась Евгения Ивановна.

— Болтай! Я на бубнового гадаю. На крестового — после.

Но и крестовому выпадала хорошая карта: жив- здоров, письмо написал, но оно в потере.

— Как это — в потере?

— Не знай. Может, почту их разбомбило, вот и в потере.

...Они поели, Нина убрала со стола, стала мыть посуду, а Евгения Ивановна села на низкую скамеечку у горбатого сундука, сняла с него вязаную, в кружочках, накидку, открыла крышку — из его зева пахло нафталином. Она стала перекладывать вещи — мужские костюмы в слежавшихся складках, старушечья кашемировая юбка, широкая и длинная, присборенная у пояса, разные кофты, два отреза ситца, белого, в синих и желтых цветочках, и много всего другого. А в самом низу, под слоем марли, хранились детские вещи: сплюснутые, похожие на блины шапочки, маленькие жакетики из гарусной шерсти, костюмчик-матроска, пинетки, носочки, бархатное пальтишко и разная мелочь. Евгения Ивановна вынимала все это с самого дна, рассматривала, гладила ладонью, складывала на стул. Лицо у нее было мечтательно- ласковое.

— Колюнькины вещи. Жили и мы, как люди, вещи справляли. Тряпки выбросила, а хорошее оставила, все мечтала, что Колькиного мальчика дождуся. Да когда это еще будет. Вот кончится война — новое наживем.

Она уложила мужские костюмы назад, поднялась, обернулась к Нине.

— Ты не канителься там с посудой, иди выбери чего для ребятенка, а то и все забирай. И себе из ситца рубашки сшей, юбку в дело пусти, чего голяком-то ходить?

У Нины вспыхнули. щеки, она стояла молча, не смея дотронуться до этих вещей, а Евгения Ивановна вытащила из-под кровати потертый фибровый чемодан, посмотрела на Нину.

— На окопы меня мобилизуют, вот какое дело.

Нина обмерла.

— Надолго?

— Сказывали, на месяц, а там кто знает...

Нина посмотрела на сына, он сидел в подушках, играл алюминиевой шумовкой. Как же мы будем одни? — подумала она.

— Вот печаль, топка кончается... В случае чего круши забор да топи. Экая долгая зима, будь она неладна...

Зашла Ипполитовна, принесла новость: Клавдия уезжает.

— Куда ж она с эдаким-то выводком?

Ипполитовна присела, не раздеваясь, рассказала: кавалера Клавдиного «замели», а у Клавки обыск делали, вот она и едет с испугу в Пугачев, там у нее мать и сестра.

— Обыск? Да что у ей искать, кроме детей и вшей?

— Вы же ей нагадали «престиж» от казенного короля, помните? — сказала Нина.

— Болтай! Это я для страху, чтоб побереглась да кавалеров своих гнала...

Они скучно сидели кто где, на столе теплился фитилек коптилки, где-то далеко заныли сирены. Нина взяла сына, повязала платком, посадила себе на колени.

— Летит проклятый! — Ипполитовна выпростала из-под платка ухо, прислушалась. Евгения Ивановна посмотрела на нее.

— На окопы еду, Политивна, ты тут за моими присмотри.

Нину охватила тоска. Такой неудачный выдался день: и на базаре обманули, и тетя Женя уезжает, и этот вой сирены... И где брать грудное молоко, если Клавдия уедет?

— Нечто и заводских посылают?

— Конторских да нас. Не у станков ведь стоим. Топки у меня мало, вот беда.

— А я уж давно полешками побираюсь, — вздохнула Ипполитовна.

Тоскливо и скучно было так сидеть, не слышалось обычной воркотни Евгении Ивановны, не журчал смех Ипполитовны, фитилек освещал кусок стола, но был так мал и слаб, что не давал даже тени. Где-то далеко ухали зенитки, домик вздрагивал, в стенах, меж досок, осыпался шлак, и казалось кто-то скребется там, пытаясь прогрызться в комнату.

35

По вечерам она подсаживалась к плите и, сунув ногу в духовку, шила при свете коптилки и прислушивалась к всхлипам уснувшего сына. Витюшка маялся животиком, и Нина только сейчас поняла, что значит жить такому малышу совсем без грудного молока. Ипполитовна обегала всю Глеб-порт-маньчжурию в поисках кормящих матерей, раза два приносила по полстакана, а больше ей не давали: самим мало.

— Какое теперь молоко, — вздыхала старушка, — питание не доходит...

Нина и в консультацию ходила, там ей помочь не могли, сказали, молочная кухня откроется не раньше апреля-мая, посоветовали обратиться в роддом, но и здесь ей отказали — каждый третий ребенок рождался теперь искусственником, в роддоме их надо было чем-то кормить.

Когда Нине надоедало шить, она переносила фитилек на стол, принималась читать. На этажерке среди старых газет и книг по автоделу она нашла две библиотечные книги: Джека Лондона и Гамсуна. Наверно, сын Евгении Ивановны не успел перед армией вернуть их. Все это Нина читала еще в детстве, но ей нравилось перечитывать, она словно уходила совсем в другую жизнь, так не похожую на теперешнюю. В тех книгах тоже были нужда и испытания, но все это выглядело красивее и значительнее настоящей жизни. В той же, какой жила сейчас Нина, ничего значительного и возвышенного не было, наоборот, ее унижала эта жизнь с дележкой пайкового хлеба, когда так и хочется самой у себя украсть хоть крошку, так и тянет отщипнуть от детского белого «кухона», но это было бы преступлением, потому что хозяйка, у которой Нина брала молодое, всякий раз взвешивала хлеб.

С тех пор, как уехала Евгения Ивановна, Нина ни разу не чувствовала себя сытой и все время думала о еде. Не было больше супа-«рататюя», подошли к концу скудные запасы пшени; иногда Нина бегала на «пешку», приносила мерзлой картошки либо стакан «ячки», как-то раз даже удалось купить стакан риса для Витюшки, тянула этот рис, как могла, перетирала его в крупорушке в муку, варила сыну жидкую кашку... А теперь и покупать не за что, осталось всего пятьдесят рублей — какие это деньги?

...Тяжело завозилась на кровати Ипполитовна, зевнула громко, потом сказала:

— Ложилась бы, ведь глаза сломаешь...

— Я сейчас, еще немножко почитаю.

Ипполитовна ночевала теперь здесь, Нина одна боялась, упростила старушку приходить к ней спать. Днями Ипполитовна пропадала в церкви, вечером объявлялась, спрашивала «Живы?» и выкладывала что-нибудь на стол: кусок темного пирога с капустой, пару вареных картофелин, иногда горстку леденцов... Нина бессовестно съедала все и все равно не наедалась. Разве не унижительна такая жизнь, когда все время думаешь только о еде... Когда берешь кусок, который чья-то сердобольная душа подала нищей старухе? Ведь это жизнь животного, а не человека...

По радио передавали военные сводки, рассказывали о блокадном Ленинграде, часто передачи прерывали, и из репродуктора вырывался вой сирены, объявляли воздушную тревогу, Ипполитовна крестилась, позевывая, мелкими торопливыми крестами: — Ну, теперь надолго. Давай, москвичка, спать, война ведь и во сне идет, все меньше ее останется...

...От духовки сочилось слабое тепло, и Нина знала, что ночью станет совсем холодно. У нее вышли все дрова и последнее ведро угля, которое принесла Ипполитовна, теперь она приканчивала забор. Его и хватило-то всего на неделю — старые серые доски вспыхивали, как порох, сразу сгорали и давали мало тепла. Ночами Нина просыпалась от холода, набрасывала на сына все, что есть теплого, и снова растапливала плиту. В жесткий стылый воздух изо рта вырывался пар, и видно было, как от проступившей сырости потемнели углы. Нина экономно подкладывала короткие обрубки досок в зев плиты, смотрела на обманчиво жаркий огонь и чувствовала себя всеми забытой. Да, все забыли меня, никто меня не ищет, никому я не нужна. Она опять ложилась, прижимала к себе тельце сына, обнимала всего его руками, слышала, «как что-то всхлипывает в его простуженной грудке, и с ужасом ждала день, когда исчезнет в печи последний кусок доски.

Тепла все не было, словно война задержала и весну, в конце марта после оттепели закружили метели, по утрам выплывало желтое холодное солнце, не хотелось вставать, она смотрела на мадонну с цветком и на голенького младенца, они сидели в тепле и лете, хоть бы на часок туда, чтобы согрелся мой сыночек...

...Нина отложила книгу, пошла лечь, но уснуть не могла, нестерпимо хотелось есть, и она опять встала, зажгла фитилек, пошла к буфету. Она знала, что там ничего нет, но все-таки пошарила за дверцами, нащупала детский хлеб, завернула его еще и в полотенце, боялась, что он подсохнет и потеряет в весе. Потом распахнула нижние створки буфета, в лицо пахнуло мучным запахом, хотя муки не могло быть, но она все равно поискала — хоть бы картофеля или луковки... Пальцы утонули в мягком, она вытянула небольшой мешочек, развязала его. В мешочке оказались отруби, рыжие хлопья без признака муки, Нина не знала, для чего они и можно ли их трогать. Наконец решилась: густо замесила отруби на воде, забыв посолить, слепила несколько лепешек, выложила на маленькую сковородку, сунула прямо в печь, на угли, часто заглядывала туда — не сгорели бы! — обжигая руки, вытаскивала. Лепешки не снимались со сковороды, тут же рассыпались, она стала есть и ложкой. Они горчили, были пресными, но Нина все же поела, чувствуя не сытость, а тяжесть в желудке.

Плита быстро остывала, по ногам ходил холод, она сидела, смотрела на фитилек, старалась придумать что-нибудь, ведь досок оставалось на два-три дня, не больше.

Ипполитовна спала, тихо всхрапывая, и Нина ре-, шилась. Оделась, повязала платок, завалила сына одеялами, оставив гнездышко для дыханий. Разыскала в сенях веревку, прихватила, толстые трехпалые рукавицы и вышла.

В небе бежали облака, сквозь них просачивалась луна, и казалось, это она бежит так быстро, катится по небу, спасаясь от рассвета. Но до рассвета было еще далеко.

Нина поднялась на мост, тронула толстые деревянные брусья перил, но они были заделаны намертво, оторвать их было невозможно. Она пошла по пустой ночной улице, за хлебным ларьком свернула в переулок, шла, заглядывая во дворы, укрытые — снегом, — надеялась, что, может быть, где-то удастся подобрать доску или полено, но где и кто мог бы уронить, потерять дрова в эту длинную зиму? Вернуться с пустыми руками она тоже не могла, дома простуженный ребенок, и лучше уж сесть прямо тут и замерзнуть... Он не должен погибнуть, иначе зачем же все эти страдания и скитания? Все-все, даже сама жизнь тогда потеряет смысл.

Глаза притерпелись к темноте, и в одном дворе она увидела торчащие из-под снега торцы бревен. Постояла, потом осторожно вошла, огляделась, нет ли собаки. Вокруг было тихо, темные окна закрыты ставнями, она нагнулась, ощупала торцы... Бревна лежали друг на друге, укрытые снегом, и только их края выглядывали круглыми распилами — три сверху, а остальные ушли в снег.

Нина смахнула рукавицей снег, попыталась приподнять самое верхнее бревно, но оно не стронулось, примерзло. Она бралась за него и сверху и сбоку, но оно словно вросло в другие бревна. Господи, неужели мне его не сдвинуть! Присев, она плечом поддела край бревна, натужно выпрямилась, и оно крякнуло, затрещало, скатилось на снег. Оно было неошкуренное, и она закинула за край его веревку, зацепила за неровности коры, завязала узел, волоком потащила по снегу.

Позже она удивлялась тому, что у нее хватило сил и что Совсем не боялась тогда и не стыдилась, что украла, а сейчас билась — одна мысль: надо дотянуть бревно до дому и распилить его, а потом затопить...

Бревно легко скользило с горки до самого моста, Нина столкнула его, оно покатилося по обледенелым ступеням. Она подтащила его к дому, в разгороженный двор, бросила там, пошла будить Ипполитовну. Спросонок старушка не поняла, что говорит Нина и куда зовет, но оделась, вышла, увидев бревно, ахнула:

— Унесла, поди?

Они достали в сарае пилу, подняли край бревна на ступеньку крыльца, взялись пилить. Никогда раньше Нине пилить не приходилось, и сперва дело никак не шло, пилу все время заклинивало, Нина натерла мозоли, но все же, провозившись час, распилили с горем пополам на короткие чурбачки. Ипполитовна ловко расколола два чурбачка. Нина внесла их, затопила уже остывшую плиту.

Потом они пили кипяток, Нина чувствовала, как все в ней дрожит — то ли от холода, то ли от запоздалого страха. Ипполитовна дула в кружку, а сама нет-нет, да и взглянет на Нину.

— А ведь грех, — наконец сказала она.

— А ребенка морозить не грех? — спросила Нина и вдруг заплакала, громко, навзрыд. И от стыда, что пришлось украсть, и от голода, и от разморившего ее тепла...

— Ну-ну, будет, твой грех прощенный.

— Не последнее же я взяла, там еще много...

Она легла рядом с сыном, ее все еще трясло, она слышала его хриплое дыхание и вспоминала, как Лев Михайлович говорил когда-то о пределе, ниже которого падать человеку нельзя... Еще как можно, вот я и упала...

Под утро уснула, ей приснилось лето, речка с быстрой чистой водой — то ли в Татищеве, то ли в дедушкином Тарханово, — а сама она маленькая, сидит на мостках, полощет в речке ноги, а рядом женщины бьют вальками белье: «Ух!.. Ух!..»

Где-то на окраине города ухали зенитки.

36

В хлебный ларек завезли халву, говорили, что будут выдавать по детским карточкам, и Нина заняла очередь — номер ей записали химическим карандашом на ладони, — побежала за сыном.

Стоять пришлось долго, длинная черная очередь, завиваясь змейкой, тянулась к ларьку, часто подходили и брали без очереди — инвалиды на костылях, вовсе древние старухи, а вон и молодой полез — мордатый, с белыми навывкате глазами, и сразу очередь зашлась в крике:

— Куда лезешь? Куда!

— Его бы на фронт, а он в тылу ошивается!

— Нажрал морду и лезет!

Но потом оказалось, что он и не собирался лезть без очереди, у прилавка встал наблюдать за порядком и без очереди пропускал не всякого.

— Идите, папаша, который с нашивочкой, вполне заслужили! А ты, каланча, куда прешь?

Чего пузо выставила, предъяви справку, может, у тебя там подушка!

Как видно, парень был навеселе, но порядка в самом деле стало больше, продвигаться стали быстрее, очередь молчала сконфуженно и благодарно.

— Граждане, а также гражданочки и гражданята, не задерживайте друг друга, готовьте карточки заранее! — весело орал мордатый и каждую гражданочку, получившую халву, приобняв, отжимал от прилавка. — Отходи, маманя, не задерживай народ...

Продавщица косила на него злым глазом, ворчала:

— Шел бы ты отсюда, не орал бы тут!

Мордатый смеялся и показывал зажатую в кулаке карточку:

— Полное право имею отовариться...

Нина стояла, держа Витюшку «дыбки», привалив его головку к своему плечу, и чувствовала, как хлопает вода в ботиках. Ботикки совсем развалились, особенно правый, Нина уже и сшивала их и скручивала проволокой, ожидая, когда можно будет выбросить. Весна пришла быстрая, дружная, осел и стал таять снег, воздух сделался мягким и влажным, ручки заливали обочины и все бежали в одну сторону — к Волге. Ипполитовна говорила, что если б и ночью так, то снег сошел бы за неделю, но ночами еще крепко подмораживало, застывали мутные гребни на талой воде, образуя кочки, рыхлый снег покрывался жесткой коркой льда. Раньше Нина очень любила весну, а теперь для нее не существовало ни времени года, ни красот природы, она не замечала ни вспухших почек на деревьях, ни горьковато-пресного запаха влажной коры, ей важно было другое: тепло или холодно на улице, сухо или сыро...

Наконец подошла и ее очередь, она зубамй стянула варежку, подала сшитые ниткой карточки, продавщица вырезала на них хлебные талоны, а на детской — еще и талон на сахар, взвесила хлеб и халву. Перехватив другой рукой сына, Нина кинула в кошелку покупки, туда же сунула и карточки, мордатый и ее приобнял, отодвинул от прилавка: — Мамани, пропустите с ребенком...

— Отойди, окаянный! — опять рыкнула продавщица, а Нина подумала: зачем она на него кричит, он же для всех старается...

Дома она стащила мокрые ботики и чулки, развесила возле духовки, надела полосатые носки, которые оставила ей Евгения Ивановна. Вытащила хлеб, халву, понюхала и даже лизнула замасленную бумагу, потом не удержалась, отщипнула, крошку, положила в рот... Пахучая сладость защекотала нёбо, больно заняло в скулах, она поскорее спрятала халву в шкаф. На эту халву она надеялась выменять для Витюшки сахар.

И тут вспомнила про карточки — в кошелке их не было. Но она же хорошо помнит, что вслед за хлебом и халвой кинула их — туда. Опять пошарила в глубоком камышовом нутре и даже перевернула кошелку. высыпались крошки, она тут же подобрала их и съела. Карточек не было.

Она еще не успела испугаться, поискала в варежках, зачем-то вывернула их, вытряхнула сумочку, хотя знала, что там их быть не может. Она хорошо помнила, что кинула карточки в кошелку.

Перетряхнула плед и одеяло, в которые был завернут сын, даже в пеленках искала... Тупой испуг ударил в ноги, она села, пытаясь сообразить, где же их искать. Ведь где-то они есть, только надо хорошо по~ искать. Их не может не быть, без них нельзя, без них лучше у" ж сразу умереть...

Эти мысли были пока несерьезными, она словно заговаривала судьбу, чтобы судьба, популав ее, сразу и улыбнулась: на тебе твои карточки! Нина так ясно видела их сейчас — зеленая «взрослая» и розовая «детская», прошитые в середине крестом черных ниток, — что они непременно должны были найтись, и она снова в который раз трясла кошелку, сумочку, варежки.

Их нигде не было.

Зачем-то она стащила со стола скатерть, сложила ее, стала ходить из угла в угол. Протерла слезящееся окно, там был залитый солнцем день, черные птицы кружили в небе, она постучала пальцем по стеклу...

Господи, что я делаю, зачем?

Вдруг оделась, сунула ноги в мокрые ботики и в одних носках, без чулок побежала к ларьку. Конечно, я сунула их мимо кошелки, они упали, кто-нибудь поднял их, отдал продавщице. Они не могут не найтись.

У ларька никого не было, козырек был опущен, продавщица навешивала на дверь замок.

— Я уронила здесь карточки, — задыхаясь, сказала Нина, — вам не передавали?

Продавщица — ее все звали Маней — осмотрела ее с ног до головы и отвернулась к замку.

— Как же, передадут, жди, — устало сказала она.

Нина стояла, все еще на что-то надеясь.

— Значит, не передавали?

— Не передавали, — уже грубо ответила Маня.

Опустив голову и осторожно ступая, Нина всматривалась в темный истоптанный снег.

Маня издали смотрела на нее.

— Да не ищи, не уронила ты их. Скорее всего, Ванька-писарь вытащил.

— Какой писарь?

— А такой. Мордovorот тот, который очередь наблюдал. Первый по Саратову вор. Теперь поминай как звали...

Нина сглотнула горячую слюну. В глазах у нее задрожало, она хотела заплакать, но не плакалось. Теперь она поверила, что карточек нет.

— Что же мне делать? — спросила она. Просто так, у самой себя.

Маня вздохнула.

— Уж не знаю. Заяви в милицию, только зря все это, на него этих заявлений, поди-ка, пруд пруди... Пока то, сё, месяц кончится, новые получишь.

Нина медленно побрела домой.

Что теперь делать? «То, сё, месяц кончится», а как же прожить этот месяц?

Перед ней встало лицо того мордатового с белыми, как у сумасшедшего, глазами. Как он мог?... Он видел, что я с ребенком. Будь он проклят, навсегда, на всю жизнь!

Она вдруг смертельно захотела спать, качаясь, добралась к дому, вошла, стряхнула с ног ботики и повалилась на кровать в ватнике и платке. Спать, спать. Вот бы и не просыпаться.

Ее разбудил крик ребенка, она слышала его еще во сне, но не могла разлепить ресницы и побороть одурь. Поднялась, вялая, разбитая, — поменяла пеленку, нагрела молоко, сунула ему рожок и легла рядом.

Как жить теперь, как жить? И надо ли жить, раз меня все забыли? Вот только что будет с ним? Он вырастет в детдоме и никогда никому не скажет «мама». Даже если его разыщет Виктор, все равно никому он не скажет «мама». И в том будущем «послевойны», о котором она ничего еще не знала, матери за руку поведут своих детей в школу, а чья рука потянется к нему? И что скажут ему, если он — спросит: «Где моя мама?» Ему не дано будет испытать ту оправданную боль, которую испытают другие, услышав: «Твоя мать погибла на войне». Про нее скажут: «Умерла в войну». А это не одно и то же. Умерла в войну — значит не выстояла, струсила. Скажут, была такая мадонна с пайковым хлебом, а потом у нее не стало и хлеба. Украли. Тот мордатый, выходит, тоже упал ниже предела. И я упала. Может, и мне за то бревно кто-то желал смерти, а судьба смиростивилась и рассудила по справедливости: я украла и у меня украли. Вот только сын-то при чем?

Она поднялась, достала из буфета хлеб, два четырехсотграммовых куска, черный и белый. Это был, конечно же, завтрашний хлеб. Она рассчитала: если не есть свой паек, его тоже можно обменять на молоко. И халву можно обменять. Но если я ничего не съем, я упаду. Она отделила от своей пайки половину, съела, запив кипятком. Потом опять напекла из оставшихся отрубей лепешек и съела. Пересчитала деньги. На все это можно было продержаться самое большее три дня.

37

Всю ночь ребенок кричал, сучил ножками, Нина поила его чуть подслащенной водой — у нее оставалась ложка сахара, — он жадно сосал, рвал соску деснами, затихал ненадолго и снова начинал кричать.

Несколько раз Ипполитовна бегала по ту сторону моста, к татарке с козой, просила продать молока за деньги, хозяйка один раз налила в банку, сказала:

— Бери за так, деньги мне не нужны, что за них купишь? А больше не приходи, у меня своих видала сколько? — показала на кровать, на которой чернели головки детей.

Она тогда развела это молоко пожиже, чтобы хватило на сутки, но сын не наедался, только часто мочил пеленки, она не успевала полоскать.

Как-то, прихватив последние деньги, Нина оставила Витюшку с Ипполитовой, подалась на крытый рынок, там стояли пустые прилавки, только в углу продавали мерзлую картошку, к ней тянулась очередь. А молока не было. Нина собиралась уже возвращаться, но увидела, как из проверочной вышел старик с бидоном, в белом переднике и нарукавниках, за ним цепочкой бежали люди, сцепившись руками, и Нина побежала.

Старик объявил цену — сорок рублей литр — и предупредил, что всем молока не хватит, в бидоне всего восемь литров. Нина подсчитала стоявших впереди и поняла, что ей молока не достанется. Она оставила очередь, подошла к старику, попросила:

— Продайте мне поллитра, у меня ребенок голодает...

Женщины из очереди набросились на нее, закричали, стали отталкивать.

— А у нас не дети?! У нас щенята, что ли?

— Не давать ей, не давать!

Нина заплакала:

— У меня грудной ребенок... Ему нечего дать... Совсем нечего... Я эвакуированная из Москвы...

Ей хотелось разжалобить людей, она уже давно заметила, как действуют на всех эти слова «из Москвы». Но очередь взъерилась еще сильнее.

— Ну и сидела бы в своей Москве!

— Понаехали сюда с мешками денег, только цены вздувают!

— На эту Москву вся Россия пашет, эту Москву мы сроду кормим, она в три горла жрет!

Нина заплакала. Стояла, сгорбившись, ни на что не надеясь, но все не уходила, чего-то ждала. И вдруг старик гаркнул:

— А ну, тихо, бабье! А то никому не продам, назад увезу! — Потом — Нине: — Давай деньги.

Нина протянула деньги и бутылку, смотрела, как, пузырясь, льется через воронку молоко, и притихшие женщины тоже смотрели и молчали, и только потом, когда Нина, стиснув бутылку, отошла от прилавка, вслед ей понеслись ругательства. Но она уже не слушала их. Дома увидела, как притихший Витюшка сосет какую-то тряпку, выдернула у него изо рта, он зашелся в крике.

— Ипполитовна, что это?

— А чем кормить-то? Сильно плакал и ножками стукотил, я и пожевала ему маненько хлеба беленького, да ты не бойсь, я и своему сроду так делала...

Какая гадость, какая гадость... Но Нина. ничего не сказала, вскипятила и остудила молоко, покормила сына, он уснул. Но и это молоко кончилось, кончились и деньги.

Она билась из последних сил, боролась за каждый день жизни и все ждала, что завтра что-то случится какое-нибудь чудо, кто-нибудь придет и скажет: я пришел помочь тебе.

Часто ее мучило от голода, она давно прикончила отруби, питалась только кусочками, что приносила Ипполитовна, но и их становилось все меньше, Ипполитовна жаловалась, что подают больше копейками:

— Подобрались люди к весне, отощали вовсе...

Вчера Нина вообще ничего не ела, в старом ватнике Евгении Ивановны обнаружила горстку конопляных семян, сжевала прямо с кожурой, и потом ее долго тошнило и совсем не хотелось есть.

...Опять проснулся сын, зашелся в крике, он уже не брал пустую соску, выплевывал ее, кричал и сучил ножками, наверно, от голода у него болело в желудке, Нина обманывала его, совала пустую грудь, он зажимал сосок деснами, крутил головой и снова начинал кричать.

Она смотрела на его личико, похожее на лицо маленького старичка, на запавшие глаза и как скапливаются в глазницах настоящие слезы, и думала: господи, что же делать, ведь надо что-то делать... Носила по комнате сына, трясла его, баюкала, а он все кричал, и у нее плыло перед глазами...

— Что же делать, Ипполитовна?.. Ведь он умрет...

— Погоди-ка... Погоди-ка... Я сейчас... — Старушка натянула шубейку и куда-то ушла, а Нина все ходила по комнате, носила кричащего сына, силилась заплакать, чтобы полегчало, но не могла, впервые не могла плакать, все в ней отвердело, запеклось, но есть горе, которое больше слез, и к ней такое горе пришло.

Что же я хожу и трясу, тискаю этого несчастного ребенка? Ведь надо что-то делать. Она положила сына на кровать, оделась и вышла. Сама не знала, зачем вышла и куда собирается идти. Сюда, в ночную тьму просачивался плач ребенка, она зажала уши, подняла глаза к небу, оттуда холодно смотрели на землю чистые звезды. Хоть бы уж разбомбило нас, чем так, подумала она и увидела Ипполитовну та ковыляла, переваливаясь уточкой, первой вошла в дом, распахнула свою шубейку, вытащила рожок с молоком.

— Христом богом у мамки кормящей выпросила, еще теплый...

Нина кинулась кормить ребенка. Он сосал, постанывая и захлебываясь, длинно, по-взрослому всхлипывал и сразу уснул, но и во сне всхлипывал. Нина посмотрела на ходики, было уже пять утра, в запасе у нее оставалось три часа.

Она расстелила на столе плед, потом одеяло, простынку и села, стала ждать. В душе было тихо и пусто, мир стал плоским, утратил глубину, в нем ей виделся лишь первый план: кружочек света от фитилька, и расстеленная пеленка, куда завернет она сына.

— Ложись, пока он спит, — сказала Ипполитовна.

— Нет, нет, — Нина опять посмотрела на ходики. — Мы в консультацию пойдем, в больницу попросимся, пускай нас в больницу положат... Или хоть его одного... Там его будут кормить, мы и попросимся, вот только скорее бы утро...

— Умно, умно! — Ипполитовна села на кровати. — Должны положить. Он ведь не только твой, он и государский... И ты государская, и тебе не дадут пропасть...

— Нет, Ипполитовна, мы ничьи. От нас и военкомат отказался, и исполком... И родные меня забыли. Мы совсем ничьи.

— Болтай! Человек обязательно чей-нибудь, на что уж я, негодящая старуха, а и мне государство паек дает...

Нину тянуло в сон, но она боялась, что проспит и тогда нечего будет дать сыну. В восемь она должна быть в консультации, чтобы к следующему кормлению оказаться уже в больнице.

Руки совсем слабые, как я донесу его? Не уронить бы, — вздохнула она.

— Хошь, саночки дам? У меня есть саночки... Удобные, с задком.

Нина перенесла сына на стол, он потянулся ручками, но не проснулся, она так и пеленала его спящего. Оделась, прихватила сумочку с документами и вышла. Ипполитовна сходила за санками, они пристроили Витюшку, подложили под голову маленькую подушечку.

Старушка пошла проводить до трамвая, шла-переваливалась сзади, рядом с санками, пристукивая клюкой, что-то там бормотала, Нина не слушала, она думала о своем — ни за что ей не втащить в трамвай ребенка и санки. На остановке Ипполитовна сунула Нине в карман ватника щепотку леденцов:

— Прощевай пока, москвичка.

В ее старческих глазах проступили слезы, но Нину это не тронуло. Она пыталась разбудить в себе жалость — вдруг в последний раз вижу эту добрую женщину, ведь она старая, может умереть, — но ничто в ней не дрогнуло, душа словно заморозилась.

Она потащила санки, часто оглядываясь, останавливалась, наклонялась к сыну, он спал, присасывая пустышку.

Она вспомнила, как подумала когда-то, когда ей было очень плохо: что стоит беда одного человека перед трагедией целой страны? Сейчас эти слова показались возвышенно-фальшивыми, потому что самая большая трагедия страны — это когда голодного ребенка нечем накормить. Перед страданиями детей, меркнет все и все теряет смысл.

Она хотела сократить путь и свернула, пошла переулками, но попала в тупик, и получилось дальше, пришлось возвращаться, идти вдоль трамвайных путей. Полозья скользили по мерзлым кочкам, временами шаркали об обнаженный асфальт, тащить санки было тяжело, веревка резала руки, но вот улица пошла под горку, стало легко, веревка ослабла, и Нина побежала все быстрее, ей казалось, что сейчас санки догонят ее и ударят по ногам.

— Эй, тетка! Тетка!

Она не сразу поняла, что окликают ее.

— Тетка, узел потеряла!

Она обернулась, пустые санки скатились к ее ногам, а у поворота лежал «узел» в клетчатом пледе, она побежала, бросив санки, и они покатались виляя задом, пока не уткнулись в грязный осевший сугроб. Она с трудом подняла сына — он даже не проснулся, и пустышка подрагивала в его губах, — понесла к санкам. Сняла с ватника пояс, привязала ребенка, потащила дальше. Куда же я дену эти санки потом? — подумала она, но тут же забыла об этом.

В консультации у врачебного кабинета была очередь, сидели, стояли и ходили матери с детьми, Нине сесть было негде, да она и не собиралась садиться, в любой момент сын мог проснуться и запросить есть.

Миновав очередь, она толкнула дверь и вошла.

Здесь было жарко, женщина-врач трубкой выслушивала спинку сидящего на столе ребенка, его придерживала мать. Когда Нина вошла; врач оторвалась от трубки, строго посмотрела поверх очков:

— Мамочка, выйдите, вас вызовут!

Никто нас не вызовет, подумала Нина. Сказала:

— Нам надо в больницу.

— Выйдите, — повторила врач. — Тамара, наведи порядок.

— Нельзя, нельзя, врач освободится, потом войдете. — Она, расставив руки, наступала на Нину, теснила к двери, но Нина увернулась, шагнула в сторону.

— Нам нельзя потом! Мне нечем его кормить! Положите нас в больницу!

Медсестра растерянно опустила руки, посмотрела на ребенка.

— Разверните его, ему жарко... — Она сама взяла из рук Тины ребенка, понесла к пеленальному столу, раскутала там Витюшку. Тихо позвала: — Марья Васильевна, гляньте...

Врач пригнула голову, опять посмотрела поверх очков на Нину, потом на Тамару:

— Ну, что там? — Тяжело поднялась, подошла, сняла распашонку. — Он больной?

— Он не больной, он голодный, — сказала Нина. — Положите нас в больницу.

Она тоже подошла к пеленальному столу, посмотрела на сына, он сосал свой костлявый кулачок, вскидывал худенькие ножки, на его синеватом тельце краснели два крупных пятна величиной с пяточок. Врач чуть надела палец — ребенок зашелся в крике.

— Фурункулы... Надо тепло, и я выпишу мазю... —

— Не надо мази, надо в больницу. Если нельзя обоих, положите хоть его одного, ведь его там будут кормить, он искусственник...

Врач спросила фамилию, поискала на столе, потом спросила адрес.

— Но, мамочка, Глебучев Овраг не мой участок, и с фурункулезом мы в стационар не кладем... То-то я смотрю, ребенок незнакомый, не мой.

— Да, — кивнула Нина, — мы не ваши. Мы ничьи.

Витюшка затих было, но потом снова стал кричать, уже от голода — пришло время кормить.

— Он плачет, его пора кормить, но нечем... Положите его в больницу, а то он умрет!

Тамара побежала куда-то, ее долго не было, за это время врач успела обстучать и прослушать Витюшку, ощупала темечко потом взвесила его. Он кричал, двигал руками и ногами, весы ходили под ним, никак не удавалось привести их в равновесие.

— Ребенок запущен, мамочка, у него признаки рахита развиваются... Я сообщу вашему участковому врачу...

— Его надо в больницу, — в отчаянии твердила Нина. — В больнице будут кормить, а мне нечем, у меня украли карточки...

Вернулась Тамара, принесла медицинскую карту и рожок с молоком, брызнула себе на руку, потом сунула в рот Витюшке, он сразу умолк, Нина смотрела, как он сосет и как ходят обтянутые кожей скулы.

— Я напишу направление, — сказала наконец врач, — но не уверена... Стационар переполнен, могут не положить.

Она долго писала что-то на бланке, а Нина думала: как это «могут не положить»? Что же ему — умирать? Зачем тогда все это — жизнь, люди, если они не могут спасти моего ребенка?

38

Сначала ее поселили в коридоре, а через два дня, когда освободилось место, перевели в палату. В палате было тесно, койки стояли впритык, голова к голове, Нина только спала там, а днем пропадала у дверей детской, прислушивалась и узнавала басовитый голос сына — у него созревали фурункулы, и он сильно кричал. Иногда ей выдавали белый халат и марлевую маску, разрешали войти в детскую палату, и она осторожно, боясь коснуться больных мест, брала сына, завернутого в серую простынку, всю в желтых лекарственных пятнах — от мази и примочек, — часами носила его по палате.

На кормление матери собирались в теплой просторной комнате, здесь были стулья и пеленальные столы, полки, уставленные рожками с молочными смесями, женщины кормили детей и говорили о разном — о войне, о мужьях, о здешних больничных порядках...

Еще в приемном покое, когда Нина ждала дежурного врача, санитарка научила ее:

— Не говори, что полный искусственник, а то его одного положат, скажи, мол, мало молока, не хватает...

Нина так и сказала, а потом все боялась, что ее уличат в обмане и прогонят из больницы.

Но оказалось, что тут много полных искусственников, и их матери ничего не боялись, она слышала, как бойкая Рина — ее полное имя Октябрина — говорила:

— Ах, оставьте, все прекрасно знают — и врачи и сестры, — что тут половина некормящих матерей, проста вид делают... Детей в полтора раза против нормы, нянечки с ног сбиваются!

Снова она вживалась в мир больницы, присматривалась к соседкам по палате, о которых вчера еще ничего не знала, они уже обвыклись тут, сдружились, откровенничали, делились семейными и женскими тайнами.

Почти все они были здешними, саратовскими, жили с матерями или свекровями, им носили передачи, иногда и Нине кое-что перепадало: пара вареных картофелин, ломкий ржаной блин, головка лука, а Октябрина раз изловчилась достать одежду, сбегала домой, притащила кастрюлю квашеной капусты. Нина видела, что этим женщинам в семье живется легче, чем ей, но не завидовала: у каждого — своя судьба.

— А золовка, пока я тот раз в больнице лежала, туфли мои носила, все набойки сбила.

— А я масло. со всех сторон крестом пометила, после смотрю, креста нет, брала она масло...

Нина удивлялась, как могут они говорить о таких пустяках, волноваться из-за них — да разве какие-то там туфли или масло главное в жизни? Она теперь-то знала, чем проверяется жизнь и что в ней самое страшное: крик голодающего ребенка, которого нечем накормить.

А потом поняла, что и у этих женщин судьба нелегкая. Тоненькая, похожая на цыганку Галя рассказывала: как получила похоронку на мужа, так и молоко пропало, ребенок стал желудком болеть, вот и не вылазят из больниц. Ночами она часто просыпалась, говорила соседкам:

— Каждую ночь вижу, что он нянчит Славика, а ведь он и не видел его... Не унес бы с собой...

Рина-Октябрина жаловалась на скандалы с пьяницей-свекром — орет, крушит все, ребенка пугает.

— Как-нибудь зарублю его топором на фиг!

Они часто плакали, одна начнет, другие подхватят, плакали дружно и как-то даже сладко — так плачут старухи в церкви. Нина вспомнила, как на первом курсе бегали с девчонками в Елоховскую церковь, там на пасхальной службе пел знаменитый тенор, а старухи плакали так сладко и самозабвенно, что и девчонки расплакались.

А сейчас Нина не плакала и ничего о себе не рассказывала, женщинам удалось только выпытать у нее, что эвакуированная из Москвы. Ее здесь тоже прозвали «москвичкой».

— Москвичка, морсу хочешь?

— Айда, москвичка, зовут пеленки стирать.

Рук не хватало, они помогали прачкам стирать пеленки, МЫЛИ СВОЮ палату, выпросив серые обмылки, в ванной комнате стирали с себя, мылись, терли друг другу спины; здесь установился свой быт, Нина постепенно привыкала к этому быту, вращалась в нем, обживалась, ей хорошо было в тепле и на людях после тех тяжелых дней одиночества и нужды.

Едва детям становилось лучше, матери просились на выписку, а она не просилась, хотя «бескарточный» месяц давно кончился, шел уже апрель, но она все боялась, не могла одна войти в дом, где кричал ее голодный ребенок. Словно крик тот все еще бьется там, при закрытых дверях, и она, войдя, вновь услышит его.

Снег сошел, дымилась, высыхая, земля, в больничном парке, над деревьями, вились тучи птиц, снопы солнечного света били по утрам в окна, освещали палату, обнажая ее казенную бедность и неуют. Нина подходила к окну, смотрела на первую травку и острые молодые листья деревьев и как там, за оградой парка, на сухом уже асфальте девчонки расчерчивают мелом «классы»... И совсем скоро в воздухе запахнет сиренью, поплывут по улицам лиловые букеты, и школьники перед экзаменами станут искать счастливые «пятерки»... Она вспоминала, как раньше в такую вот пору ее охватывало чувство радостного ожидания чего-то, что непременно должно случиться, в ней жило постоянное ощущение счастья, с которым просыпалась она и проживала день, и как все время хотелось смеяться, манило куда-то бежать, во всем теле оживала жажда движения, она летала во сне, отталкиваясь от упругого воздуха маленькими босыми ступнями...

Она все. помнила, но та жизнь теперь не волновала ее. Словно то была не ее жизнь, не ее весна с расчерченными «классами» — «мак?., мак?., дурак...» — и не ей предназначался запах сирени; ее жизнь теперь — тут, по эту сторону войны, она знала то, чего не могла знать та беспечная, часто краснеющая девчонка... Между ними стояла война и крик голодающего ребенка, эту преграду уже не разрушить, она — навсегда.

Сыну становилось легче, он выздоравливал, подсыхали ранки от фурункулов, он либо спал, либо «гулил», болтая розовыми ножками, косил на нее глазами, значит, узнавал... Она целовала его худенькие, как палочки, ножки, ей хотелось сказать: «прости меня, прости...» Счастливое чувство, вспыхнувшее в ней там, в маленькой Аксайской больнице, когда он родился, потухло, сейчас ее любовь была пополам с болью.

Она заворачивала ребенка, несла в парк гулять. Звонко кричали птицы, вились шмели над одуванчиками, прозрачное марево струилось над землей — природа отрицала войну, она наполнила мир жизнью Нина смотрела на все это отстраненно, ничто не трогало ее, словно погас в ней главный огонек, и она могла думать только о том, что дома уже не придется топить и что ей выдадут новые карточки.

В больнице не было радио, персонал приносил новости из дому: сводки шли тревожные, всюду слышалось «Сталинград», «Сталинград», и здесь, в маленьком мире больницы, говорили о Сталинграде — ведь это рядом, каких-нибудь четыреста километров по прямой... Домохозяйек мобилизовали на окопы, вон и тетя Женя хоть и не домохозяйка, а второй месяц на окопах, без нее и случились те страшные дни, а будь она дома, уж сумела бы отвести беду...

Женщины в палате говорили о донорстве и кто сколько сдал крови — вон и в газетах пишут: сдал кровь — еще одна жизнь спасена.

Кто-то спросил Нину:

— А у тебя какая группа крови?

— Н-не знаю.

— У меня первая, универсальная, для всех подходит...

Рина — она вязала, забравшись на койку с ногами, — подняла глаза:

— Ах, оставьте? Я, например, честно говорю, что сдаю кровь ради пайка. За это и масло дают, и сахар... Может, этим я спасаю жизнь ребенку!

— А я боюсь, — призналась Галя.

Нина подошла ближе.

— А где это — сдают кровь?

— На станции переливания крови. — Рина посмотрела на нее, — Только подкормиться тебе надо, больно уж худая ты, а нужен высокий гемоглобин.

Нина подумала, что ради сына сдала бы всю свою кровь, вот только где его взять, высокий гемоглобин?

Дни в больнице тянулись длинно и медленно. Нина торопила их — не потому, что хотела скорее домой, просто боялась, как бы не выписали раньше, чем вернется Евгения Ивановна. Всякий раз, когда в палату входил кто-нибудь в белом халате, она пугалась, что сейчас скажут: «Колесова, на выписку!»

Уже ушли домой Галя-«цыганка» и Рина-Октябрина, Рина оставила ей баночку варенья из «райских» яблок.

— Ешь, москвичка, и вспоминай нас, саратовских.

Нина думала: сколько бы ни пришлось жить на земле, она никогда не сможет забыть «саратовских» — и тетю Женю, и Ипполитовну, и Рину-Октябрину, и презираемую всеми Клавдию, и того мордатого, укравшего карточки, и злую очередь за молоком... Если бы ей дано было судить всех этих людей, с которыми сталкивала судьба, она бы разделила их, добрых отправляла направо, недобрых — налево. И почти все, кроме злой очереди и того мордатого, пошли бы направо. Нет, и та очередь пошла бы направо: там не было злых людей, там стояли голодные. И только для двоих она не могла определить место — для себя и для Михаила Михайловича Колесова. Она не могла забыть, что украла. Пусть не последнее, пусть никто и не заметил, но ведь украла. Ей тогда и в голову не пришло постучаться в чужой дом и попросить это бревно, возможно, ей бы и дали, а она украла. Говорят, чтобы судить о человеке, надо на одну чашу весов положить его добрые дела, на другую — недобрые. Но она ничего доброго никому не сделала; с тех пор, как началась война, доброе делали ей — и в Москве, и в Ташкенте, и в Аксае, и здесь... Выходит, одна чаша весов — совсем пустая, а другая, с недобрым делом, тянет вниз...

О добрых делах Колесовых она не знала, а о недобром судить теперь не могла. Нет, в ней все еще жила обида и, наверно, будет жить всегда, но прежней ненависти уже не было, она думала: а вдруг у них есть своя правда? Этот маленький, остроносый человек, возможно, устал от горя, наверно, он никому не хотел зла, думал о покое, а тут я... Незванно и неожиданно. В чем он виноват? И что он мог знать о моей жизни после того, как я ушла от них? Простить его она не могла, и ей иногда хотелось рассказать все какому-нибудь доброму, постороннему человеку, чтоб рассудил их по-справедливости,. Но она не могла сделать этого, все же он был отцом ее мужа.

Жизнь сложна, и всего в ней намешано, чтобы хоть что-то понять в ней, нужно страдать — в этом ее печаль, но в этом и ее мудрость.

...В палату заглянула нянечка, спросила:

— Кто тут Нечаева?

Нина испугалась — вот оно, выписывают... И удивилась: в больнице она значилась по фамилии сына — Колесова.

— Нету такой?

— Я Нечаева, — тихо сказала Нина.

Нянечка недоверчиво оглядела ее с ног до головы.

— Что же ты, язык проглотила?.. Пришли к тебе.

Пришли! Нина вспыхнула и чего-то испугалась.

Она подумала почему-то, что это Михаил Михайлович, а может, Вера; было абсурдно так думать, как бы они узнали про меня, но никто другой прийти не мог — не Ипполитовна же? Потом она решила, что, скорее всего, пришла Ада, и быстро пригладила волосы, запахнула байковый халат, подвязалась стареньким, скрученным в жгут бинтом и спустилась по лестнице..

В пустом вестибюле уборщица протирала полы, пахло лизолом и хлоркой, и никого тут не было. Она повернулась, чтобы уйти, и увидела Евгению Ивановну, та стояла у низеньких дверей черного хода и смотрела на Нину.

— Нетелюшка, ты чего? Ай не узнала?

Нина шагнула к ней и остановилась в замешательстве, не зная, что сказать и как поздороваться.

— Я это... Здравствуйте, тетя Женя.

Евгения Ивановна притянула ее к себе, обняла.

— Набедовались вы тут без меня?

— Карточки потеряла...

— Да знаю, знаю. Что же ты ела-то?

— Ипполитовна кусочки приносила, вот и ела.

— Ну, золотая старуха!

— Как она там?

— Что ей сделается? Прыгает со своей клюкой... Ой, что же я...

Евгения Ивановна полезла в кошелку — ту самую, из которой у Нины вытащили карточки, — достала газетный сверток в масляных пятнах и бутылку топленого молока. — На-ка поешь, тут пирожки с картошкой, правда, ржаные. Нина не удержалась, развернула газету, выхватила пирожок, стала тут же есть. Он был мягким и еще теплым, начинка — картошка с пережаренным луком просто таяла во рту, она была сладковатой и пряной от перца. — Ешь-ешь. Картошка маненько мороженная, а так ничего. И молоко пей, это тебе. Она жалостливо смотрела на Нину, и Нина стеснялась, ей казалось, что ест она жадно и неопрятно; она вроде отвыкла от этой женщины, сейчас та казалась чужой и совсем старой. На одной скуле ее чернела болячка, вся в засохших корочках, а другая лоснилась розовой кожей, Евгения Ивановна сказала, что поморозила щеки, а теперь вот заживают. — Карточки я на вас с Витькой получила, мукой забираю, правда, дают меньше, зато припек, то на то и выходит... Она стала рассказывать, как жила там, «на окопах», и что привезла пшеницу и семян, будет огород при доме заводить... — Ничего, теперь легче пойдет, посеем щавель да свеклу, нам бы только до первой зелени продержаться. Потом она спросила про Витюшку и скоро ли выпишут и все смотрела на Нину, как будто хотела еще о чем-то спросить да не решалась. — Я, тетя Женя, в доноры пойду, кровь сдавать. И работать пойду. Евгения Ивановна вздохнула. — Насчет работы — правильно, к людям надо жаться, люди пропасть не дадут, а чтоб кровь сдавать... Ты погляди на себя, в тебя саму ее вливать надо! Нина оставила два пирожка на ужин, сейчас ей хотелось пить, она глотнула из бутылки, ощутила знакомый, забытый уже вкус розового топленого молока, его не терпел Никитка, Лина бегала за ним с кружкой, уговаривала: «А сказку хочешь?.. Хочешь сказку?» — Писем мне не было? — дрогнувшим голосом спросила Евгения Ивановна. Нина увидела, как поползли книзу уголки ее губ, все лицо сделалось маленьким и скорбным. — При мне не было. — Выходит, опять «в потере», опять почти разбомбило... — невесело пошутила она. Она стояла, привалившись к дверному косяку, опустив плечи, маленькая, усталая, сложив на животе темные узловатые руки, и столько терпеливого горя было в этой ее позе, что сердце Нины рванулось к ней, как к родной. — Если б что случилось, уже сообщили бы, — сказала она. — И я так думаю... Ты ешь, ешь... Завтра еще что-нибудь принесу, мне два дня передыху дали. — Что бы я делала без вас? — тихо сказала Нина. Евгения Ивановна засмеялась, тронула ладонью болячку. — То бы и делала. Не была бы тетя Женя, нашлась тетя Феня. г Кругом люди... Да, кругом люди, подумала Нина. "Что я без них?"

Часть третья

Словно надоело судьбе обрушивать на Нину удары, испытывать ее, и она принялась задабривать, осыпать милостями, как будто старалась искупить свою жестокость. Выйдя из больницы, Нина на другой же день поехала на почтамт, и ей выдали пачку писем — от отца, от Никитки, от Виктора, от Маруси и телеграфный перевод от отца на тысячу рублей. Она прямо захлебнулась от радости — родные мои, милые, нет, не забыли! — с трудом удержалась, чтобы не вскрыть письма здесь же, на почте, ведь здесь, с Витюшкой на руках, все получилось бы кое-как, наспех, и она помчалась домой. Ликующее чувство удачи волновало ее, наконец-то она вырвалась из плена бед на простор жизни, в которой так по-мирному — светит золотое солнышко, и зеленеет трава, трепещут на деревьях листочки, и у людей такие добрые лица... В трамвае она ворковала с сыном, и какая-то женщина сказала, улыбаясь: «Какой хорошенький мальчик...» Но Нина знала, что сказала она так от доброты, на самом деле большелобое, худенькое лицо Витюшки с запавшими глазами

чужим не могло казаться хорошеньким, но все равно ей стало радостно, и она ответно улыбнулась женщине — милая, добрая, знала бы она, как хорошо мне сейчас! Дома она сперва стала разглядывать почтовые штемпели, судя по ним, письма копились постепенно и долго лежали на почте, ведь их могли отправить обратно, и то, что не отправили, тоже было удачей. Нет, жизнь добра ко мне и всегда была доброй, и только по малодушию я роптала на нее...

Первым она прочла письмо Никиты из Чкалова, он писал бестолково и разбросанно, Нина улыбнулась, читая его сползающие вниз строчки. Адрес Нины им сообщил отец, Никитка забрасывал ее вопросами: «Кто у тебя родился? Надеюсь, мировой пацан, мой племянник, когда он подрастет, я сделаю ему рогатку и куплю велосипед». О себе сообщал, что у него все в порядке, только ссорится с мачехой, которая заставляет его сидеть с Лийкой, а ему не хочется. «Карла (так он за глаза называл мачеху) собирается писать тебе письмо, она будет врать про меня, что я не хочу учиться, грублю и курю, но ты не верь!» И тут же признавался, что, конечно, иногда пропускает школу и получает плохие отметки, но «на фига нужен сейчас этот куб суммы двух чисел, если идет война?»! И насчет курения признавался, что просто балуется с мальчишками и вовсе не грубит, а просто он за справедливость... Под конец делился с Ниной своей тайной — «только смотри, никому!» — сушит сухари и скоро убежит на фронт.

А в конце письма Никитка писал о самом главном: отец был ранен в ноги, лежал в госпитале, но сейчас уже ходит с палочкой...

Ранен! Он был ранен!

Запоздало испугавшись, она тут же вскрыла письмо отца — эти до боли знакомые островерхие буковки и это нежное, так не вязавшееся со всем его суровым обликом: «Дочурка моя ясноглазая, кралечка моя червонная...» И вопросы, вопросы. О себе сообщал скупко: «Фрицы подковали меня на обе ноги, но ты не горюй, я уже хожу».

Папка мой, милый! Она вспомнила, как он носил ее больную на руках и пел глуховатым полусшепотом: «Ты, милая дочурка моя, червонная кралечка...» — и что-то теплое ворохнулось у нее под самым горлом. Папка, родной мой...

«Шлю деньги, купи себе все необходимое, ты, конечно, обносила, и малышке купи, мне просто не верится, что ты уже мама...»

Нина улыбнулась — милый, милый, он не знает теперешних цен... Что ж, он воюет, а не торгует на толкучках, как я!

Передохнув, Нина хотела взяться за 'письмо Виктора, но передумала, отложила его.

Почему-то она боялась этого письма.

Маруся Крашенинникова писала, что работает на военном заводе, и сообщала ужасную весть: погибли Гена Коссе и Сережа Самоукин. Она переписывается с сокурсницами в Ижевске, оттуда узнала.

Нина сидела, уронив на колени руки, вспомнила длинного нескладного Сергея, невысокого черноглазого Генку и как они пришли тогда, притащили ящик с книгами, чтоб она сберегла их... А Сергей тихо сказал: «Если туго придется ~ продай». Он был добрый, Сережка, часто краснел, как девочка. Когда на катке она подвернула ногу, он тащил ее в раздевалку и приговаривал, как маленькой: «А плакать мы не будем, а до свадьбы у нас заживет...»

Она вдруг нагнула голову, прижалась щекой к клеенке и заплакала. Впервые с того страшного голодного крика сына. Думала, что и плакать-то разучилась, но помягчело в душе, словно растопилась жесткая льдинка, и тихие слезы сползли на. сгол.

Это была первая ее личная потеря на войне.

Подал голос Витюшка, Нина стала кормить его. Уже работала детская молочная кухня — еще одна милость судьбы! — и Нина вчера получила — по рецепту маленькие бутылочки со смесью и киселем. На весь день, конечно, не хватало, и она по-преж- нему меняла Витюшкин хлеб на молоко.

В комнатах было тепло, несмотря на май, Евгения Ивановна еще топила через день, чтобы просушить дом, «выгнать из углов сырость», как говорила она, и Нина распеленала сына, оставила в одной распашонке — так делали в больнице, — он лежал, гукая, вытягивая губы, болтал ручонками, мягкие, как пух, волосики мыском спускались на лоб, Нина причесала их набок, сказала:

— А наш папка письмо нам прислал.

Он скосил на нее глаза и улыбнулся своим беззубым ротиком, как будто понял ее слова. Она повертела в руках письмо от Виктора, не понимая, почему же не читает, чего боится, ведь его-то и должна была прочесть раньше других; рассматривала конверт и это знакомое заглавное «Н» в петельках... Руки почему-то дрожали, и вдруг она сразу надорвала конверт. «Дорогая Нина!» — и- опять «Н в петельках».

«Дорогая Нина!» — Она передохнула и стала Читать дальше. О себе — мало: осенью у них выпуск и куда дальше, пока он не знал, — а все больше спрашивал. «Из писем отца и Веры

знаю, что сына ты назвала Виктором, почему не Михаилом, как договорились?» «Из писем отца и Веры знаю, что ты ушла от наших, но почему?»

«Из писем отца и Веры...» «Почему?» «Почему?» Тут были не просто вопросы, тут были упреки. Письмо оказалось не коротким и не длинным — средним. Не холодным, не теплым — средним. «Целую тебя и сына». Все.

«Дорогая Нина!» — от этого веяло холодом, так он мог написать своей однокурснице или просто хорошей знакомой. И чьи слова о том, как он пережил известие о смерти матери, ведь он так ее любил... И еще что-то, удивившее, ах, да: «...ты ушла от наших, но почему?» «Наши», значит, не объяснили. Хотелось перечитать письмо и сейчас же засесть за ответ, но она удержалась, спрятала конверт, взяла письмо Никитки.

Он писал, как и в школьных тетрадках: первую строчку выводил ровненько, а дальше — кое-как, пренебрегая знаками препинания, лишь бы поскорее. «Она будет врать про меня», — как это похоже на него, улыбнулась Нина. Сперва все отрицать, потом признавать одну свою вину за другой и представлять все так, что это вовсе и не вина, а просто стечение обстоятельств. «На фиги нужен этот куб суммы, если идет война?» Мечтает, дурачок, убежать на фронт...

...Нина перебирала письма, гладила их ладонью — от Никитки, от отца, от Маруси, — словно родные голоса пробились наконец к ней из немоты молчания. И вновь протянулись тоненькие хрупкие ниточки от той жизни, из которой она так сразу выпала. Из которой, как и Многих, ее вырвала война.

41

Опять по вечерам заходила Ипполитовна, рассказывала про услышанные в церкви чудеса: в заброшенной часовне икона обновилась, а на кладбище гроб из земли сам собой вышел, открыли его, а он пустой, а еще голубь под куполом летал, и по всем приметам выходило, что войне скоро конец. Но Ипполитовна давно пророчила конец войне, а война все не кончается, вон немцы уже под Сталинградом, и бои там все ожесточеннее, а Ленинград в кольце блокады.

— Ну дак что? — Ипполитовна взмахивала пухлым кулачком. — От Москвы потурили? И от Сталинграда потурят... В церкви рассказывали...

— Ладно тебе, — перебивала Евгения Ивановна, — твоих бы церковников туда, в стражение... Ты лучше раскинь мне на крестового и бубнового, на окопах сон я видела, обронила навроде два гривенника, они и укатились в разные стороны. Серебро — к слезам, выходит, плакать мне?

— Болтай! Укатились от тебя слезы, ты и радуйся.

Евгения Ивановна завешивала окна, зажигала маленький фитилек, торчавший из пузырька, а Ипполитовна убирала, как обычно, со стола соль, начинала раскладывать на клеенке карты. Долго смотрела в них, поднимая брови, потом заводила свое, обычное:

— Плохого ничего нет и быть не может, коль карты врут, и я вру, а только крестовый жив-здоров, при выпивке.

— Это как же — при выпивке? На войне-то?

— Винновую восьмерку видишь? Это выпивка, видать, стражение закончили и празднуют...

Раскладывали на бубнового, и тоже выходило, что плохого нет.

Евгения Ивановна веселела сразу, облегченно вздыхала, разглаживались морщины на переносице.

— Хоть и врешь, а все легче... — Она принималась шутить: — И как же ты, Политивна, греха не боишься? Ведь гаданье — не божье дело.

Ипполитовна поджимала губы, сгребала и прятала засаленные карты.

— Мой грех прощенный. Ежели бог войну допустил, то карты что? Они не убивают.

Евгения Ивановна ставила в сени чайник на керосинку, когда закипал, кидала в него «заварку» — подгорелую корку хлеба, — сыпала в блюдце кристаллики сахара, а

Ипполитовна, отлучившись, приносила свое угощенье: кусок черного пирога с грибами, пару баранок, она называла их сушками, они пили чай, Ипполитовна распускала свой теплый платок, которым всегда, и зимой и летом, повязывалась крест-накрест, распрямляла спину и сразу словно молодеда, румянились ее дряблые щеки, и Нина думала, что, должно быть, в молодости она была красивой.

Евгения Ивановна рассказывала Нине, что в голодном тридцать третьем году сын Ипполитовны поехал на Украину за хлебом, оттуда прислал письмо: на Украине голод

пострашнее нашего, еду, мол, дальше. А куда дальше — не написал, да и пропал с той поры, а через год муж в Волге утонул, ушел с машиной в полынью. И осталась она одна. Опять Нина услышала про тридцать третий год, ведь она тоже была тогда в Саратове, они жили в одном городе, но совсем разной жизнью, и она даже не знала, что есть тут такой Глебучев Овраг с маленькими деревянными домиками, в них трудно живут люди, которые в будущем, омраченном войной, поделятся с нею хлебом и теплом.

Она-то жила в том особнячке на Малой Сергиевской совсем по-другому, сытно и благополучно. В школе и дома им говорили про фашизм в Германии, про Абиссинию, на которую напала Италия, про томящихся в тюрьмах революционеров, они вносили деньги в МОПР, записывались в Общество Красного Креста, но почему-то им никогда не говорили о бедствиях своей страны, о голоде в Поволжье и на Украине, и только теперь Нина узнала, что жила здесь совсем не так, как ее подруги и товарищи... Мать, провозжая в школу, заворачивала ей с собой завтрак с пирожками и котлетами, она спрашивала: «Зачем так много?» «Не будешь же ты одна есть», — отвечала мать. А как-то Нина зашла к Нюре Самохваловой, мать Нюры выложила на стол черные лепешки, сказала: «Вот попробуй сталинских пряников!» Нина откусила, но проглотить не могла, «пряники» были горькими, как полынь. Как можно это есть, подумала она тогда.

Нина не могла простить, что жизнь ее обеднили незнанием, она чувствовала себя в чем-то виноватой и не знала, кому конкретно адресовать упреки. Ведь от нее специально ничего не скрывали, ей просто не говорили, и она ни о чем таком не догадывалась, хотя могла бы... Смутно помнит, как постучалась к ним женщина с двумя детьми, обмотанными тряпьем, и как мать кормила их на кухне обедом и дала с собой каравай хлеба и головку сахара, собрала старую Никиткину и Нинину одежду... Запомнились Нине худые темные пальцы маленького мальчика, боязливо тянущиеся к тарелке с хлебом, — его ладошка была похожа на птичью лапку...

Всплыл в памяти скандал в семье. В Саратов приехал товарищ отца, они все сидели за столом, в дверь постучалась старуха, попросила хлеба, мать вынесла ей еду, а когда вернулась, оглядела накрытой стол, вздохнула: «Кусок в горло не идет!» А гость сказал: «Обо всех не наплачешься, нужных людей государство до голода не допустит». Нина помнила, как прыгали губы матери и как она кричала: «Ты фашист! Ты фашист! — и вышла, хлопнув дверью. А вечером они поссорились с отцом, отец говорил о законах гостеприимства, а она опять кричала: «Он фашист!» Вскоре товарищ отца трагически погиб в железнодорожной катастрофе, отец плакал, читая некролог в «Красной Звезде», а мать сказала жестко: «Туда ему и дорога! Жаль тех, кто погиб вместе с ним».

Выходит, люди тогда жили по-разному, как бы в двух слоях, и слои эти лишь соприкасались, но не смешивались... Она-то обитала в верхнем слое, там было светло и празднично, там приживались готовые формулы: «Жить стало лучше, жить стало веселее!», и дети на праздниках непременно кричали: «Спасибо любимому Сталину за наше счастливое детство!» — и никогда ей не приходило в голову задуматься о том, всем ли стало жить «лучше и веселее» и у всех ли детей было «счастливое детство»... — Ты, Нетеля, чего запечалилась? — Евгения Ивановна тронула ее за руку. — Об Москве своей? Не уйдет от тебя Москва... Зиму пережили, теперь не помрем, завтра из крапивы щей наварю, глядишь, и щавель подоспеет...

— Огорожи у тебя нету, поворачуют, — сказала Ипполитовна.

— Ворам огорожа не помеха... Ничего, что людям, то и нам.

Ипполитовна сложила на животе свои ручки, вздохнула:

— Давеча в церкви православному воинству здравие служили, а я свечку-то с жопки зажгла, кверху ногами поставила да энтот Гитлера все за упокой, за упокой поминала...

— С твоих заупокойных молитв он только жиреет, вон опять попер... Как тепло стало, так он и прет!

А Нина сидела, все еще погруженная в прошлое, опять вспоминала, как жили в. Саратове, была жива мама, и Нина не понимала, что это и есть счастье, е-то казалось, что так живут все. И сейчас, из будущего, она заново открывала для себя ту жизнь, и всех тех людей, и свою так рано ушедшую от детей мать...

Нина помнила, как вернулись они из летних Татищевских лагерей и узнали, что в квартире побывали воры, они вытащили все продукты, пол был запорошен мукой, на ней четко отпечатались следы мужских сапог. Отец не велел ничего трогать, поехал в милицию, а мать сидела, опустив руки, потом выпроводила Никитку во двор, а Нине и Лине сказала «Давайте уберем и вымоем пол». Нина удивилась: ведь отец- не велел ничего трогать сказал, что приедет милиция с собакой и по следам найдут воров... «Какие там воры, — устало проговорила мать, — голодные это, а не воры, ничего, кроме продуктов, не взяли, хоть детей накормят»; Они все убрали, вымыли пол, отец, конечно, сердился, потому что

воров не нашли, но и тогда Нина не задумалась, не спросила: почему — голодные? Откуда голодные? Не по равнодушию и не потому, что была маленькой, а оттого, что была сытой. Может, за мамину доброту к людям и посылает мне сейчас судьба добрых людей? — подумала Нина.

К открытию детской молочной кухни Нина опоздала. Пока одевала Витюшку, сама упарилась, а он раскричался, выплевывал соску, пришлось разогреть молоко, кормить его, потом долго не было трамвая, так что когда добралась, во дворе уже толпились матери и бабушки с младенцами на руках. Толстая тетка в белом халате, раскинув руки, загораживала дверь, кричала:

— Осади назад! Вы мне всю кухню разнесете! Пускаю по двое в порядке очереди!

Нина подумала, что сегодня, пожалуй, уйдет ни с чем, — так бывало всякий раз, когда опаздывала к открытию: молока подвозили мало, раздатчицам хватало на час-полтора работы. Она пыталась хотя бы приблизительно прикинуть, сколько тут людей, но очередь не обозначалась, женщины стояли в три ряда, а некоторые прохаживались, покачивая плачущих младенцев, не было никакой возможности сосчитать людей. Но она не ушла, а по всегдашней нашей привычке надеяться до последнего стояла, поднимая на ступеньку ногу и посадив на колено Витюшку.

Было жарко тут, на солнцепеке, и Нина поискала глазами тень, увидела под деревом женщин, расположившихся прямо на жидкой и чахлой городской траве, пошла и села рядом с ними.

Из дверей выходили счастливицы с сумками, %из которых торчали головки маленьких бутылочек, заткнутые ватой, все смотрели на эти бутылочки, и Нина тоже смотрела, пыталась сообразить, чем же она накормит сына. Того, что получала здесь по рецепту, хватало на три кормления, остальное готовила сама на козьем молоке, но вчера молока ей не дали, заболела коза, и теперь придется прямо отсюда ехать на рынок.

Она уже решила не терять зря времени, а отправиться на рынок, но тут из дверей вышла высокая молодая женщина в сиреновом платье, и Нине почудилось что-то очень знакомое в ее лице — в гордой горбинке носа, в гневном изломе бровей и в том, как резко отодвинула она загромоздившую выход толстую тетку, и в низком голосе, когда сказала:

— А йу, дайте пройти!

Господи, Павла! Павла Бурмина!.. Или нет?

Женщина пошла к воротам, шагая по-мужски крупно, размашисто, и Нина подхватила с травы, прижав сына, побежала за ней, не смея окликнуть, и уже за воротами позвала:

— Павлина...

Женщина сразу остановилась, как будто наткнулась на стену, резко обернулась, свела брови.

— Вы меня?

И тут глаза ее посветлели, брови разлетелись к вискам, она охнула тихонько, и обе кинулись друг к другу.

— Нинка!

— Павка!

Так они и стояли, замерев, потом Павлина оторвала ее голову от своего плеча, поглядела в лицо и опять прижала к себе, обняла вместе с ребенком. V Нинка! Нечаева!

Нина молчала, сглатывая слезы, Павла Бурмина была совсем из другой жизни, и теперь Нина словно вернулась в те годы, на проезд Девичьего Поля, в свое детство...

— Ну-ну, не хлюпай! — Павлина похлопала ее по спине, забрала Витьку. — Мальчик? И когда ж ты успела?

Нина вытерла ладонью глаза.

— Ой, Павка... На базар мне надо... — Она протянула было руки, но Павла ребенка не отдала.

— Ну, нет, не затем мы с тобой встретились, чтобы вот так сразу же и расстаться.

— Я приду. Дай мне адрес.

— Не затем... — перебила Павлина. — Возьми мою сумку и айда ко мне, у меня и пацана покормим.

Павлина несла ребенка, а Нина с ее сумкой семенила рядом, еле успевая за ее крупным шагом. Павлина искоса поглядывала на нее, на темное остренькое лицо, на ситцевое, вылинявшее от стирок платье, на старенькие спортсменки на пуговках и опять на лицо...

— Ты как тут, в Саратове?

Нина коротко, без подробностей рассказала про Ташкент и как по дороге в Саратов, на маленькой станции, родила сына и что живет у хорошей, доброй женщины... И про отца — что на фронте, про мужа — пока в училище...

В трамвае они сели друг против друга, и Павлина все смотрела на нее; может, что-то вспоминала, а Нине хотелось спросить ее про мать, про испанского брата Игнатика и не слышно ли об отце, но она никак не могла решиться.

Они вышли из трамвая, поднялись на горку, подошли к голубому двухэтажному дому.

— Вот тут мы с Борькой обитаем, это дом моих свекров.

— Борька — это муж?

— Борька — это сын, ему три года.

— А муж?

— Где теперь мужья? На войне, — холодно и даже, как показалось Нине, враждебно сказала Павлина и, передав Витюшку Нине, принялась колотить в дверь.

Первый этаж дома был из кирпича, выбелен голубым, второй — деревянный, окна украшали резные, похожие на кружева наличники, в окнах виднелись цветущие герани, и дом вообще выглядел ухоженным и нарядным.

Наконец дверь открылась, женщина в косынке и переднике улыбнулась бледными губами.

— Ах, Павлинька, зачем так громко, Бореньку разбудишь, он недавно уснул.

Павлина впустила Нину в просторный коридор, заставленный ящиками и корзинами.

— Так вот, Полина Дмитриевна, это моя подруга еще по Москве, ее зовут Нина.

Женщина опять принужденно улыбнулась и мелко закивала, то ли здоровалась, то, ли просто принимала к сведению слова невестки.

— Так что вы, Полина Дмитриевна, сейчас покормите нас, а малышу сварите кисель из черной смородины.

И опять женщина мелко затрясла головой:

— Все сделаю, Павлинька...

Она убежала, Павлина проводила ее недобрым взглядом. Зачем она так? — подумала Нина и даже поежилась от неловкости.

Они вошли в большую комнату, то ли столовую, то ли гостиную, здесь вкусно пахло жареным мясом, сдобным тестом и почему-то воском, стояли накрытые коврами диваны, пианино в полотняном чехле, большой стол под плюшевой скатертью с бахромой, лаково блестящие полы, устланные коврами дорожками, — здесь царил устоявшийся зажиточный быт, не тронутый войной.

Павлина опять забрала у Нины Витюшку, и они по темной деревянной лестнице поднялись наверх, в комнату Павлы, Витюшка еще в дороге уснул, Павла положила его поперек широкой кровати, и он спал, разметав ручонки. Павлина долго смотрела на него, потом сказала:

— Айда, покажу Борьку.

Они пошли в смежную комнату, заваленную игрушками: конем-качалкой, трехколесным велосипедом, кубиками и разными пирамидками; на полу на толстом ковре валялись куклы-голыши и разные плюшевые зверюшки. В кроватке, огороженной деревянными перильцами, спал, сложив под щеку ладони, краснощекий малыш в крутых светлых кудряшках.

— Какой красивый мальчик! — вырвалось у Нины.

Павлина вздохнула, склонилась над сыном, тронула губами его лоб.

— Ради него и живу тут, с ними...

Нина посмотрела на ее лицо в обрамлении пышных коротких волос.

— Я им сказала, что для Бори войны нет!

Нину поразили эти слова.

— Как это — войны нет?

— А так, нет — и все. В смысле, Борька ни в чем не должен терпеть нужду. Войны нет для него. А они и стараются, потому что любят Борьку до одури. Ничего, выдержат, кулаки проклятые!

Кто — кулаки?

— Свекры мои, вот кто! Спекулянты!

— Они что же, не работают?

Морщась и кривя губы, Павлина сказала, что, конечно, работают, свекровь — надомница, солдатские ватные брюки шьет, а свекор — инвалид, на железной дороге работает, на Второй дачной остановке у них есть участок земли, там сад, ульи стоят, свекор продает мед, внес на самолет деньги, про него тут и в газете писали, мол, патриот.

— Думаешь, он из-за патриотизма? Как бы не так! Чтобы не придирались к нему, он знаешь, сколько дерет за мед с рабочего человека?

— За что ты их не любишь? — спросила Нина.

Павлина помолчала и сказала:

— Знаю, за что.

Они вернулись в комнату Павлины, та взяла с подоконника коробку папирос «Казбек», закурила.

— Ты куришь? — удивилась Нина. — Ты ведь когда-то занималась спортом.

Павлина сбила пепел, усмехнулась.

— Вот именно, когда-то. Я в институте Лесгафта училась, а потом родился Борька... Все это позади.

В дверь заглянула свекровь, сказала полупрошептом:

— Все готово, Павлинька, спускайтесь в залу...

— Стучаться надо, Полина Дмитриевна! — взвился голос Павлы, так что свекровь вздрогнула. — Никак не могу приучить!

Свекровь вжала голову в плечи, юркнула испуганной мышкой, Павлина сказала Нине, что принесет обед сюда, и тоже ушла.

Нине было тягостно в этом обжитом богатом доме, она не понимала здешних запутанных отношений, враждебная грубость Павлины корбила — неужели ее так озлобила жизнь? А если бы она знала, как отец кричал тогда на ее мать: «Вон из моего дома!» — и топал ногами, вряд ли она кинулась бы сегодня мне навстречу...

Вошла Павлина с подносом, следом свекровь внесла кастрюлю в жирных томатных потеках и тут же исчезла, они обедали за письменным столом, ели мясной борщ — довоенный, забытый, — жаркое с картошкой, Павлина ковырялась вилкой в своей тарелке, выбирала и откладывала куски мяса с жиром, и Нина вдруг поймала на себе ее взгляд, перестала есть.

— Нелегко тебе пришлось? — спросила Павлина.

Нине не хотелось ни жаловаться, ни прибедняться, она пробормотала:

— Сейчас уже ничего, я работу ищу, кровь буду сдавать...

Павлина опять посмотрела на нее, хотела что-то сказать, но промолчала. Проснулся Витюшка, они покормили его из бутылочки, которую принесла Павлина, и еще киселем.

— А эти все забереешь с собой.

— А Боре?

— Я же сказала: для Бори войны нет. Боря из этих бутылочек вырос, я их беру, чтобы варить ему каши...

Потом она выставила банку с медом и торбочку с гречкой.

— Больше ты не унесешь, но оставь свой адрес, я притащу картошки и яиц.

Нина опустила голову. Она знала, что не хватит у нее сил отказать, она возьмет все, что ей дадут, нужда заставит. Но ее мучила вина отца перед Павлиной, от этого было еще тяжелее.

— Я должна сказать тебе... Ты не знаешь, что тогда ночью Павлина Михайловна ведь приходила к нам, она ругала Павла Никаноровича, и мой отец прогнал ее...

— Почему не знаю, все знаю, — вздохнула Павлина, — Мама рассказала мне. И что твой отец писал Сталину и из-за этого у него были неприятности.

Нина быстро подняла голову, посмотрела на нее.

— Вот видишь, это ты не все знаешь... Например, что мама дважды писала твоему отцу из Бобруйска, и он присылал нам деньги...

Ничего этого Нина не знала, почему-то отец не рассказывал; она видела, как слезы застилали Павлине глаза и как та сердито смахнула их пальцем.

— А Игнатика помнишь? Его ведь забрали у нас, он плакал, просился к русской маме, мы пытались разыскать его, но так и не нашли.

— А где Павлина Михайловна?

— Умерла, еще до войны. Врачи определили пневмонию, а я думаю, от горя она умерла.

Нине хотелось задать главный вопрос — об отце, — но она все не решалась, ждала, что Павлина сама скажет. Но Павлина молчала. И тогда Нина спросила:

— Об отце что-нибудь слышно?

— Нет. — Павла задавила в пепельнице окурок. — Был бы жив, он бы сейчас воевал.

Она странно посмотрела на Нину, опустила глаза.

— Знаешь, иногда я думаю: столько лет прошло, неужели не разобрались?... А если он и правда виноват?

— Кто... виноват?

Павла стояла, кусая губы, будто не расслышала.

— И тогда я начинаю ненавидеть его... За мать, за себя, за Игнатика... И думаю: как он мог? Как мог?

— Не смей! — Нина кулаками зажала уши. — Не смей так об отце!

Павла покачала головой, вздохнула:

— Не кричи. Ты не была в моей шкуре, вот в чем дело.

Они долго молчали, Нине хотелось перевести разговор на что-нибудь веселое, но веселого не находилось.

— А помнишь? «Жили-были три павлина, изготовленных из глины...»

— Да, жили-были... Теперь вот один павлин остался...

Она вдруг резко встряхнула головой, отчего взлетели короткие светлые волосы.

— Ладно, жить все равно надо. У меня есть Борька, значит, жить надо и жить можно.

Почему-то она ничего не сказала о муже — ни словечка за весь день. Здесь тоже угадывалась какая-то сложность, но Нина уже спрашивать не могла. Она молчала.

Вдруг в июне из Чкалова пришла телеграмма: «Встречай Никиту двадцатого поезд... вагон...»

Нина прямо задохнулась от радости; даже не верилось, что через несколько дней увидит брата — должно быть, ему надоели вечные ссоры с мачехой и он сам попросился к ней в Саратов...

Двое суток торчала она на вокзале — поезд выбился из расписания, пришел с большим опозданием, но Никита не приехал. Нина не знала, что и думать, — вдруг случилась беда? Или он вернулся в Чкалов? А может, вообще раздумал ехать?.. На всякий случай она дала в Чкалов телеграмму-молнию, через два дня от мачехи пришел ответ — тоже молния, — Никита в Чкалов не вернулся. А потом пришло письмо от Людмилы Карловны, но она писала его еще до отъезда Никиты, объясняла, почему решила отправить его в Саратов: отбивается от рук, за его поведение она не хочет брать на себя ответственность в то время, когда у него имеется родная взрослая сестра.

Нина не спала ночами, ей мерещились всякие ужасы: попал под поезд, заболел, и его сняли, кончились продукты, и он умирает от голода... И вдруг пришло письмо.

Мягкий и грязный, захватанный конверт, но она сразу узнала разбросанный, весь в углах почерк брата, и все задрожало в ней. Тряслись руки, и, разрывая конверт, она нечаянно порвала и письмо — листок телеграфного бланка, исписанный с обеих сторон химическим карандашом: «Здравствуй, сестренка Нина! Может, ты думаешь, что со мной что-то случилось, а я жив и здоров, чего и тебе желаю...»

Жив!.. Жив и здоров! Это было главное, ничего другого она сперва и не поняла, все повторила эти два слова: «Жив и здоров!» «...а я жив и здоров, чего и тебе желаю. А не приехал потому, что решил пробираться на фронт. Видала Киносборник № 9? Там пацана наградили медалью, ему 13 лет, а он уже ходил в разведку с партизанами. А мне уже 14, можно считать, скоро 15, и я не дурак, чтобы зубрить за партой, вот кончится война, тогда и доучусь».. Дальше Никитка писал, что хотел убежать еще весной, но не было харчей и денег, а теперь все есть, он слез на одной станции, пишет ей письмо и ждет другого поезда, который подвезет его поближе к фронту.

«Об этом никто не знает, только Венька Листов и ты, Венька, когда поправится его мать, тоже убежит на фронт, а ты всегда была мировой девчонкой и теперь меня не выдавай...»

Жив и здоров! Она задышалась от радости, все перечитывала письмо, старалась разглядеть на конверте штемпель, но он был смазан, и не удалось узнать, на какой станции он писал свое письмо.

Но постепенно меркла, улетучивалась радость, опять схватывала сердце тревога — куда уехал, где теперь его искать? И главное — как искать?

Вечером, когда пришла Евгения Ивановна, Нина дала ей прочесть письмо брата.

— Ишь ты, не выдавай... Это чтоб отцу не писала. Не горюй, поймают голубчика и вернут. Они теперь все на войну бегают.

Она рассказала, как в прошлом году вот так же убежал сын ее сменщицы, оставил записку, мол, не ищите, а ждите с победой. Да недалеко убежал, в Аткарске сняли с поезда.

— И твоего снимут, вот увидишь.

Моего не снимут, вздохнула Нина, а если и снимут, он переседет на другой. Она хорошо знала своего брата.

Она, конечно же, сразу написала отцу, сочиняла письмо так, чтобы не очень испугать, а поступку Никитки придать юмористическую окраску: «Никитка не одинок, сейчас вообще имеет место массовый забег мальчишек на фронт, но их с ближайших же станций возвращают домой...» Все в таком духе.

На другой день она отправила письмо, приложила и Никиткино послание и как-то сразу успокоилась — словно письмо к отцу само по себе уже гарантировало возвращение брата.

Опять пошла полоса удач: как-то на улице встретила Аду, и та помогла ей устроиться чертежницей в КЭЧ.

В чертежном зале ей отвели место в углу, далеко от окон, зато рядом с печью, работать и днем приходилось с настольной лампой, но Нину это не пугало, она боялась холодов, а тут зимой, конечно, будет тепло.

«Чертежный зал» — это так называлось, на самом деле никакой не зал, а небольшая комната с четырьмя столами; на трех лежали чертежные доски, здесь работали, а на четвертый складывали готовые чертежи.

Кроме Нины, в «зале» сидели еще две чертежницы — Зина и Фира, — их столы стояли у окон; Зина чем-то напоминала Марусю Крашенинникову, то ли возрастом — ей было за тридцать, — то ли «взрослым» пучком на затылке, Зина была серьезной, аккуратной, работала в нарукавниках, волосы прикрывала косынкой: не дай бог волосок упадет на свежую тушь — пропал чертеж.

Черноглазая Фира, вся в мелких кудряшках, была хохотушкой и модницей, в ящике стола у нее лежало зеркало, и она без конца выдвигала ящик, гляделась в зеркало, прихорашивалась, приглаживала маленькой расческой густые брови, все платья ее были в мелких воланах и тоже казались кудрявыми. Она всегда приносила с собой конфеты — монпансье, душистые довоенные «подушечки», а то и «раковые шейки», всех угощала, Зина включала электрическую плитку, они пили чай, Зина спрашивала:

— И где только ты их досташь?

— Как — где? Дома, у мамы в буфете...

Она хохотала, откинувшись на спинку стула, и опять выдвигала ящик, расчесывала волосы и брови.

В первый же день, когда Нина только села за свой стол, Фира подошла к ней, сказала:

— Если что надо — не стесняйся, у меня есть мягкие ластики и заграничные бритвочки, чтоб соскабливать тушь.

В институте Нина не пользовалась ни ластиками, ни лезвиями, они чистили чертежи корочкой черствого белого хлеба, а тушь удаляли мякишем, не оставалось ни следов карандаша, ни вмятин. Но то было до войны, где сейчас взять эту белую корочку?

Нине нравилась красивая нарядная девушка, словно чудом залетевшая сюда из счастливых довоенных времен; к тому же она всегда была приветлива, всегда с улыбкой, всех одаривала конфетами и сладким хворостом, который приносила из дому, Нина, выдвигая ящик своего стола, часто обнаруживала горстку конфет или орехов, и ее мучило, что ей-то нечем отдарить Фиру, и она старалась помочь ей работой. Фира была не очень квалифицированной чертежницей, часто не успевала сделать работу к сроку, и Нина дотягивала ее чертежи, поправляла, снимала лишние линии, удаляла кляксы...

Работа была довольно однообразной, но для Нины привычной и нетрудной, в основном копировка на кальке, и Нина быстро справлялась с ней. У нее были выработаны приемы: накладывала на синьку прозрачную кальку, прищипливали кнопками, устанавливала под нужным углом рейсшину и по угольнику быстро наносила тушью сперва горизонтальные, потом вертикальные линии, а лекалами почти не пользовалась — в основном чертежи включали прямые углы. А иногда приходилось переносить чертеж на ватман, это было сложнее, тут надо было сперва все выполнять в карандаше и только потом, после сверки, обводить тушью. Эта работа нравилась больше, в ней были элементы творчества, Нина старалась расположить все детали чертежа рационально, чтобы потом, когда большой лист ватмана начнут складывать удобной «гармошкой», самые главные линии не попали на сгиб и не стерлись...

Ей нравилось работать тут, нравились люди, с которыми приходилось общаться, это напоминало студенческую пору, общежитие, когда перед зачетами чуть не до утра корпели над этюрами, кроками и проекциями сложных деталей... Однокурсники Виктора прибежали к ним в полночь с курсовыми — помощи, посмотри, — он просматривал, хитро прищурившись: «Этот станок у тебя не работает». — «Как? Почему?» — «А куда стружка выходит?» Девчонка хваталась за голову, мчалась переделывать, а он уже говорил другой: «Это у тебя что, вентилятор?» — «Какой еще вентилятор, это компрессор!» — «Нет, вентилятор, он просто гоняет воздух, а не сжимает его». И та тоже ахала и тоже бежала переделывать чертеж... До утра оставались считанные часы, но студенту много ли надо?.. И как потом Виктор, дурачась, картинно отставлял ногу, сжимал ладонями виски и изрекал: «Ах, зачем я такой гениальный?!»

И здесь у них бывали «авральные» дни, когда надо было сдавать готовые чертежи, Фира в панике пускала слезу, у нее что-то не клеилось, Нина садилась за ее стол и быстренько все заканчивала и тс- же в шутку говорила «Ах, ну зачем я такая гениальная?».

По понедельникам до начала работы они собирались в маленьком солнечном красном уголке и замполит коротко знакомил их — с последними сводками, это тоже нравилось Нине. И хотя сводки были неутешительными — сдали Ворошиловград, второй раз Новочеркасск и Ростов-на-Дону, замполит всегда заканчивал бодро и твердо: отступление — временное, скоро все на фронтах изменится, враг будет разбит, победа будет за нами!

Раньше, когда Нина слушала невеселые сводки один на один с репродуктором, переживала их в одиночестве или с Евгенией Ивановной, все казалось ей страшной и необратимой, а в этом зале общая беда словно делилась на всех, и было уже не так страшно, а знакомые слова о победе становились пророчеством.

В конце июля в «Правде» появилась передовица, которая всех взбудоражила и обрадовала, — она звучала, как приказ: «Ни шагу назад!» Нина сперва услышала ее по радио, потом читала в газете — кто-то принес в КЭЧ, — о статье все говорили на улице, в трамвае, дома... А Евгения Ивановна, вздохнув, сказала:

— Напечатать в газете легко, нешто газетой его остановишь?

Нина чуть не поссорилась с ней — что за человек, все у нее плохо, все безрадостно!

— Если ни во что не верить, то и жить нельзя, — обиженно проворчала она. — По-вашему, выходит, и победы никогда не будет?

— Победа-то будет, а вот когда? Ведь до Саратова паразит летает!

Нина не знала, что сказать на это, временами начинало казаться, что войне этой нет ни конца ни краю, что бесконечно долгие годы суждено, ей жить здесь... Конечно, и тут можно жить, живут же люди, но это была не ее жизнь, не ее судьба, и как это ужасно — жить чужой жизнью, отказаться от своей судьбы...

Дома было тревожно, она чувствовала себя здесь одинокой, отрезанной от большого мира, утром с радостью бежала на работу, там, среди людей, все выглядело иначе, замполит умел все объяснить и поставить на свои места... Когда в августе она услышала, что наши войска оставили Майкоп и Краснодар, что нависла угроза над Баку, это поразило ее. А как же передовая «Правды»? Как же — «Ни шагу назад!»? Выходит, тетя Женья права — напечатать легко, а выполнить трудно? А замполит сказал, что Краснодар и Майкоп — следствие предыдущего этапа войны, что невозможно так сразу добиться перелома, приказ нужно довести до каждого бойца, для этого потребуется время. «Люди, окружавшие ее на работе, обсуждали сводки, спорили, но вели себя обычно, шутили, смеялись, рассказывали про Гитлера злые анекдоты, Нина была уверена, что эти люди — военинженеры и воентехники — знают что-то такое, чего не может знать она, и если они так уверенно держатся, значит, главный порядок жизни незыблем И она веселела, пересказывала слова замполита Евгении Ива но вне, вспыхивала надежда, что скоро все должно измениться для всей страны, а значит, и для нее... Опять вернулась тоска по Москве, так хотелось туда — пешком бы пошла! — и часто стало сниться, что она в поезде, едет в Москву, вот и вокзал, и она хорошо знает, как добраться отсюда на Вторую Бауманскую, но не успевает добраться, просыпается...

Дважды писала в институт, просила вызов, оба раза ответили, что вызов иногородних откладывается до возвращения института из Ижевска. А когда будет это «возвращение»? Неужели до конца войны мне не суждено туда вернуться?

О Москве напоминало все: зачетная книжка, студенческий билет, Письма подруг-москвичек, даже Зина, которая сроду в Москве не бывала. Когда она снимала косынку и сидела спиной к Нине в своей полосатой блузочке, она была до того похожа на Марусю, что Нину так и подмывало окликнуть: «Маруся!» И она мечтала, что вот вернутся обе в Москву, опять поселятся вместе и будут жить так до конца войны... Но недавно пришло письмо от Маруси из Куйбышева, короткое и горькое письмо: погиб на фронте брат, и теперь ей не до учебы, надо поддерживать его семью. И Нина подумала: Маруся из тех, кто постоянно жертвует собой ради других — есть, выходит, такие люди, которые иначе жить не могут...

В обеденный перерыв забежала Ада, они шли в столовую, садились за отдельный стол, Фиру ревновала Нину, как-то даже упрекнула:

— Тебе не подходит наша компания?

Но дело было не в компании, просто они с Адой могли говорить о Москве — и хорошо бы вернуться вместе, в дороге с детьми обеим было бы легче, — но тут же Ада горестно вздыхала: муж ее был на фронте, а наркомат мужа — здесь, в Саратове, некому вызвать в Москву.

Иногда она заговаривала о Колесовых.

— Они просили передать тебе привет, по-моему, они жаждут, помириться с тобой. Разве мы ссорились?

— Ну, все-таки... Ведь когда-нибудь придется встретиться. Не придется, подумала Нина. Их нет для меня.

В конце августа от Никиты опять пришло письмо, обыкновенный солдатский треугольник, исписанный химическим карандашом. Едва взглянув на обратный адрес — там указывался номер полевой почты, — Нина поняла: не вернулся!

Никитка посылал «фронтной привет» и сообщал, что добрался, правда, не совсем туда, куда хотел (а куда он хотел?), но все-таки на фронте, а не в Чкалове, как тыловая крыса. Пока что его определили при кухне и обмундирование не выдали, но это временно (он дважды подчеркнул это слово), а-скоро ему подгонят гимнастерку, галифе, может, выдадут автомат или пистолет и он станет сыном полка, пойдет бить фрицев. В части, куда попал, он сказал, что из Орла, а Орел, теперь по немцам, отец на фронте, а больше у него никого нет... «Ты, конечно, скажешь: опять Никитка врет! А где же я вру, ведь до войны и правда, жил в Орле, отец и правда на фронте, так что почти все правда. Если меня отправят в тыл, все равно убегу, так что знай».

— Вот постреленок упрямый! — с некоторым даже уважением сказала Евгения Ивановна. — Добился своего.

До этого у Нины еще теплилась надежда, что ни на какой фронт он не попадет, помыкается по городам и поездкам, хватит лиха и вернется. Не вернулся. Он всегда, с самого раннего детства, добивался того, чего хотел.

— Получается, каждый, кто захочет, может самовольно попасть на фронт?

— Да ведь загородок там нет, — проворчала Евгения Ивановна. — Да ты особо не горюй, на войне люди тоже не без голов, может, назад отправят либо так при кухне и продержат... Сперва Нина подумала: не написать ли ей самой начальнику части, но потом решила отправить и это Никиткино письмо отцу, пусть он и напишет в часть. Правда, от отца второй месяц не было писем, Нина даже не знала, получил ли он то, первое Никиткино письмо, и Людмила Карловна жаловалась, что отец не пишет, но, может, он ищет Никиту и ему сейчас просто некогда... Зато мачеха засыпала письмами, и в каждом было одно и то же: она не виновата в истории с Никитой, хотела как лучше, 'просила адрес Никиты, но Нина адреса не дала. Как могла, успокаивала Людмилу Карловну, и в самом деле виноватой ее не считала, кто же знал, что у Никит- ки на уме? Ну, правда, как-то писал из Чкалова, что хочет засушить сухарей и убежать на войну, но она не придавала этому значения. А в душе и не очень-то осуждала брата — разве сама она не хотела на фронт? Разве не завидовала Ире Дрягиной и Лиде Лаврентьевой? Разве еще тогда, в Москве, не бегала в консультацию? И как обиделась на отца, когда он закричал на нее: «Выбрось из головы!»

Она съездила на почтамт, отправила отцу письмо, вложив в него треугольник Никиты, заодно получила два письма от Виктора. Она намеренно не сообщала ему домашний адрес, не хотела, чтобы адрес этот узнали там, на улице Ленина, и не пришли «мириться». Даже Ада не знала толком, где она живет.

На почтамт теперь удавалось выбраться только в выходной и то не каждую неделю, так что иногда Нина получала от мужа сразу по два или даже по три письма, но все они были короткими, в них появились странные кудрявые фразы, в которых не было смысла, иногда Нине казалось, что он пишет их просто для заполнения пустого пространства письма. «Война большая, и на мой век хватит, а на войне, случается, и убивают, тогда встреча наша может не состояться...»

«Надо обладать железными нервами, чтобы не свихнуться от мыслей, в которых, как назло, стремится преобладать самое плохое...»

«Я могу оглянуться назад, но не могу заглянуть вперед, чтобы увидеть будущее...»

«Обладать — преобладать», «Могу — не могу», — господи, о чем он? Зачем заполняет этой бессмыслицей куцые листки бумаги? Почему не отвечает ни на один ее вопрос: куда его направят по окончании училища? не дадут ли хоть короткий отпуск — им так нужно увидеться? не может ли выслать аттестат или хотя бы справку, что она жена военнослужащего? Надвигалась осень, и она со страхом думала о предстоящей зиме — как переживут они вторую военную зиму? Она знала, конечно, что ужасы той, первой, зимы не могут повториться, ведь тогда они были ничьи, а сейчас она работает, есть у них и дрова, и уголь, но ни у нее, ни у Витюшки нет теплой одежды, неужели и годовалого ребенка

придется таскать в одеялах? Раньше она думала, что курсанты, возможно, как и студенты, получают всего лишь небольшую стипендию, но Ада говорила, что он присылал деньги им, почему же ни разу не прислал для своего сына? Не могу же я все время сидеть на шее отца? Тем более что от него уже два месяца нет вестей...

Нина сейчас особенно нуждалась в деньгах, ее заработка и ста рублей донорских ни на что не хватало. Не раз Нину одолевало искушение написать Виктору о своей жизни, о той первой военной зиме, которую, сколько ни суждено ей жить, никогда не забудет, но она понимала: делать этого нельзя. Он, которому, быть может, завтра предстоит идти в бой, должен быть свободным хотя бы от чувства вины перед своим сыном.

Она вообще ничего огорчительного о своей жизни ни ему, ни отцу не писала — живу, работаю, сына ношу в ясли... Не писала ни о голоде, ни о болезнях Витюшки, ни о бомбежках, хотя теперь не было ночи, чтобы не бомбили, а иногда тревогу объявляли по два-три раза за ночь. Начиналось всегда одинаково: оживало радио, что-то потрескивало в нем, и странно близкий голос, как будто диктор был здесь же, в этой комнате, громко и как-то даже торжественно, объявлял: «Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!» Через короткое молчание — снова: «Граждане, воздушная тревога!»

— Чтоб ты лопнул, — сонно ворчала Евгения Ивановна и переваливалась на другой бок. А потом выли гудки, взвизывались сирены, гудели долго, слитно, Нине всегда, еще там, в Москве, казалось, что это огромное живое существо изрыгало вопль ужаса и выло, призывая на помощь. Начинали грохать зенитки, вздрагивал дом, сухо шурша, осыпалось что-то в стенах.

Тут уже было не до сна.

Нина еще с вечера обкладывала Витюшкин чепчик изнутри старой ватой, надевала ему на голову, а когда начинали ухать зенитки, повязывала еще платком; себе на голову наваливала подушку, чтоб не слышать. Но все равно слышала, спать было нельзя, и, если Евгения Ивановна была дома, они вставали, одевались потеплее — ночами уже подмораживало — и выходил на улицу. На Приваловом мосту в такие ночи всегда кто-то дежурил, они тоже взбирались по лестнице, стояли там, смотрели, как узкие прожекторные лучи пронзают небо и выплескиваются откуда-то струи маленьких светящихся тире.

— Нашу Глеб-порт-маньчжурию он бомбить не станет, — кутаясь в платок, говорила Евгения Ивановна, — а зажигалкой угостить вполне может... Тогда пиши пропало, домишки деревянные, враз заполыхают, как солома.

Иногда из своего домика выходила Ипполитовна, но на мост не поднималась, стояла внизу, быстро и мелко крестилась.

— Чего выползла-то? — кричала ей Евгения Ивановна. — Спала б себе...

— Дак страсть-то экая, нетто уснешь? — тонким голосом отвечала старушка. — Ты говори, чего там видишь...

Однажды они видели зарево, где-то горело, вдалеке сперва светлело небо, потом оно становилось оранжевым, оранжевое сгущалось, заливало небо яростным малиновым цветом. Кто-то из дежурных комментировал:

— Метил в комбайный, сволочь, да не попал, горит за первой Дачной.

В разных концах города взлаивали зенитки, перекликались друг с другом, в черном небе беззвучно вспухали и раскрывались огненные цветы, превращались в белые круглые облачка, Нина увидела маленький серебряный самолетик, как тогда, в Москве — он медленно плыл куда-то за горизонт, его Догоняли мгновенно расцветающие вспышки.

— Это он злится, что Сталинград не может взять, — бубнила Евгения Ивановна и вдруг взметнула в небо тугой кукиш. — Вот тебе!

Вдруг рядом сильно ухнуло, Нине показалось, что мост подпрыгнул, у нее даже в ногах отдалось, она бросилась к дому. Уже в сенях услышала надрывный крик сына, полетела за занавеску, схватила его, носила по комнате, баюкала, поила теплой водичкой, он быстро успокоился и опять уснул. Вернулась Евгения Ивановна, проверила одеяло на окне, зажгла копилку.

— Счас отбой сыграют, а спать осталось всего ничего.

Позевывая, полезла в постель, а Нина села на стул, сидела, держа на руках сына, смотрела на мадонну с цветком. Мадонна на нее не смотрела, она любовалась своим младенцем, и лицо ее светилось улыбкой.

Это оттого, что на твоего сына не сыпались бомбы, подумала Нина. И вообще — вы из сказки. А потом ей пришла мысль: а ведь когда-то жила на свете эта женщина, и этот малыш тоже жил, она приходила с сыном в мастерскую художника, и художник писал свою картину... А она, эта счастливая мать, сидела и не знала, что когда-то, спустя почти пять веков, на нее будет смотреть совсем из другого времени и из другой жизни другая мать, у нее на коленях будет спать другой ребенок...

И та, другая, несчастливая мать, будет завидовать тебе — твоему счастью, красоте и богатству... Хотя чему ть! можешь научить людей? Ведь тебя и писали только в честь той, которая страдала за распятого сына...
Счастье ничему не учит, учит только страдание.

Они вошли с Павлиной в комнату, здесь было сильно накурено, и Нине сперва показалось, — что в комнате очень много людей, но потом она увидела, что тут всего Четверо мужчин, двое из них — военные.

— Это Нина, прошу любить и жаловать, — сказала Павла.

Мужчины посмотрели на Нину, они стояли у маленького круглого столика и курили, Павла подошла к одному из них, высокому, в защитного цвета толстовке, о чем-то заговорила, он поднес ей коробку с папиросами, она тоже закурила. Нина стояла одна, переминаясь с ноги на ногу, делала вид, что разглядывает пыльный фикус в углу, он рос в большой старой кастрюле.

Большая комната была поделена длинным платяным шкафом на две неравные части; меньшую, за шкафом, Нина отсюда не видела, в большей стоял круглый обеденный стол, освещенный лампочкой под золотистым шелковым абажуром, и на том столе чего только не было! Розовая, влажная от свежести ветчина, темные, симметрично уложенные на тарелке кружочки копченой колбасы, продолговатые селедочницы в кольцах белого лука, нарядные баночки с крабами «снатка» — до войны, вспомнила Нина, их никто не брал, этой «снаткой» были завалены гастрономы, и всюду красовалась стихотворная реклама: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы»... Что-то еще разлеглось там, на тарелках, все исходило колбасно-сырно-уксусный запах, этот запах дразнил обоняние, от набегавшей слюны щипало где-то под скулами — неужели все это я буду есть? Нина стояла, пораженная и даже испуганная всем этим великолепием, она понимала, что неприлично так долго смотреть, отводила глаза, опять разглядывала фикус, но стол, как магнит, притягивал к себе, и она досадовала на Павлу, которая бросила ее одну и занялась разговорами...

Из-за шкафа вышли две девушки, одна пошла к Нине — медленно, словно не шла, а плыла, — подала мягкую руку, сказала растянуто:

— Ля-а-ля...

На ней было платье цвета электрик, на шее — голубой газовый шарф, завязанный сбоку большим бантом, она все время утомленно прикрывала свои выпуклые глаза и трогала ладонью короткий перманент, как будто проверяла, на месте ли волосы. Второй, высокая, темноволосая, в скромной блузке и юбке, издали кивнула Нине, ни к кому в отдельности не обращаясь, спросила:

— А танцевать мы сегодня будем?

Сразу кто-то из куривших мужчин скрипуче завертел ручку патефона, и по комнате разлетелись знакомые ритмы «Рио-Риты», и тут же к Нине подскочил коротышка интendant, щелкнул каблучками. Властно и уверенно повел он Нину, подрагивая бедрами, выделявая своими короткими ножками замысловатые па, Нина с трудом принаравливалась к его вертявому шагу, но скоро вошла в ритм и сама уже ловко пристукивала легкими каблучками по старому темному паркету.

Вы прелестно танцуете, — сказал коротышка. У него выходило «прелестно». — Вы легкая, как пушинка!

Павла не танцевала, она так и стояла рядом с тем, в толстовке, они о чем-то говорили, он часто хохота, откидываясь назад, и облизывал свои толстые губы. Второй военный — на его петлицах красовалась эмблема инженерных войск — танцевал с Лялей, что-то шептал ей на ушко, она кривила капризные губы и шлепала его по плечу ладошкой. Черноволосая — Нина потом узнала, что это хозяйка дома Тамара, — вела своего партнера, толстого, неповоротливого, в синем бостоновом костюме, она шла за кавалера, а он вяло перебирал ногами и, озабоченно морща лоб, глядел в потолок.

Ах эта «Рио-Рита»! По выходным они, бывало, собирались у Лели Фоминой, Лелина мать пекла пироги, они пили чай и танцевали под любимую «Рио-Риту»... Мальчишки презирали танцы, они приходили на пироги. Сережка Самоукин говорил, что ему медведь на ухо наступил, за них отдувался моложавый Лелин отец, он по очереди подхватывал девчат и кричал жене: «Мать, а я еще ого-го!»

Потом кто-то поставил блюз «Луна», и это тоже вызвало воспоминания, Нина любила эту пластинку, ее без конца крутили на ее свадьбе... Она стеснялась слова «свадьба», они с

Виктором называли это товарищеским ужином... Своей комнаты у них еще не было, ужин устроили в общей, на Бригадирском переулке, где Нина жила с девчонками и Марусей. Маруся натаскала закусок из студенческой столовой, и «товарищеский ужин» проводили принципиально без вина, хотя мальчишки, кажется, ухитрились где-то слегка «приложиться»...

Боже мой, даже не верится, что все еще живут эти пластинки, что они дошли сюда из далекого «до войны», их можно без конца ставить и слушать... И даже танцевать... И вот сейчас она слышит эти медленные вкрадчивые звуки блюза, и если закрыть глаза, то можно все вернуть...

— Нино... Золотая Нино...

— Что? — не поняла она, посмотрела на коротышку.

— Книга есть такая. Из грузинской жизни. Там девушку звали Нино, у нее были золотые волосы, как у вас... А меня зовут Вадим...

Ей стало досадно, что он ворвался в ее мысли, она опять подумала: если закрыть глаза... И тут почувствовала, что этот коротенький Вадим очень уж плотно прижался к ней, почти прилег, и руками оглаживает ее спину, а сам блудливо поводит глазами и шепчет:

— Золотая Нино...

Она уперлась ладонями в его плечи, оттолкнула.

— Я устала! — И пошла, присела возле патефона.

Вадим поплелся было за ней, но тут Тамара ударила в ладони, крикнула:

— К столу! Прощу к столу!

Нина увидела, как каждый «кавалер» повел к столу свою «даму», в этом было что-то манерное, ей стало смешно, и когда Вадим хотел поддержать ее за локоток, она фыркнула и увернулась. Но все равно он уселся рядом, взялся за бутылку:

— Что вы пьете, Нино?

Она не ответила. Вин она не знала, ничего не понимала в них, для нее все вина делились на сладкие и кислые.

Вадим налил ей густого красного вина. Тамара передавала блюда с паштетами и рыбой, обносила всех хлебом... Хлеб, белый, пухлый, лежал на блюде высокой горкой, его брали без счета. Неужели все это я могу есть? — опять подумала Нина и тоже потянулась к блюду, взяла себе самый маленький кусок... Ей хотелось прямо сразу впитаться в него зубами и жевать, жевать, но за столом никто не ел, все держали рюмки и ждали тоста. Ну, скоро ли они там, молила Нина и тоже подняла рюмку.

Наконец они выпили за успехи на фронте. Нина пригубила густое сладкое вино, от которого сделались липкими губы и пальцы. Она слышала стук ножей и вилок, глаза бегали по тарелкам, ей хотелось и того, и этого. Вадим подносил закуски, она брала понемножку на свою тарелку, и ей казалось, что все это не наяву, а во сне. Вдруг она поймала взгляд Павлы, Павла улыбнулась ей и чуть подмигнула. Нина не поняла, почему она подмигнула, но ей вдруг Стало легко и свободно, словно лопнул поводок, на котором кто-то все время Придерживал ее. Ну; что в этом плохого, если я посижу тут, в кругу друзей? Правда, они мне не знакомы, но ведь все друзья сперва бывают не знакомы, зато это друзья Павлы, и я никому не делаю зла... Разве не могу немного повеселиться, послушать пластинки, полюбоваться этим золотистым светом — не все жё сидеть с коптилкой?.. И кто осудит меня, если я ничего плохого не делаю?

Нина задержала взгляд на каждом, пытаясь угадать, кто получает такие пайки. Вот тот, в бостоновом костюме, вполне может быть ученым. Даже академиком. И лейтенант с петлицами инженерных войск... Может, он изобретатель, ведь кубики на петлицах еще ни о чем не говорят, А этот, в толстовке, что увивается возле Павлы, похож на ответработника. Все они немолоды, им наверняка за тридцать, они многого достигли, и каждый, наверно, получает литературное снабжение...

А потом опять танцевали под «Брызги шампанского», даже под песни Утесова и Шульженко, коротышка Вадим то подсвистывал, то шептал ей «Золотая Нино», Нину потешало, как он выкаблучивался перед ней, как выгибал бровь и вздыхал, лицо его при этом делалось смешным, глуповатым. Она уже поняла, что Вадим выбрал ее партнершей из-за роста, а нравится ему высокая Тамара, он то и дело вертит шеей, поглядывая на нее, но куда этому коротышке — он Тамаре по плечо.

Между танцами Тамара убегала на кухню с грязными тарелками, возвращалась с чистыми и с новыми закусками — господи, откуда она их носит? Что эти люди будут есть потом, если сегодня мы прикончим их пайки и запасы?

Когда снова сели за стол, Нина заметила, что Ляля и тот военный — не то инженер, не то техник Ц! исчезли и никого это не удивило. Ей отчего-то стало не по себе, хотя какое ей дело до той Ляли? Потом они вышли из-за шкафа. Ляля, недовольная, к с надутыми губками, завязывала на шею свой газовый шарфик, ворчала капризно:

— Без семейных сцен, пожа-алуиста...

Инженер засмеялся, чмокнул ее в плечико, Нина решила, что они муж и жена, это ее успокоило, семейная пара вроде бы гарантировала благопристойность и этого стола, и танцев, и всего, что тут происходило.

Нина грызла тонкий ломтик сухой колбасы, упивалась ее острым, почти забытым вкусом» и думала о Евгении Ивановиче — хорошо бы принести ей что-нибудь из этих яств, — но как это сделать, не прятать же в рукав? Она еще раз оглядела стол и опять почувствовала, как что-то точит ее, что-то беспокоит, но не могла понять что.

Мужчины вышли из-за стола курить, они курили возле маленького столика, где вместо пепельницы стояла большая гильза от снаряда, в нее стряхивали пепел, и Ляля с ними курила, красиво держа в тонких пальцах длинную папиросу. Нине неловко было одной сидеть за столом, она поднялась и, не зная, куда деть себя, пошла к патефону, стала разглядывать пластинки — «Аргентинское танго», Русланова, Вадим Козин, — опять на нее повеяло довоенной жизнью, такой простой и во всем понятной, что захотелось плакать. Той жизни давно уже нет, идет война, отец не пишет, и как там Никитка, а я тут почему-то веселюсь и танцую...

Часы на стене пробили одиннадцать, ей пора было уходить, завтра на работу, а главное, она боялась идти так поздно по темному городу. Павла, правда, уверяла, что всех их проводят, но как это получится практически, Нина не знала, хотела спросить у Павлы, но ее не было. Не могла же она уйти без меня, скорее всего, она там, за шкафом, причесывается или красит губы... Нина направилась к шкафу, но Тамара опередила ее и преградила путь.

Улыбнувшись, шепнула:

— Сейчас туда нельзя...

— Я ищу Павлину, она там?

Тамара прикрыла глаза, повторила:

— Сейчас туда нельзя.

Нина решила, что, может быть, Павла вышла из комнаты, посмотрела на дверь. Дверь была открыта, к ней тянулось рваное и зыбкое полотнище папиросного дыма, а в проеме стояла маленькая девочка, повязанная поверх байкового платья серым платком, она прижимала к себе резиновую куклу и смотрела на стол. Ее никто не замечал, никто не прогонял, СКОЛЬКО она здесь стояла, неизвестно, и она тоже, кажется, никого не замечала, просто стояла и голодными глазами смотрела на заваленный закусками стол. Это поразило Нину. Она тоже еще раз взглянула на стол — но как бы заново, впервые, глазами этой девочки, — и стыд пронзил ее.

Господи, где я, зачем?.. Что я делаю?..

Она оглядела комнату затканную дымом, и всех этих людей и тоже как бы заново, впервые, увидела, как из-за шкафа вышла Павла, за нею — тот, в толстовке, и ее начала бить мелкая дрожь.

Как я сюда попала, зачем?..

Она рванулась к двери, коротышка интендант схватил ее руку, промяукав: «Золотая Нино!» — она остро выставила локоть, ударила его, кажется, удар пришелся в живот или под ложечку, он охнул, перегнулся пополам, она выскочила в прихожую — девочка испуганно посторонилась, — потом вернулась, подбежала к столу, стала хватать ломти хлеба, перекладывать их сыром, колбасой, прямо руками хватала с тарелок все, что попалося на глаза... Потом эту многослойную «этажерку» сунула в руки девочки, та побежала, выронила куклу, вернулась за ней, верх «этажерки» упал, девочка села на пол, заплакала. Нина помогла ей собрать бутерброды, сунула за платок, и девочка побежала в конец длинного коридора, а Нина искала на густо заваленной вешалке свой ватник и никак не могла найти... Почему-то она боялась, что вот сейчас они кинутся за нею, насильно вернут в комнату и не дадут уйти, она спешила, руки ее дрожали, она снимала чужую одежду, кидала на пол, а потом вспомнила, что ведь пришла не в ватнике, которого стеснялась, а в Павлином пальто. Выхватив его из груды одежды, не успев надеть, выскочила на лестницу. Громко и часто простучали по лестнице ее каблуки.

Долго бежала она по темным, неосвещенным улицам, не понимая, куда бежит, лишь бы подальше от этого дома, ей все еще казалось, что ее могут догнать, вернуть, заставить расплатиться за все, что съела и что отдала девочке; она уже знала, как расплачивалась Ляля — никому и никакая она не жена! — и Павла, там, за шкафом... И хотя понимала, что никто не бежит за ней, что вряд ли кто заметил ее отсутствие, разве только тот коротышка,

которого она ударила, все равно бежала по гулким улицам, скованным бесснежным морозом, скользила по натянутым хрупким льдом лужам, и перед ней все время всплывали разные картины: блудливая ухмылка интенданта, появившаяся из-за шкафа Павла с блестящими глазами — боже мой, как она могла? Дрянь, дрянь, и меня туда затащила! — и эти «ученые академики», стряхивавшие пепел в снарядную гильзу. И самое страшное — голодные глаза девочки, когда смотрела она на ломящийся от закусок стол... И я это ела. ела! Она хотела, чтобы ее сейчас же вытошнило, и даже сунула в рот два пальца, прижавшись к длинному дощатому забору, но ничего не получалось, желудок не подчинился ей, он жил своей эгоистичной утробной жизнью и не желал возвращать добычу, ему все равно, каким путем досталась эта добыча!

Она огляделась, соображая, куда теперь идти. Эта улица была ей незнакома, но издали доносился шум трамвая, и она пошла на этот шум, знала, что любой трамвай довезет до центра.

О времени она не имела ни малейшего представления, но чувствовала, что уже очень поздно, ведь там, перед тем, как она убежала, часы пробили одиннадцать, и уже целую вечность идет она по гулким пустым улицам, не встретив ни одного человека; было темно, лишь кое-где у подъездов горели синие лампочки, они ничего не освещали и лишь обозначали вход в дом, но глаза уже притерпелись к темноте, и она шла, огибая тусклые скользкие «пятачки» на тротуарах.

У нее замерзли ноги в туфельках, на остановке пришлось долго ждать трамвая, а потом, когда он подошел, кондукторша крикнула, что идет в парк, и она опять ждала, притопывая, пристукивая каблучками. Наконец села в трамвай, забилась в уголок: пассажиров в этот час было мало, но ей все время казалось, что эти усталые голодные люди с белыми от синего света лицами знают, где она была, и смотрят на нее с осуждением и печалью. Ах, если бы вычеркнуть этот вечер из жизни и из памяти, как будто его и не было! Она старалась думать о чем-нибудь другом — Ира Дрягина летает там, на фронте, бомбит немецкие аэродромы, про нее уже писали — но тут же выплывала мысль: а я? Я-то что делаю?.. И опять уводила мысль от этого вечера. Лавро в блокадном Ленинграде, жива ли? Говорят, там умирают от голода — а я? Я сегодня ела то, что украдено у других... Опять перед ней прокручивалась картина: разделенная длинным шкафом комната, Тамара с таинственной улыбкой «Сейчас туда нельзя», приглаживающая волосы Павла. Подлая, подлая дрянь, муж на фронте, а она?.. Вот я покажу ей стихотворение Симонова «Письмо женщине из города Вичуга», пусть прочитает!

Стихи эти вырезала из газеты и принесла на работу Фира, все читали их, а Нина даже переписала, ее потрясли эти стихи. «Я вас обязан известить, что не дошло до адресата письмо, что в ящик опустить не постыдились вы когда-то...» Она заучила их наизусть и пыталась тогда представить себе ту женщину, красивую дрянь, и думала: как бы ни сложилась ее жизнь потом, сколько бы ни прошло лет, до самой старости стихи эти будут с ней рядом, ведь их не отменишь уже, и как она будет прятать эти стихи от своих детей и друзей... Но они все равно есть и будут. А теперь ей казалось, что это стихи о Павле Бурминой, о женщине из города Саратова, которая сказала про своего сына: «Для Бори нет войны!» Но ведь так не бывает, чтоб для всех война была, а для нее и тех «академиков» не было! Нина все еще видела ту горку хлеба, белого, пухлого, такого не выдавали по карточкам, и соседскую голодную девочку в платке — в этом несоответствии и было самое главное уродство, стыдное, запретное, которое нельзя забыть. Кругом война, на фронте, и здесь, она в хлебных очередях, в синих лампочках, в бомбежках, в лицах вот этих усталых людей, в похоронках, а посередине войны — они за наглым бесстыдным столом... И жрут, жрут... И я жрала!

На Октябрьской улице она вышла и побежала, громко постукивая каблучками, ей хотелось, чтобы с ней случилось что-нибудь такое, что отодвинуло бы воспоминания о той комнате, но ничего более ужасного, чем та комната, сейчас не существовало для нее. Пусть бы даже на мосту ее остановили грабители, да и какие это грабители, главные-то грабители — там, за столом...

На мосту никого не было, ветер гнал по нему бумажки, пахло печным дымом. Она быстро спустилась по лестнице. По оврагу плавал туман, и у нее сразу отсырели под беретом волосы и стали влажными руки. Опять идет зима, подумала она. Если будет такой же, как прошлая, то лучше уж не жить...

Она вошла в дом, и ее обдало запахом, теплой сырости, на столе горела лампа — редкая роскошь, маленький язычок копоти лизал стекло; на плите сопел чайник. Евгения Ивановна, пригнувшись к кружочку света, вязала, серым котенком «играл» на ее коленях мягкий клубок... Таким уютным и родным показалось все это Нине, что в ней сразу все ослабло, помягчело.

Ночью ее мучили кошмары — то она падала с большой высоты, то бежала по длинной анфиладе комнат и кто-то гнался за ней, она не знала кто, и в этом был весь ужас... А под утро приснилось, что вязнет в отвратительной, заваленной ржавым железом жиже, никак не может выбраться, а на берегу стоит Павла, хохочет, указывает на нее пальцем и кричит: «Золотая Нино!.. Золотая Нино!..»

Захныкал Витюшка, и она проснулась. Господи, сколько же будет меня мучить все это? Лицо ее заливал пот, она чувствовала, как скапливается он в глазницах и как от него щиплет глаза.

Было тихо, что-то шуршало за стеной, четко отстукивал маятник ходиков, где-то далеко надрывно выла собака.

Еще в сентябре Никитка прислал фотографию, Нина сперва и не узнала брата — на нее прищурен-но смотрел широкоплечий парень в гимнастерке и пилотке со звездочкой; выгнутая бровь, и прищур, и плотно сжатые губы придавали лицу незнакомое, «взрослое» выражение, и только в чуть оттопыренных ушах осталось что-то прежнее, мальчишеское. В последний раз Нина видела его летом сорокового, когда приезжала в Орел на каникулы, и сейчас удивилась, как эти два года изменили брата. И дело было даже не в том, что Никита вырос, возмужал — он всегда был рослым и широким в кости, весь в отца, — но в лице его теперь угадывался какой-то взрослый опыт, хотя какой же опыт может быть у пятнадцатилетнего мальчика?

Нина всматривалась в это новое лицо со знакомыми чертами — широкий в конопушках нос, крутой «фамильный» лоб, глубоко сидящие глаза, — и ей казалось, что это вовсе не Никитка, а молодой отец, таким он запечатлен на снимке двадцатых годов: в длинной шинели с петлицами по борту, в фуражке с лихо выбившимся русым чубом, и в руке — пашка, обнаженная для мальчишеского форса. Нина хорошо помнила эту фотографию из семейного альбома и как мать, смеясь, рассказывала, что в отце ее пленили тогда чуб и эта пашка.

Никитка, как водится, передавал боевой привет, сообщал, что жив и здоров, помогает бить фрицев, что научился стрелять из ППШ, а скоро у него будет и личное оружие — сержант Майягин обещал подарить трофейный браунинг.

Нина не знала, что такое ППШ, и была уверена, что насчет «бить фрицев» и браунинга Никитка привирает — кто же даст мальчишке настоящее оружие и пошлет бить фрицев? «Между прочим, — писал Никита, — я нахожусь не так уж далеко от тебя...», а дальше две строки были густо замазаны черной мастикой, и как ни старалась Нина, ничего прочесть не могла.

Евгения Ивановна пустила догадку: уж не под Сталинградом ли он? Но для Нины главными Словами в письме были «жив и здоров».

В конце он писал, что соскучился, спрашивал про отца, просил прислать ему одно из последних отцовских писем, но писем от отца не было уже три месяца, мачеха тоже о нем ничего не знала и собиралась послать официальный запрос.

И вдруг в ноябре Нина получила от отца телеграмму и деньги. В телеграмме он сообщал свой новый адрес и обещал «подробности письмом». Судя по тому, что номер «полевой почтовой станции» был изменен, она догадалась, что отец получил новое назначение, и все ее прежние письма к отцу не дошли, и о Никитке он до сих пор ничего не знает. Она хотела ему тут же написать по новому адресу, но Евгения Ивановна отсоветовала, сказала, что лучше дождаться письма.

— Вишь, как война тасует людей, за ней не угонишься. Отпиши-ка лучше опять моим...

— Да ведь писали, и не раз...

Нина в самом деле уже несколько раз писала в те части, где воевали муж и сын Евгении Ивановны. Та доставала старые, стершиеся на сгибах письма-треугольники, и Нина выводила: «Начальнику вч...» — и проставляла номера. И хотя письма-запросы адресовались начальникам частей, Евгения Ивановна всегда говорила «Отпиши моим». Ответов на запросы не было, и Нина думала, что, может, и частей таких уже нет, за это время их могли уже расформировать, но все равно бралась за письмо, Евгения Ивановна несла треугольники, и Нина писала: «Начальнику вч.» Как-то по совету Василия Васильевича из КЭЧ Нина понесла два треугольника в горвоенкомат. Там записали фамилии и номера частей, обещали отыскать и сообщить. Но и оттуда сообщения не поступило.

— Отпиши моим, у тебя грамотнее выходит... — Евгения Ивановна принесла ученическую тетрадь с пожелтевшей старой бумагой, чернильницу-непроливайку с черными чернилами, которые сама делала из сажки, ручку с неудобным пером «рондо» — другого не было, — и Нина села за письмо. Сама-то она никаких надежд на эти письма не возлагала, но видела, как бережно берет Евгения Ивановна в руки конверт, чтобы бросить в почтовый ящик самой, как поглаживает его, и лицо ее при этом светлеет, и опять воскресает в ней надежда...

Нина стала ждать письма от отца, но неожиданно вместо письма пришла посылка. Отец выслал армейский полушубок и сапожки. Нина обрадовалась такому подарку к зиме, она уже теперь порядком мерзла в своем ватнике и бурках, хотя сильных морозов пока не было, — а если грянут такие, как в прошлом году? Он, конечно, старался достать самый маленький размер, но все равно полушубок оказался велик, пришлось подворачивать рукава, а о сапогах и говорить нечего — где бы он взял ее размер? Когда-то Виктор, смеясь, называл ее «карманной женой» и говорил, что одевать будет исключительно в «Детском мире».

А письма все не было, и она не утерпела, написала ему про Никиту — все, как было с самого начала, — обещала в следующем письме прислать его фотографию, вот только переснимет... Отправила — и опять ей стало легче как будто сбросила тяжелую ношу. Потом подумала, что, может быть, отец написал ей по-старому, до востребования, в воскресенье поехала на почту, но и там от отца ничего не было. Зато ей подали письмо от мужа. Виктор писал, что в сентябре их выпустили из училища лейтенантами и направили в запасной полк, а отпуска никому не дали. «Выходит, наша встреча опять откладывается на неопределенное время, и это жаль, нам надо бы встретиться и хорошо поговорить.» Опять это — «хорошо поговорить» — о чем поговорить? И почему ни слова — об аттестате? Она спросила у Василия Васильевича, что такое запасной-полк, и он объяснил: пол этот не воюет, но из него берут пополнение для действующих частей. И у Нины стало тревожно на душе, она уже ругала себя за холодность — дорогой мой, значит, в любой момент его могут бросить в бой и он может погибнуть, а я тут со своими глупыми обидами: ах, аттестат, ах, «обладать-преобладать»... Да разве он виноват в наших страданиях? Разве он виноват, что так скоро мы разлучились? Виновата война...

Она написала ему теплое письмо — нет, там не было сладких слов, какие она сочиняла когда-то: «любимый», «единственный», «люблю до боли». Она уже не могла писать эти слова — то ли разучилась, то ли переросла их, они казались ненужными и пустыми как слова плохой песни; она думала, что теперь ему и всем им нужно совсем другое, и она написала это «другое»: «Мы с сыном ждем тебя и всегда будем ждать, потому что ты у нас один на всю жизнь». И все. И никаких восклицаний.

Она была рада, что преодолела в себе холодность и отчуждение, и словно в награду за это пришло, наконец, письмо от отца.

Отец писал, что опять был ранен — «немножко ранен», ее удивили эти слова, — пришлось полежать в госпитале, не хотел никого волновать, потому и не сообщал. «Теперь все хорошо, меня подштопали, и фрицы еще не раз услышат мои концерты». Он писал без подробностей, облегченно, но она не верила — в неровном начертании букв и в том, как он называл ее в письме «червонной кралечкой», «малышом», «дружочком», она угадывала физическую слабость и душевную боль.

Она перечитывала письмо отца и проклинала себя, что не послушалась Евгении Ивановны и написала ему все про Никиту и письмо то уже невозможно вернуть.

С работы в этот раз Нина возвращалась поздно, сдавала чертежи, пришлось помогать Фире; в яслях нянечка поворчала на нее, всех детей уже забрали, в группе Витюшка остался один и теперь, пока Нина несла его, уснул у нее на плече.

Дверь почему-то оказалась открытой, в темной комнате было холодно, плита не топилась; за столом, кинув на клеенку руки, сидела Евгения Ивановна в ватнике и платке, смотрела на холодную плиту.

— Что это вы в темноте? — спросила Нина.

Евгения Ивановна не взглянула в ее сторону, только сбила с головы платок, выхватила круглую гребенку, провела по волосам и уронила руку.

— Вот беда-то, батюшки... Вот беда-то...

Нина унесла Витюшку за занавеску, опустила на кровать, не раздевая; накрыла сверху одеялом. Было очень холодно. Она вышла, раздалась, принялась растапливать плиту и все оглядывалась на Евгению Ивановну — та сидела все так же кеподвижно, изредка роняя: — Вот беда-то, батюшки...

Нина подошла, тронула за плечо:

— Что с вами, тетя Женья?

Евгения Ивановна мельком посмотрела на Нину и опять уставилась на плиту.

— Вот беда-то...

Свое «Вот беда-то» она проговаривала так обычно и нестрашно, как проговаривают по привычке, когда никакой особенной беды нет, и Нину тревожили не слова, а эта напряженная поза и глаза, которые никуда не смотрели, хотя были открыты.

Она занавесила окна, зажгла лампу, поставила на стол, потом нарочно прошла мимо плиты — раз и другой, — как бы отсекая неподвижный взгляд женщины, но глазам Евгении Ивановны это не мешало, словно Нина была для них прозрачной, Нина смотрела на острый, странно изменившийся, вытянутый профиль — а может, от света лампы он казался таким, — и на нее дохнуло липким страхом.

— Сейчас поставлю чай, конфет принесла... Оказывается, мать Фиры до войны работала на кондитерской фабрике... Это ж сколько надо запасти конфет, чтобы до сих пор не кончились?..

Она чистила картошку, мыла ее, ставила на плиту и все кружила, кружила словами — не столько для Евгении Ивановны, сколько для себя, чтобы запутать или отогнать тревогу, — и все думала: где и какая беда, уж не передавали ли чего по радио? Что-нибудь про Сталинград или Ленинград?.. И тут ей показалось, что Евгения Ивановна улыбнулась, в черном оскале блеснули металлические коронки, и задохнувшийся голос забормотал бессмыслицу:

— Вот тебе и гривенники... Вот и гривенники...

Теперь Нине стало по-настоящему страшно. Она заглянула к сыну, потом выскользнула тихонько в сени, оттуда, боясь стукнуть дверью, — во двор, побежала к Ипполитовне. Застучала в дверь, услышала слабое: «Не замкнуто, входи, кто там...» — и влетела в комнату. Здесь тоже было темно, пахло хлебом — на плите, на разостланной тряпице сушились кусочки хлеба.

Ипполитовна лежала лицом к стене, укрытая старой плюшевой шубейкой.

— Нинк, ты, что ль? — повернула она голову. — А я, слышь, захворала.

— Пойдемте к нам. Там тетя Женья чего-то... Сидит... И про какие-то гривенники...

— Дак и пускай сидит. А я другой день хвораю.

От нетерпения Нина переступила ногами — она все время думала, что там, в одной комнате с обезумевшей женщиной, — Витюшка.

— Пойдемте к нам. Она вроде не в себе, помешалась. Я боюсь...

— Болтай! — Кряхтя и постанывая, Ипполитовна поднялась на постели, свесила ноги. — Это мне впору помешаться, никак не умираю, забыл про меня господь...

— Пошли, Ипполитовна, я боюсь одна, — чуть не плача, твердила Нина. — А завтра я вам врача вызову.

— На што он мне? Опять помереть не даст, помешает... А уж пора... Подай-ка чесанки...

Нина поднесла валенки — они сушились у плиты, — помогла ей вдеть в них распухшие, как колоды, ноги, натянуть шубейку. Старушка пошла, держась за стенки, перехватываясь руками, Нина поддерживала ее, у нее не шло из головы, что там сын, и она мысленно торопила Ипполитовну, но та быстро идти не могла, постанывая, еле передвигала ноги. Евгения Ивановна все так же сидела лицом к плите и не взглянула на них, только опять выхватила гребенку, раз-другой поскребла по голове.

— Ты чего это, девка, в одеже, взопреешь, — с порога окликнула Ипполитовна, а Евгения Ивановна будто и не слышала, только заелозила шершавыми ладонями по клеенке, как будто сметала крошки. Припадая на ноги, Ипполитовна подошла, тяжело опустилась на стул, взяла ее за руки, потянула к себе:

— Ай неможется?.. Я вот тоже, девка, захворала, лежу другой день, а ты и не заглянешь... Эдак помру и буду лежать, завоняюсь...

Евгения Ивановна осмысленно посмотрела на неё, сдвинув брови, как будто силилась и не могла понять обращенные к ней слова. А потом опять страшно оскалилась — то ли улыбнулась, то ли собиралась заплакать, — запекшимися сведенными губами прошептала:

— Помнишь, гривенники-то я видела?.. Так и укатились от меня...

— Болтай! Какие гривенники, иль ты вправду сбрендил? — Ипполитовна раз и другой рванулась было со стула, но подняться не смогла. Позвала Нину. — Сбегай, девка, там у меня за божницей свяченая вода, не то сбрызнуть ее, может, от сглазу это...

Нина заглянула за занавеску и убежала. Она толком и не знала, что это такое — божница, догадывалась, что икона, увидела ее в переднем углу, складную, похожую на трельяж. На средней — Божья Матерь с младенцем, почему-то у нее было три руки. Нина сунула пальцы за икону, вздрогнула от отвращения, — пальцы увязли в густой липкой паутине. Нашупав пузырек, вытащила его, обтерла какой-то тряпкой, понесла. На улице вдруг ненужно подумала: почему у нее три руки?

Ипполитовна долго не могла вытащить бумажную пробку, потом, прошептав, плеснула прямо в лицо Евгении Ивановны. Та вздрогнула, дико посмотрела на нее, утерлась рукой.

— Ты чего?.. Мужики мои вон... А ты? — Она упала головой на стол, стала перекатываться лбом по клеенке. — Убили!.. А Колюшка, сын — без вести...

Нина зажала рот рукой, увидела, как сразу уменьшилась, осела Ипполитовна, будто растеклась по стулу, и как некрасиво раскрылся ее запавший рот.

— Сон-то, сон мой, те два гривенника, — больным, переливчатым голосом выкрикивала Евгения Ивановна, — вот и укатились от меня.

Ипполитовна постепенно оправлялась от испуга, приходила в себя и уже скребла маленькими пухлыми руками по спине Евгении Ивановны.

— Ты погоди, девка... Сразу-то не верь. — Она оглядывалась на Нину, словно ждала подмоги. А Нина стояла, вся съезжившись, чувствуя себя почему-то виноватой перед этим горем, и ничем помочь не могла.

— Ты погоди... Похоронки-то кто пишет? Писаря. А они при штабах, там бумаг страсть сколько... Вот и попутали. Вон и Нинка скажет, она грамотная.

Нина молчала. А Евгения Ивановна со стоном перекатывалась лбом по столу, гребенка выпала из ее волос, волосы рассыпались, липли к мокрым щекам. Вдруг она оторвала голову от стола и замерла, вроде к чему-то прислушиваясь. Пошарила в карманах ватника, вытащила бумагу, всхлипнула, подала Нине.

— Ну, чего там, читай, приказала Ипполитовна.

Нина прочитала. Эта бумага была из горвоенкомата, ней значилось, что, по наведенным справкам, рядовой Завалов Николай Артамонович погиб в декабре 1941 года, а младший сержант Николай Николаевич с ноября 1941 года числится в пропавших без вести.

И опять Евгения Ивановна стала плакать, припав головой к столу.

— Ну, дак что? — и тут нашлась Ипполитовна. — Нюрку Милованову знаешь? Энту, с Кирпичной?.. Пришел мужик домой без ноги, а через месяц на него похоронка, сам и получил... Война большая, сэстоль людей в ней, кого и попутают...

Евгения Ивановна притихла, только изредка всхлипывала, и это ободрило Ипполитовну, она начала шарить ручками в карманах своей байковой кофты.

— Погоди, вот я раскину сейчас, у меня и карты с собой... Они у меня завсегда с, собой. Давеча помирать собралась, а ну, думаю, возьму с собой карты, может, там кому раскину... — Она засмеялась было, тут же смолкла смущенно, сердито обернулась к Нине:

— Чего столбом стоишь? Сыми с нее одежду и давай чай, я что, даром гадать буду?

Нина, обрадованная, что ей нашлось дело, сняла с Евгении Ивановны ватник и платок, отставила на припечек готовую уже картошку, кинулась к буфету, загремела посудой, а Ипполитовна между тем раскладывала на столе замусоленные карты. Отечные руки плохо слушались ее, она путалась, роняла колоду, снова тасовала и раскладывала, приговаривая:

— Для дома... Для сердца...

Весело пылало в плите, по притопочному листу гуляли отсветы огоньков, кипел чайник, Нина кинула в него горелую» черную корку хлеба, а там, над столом, в кружочке лампового света шевелились руки Ипполитовны, журчал ее слабый голос.

— Вот сама гляди, — тыкала она в пикового валета, который неизвестно что означал, а может, не означал ничего, — лжа это, лжа! Болезнь падает, ранетый он, в госпитале, за казенным королем...

Евгения Ивановна косила глазом в раскладку карт, конечно, ничему этому она не верила, смотрела и слушала просто так, для последней душевной зацепки, чтобы смирить первое горе. А Нина думала о Луке из пьесы «На дне», про которого в школе говорили, что он жулик и вредный утешитель... Почему-то его полагалось презирать, а Нина не могла презирать, она видела его доброту, ведь он один пожалел умершую Анну, за это она любила его. И когда в школе писали сочинение, она выбрала Сатина, хотя любимым персонажем ее был Лука. Но она знала, что ее не поймут — ни учительница, ни ребята, — а писать про него так, как полагалось, как было в учебнике, не могла и не хотела. И сейчас думала, что в жизни нельзя без утешителей, иначе сломается душа; страшную правду надо впускать постепенно, придерживая ее святой ложью, иначе душа не выдержит... Даже металл не выдерживает огромного одноразового удара, а если нагрузку распределять порциями, металл будет жить долго, до последней усталости... А человеческая душа — не металл, она хрупка и ранима...

— Нинк, уснула, что ли? Давай чай! Я нынче уж домой не пойду, неможется что-то, у вас заночую...

Евгения Ивановна, словно только что проснувшись, обвела запавшими глазами комнату, и вдруг сжала руками голову, заплакала.

В январе умерла Ипполитовна. Еще вечером приходила, сидела с ними, как обычно, а утром Нина чуть свет кинулась разжигать плиту — не нашла спичек. Спички в войну появились странные, без коробок, просто выдавали по талонам такие гребешки, на конце каждого зубчика — капелька серы. Надо было отламывать по зубчику и шоркать серной головкой по шероховатой полоске, прикрепленной к «гребешку». Зубчики ломались, головки не загорались, таких спичек надолго не хватало, и ради экономии Нина часто выбегала с совком на улицу, смотрела на дымовые трубы — из которой шел дым, туда и стучалась, просила жару для растопки. В это утро ближних дымов еще не было, то ли рано, то ли протопили с вечера, а утром решили не топить. Нина постояла немного, но так и не дождалась дымов. Пошла к Ипполитовне попросить спичку. Стукнула в дверь и, не услышав ответа, толкнула ее, вошла в спертую духоту непрветриваемой комнаты. Ипполитовна, как всегда, лежала на боку, лицом к стене, укрытая поверх одеяла плюшевой шубейкой. Нина окликнула ее, потом подошла к кровати и, притерпевшись к темноте, увидела раскрытый, зияющий чернотой рот и странно вывернутую руку — ладонью вверх. Она тронула ладонь, испуганно отдернула руку — ладонь была холодной и твердой. Бросив совок, Нина выскочила на улицу, забежала к себе, заметалась по комнате — что же делать? Господи, что же делать? Евгения Ивановна еще не пришла с работы, посоветоваться было не с кем, и Нина, заглянув за занавеску — Витюшка спал, взметнув вверх кулачки, — опять выбежала на улицу, постучалась в соседний дом... Долго не открывали, потом вышел заспанный мужчина в накинутах тулупе, хмуро спросил:

— Чего надо в такую рань?

Торопясь и сбиваясь, Нина сказала про Ипполитовну, что умерла и что она не знает, что теперь делать.

— Чего делать, хоронить, ясное дело, чего ж еще? Сонь, выйди, — крикнул он в глубину комнат. — Там старуха-нищенка померла!

Выглянула из комнаты растрепанная женщина, оглядела Нину, переспросила низким голосом:

— Это какая же нищенка? Богомолка, что ль?.. Ну, по всему было видно, скоро помрет, больно плоха была... — Она вышла к дверям, на ходу повязывая платок. — Теперь бери ейный паспорт и ехай в больницу, чтоб справку дали...

— Не дадут, — с сомнением покачал головой муж. — Резать будут, без того справку не дадут...

Господи, и тут справки, подумала Нина. Похоронить человека и то без справки нельзя!

— Пожалуйста, пойдите со мной, я одна боюсь, — попросила Нина.

— Чего мертвых бояться, — вздохнула женщина. Живых бойся.

Однако пошла с Ниной. В стареньком комоде отыскивали мятый, перегнутый пополам паспорт и двенадцать рублей денег.

— Небогато, — сказала соседка. — Ну, да она безродная, государство и похоронит.

Нина не хотела, чтобы Ипполитовну хоронили, как безродную, она вернулась к себе, пересчитала деньги, которые они с Евгенией Ивановной держали в старой коробке из-под чая, вышло двести шестьдесят рублей. Но она не знала, хватит ли, завернула деньги в газету, стала ждать Евгению Ивановну.

Время тянулось медленно, Нину угнетала мысль, что в соседнем доме лежит умерший человек и никто не хлопчет о нем, никто не сидит рядом, сама она не могла войти одна в тот дом. Она стала разглядывать паспорт — Гусакова Елизавета Ипполитовна, — и ей было странно, что у старушки были имя и фамилия.

Наконец пришла Евгения Ивановна и, когда Нина сказала про Ипполитовну, вроде и расстроилась не очень.

— Отмучилась, бедная. Время теперь такое, что мертвым лучше, чем живым.

Все хлопоты по похоронам легли на Нину. Она отвезла на санках в ясли сына, поехала в КЭЧ, отпросилась у начальника спецчасти Василия Васильевича, моталась в больницу — там ее отругали, что не вызвала к больному врача, однако заглянули в паспорт, увидели год рождения и справку выдали, — потом на кладбище, а когда вернулась, Евгения Ивановна уже обрядила Ипполитовну.

На кладбище ее повезли на другой день, Нина и Евгения Ивановна стояли у могилы, смотрели, как опускают простой гроб в желтую от глины яму и как выдергивают из-под гроба веревку. Глухо ударили о гроб мерзлые комья земли, и не было ни венка, ни цветов, нечего было положить на невысокий плоский холмик. Когда уходили, Нина все оглядывалась, старалась запомнить место, хотя зачем запоминать — сама не знала: вряд ли она или кто-то другой выберется сюда навестить могилу старой женщины, прожившей такую долгую и такую трудную жизнь.

Ночью она долго ворочалась, не могла уснуть, ее грызло раскаяние, все казалось, в обиде была на нее Ипполитовна, замечала брезгливость Нины... Бывало, скажет: «Ох, помыться бы, не то клопы съедят, да не осилю», а Нина вроде и не слышит, никак не могла заставить себя прикоснуться к распухшему от водянки телу. А в голод кусочки принимать от нее не брезговала, думала Нина сейчас. Она задремала, но опять проснулась, услышала треск и стук и как с визгом выдергивались гвозди, встала, разбудила Евгению Ивановну:

— Дом Ипполитовны ломают!

Евгения Ивановна лежала, слушала, как волоком по скрипучему снегу тащат доски.

— Ну и что теперь? На дрова ломают. Ей дом уже ни к чему, а кто-то теплом спасется... Ты спи.

Но Нина так и не уснула. За стеной стонал дом, ухали топорами и ПИЛИЛИ, ей все время казалось, что там творят расправу над живым человеком. А она не может ничем помочь.

51

Весть об освобождении Сталинграда не была неожиданной — в сводках Совинформбюро говорилось об окружении огромной группировки противника, воздушные налеты на Саратов становились все реже, а вскоре и вовсе прекратились. Вечерами в домах светились окна, все это обещало близкую победу под Сталинградом, и все ее ждали, и все-таки, когда Нина- услышала торжественный, отливающий медью голос Левитана, у нее от радости похолодела кожа.

После победы под Москвой освобождение Сталинграда стало для нее вторым личным счастливым событием этой горькой войны; почему-то ей казалось, что там Никита, ведь писал же он: «нахожусь недалеко от тебя»... Кроме того, ночи в Саратове стали спокойными — укладывая Витюшку, она уже не подсовывала под платок ему ватные подушечки.

Город словно бы расцвел ликованием; на улицах, в трамваях и в магазинах только и разговору, что о Сталинграде: кто-то слышал, что вот-вот на улицах восстановят нормальное освещение, вечерами опять будут светить фонари; кто-то «доподлинно знал», что прибавят хлебный паек и что весной, в крайнем случае летом, войне придет конец. Слухам этим, в которых нетерпеливое желание выдавалось за действительность, конечно же, мало кто верил, но их и не опровергали, Нина замечала, как светлели лица людей, как каждому хотелось продлить радость, и кто-то обязательно мечтательно вздыхал: «Хорошо бы, если б к лету...»

Еще с прошлой весны по эту сторону от Привалова моста отключили свет — большие и сильные паводковые воды повалили тогда столб, получилось короткое замыкание, — Нина несколько раз писала в исполком, но безрезультатно. А теперь вот пришли электрики, все наладили, после долгого перерыва в домике Евгении Ивановны зажглась лампочка, и хотя часто вечерами она горела вполнакала, Евгения Ивановна говорила:

— Ну, вот и мы не хуже людей, со светом теперь...

Нина и это событие прикладывала к освобождению Сталинграда — вот, напряжение спало, теперь и сюда дошли руки, — хотя, может быть, тут было простое совпадение.

При электрическом свете еще лучше, чем днем, стало заметно, как закопилось тут все, в запущенных углах покачивалась паутина, на низком потолке темнели кружочки сажи, как будто топили «по-черному», и Евгения Ивановна говорила:

— Ничего, Весной все выскоблим и вымоем, а плитку побелим...

Она словно просыпалась от долгого сна, как прежде, стала подвижной, хлопотливой — то ли смерть Ипполитовны так подействовала на нее, то ли весть о Сталинграде и слухи о близкой победе...

И на работе у Нины только и разговору было, что о Сталинграде. Но здесь говорили об этом строже, трезвее. Тетка Фиры, работавшая в госпитале, рассказывала: привезли большую партию раненных под Сталинградом, там, говорят, ни одного дома целого не осталось, сплошные руины, люди живут в уцелевших подвалах и вырытых землянках. Замполит называл цифры немецких потерь в живой силе и технике и колоссальное число

пленных. Но он не пророчил скорой победы — предстоит, говорил он, освободить занятую врагом советскую землю и идти дальше, чтобы добить фашизм в его логове. Этим словам было больше веры, чем слухам о скорой победе.

Нина видела потом «сталинградских» пленных в кинохронике. У нее был свободный «донорский» день, она сдала кровь и пошла в кино. Ее тогда поразил вид этих обреченно шагающих людей, закутанных в кашне и женские платки, а у одного ноги вдеты не то в странные лапти, не то в небольшие, сплетенные из прутьев корзины, он тяжело переставлял их, загнанно и удивленно озирался, словно долго и сладко спал, а теперь вот проснулся и увидел себя посреди заснеженного поля.

Ей было жаль этих истощенных, обмороженных и совсем не страшных сейчас людей, которые были чьи-то братьями, отцами и сыновьями; она стыдилась этого своего чувства, потому что знала: прежде чем стать такими, они убивали, жгли, грабили — и пыталась разбудить в себе ненависть, но не могла, ведь она не видела, как вот этот, с корзинками на ногах, раньше убивал и грабил... И молчала, скрывала это постыдное чувство жалости к врагу.

Потом еще раз ходила смотреть этот киносборник о Сталинградской битве, была у нее такая сумасшедшая надежда: а вдруг увижу Никитку? Он писал ей довольно часто, письма были неизменно бодрыми, а в последнем содержалась обида на нее — зачем сообщила отцу его адрес, теперь вот отец собирается забрать его к себе. «Посадит где-нибудь писарем при штабе или водовозом при кухне, а я воевать хочу! Не знал я, что ты такая же ябеда, как все девчонки». Нина улыбнулась, читая его письмо, «ябеда» было с детства любимым словечком Никитки.

На почтамте она получала письма от мужа, они по-прежнему были сдержанными и прохладными, то ли он тоже обижался на нее, то ли чего-то недоговаривал, за бесстрастными фразами что-то стояло, она не могла понять что, уставала разгадывать эти письма-ребусы, с нее хватало и информации: жив, здоров, пока не на фронте. Разве такими должны быть письма любящих, насильно разлученных войной?

Евгения Ивановна доставала свои старые треугольнички от мужа, просила Нину еще и еще прочитать их вслух. Говорила:

— Вот ты читаешь, а я мечтаю, что нынче его получила. Знаю, что обман, а все легче...

Конечно, в этих письмах не было горячих, иступленных слов, они писались женщине, с которой прожита целая жизнь, но все дышало в них заботой и нежностью. «Ты, мать, береги себя, без тебя нам дом пустой...» «Если обидел когда, зла не держи, приеду — до земли поклонюсь». «Во сне все вижу тебя в голубом платье с цветочками, помнишь его?»

Евгения Ивановна слушала и плакала, а Нина думала, что вот человека уже нет, а слова его остались жить и не умрут, пока жива эта женщина. А слова живого Виктора приходили уже неживыми, она не могла бы их никому показать, и выросший сын ничего бы в них не понял. Он так и не отозвался на то письмо, когда в ней вновь вдруг вспыхнула к нему нежность, и теперь опять все погасло, она коротко сообщала о себе — «работаю чертежницей» — и о сыне — «еще два зуба прорезались», ее уже не обижало, что он не шлет ни аттестата, ни денег.

Деньги присылал отец, с зарплатой и донорскими получалось не так уж мало, во всяком случае, они выкручивались, Нина даже по совету Евгении Ивановны пробовала откладывать на свой отъезд в Москву, но однажды увидела, как Евгения Ивановна, орудуя цыганской иглой, опять подшивает вконец прохудившиеся валенки, и поехала на толкучку, купила новехонькие черные чесанки с блестящими галошами, привезла Евгении Ивановне. Та, конечно, подняла крик:

— Ах, Феёна недоёна, чего наделала! Какие деньги убухала! А на что в Москву свою поедешь, как вызовут? Вези назад, продавай, я и глядеть-то на них не хочу!

А Нина думала о том, как трудно будет ей расставаться с этой женщиной, как привыкли и сроднились они друг с другом.

— Теть Жень, а давайте и вас в Москву заберу?

— А чего, и поеду! Хоть поругаться будет с кем, больно уж ты поперечная... Только мужик-то твой захочет ли меня, скажет, нахлебницу привезла.

Нина с удивлением поняла, что и не пыталась вписать Виктора в свою жизнь. В мечтах о будущем она видела себя, и Витюшку, и Евгению Ивановну, и даже стосвечовые лампочки, а его не видела — ему там не находилось места — почему? Может, это судьба знак подает, что не придется им быть вместе?.. Он может уйти, полюбить другую или... нет, только не это! Его не убьют, пусть лучше полюбит другую...

— Нет, Нетелюшка, спасибо за ласку, а куда я от своего дома... Кончится война, вернется из плена Колюшка, а дома-то нету.

— Напишет вам, вы и приедете назад.

— Куда?.. Вон Политивна померла, на другой день дом растащили, и мой растащат... Нет, это я пошутила, что поеду, буду ждать. Не верю, что Колюшка погиб, чтоб двое из одного дома — против справедливости...

Разве у войны есть справедливость? — подумала Нина. Но и она очень хотела, чтобы сын Евгении Ивановны вернулся.

Ладно, заживем вдвоем с Витюшкой... У нас будут светлые чистые комнаты, в вазах — цветы, красивая одежда и много еды... И Витюшка забудет голод, отвыкнет мусолить корочки хлеба, куплю ему синий бархатный костюмчик и лакированные туфельки, как у Бори, для которого нет войны. А тогда ни для кого не будет войны, и все будут счастливы.

52

Нина убрала с дорожки ветки и камешки, поставила Витюшку и поманила к себе, он стоял, покачиваясь на неустойчивых ножках в выворотных пинетках — Евгения Ивановна сшила из старой фланели, — делал несколько шажков и падал ей в руки. Ему нравилось, он смеялся, опять становился на ножки и шел, иногда его заносило в сторону, Нина не успевала подхватить, он падал на траву, пугался, кривил губы, собираясь заплакать, но Нина брала его на руки, он сразу успокаивался и опять просился ходить.

Потом расхныкался, ему пора было есть и спать, они трамваем вернулись домой, едва переступила Нина порог, Евгения Ивановна сказала:

— Письмо вам от деда, да толстое, видать, карточки с себя прислал.

Нина шагнула к столу, там на клеенке адресом вверх лежал пухлый конверт, надписанный знакомым почерком без нажима, и она словно увидела, как трудно писал это отец, как раз и другой обводил неверно начертанные буквы...

— Что столбом стоишь? Давай мне Витьку-то да распечатывай скорей! — Евгения Ивановна взяла из ее рук сына, а она все стояла, боясь дотронуться до письма. Словно озарение нашло на нее — с ней изредка случалось так, — и она угадала, что в этом письме. Он, а уже знала, о чем сообщает отец и почему последние его письма были такими странными.

Боже мой, как же я раньше не поняла этого! Как не почувствовала эту беду!

Медленно оторвала она край конверта — почему письмо такое толстое?

«Больше скрывать не могу... будь мужественна... Потеряли мы Никиту...»

Кажется, она закричала. А может, и нет, но почему же заплакал Витюшка и так странно смотрит тетя Женья?

Глаза бежали по строчкам, выхватывая отдельные слова и фразы, которые теперь уже не имели для нее значения: «Я не успел... Шлю письма Никиты, сбереги их... Письмо командира его части...»

У нее закололо в висках. Зажав в кулаке листки, она, как слепая, зачем-то пошла за занавеску, листки сыпались из рук, Евгения Ивановна подбирала их и опять совала ей в руки.

— Что стряслось-то?.. С отцом, что ли?..

Нина упала поперек кровати, долго лежала так, лицом вниз, стараясь превозмочь первую острую боль. Если бы выключить мысли и ни о чем не думать сейчас, но человек, пока живет, обязательно о чем-то думает, и она стала вспоминать, как ходила с отцом в роддом — они жили тогда в Курске — и мать показывала в окно Никитку, маленький кокон в пеленках. «Почему у него закрыты глазки, он слепой?» — «Он спит». И на другой день у него были закрыты глазки. «Почему он все время спит?» — «Он совсем маленький, я, чтобы вырасти, ему надо много спать». Потом уже дома, ей, пятилетней, дали подержать его, тяжеленького и мягкого, и она до сих пор помнит, как сладко заныло в ней все, а когда его забрали, она расплакалась: «Я тоже хочу себе ребеночка купи-ить!» и как потом она катала его, годовалого, в опрокинутой табуретке, он смотрел на нее своими глубоко посаженными глазками-бусинками и упрямо кричал «Сё-о!» Это означало — «Еще!» Было больно вспоминать это сейчас, когда его уже нет, и она поднялась, села на кровати, расправила смятые листочки писем. Никитины отложила пока, она прочтет их потом, только одна фраза бросилась в глаза: «...тогда опять убегу, ты уж не обижайся». Она отыскала письмо командира части, оно было написано красивым каллиграфическим почерком, это показалось ей неуместным: «Ваш сын Нечаев Никита Васильевич героически погиб при освобождении населенного пункта и представлен к награде — медали «За отвагу» — посмертно...»

«Посмертно»... Неужели это о нем, о Никите? Ведь он был всегда с тех пор, как родился и должен быть всегда, до тех пор, пока она не состарится и не умрет... Но и потом он должен жить, ее младший брат, которого она так любила...

Дальше командир части сообщал подробности: отбили дом, хотели установить на чердаке пулемет, Никита побежал туда первым, а чердак оказался заминированным. «Мы виноваты в его гибели, ведь он совсем мальчик, и смерть предназначалась не ему, но именно он сохранил жизнь своим боевым товарищам...»

На полях письма в этом месте отец приписал: «Виновата война».

Подорвался на mine. Посмертно. Виновата война. Эти слова жалили ее, но она думала, что если б и не знала подробностей, это ничего не изменило бы. Никиты больше нет и никогда не будет — это были самые главные и самые мучительные слова.

Она зажала уши — словно кто-то рядом все время выкрикивал эти слова, — посидела так, господи, хоть бы заплакать, что ли! Но слезы запеклись в ней, не шли — так уже было когда-то, она не помнила когда.

53

Нина пером набирала в рейсфедер тушь, проводила на кальке линии, а сама нет-нет да и посмотрит на крошечные туфельки с перепонкой — их принесла для Витюшки Зина, — они стояли на краю чертежной доски, блестя красными лакированными носками. Завтра же надену ему эти туфельки в ясли, только бы не были малы, думала она.

Из спецчасти вышел Василий Васильевич, увидел туфли, засмеялся:

— Вот эти мне, пожалуй, будут в самую пору! — И схватился за сапоги, вроде собирался их снять. — А ты, дочь моя Васильевна, спустись-ка вниз, мне позвонили сейчас, там кто-то к тебе пришел.

Нина испуганно посмотрела на него. К ней никто не мог прийти, разве что Ада, ее три дня нет на работе, сидит с больным сыном... Но Ада свой человек, ее бы пропустили...

Она накрыла кальку газетой, промыла рейсфедер, закрыла тушь. Она уже привыкла бояться всяких неожиданностей, и сейчас ее пронзила мысль: что-то случилось с Витюшкой! Зина и Фира, подняв от своих досок головы, смотрели на нее, и она решила, что они что-то знают.

— Я сейчас, — зачем-то сказала она и пошла к дверям, начала спускаться по крутой деревянной лестнице, а навстречу, скрипя ступенями, тяжело поднимался какой-то военный, сверху ей были видны только доннышко фуражки и погоны на гимнастерке. В КЭЧ все военные носили погоны — их ввели еще зимой, — но что-то знакомое было в развороте плеч — правое чуть вперед, — и у Нины по-сумасшедшему заколотилось сердце, она остановилась. Военный поднял голову, и на нее снизу взглянули глаза, такие родные, в знакомом прищуре, что она рванулась вперед, прокатилась на каблучках и чуть не упала. Он развел руки, чтобы поймать ее, но она ухватила за перила, удержалась, и они встретились на середине лестницы. Он снял фуражку, улыбнулся — на щеках обозначились ямочки — и сказал:

— Ну, здравствуй.

В замешательстве она подала руку и, тяжело дыша, ответила:

— Здравствуй.

Они смотрели друг на друга и молчали, он так и держал ее руку в своих больших теплых ладонях, почему-то от этого ей было неловко, она спросила:

— Так это ты вызвал меня?

Он опять улыбнулся:

— А ты ждала кого-то другого?

Наверху открылась дверь, Фира, стрельнув в них глазами, пробежала вниз; чтобы пропустить ее, им пришлось прижаться к перилам и друг, к другу, и Нина услышала, как гулко стучит в ней сердце.

— Ты можешь сейчас выйти?

— Да, конечно, — быстро сказала она. — Ты иди, я сейчас...

Чувствуя слабость в коленях, она поднялась в чертежный зал, опустилась на свой стул, посидела так.

— Что-нибудь случилось? — спросила Зина. — Ты аж синяя.

Нина не ответила, может быть, она даже не слышала вопроса. Поднялась, пошла в спецчасть, к Василию Васильевичу, не успела и рта раскрыть, как он сказал:

— Иди-иди. Даю три дня. Работу перекинь девочкам.

— Нет, я сама... Я успею.

Она вышла, тихонько прикрыв дверь. Стояла, никак не могла сообразить, что ей надо сделать. Потом засуетилась у своего стола, пришила кнопки верхней газету, убрала в стол тушь, карандаши, готовальню... Знала: надо бежать туда, к нему, вдруг ему надоело ждать и он ушел, и неизвестно, на сколько приехал, и в то же время тянула, боялась чего-то. Схватила туфельки, сунула в сумочку, пошла. Уже на лестнице достала зеркальце, расческу, причесала свои короткие пышные волосы, покусала губы, чтоб порозовели — хорошо, что сейчас лето, тепло, он увидит меня в этом платье и туфлях-лодочках, а не в нелепых сапогах на три размера больше...

Он прохаживался вдоль ворот с турникетом и курил, издали оглядел ее, будто измерил взглядом.

— Долго ты...

Она ничего не сказала, они пошли медленным, «прогулочным» шагом и все молчали, а потом он спросил:

— Ну, как ты тут?

— Нормально. Как все.

И опять они шли, Нина снизу украдкой взглядывала на него, встречалась с его взглядом и отводила глаза. Ему очень шла военная форма, он возмужал, раздался в плечах, и так горячи были его продолговатые, как сливы, глаза, и весь он был так красив сейчас, что у нее щемило сердце.

— Пошли куда-нибудь... В какой-нибудь сквер, что ли. Надоело козырять.

А ей нравилось, как четко, чуть рисуясь перед ней, скидывал он руку, изящным и мягким рывком подносил ладонь к фуражке, чуть отведя вбок локоть, и так же мягко опускал руку. И то, что от него пахло табаком и одеколоном, тоже нравилось..

Они забрели в небольшой скверик, там цвели липы) на неухоженном газоне рос душистый табак, венчики цветов были закрыты, по газону скакали воробьи, что-то выклевывали там, легкий ветерок гнал по одичавшим заросшим дорожкам окурки и бумажки. Виктор высмотрел деревянную, всю в трещинах скамейку, они сели, но не рядом, словно боялись коснуться друг друга.

— Ну, как ты тут? — опять спросил он, и она опять ответила:

— Нормально.

Он сбоку посматривал на нее, ее тревожил этот взгляд и то, как он облизывал свои яркие пухлые губы.

— Почему не сообщил, что приедешь в отпуск?

Он оторвался от каких-то своих мыслей, переспросил. Она повторила вопрос.

— Я не в отпуск, это командировка. И все решилось в последние часы.

— Надолго?

Он пожал плечами:

— Как получится.

Он совсем чужой, подумала она. Опять нависла пауза, она смотрела, как, растопырив крылышки, дерутся на дорожке воробьи и как ветер заваливает их хвостики набок.

— Ты изменилась, — вдруг сказал он. — Косу обрезала. В угоду моде?

— Да. — Она скользнула взглядом по его лицу. — Все говорят, мне так лучше, мне к лицу.

— Все — это кто? — прищурился он.

— Все — это все.

Он полез в брючный карман, вытащил мятую пачку «Беломора». — Ты не куришь?

— Нет, не курю.

— Это хорошо. Многие женщины в войну стали курить.

— Нет, я не стала.

— Это хорошо, — повторил он, закуривая.

Господи, о чем мы говорим? Она как бы со стороны слышала эти пустые фразы, не идущие к делу вопросы и свои фальшивые ответы, его холодный голос и все ждала, что он вспомнит о сыне, спросит о нем.

Он посмотрел на часы, и она подумала, что вот сейчас он встанет и уйдет. Почему же мы сидим в этом дурацком Сквере и говорим друг другу бессмысленности, когда бегут, уходя в никуда драгоценные минуты? Нам пора уже встать, бежать за сыном, а потом пойти ко мне... Она представила, как понесет он сына, а она будет идти рядом...

— Все же могу я знать, почему ты ушла от моих?

Нина искоса взглянула на него. Этот вопрос был таким неуместным сейчас, что ее покорило. Подобные вопросы задают потом, после того, как выяснят главное. Что понимала она под «главным», ей и самой было не очень-то ясно, но ведь писал же он: «встретимся и хорошо поговорим».

— А твой отец тебе не объяснил?

— Они избегают этой темы. Им неприятно.

— И мне неприятно. — Она видела, как нервно мнет он в пальцах мундштук папиросы.

— Думаю, просто ты хотела свободы.

По стеблю цветка ползла божья коровка, похожая на маленькую пуговку, где-то рядом жужжал шмель, седой одуванчик пускал по ветру свои парашютики... Нине показалось, что все это уже было когда-то — скамейка в старых трещинах, божья коровка и шмель, сейчас мазнет по щеке клейкая ниточка паутинки, и Ира Дрягина скажет: «Айда купаться?» Время опрокинулось и покатилося назад, в детство, и она точно знала, что сейчас произойдет: из-за газона выкатится красно-синий резиновый мяч, за ним — малыш на трехколесном велосипеде, он догонит мяч, потянется к нему рукой, упадет, и кровь из носа зальет ему рубашечку — как она испугалась тогда!

— Ну, что скажешь? Я угадал?

Она все ждала, когда же выкатится мяч, но уже знала: ничего этого не будет, ни мяча, ни малыша, просто сквер, где они сейчас сидели, очень похож на их любимый уголок в «Липках». Они его так и называли: «Наш уголок!»

— Ты очень изменилась, — сказал он.

— Да, я подурнела, я знаю.

— Ты внутренне изменилась. Как будто прошло много лет. А ведь прошло всего два года. Но ведь и на самом деле прошло много лет, подумала она. Того, что пережито за два года, могло бы хватить на целую жизнь.

Она боялась смотреть на него, боялась, что опять вспыхнет в ней тревожная нежность к этому человеку, от которого она отвыкла и который сейчас казался чужим.

— Никита пишет? Так и не вернулся домой?

— Никита погиб.

— Боже мой! — Он потянулся к ней, сжал ее руку. — Совсем мальчик...

— Подорвался на mine.

— Нелепая, бессмысленная для мальчика смерть. — Виктор вздохнул, покачал головой. — Он должен был еще долго жить.

Нина тихонько высвободила руку из его кулака.

— Да, он должен был жить, но бессмысленной смерти на войне не бывает.

Она подняла с земли сухую веточку, принялась чертить ею на песке — вот домик, вот дерево, вот девочка Нина...

Виктор опять посмотрел на часы. И встал.

— Мне пора.

Она сжалась вся, надавила на палочку, палочка сломалась. Как — «пора»? Куда? Зачем же я отпрашивалась? «Даю три дня». Зачем мне эти дни?.. У нее было такое чувство, как будто ее оскорбили.

— Мне в самом деле пора, я ведь не один, мы приехали за боеприпасами. Вечероч я зайду к тебе, ты где живешь?

Она сказала, он удивленно посмотрел на нее.

— Это где? Я тут родился, но Глебучева Оврага не знаю.

Ты многого не знаешь, подумала она.

— Ты назад, на работу?

— Да, на работу. — Она тоже встала. И опять подала ему руку, он держал ее, прикрыв второй ладонью, смотрел на нее, и она слышала, как что-то булькнуло у него в горле. Потом он пошел, чуть заноса вперед правое плечо, и она смотрела ему в спину, мысленно просила: оглянись, ну, оглянись же! Прижала к щеке пальцы, которые еще помнили теплоту его ладоней, смотрела, как легко и свободно шагает он, как ловко подносит руку к козырьку фуражки, и душа ее рвалась к нему: оглянись же, оглянись! Если оглянешься, мы всю жизнь будем вместе!..

Он не оглянулся.

На работу она, конечно, не вернулась. Представила, как любопытная Фира вопросительно выгнет брови, а тактичная Зина ни о чем не спросит, но тоже удивится — ведь отпустили на три дня! И что она скажет Василию Васильевичу?.. Она отправилась домой.

Кроме полученной по карточкам селедки, в доме ничего не было, но можно наварить картошки, старую, правда, уже давно съели, а новая совсем мелкая, только завязалась в огороде — подрывать бы два-три куста, выбрать покрупнее...

Евгения Ивановна была дома, на работу ей вечером, как всегда, на сутки, и Нина подумала, что это очень кстати, они и сегодня и завтра весь день будут вдвоем.

— Рано ты что-то, не захворала ли?

Нина выбежала в сени, внесла селедку, метнулась к буфету, там оставался еще кусочек хлеба на ужин, но его было мало, и теперь она ругала себя, что остальной съела по дороге, могла бы и потерпеть.

— Нинк, ты чего? Случилось что?

Нина посмотрела на ходики — скоро ли за сыном — и принялась чистить селедку.

— Случилось, тетя Жень. Виктор приехал. Ну, мой муж.

Евгения Ивановна всплеснула руками.

— Чего ж ты молчишь? Ах, батюшки... — Она тоже засуетилась, забежала, схватила чугунок, помчалась во двор, на свой «огород», внесла чугунок с мелкой, величиной со сливу, молодой картошкой, в руке был пучок зеленого лука; сполоснула руки, из холщовой сумки, с которой ходила на работу, достала хлеб, отрезала половину, остальное сунула обратно.

— Ах ты батюшки, чего б еще? Мужик молодой, здоровый, что ему твоя селедка...

Колбаски бы или холодца, да где взять... И вина надо бы.

Она опять выбежала, и ее долго не было, вернулась с горкой малосольных огурцов — конечно, выпросила у соседей. В комнате запахло укропом и чесноком, Нина не вытерпела, откусила от огурца раз и другой, а потом съела целиком. А Евгения Ивановна уже скоблила картошку, мыла ее, гремя соском рукомойника, и ворчала, что с этой проклятой войной и гостя встретить нечем, и за деньги не достанешь...

Ничего и не надо, подумала Нина, пусть увидит все, как есть.

— В Москве, рассказывают, коммерческие магазины открыли, там все, кроме птичьего молока... Цены, правда, такие, что куском подавишься, а для такого случая можно бы купить.

Она вдруг сморщилась, выронила нож, постояла так, уставившись в одну точку, и не села, а упала на стул. Уткнулась в ладони, заплакала. Нина бросила селедку, подошла к ней.

— Не надо, тетя Жень. Ну, не надо! — Отвела назад «селедочные» руки, прижалась щекой к ее голове, чувствовала, как вся она вздрагивает от рыданий, на темный передник сыпались слезы. — Не надо, а то и я заплачу.

Оборвалась тоскливая нота, Евгения Ивановна притихла, утерлась передником, опять взялась за нож.

— Об своем горе поплакала. И об тебе. Увезет он тебя, и останусь одна-одинешенька.

Нина заглянула в ее заплаканные глаза:

— Куда увезет-то? Ему теперь на фронт! — А у самой вспыхнула надежда: вдруг и правда можно с ним до Москвы?!

Она прямо задохнулась от радости — ведь он военный, лейтенант, с ним можно, с ним пустят и без пропуска! Вспомнила, как ехала тогда с летчиками и как открывали они своим ключом дверь вагона. Я попрошусь, чтоб взял нас до Москвы, скажу, что больше не могу здесь... Она представила, как поезд въезжает в Москву... Может быть, там уже сняли светомаскировку и кругом огни...

Они вышли вместе, Евгения Ивановна — на работу, Нина — в ясли; она не знала, когда он придет, и приколотла записку, чтобы ждал.

— Чего ему на улице ждать, заверни в записку ключ, пускай заходит, — сказала Евгения Ивановна.

— А если чужие возьмут и зайдут?

— Как зайдут, так и выйдут. Чего у нас с тобой взять-то?

Пока шли к трамваю, Евгения Ивановна все поглядывала на Нину, мялась, как будто собиралась о чем-то поговорить, да не смела.

— Я это... У племянницы, у Варьки эти дни побуду. — Она взглянула на Нину. — Ты это... Матери у тебя нет, а и она тебе то же присоветовала бы: поостерегись, второй ребенок тебе сейчас ни к чему, пропадешь... Этого мало-мальски из пеленок вытряхнула...

Нина промолчала. Какой ребенок? Еще ничего не известно. Да и не до того мне. Наверно, умерла во мне женщина и, может, навсегда... Стараясь не смотреть на Евгению Ивановну, она тронула губами ее щеку и вскочила в трамвай.

В яслях воспитательница уже ушла, нянечка домывала пол.

— Счас приведу твоего красавца. — Она вывела из группы Витюшку, он увидел мать, побежал к ней, заплакал. Нянечка подала сверток. — Это гостинец тебе от сына, штанишки не досохли. А к отцу он сразу пошел.

— К какому... отцу?

— К своему, к какому ж? Потянул ручонки — и цоп его за козырек! И похож, ну, вылитый!

Она взяла швабру, ведро, понесла их куда-то, а Нина, присев в раздевалке на низенький стульчик, сняла с ног сына пинетки, надела туфельки — в пору! Витюшка гладил носки туфель ладошками и говорил «цаца»!

Так вот почему он не спросил о сыне! Он уже был здесь, держал сына на руках!

Назад она чуть не бежала. Витюшка просился с рук, хотел идти ножками, но ей казалось, что Виктор давно уже сидит там, ждет их, — вдруг ему надоест ждать и он уйдет?

В трамвае сидела, прижав к себе сына, и бормотала:

— Там наш папка... Он ждет нас... Он увезет нас в Москву... И мы поедем на поезде — ту-ту-ту!

— Ту-ту-у! — повторял Витюшка и смеялся. Ему нравилось так играть.

И опять она говорила:

— Там наш папка... Папка... — Ей хотелось бесконечно повторять это, она старалась взглянуть на сына непривычными, его глазами и понять, понравился ли ему сын, но это ей не удавалось. Ей-то в нем все было знакомо и дорого, все любимое: тонкая, как стебелек, шея, руки с худенькими запястьями и эта выпуклая переносица, придающая личику недетски хмурый вид...

— Родной мой... Родной мой... — шептала она, трогая губами прохладную щечку. Опять ее охватило чувство неискупимой вины перед сыном, которого не смогла она уберечь от ранних страданий...

Дети не должны страдать, их страдания — впереди, они должны входить в жизнь счастливыми, с необремененной и чистой душой, а она иногда замечала у сына такой серьезный осмысленный взгляд, словно он все понимает и все помнит: и голод, и боль в простуженном теле, и страшный грохот зениток, и как скатился он тогда с санок прямо в снег... — Родной мой, прости меня, прости, я так мало умею...

Виктора не было, записка с ключом по-прежнему торчала в дверной ручке. Нина опустила сына на пол, отперла дверь, он, держась за косяк, занес над порогом ножку, перешагнул его и обрадованно побежал в комнату. Отбивался, не хотел снимать туфельки, бегал по комнате, ему нравилось, как постукивают они, и он намеренно топал ножками и смеялся. Вот и радость ему, думала Нина, вот и радость...

Она зажгла в сенях керосинку, поставила чугунок с картошкой, потом в комнате мелкими ломтиками порезала тощую селедку, стала резать хлеб. Он крошился, мякоть налипала на нож, Нина счищала ее другим ножом, отправляла в рот. Ужасно хотелось есть, дразнил запах малосольных огурцов, и она не вытерпела, решила съесть еще один. Витюшка увидел, как она ест, протянул руку, сказал «дай!», она дала ему кусочек огурца, отошла, издала поглядела на стол — да, небогато. Но тут ей пришла мысль: ведь он обязательно что-нибудь принесет с собой! И от мысли, что скоро он будет здесь, в ней все замерло от счастья. Она выбежала во двор, там у сарая еще росли ирисы, которые Евгения Ивановна сажала до войны; Нина сорвала один, желто-лиловый, внесла в комнату, поставила в стакане посередине стола. Потом слила из чугунка воду, закутала его, накрыла подушкой, а одну картофелину оставила, размяла, развела кипятком — масла не было, — покормила сына этим синеватым пюре и уложила.

Уже стемнело, и она включила свет. Встала у двери, хотела посторонними глазами взглянуть на свое жилище. Конечно, бедно, но хотя бы чисто. Еще весной, как только потеплело и перестали топить, они с Евгенией Ивановной и Варей выскоблили доски стен и пола, Нина принесла с работы рулон старых плакатов, изнанкой наружу обклеили потолок, он стал белым, как будто выбеленный. Евгения Ивановна достала замазки, они замазали самые большие щели в стенах, теперь не сыпался оттуда, шлак. Извести не нашли, но Варя раздобыла где-то белой глины, они жидко развели ее и помазали плитку. После всего вымыли окна и перестирали занавески, получилось уютно и чисто. Нина протерла «Мадонну с цветком» и перевесила ее на другое место — теперь на нее утром падал недолгий солнечный луч, ответно загоралось там, на картине, окошечко, и казалось, что оттуда бьет солнце.

Она все чаще смотрела на часы, несколько раз выбегала на улицу, смотрела на Привалов мост — не мог же он не найти, ведь она рассказала подробно, как проехать, каким трамваем и куда дальше идти... Да и не чужой же город, он здесь вырос!

Она пыталась вспомнить, не обозначил ли он время. Кажется, сказал: «Вечером приду».

Нет, он сказал «зайду», это не одно и то же.

И опять она выбегала на улицу, даже поднималась на мост, стояла на ветру, всматриваясь в темную даль улицы. Его не было.

Вдруг она подумала: он уехал! Ведь он в командировке, его могли услать наугад, он не успел даже проститься, и теперь я ничего о нем не узнаю. Там, на улице Ленина, конечно, знают, но я ни за что не пойду туда.

Ближе к полночи она поняла, что он не придет. Раскутала картошку — она была еще горячей, — отделила половину, выложила на тарелку. Хлеб Евгении Ивановны завернула в полотенце, убрала в буфет. Включила радио, приглушила звук. Передавали Седьмую симфонию Шостаковича. Она ела и думала о блокадном Ленинграде, о Лавро... Слышит ли она эту симфонию? А может, уже спит? Если жива... Она сама удивилась, как просто пришли эти слова — «если жива». Это оттого, что так часто приходится слышать о смерти. Она подумала, что не сказала — не успела — Виктору о гибели Сережки Самоукина и Гены Коссе. И теперь, если он уехал, уже не скажет. Боже, мой, как долго сидели мы в том сквере и ничего не сказали друг другу! Говорили какие-то пустые, глупые слова и — ничего самого главного! Если его уже отправили на фронт, я узнаю об этом не скоро. Его могут убить, и он никогда не узнает, какие слова я хотела сказать ему! Почему не сказала? Не подумала о том, что это страшно — не успеть сказать все, что хочешь?..

55

Спала мало и плохо, всю ночь бегала в сени пить воду — из-за селедки, — вода была густой и теплой, не утоляла жажду, через некоторое время вновь все запекалось во рту, и она вставала, шлепала босиком в сени. Под утро удалось задремать, и сразу навалился кошмар: они с Витюшкой оказались на дне глубокой черной ямы, Витюшка совсем маленький, грудной, и они никак не могут выбраться; в яме темно и душно, только далеко вверх виден прямоугольник света; она пробует звать на помощь, но голоса нет, тогда она садится на сырое дно ямы, кладет сына на колени и начинает бить в ладоши, надеясь, что кто-нибудь да услышит. Кто-то подходит к краю ямы, сверху ей видны только сапоги, она пробует громко крикнуть «Помогите!», а вышло шепотом. Тот, наверху, заглядывает в яму, и она узнает Виктора... «Ах, попалась, птичка, стой!» — вроде в шутку говорит он и смеется, а она думает: все-то он с шуточками, до того ли сейчас... И вдруг отчетливо видит, как толчком ноги он сбрасывает груду земли, исчез прямоугольник света, и сверху летит на нее и на сына черный маслянистый ком...

Проснувшись вся в поту и в испуге, сильно болела голова, хотелось пить. Она встала, умылась, пошла варить кашку.

Дорогой, пока ехала с Витюшкой в трамвае, все время думала про свой сон, который помнила в подробностях, а потом, на работе, забыла его. Она боялась, вдруг кто-нибудь — Фира или Василий Васильевич — спросит: «Чего же ты пришла, ведь у тебя есть три дня?» И она не сможет ничего толком ответить. Но никто ничего не спрашивал, только Фира повела в ее сторону своими озорными глазками:

— И красивый же у тебя муж, так и хочется отбить!

Но Зина так посмотрела на Фиру, что та поперхнулась, надула губки.

— Уж и пошутить нельзя...

Нина подумала, что, может быть, Ада уже на работе, пошла, как обычно, на объекты, а к обеду вернется и скажет, где Виктор. Неужели уехал?

Она вздохнула, взялась за чертеж. Еще вчера принесли ей эту синьку с надписью:

«Татищево. Артрополигон». Она, вычерчивая на кальке копии условных домиков, старалась угадать, который из них тот, где жили они когда-то? Кажется, он стоял на самом краю, у реки, но где тут река? Ведь это не карта, а всего лишь план-схема, и река не обозначена — может быть, все давно уже перестроено и того домика вовсе нет? Но она хорошо помнила, как стояли там в два ряда домики — совсем как на плане, окна в окна, — и тепlinkа шевельнулась в ней, когда она выводила тушью слова «Татищево. Артрополигон». Подумать только — тогда была жива мать, был жив Никитка...

К обеду Ада не пришла, и Нина не вытерпела, заглянула в комнату, где работали техники-смотрители И инженеры, спросила про Аду, ей сказали, что Ады на работе нет, у нее все еще болеет сын.

Но ведь когда-нибудь она придет?

Нина спустилась обедать, но и в столовой все думала о Викторе, о вчерашней встрече, которая была отпущена им судьбой, и как глупо они распорядились этой встречей... Она вспомнила его вчерашнее лицо, странно чужое, но с родными чертами, и как ушел он, не оглянувшись, — почему я не окликнула, не побежала за ним? Думала, что впереди много часов с ним, ведь он же сказал: «Вечером я приду». Нет, «зайду». Главное никогда нельзя откладывать на «потом», ведь никому не дано знать, сколько ему отпущено — вечность или миг...

Она поднялась из столовой по той же крутой деревянной лестнице, где вчера они встретились — неужели это было? — и где она так нелепо подала ему руку, и никак не могла теперь вспомнить, о чем же они тогда говорили... Или просто стояли молча? Потом сидела, уже не отвлекаясь, над кальками, надо было до конца дня все успеть и сдать в спецчасть. Зина уже двигала ящики, все убирала, а Фира пудрила свой носик; она же все заполняла рейсфедер тушью, Передвигала по рейсшине угольник, от мелкой штриховки рябило в глазах.

— Тебе еще много? — подошла Фира. — Давай помогу?

Нина помотала головой — нет, не надо. Она догадывалась, что Фире просто не терпится остаться вдвоем, без Зины, и поговорить. Фира ей нравилась — всегда веселая, добрая, тетя Женья сказала бы «подельчивая», но Нину пугала ее развязность и то, как обнаженно рассказывает она про интимные тайны, и дружбы у них не выходило.

— Ну, как хочешь, — обиженно произнесла Фира и пошла, процокала каблучками, покачивая бедрами.

Ладно, пусть, она молодая, у нее своя жизнь... И тут Нина вспомнила, что ведь Фира старше ее, Фире уже двадцать три, но все равно, она моложе по жизни, сейчас вернется домой, приедет и пойдет с женихом — у нее каждый месяц менялся жених — в кино. А я зайду за Витюшкой, погуляю с ним, а дома буду стирать.

Нина сдала чертежи, собрала свою сумочку, спустилась вниз, миновала турникет — «вертушку», пошла по узкому в выбоинах тротуару, где шли они вчера вдвоем, но что-то заставило ее остановиться. Она оглянулась и увидела высокого мужчину в серых брюках и в голубой с белым футболке, он стоял под деревом, курил и, улыбаясь, смотрел на нее.

— Ты?!

Она побежала назад, к нему, все еще не веря и ожидая, что вот сейчас непостижимым образом он исчезнет, она не успеет дотронуться до него. Подвернулся каблук, она чуть не упала, он подхватил ее, обнял, они стояли так, и она слышала, как громко и трудно он дышит:

— Разве ты не уехал? — уткнувшись лицом в грудь, глухо спросила она.

— А почему я должен был уехать?

— Я думала...

— Мы отчаливаем послезавтра, если, конечно, ничто не помешает.

Послезавтра! У нас уйма времени, можно целые сутки смотреть друг на друга и говорить слова... Или даже молчать и не смотреть друг на друга, а стоять вот так и слушать, как стучит его сердце.

— Вчера я не смог. Мы всю ночь разыскивали свои вагоны, их куда-то загнали, а ты ждала?

— Нашли?

— Кого?

— Ну, вагоны эти.

— Нашли.

Жаль, подумала она. Виктор поднял отскочивший каблук, повел ее, припадающую на ногу, к какому-то зданию, сказал «Подожди-ка...» Она стояла, привалившись боком к теплой стене, смотрела, как ищет он камень и прибавляет каблук. На руках его вспухали и опадали мышцы.

— Я тебя без формы не узнала.

— А-а! — Он состроил гримасу. — Надоело козырять, а ничего другого не нашлось, это все, что осталось от моей гражданской жизни.

Не все. Там, в Лефортово, в камере хранения — твой синий костюм.

Он махнул рукой.

— А-а, зачем мне он сейчас?

Он прибил каблук, покачал его, проверяя надежность, присел на корточки, снизу посмотрел на нее:

— Ну-с, ножку дивную продень...

И сразу она вспомнила свой сон точно таким было у него лицо, когда он столкнул сапогом на них черную грудку земли.

Он поднялся, вытер платком руки.

— У тебя такое лицо — обиделась, что не пришел вчера?

...Но он же не отвечает за мои сны!

— Да нет, не обиделась.

Они пошли, Нина продела руку под его локоть, но все сбивалась с ноги, не могла приноровиться к его шагу, а он прижал к себе локтем ее ладонь и все поглядывал на нее сверху горячими карими глазами, а она слабела и обмирала под его взглядом. Что же я молчу, почему молчу, ведь уже начался отсчет нашего с ним времени, он уедет, и опять я буду жалеть...

— Ты от Ады узнал, где ясли? — Это были не те слова, которые хотела она сказать, но нельзя же все время молчать...

— Да, и знаешь, он сразу ко мне пошел... Красивый мальчик, ТОЛЬКО худенький. В этой фразе ей послышался упрек, но она промолчала. Еще бы не быть ему худеньким!

— Сейчас заберем его и отправимся к нашим, там ждут.

Нина вскинула на него глаза:

— Я не пойду. Не могу.

Он даже приостановился от удивления.

— Почему?... У тебя дела?

— Нет. Просто не могу — и все.

Он облегченно улыбнулся, похлопал ее по руке.

— Глупости, маленькая, нас ждут, и я обещал... Там накрывают стол.

Она молчала, но он понял: в этом молчанье нет согласия, и принялся уговаривать, все так же похлопывая ее по руке: сейчас не время разводить капризы, он приехал ненадолго, ему одинаково хочется побыть и с ней, и с родными... А если были какие-то обиды, нужно переступить через них, в такое время надо держаться всем вместе, вот так, — сжал он в кулак пальцы.

— И потом, они хотят поглядеть на Витьку.

В его словах были логика и правда, но слова эти уходили, как вода в песок, ей очень хотелось сейчас сказать «ладно» — ведь ради него, — но она знала, что не сделает этого, даже ради него. Даже если он сейчас уйдет один и она не увидит его больше.

Она очень точно сказала: «не могу». Хотела, но не могла. Не обида и, уж конечно, не гордость мешали ей переступить порог того дома. Она потом много раз возвращалась к мысли: наверно, у них — своя правда, они не виноваты, что не дано им сострадать чужой беде, как не дано слепому видеть солнце, глухому слышать звуки мира... И она ни в чем не обвиняла их, но не могла забыть, как скиталась с ребенком по скованным морозом улицам и возвращалась вечерами, чтобы услышать: «Как успехи?»

...Он остался у дверей, она вывела из яслей заревавшего сына, Виктор взял его на руки, спросил:

— Ну, куда теперь? Ты не передумала?

— Ты иди, тебя ведь ждут там...

Виктор ничего не сказал, понес сына, она шагала рядышком — совсем, как мечталось ей вчера, но что-то уже встало между ними, она подумала измученно: боже мой, ведь остался всего один день!

— Почему он плакал? — спросил Виктор.

— Он всегда плачет, когда я прихожу. Боится, что опять уйду.

Виктор прижал к себе головку сына, забормотал что-то, Нине послышалось: «Комочек мой...»

На Приваловом мосту возле лестницы Нина приостановилась:

— Осторожно, здесь крутые ступени.

Виктор посмотрел вниз, потом пробежался взглядом по ветхим деревянным строениям.

— Никогда бы не подумал, что в этом городе есть такие трущобы.

Они спустились вниз, подошли к домику, Нина, поднявшись на цыпочки, пошарила рукой над дверью, нашла ключ.

Из открытой двери пахло застарелой сыростью и керосином. Виктор потоптался у порога и, пригнувшись, вошел в сени, потом в комнату. Постоял так, потом спросил:

— Ты тут живешь?

— Да, живу. Ты проходи.

Витюшка запросился на пол и, как только Виктор опустил его, подбежал к буфету, стал тыкать в него пальчиком и кричать «дай!».

— Чего он хочет?

— Есть. Он всегда хочет есть.

Спохватившись, Виктор полез в брючный карман, достал подтаявшую шоколадку.

— Совсем забыл про нее. Ему можно?

— Ему все можно.

Витюшка выхватил из рук отца шоколадку, уселся на низенькую скамейку, принялся болтать ножками и грызть шоколадку.

Виктор прошелся по комнате, разглядывая потолок, стены, заглянул за занавеску.

— А чей это дом?

— Одной женщины, ее зовут тетей Женей.

— Она твоя тетка?

— Нет. Просто хорошая женщина. В этих трущобах, представь себе, живут хорошие люди, добрые... Еще была старушка она умерла.

— Кто — умерла?

— Ипполитовна. Нищенка. Она кормила нас, когда у меня украли карточки. Он смотрел на нее, удивленно помаргивая, словно ничего не понимал. Словно она изъяснялась на иностранном языке.

— Разве тут можно жить?

— Можно. Да ты садись, не бойся. Или ты спешишь?

Он осторожно опустился на старенький фанерный стул, предварительно осмотрел его и испробовал на прочность.

— Знаешь, мне тебя нечем угостить, только холодная картошка и немного селедки...

— Я сыт, не беспокойся, — перебил он.

А ей очень хотелось есть, и она выставила на стол остатки селедки, молодую картошку, придвинул к нему хлеб и уже вялые, чуть сморщенные малосольные огурцы.

— Ешь.

Она знала, что он брезглив, и при нем перетерла чистым полотенцем вилки, надергала в огороде зеленого лука, помыла его в сенях.

— Ешь, — опять пригласила она и взяла картофелину. Старалась есть медленно и не жадно, он смотрел на нее, это ее смущало. Он понял ее смущение, взял огурец, вяло пожевал его. Витюшка все так же сидел на скамеечке, покачивая ножками, он #-весь был вымазан шоколадом; Нина заметила на лице Виктора выражение брезгливой жалости.

— Он что, болел?

— Да. И еще у него рахит. Но это пройдет.

Она вдруг вскочила, схватила сына, умыла его под умывальником и, прижав к себе, стала целовать, целовать... Пусть брезгает, пусть не любит, ты мой, мой, самый хороший... Вот кончится война, и мы заживем, у тебя будет все, что захочешь...

Витюшка разревелся, стал отбиваться ножками, она опустила его на пол.

— Ты испугала его.

Нина дала сыну картофелину, он схватил ее в кулачок, подбежал к мячу — давнему подарку Бори, — других игрушек у него не было.

Ничего, вот кончится война, у тебя будет много игрушек, мысленно твердила она.

Виктор встал, опять обошел комнату, долго рассматривал фотографии на стене, потом остановился возле «мадонны», щелкнул по картинке ногтем:

— А она чем-то похожа на тебя.

— Наверно, это я похожа на нее, — засмеялась Нина. — Ведь ей пять веков.

Незаметно для себя самой она съела всю картошку и была рада, что он стоит спиной и не видит ее неопрятной голодной жадности. А он все стоял возле «Мадонны с цветком» и молчал, молчание давило на нее, она все время думала: он скоро уйдет, его там ждут, и опять мы ничего не скажем друг Другу. Да она и не знала, что говорить и где взять те главные слова, которые она давно забыла.

Она видела, как никнет его голова и опускаются плечи, и вдруг он шагнул к ней, схватил за руки, прижал к своим глазам ее ладони.

— Прости меня... Прости...

Голос его сорвался, и ей показалось, что вот сейчас он заплачет. Она не знала, что с ним, не понимала его состояния — так долго молчал, а теперь вот... За что простить?

Не выпуская ее рук, он сжал их в своих ладонях, посмотрел на нее, и она увидела, какое у него измученное постаревшее лицо.

— Я не знал... ничего не знал...

Он обнял ее и все повторял «не знал», «прости», считал, что она-то, генеральская дочка, живет тут на литературном снабжении и что ей в лейтенантском аттестате... Она слышала, как клокотало у него что-то в горле и он никак не мог прокашляться.

Она гладила его легкие волосы, а он покачивал головой и постанывал, прикрыв глаза, как будто у него что-то болело.

Она уложила сына, задернула занавеску и хотела включить свет, но Виктор тихо сказал:

— Не надо.

Она пошла к нему, он за руку притянул ее к себе.

— Моя маленькая... Беленькая...

Она все время помнила, что послезавтра ему уезжать, но ее тело не отзывалось на ласку, только тлела в ней тихая нежность, и опять она вспомнила, что ведь это их единственная ночь, а завтра, наверно, уже придет тетя Женя, а потом он уедет...

Он стал целовать ее шею, худенькие плечи, она слышала его жаркий шепот, но шепот этот не зажигал ее — может быть, огонек потух в ней навсегда. Было очень тихо, только звонко тикали ходики да шуршало в стенах, и вдруг он сказал:

— Я отвык от тебя, я боюсь тебя сейчас...

И оттого, что в этот миг они чувствовали одинаково, в ней вспыхнула радость, захотелось сказать: мне ничего не надо, только сидеть вот так рядом и молчать... Он стал спрашивать про Ташкент и как же добиралась она из Аксая с ребенком и как жила тут, а она прижала свою ладонь к его губам — не надо, сейчас не надо... Многое хотелось рассказать ему, но для этого не настало время; об этом надо — потом, когда все пройдет и отболит.

Конечно, пройдет. Но отболит ли?

Он сжал ее локоть:

— Включи свет!

— Зачем?

— Включи свет! — непривычным, властным голосом сказал он, и она встала, пошла к выключателю. Вспыхнула под потолком лампочка в бумажном абажуре. Виктор взял ее руку, повернул сгибом к свету, повел пальцами по мелким шрамам, там был один, еще совсем недавний...

— Зачем?.. Ты-то зачем?..

— Ну, многие стали донорами...

Он сжал голову руками:

— Только не говори, что хотела спасать чьи-то жизни!.. Тебе самой сейчас нужен донор, тебя саму надо спасать!

— Не кричи, разбудишь... — Она вздохнула. — Сперва я спасала нашего сына, а уж потом раненых... — У меня есть письмо от одного бойца, его спасла моя кровь, и он назвал меня сестренкой... Хоть что-то делаю для фронта.

Он посмотрел на нее, в его глазах было что-то беззащитное, он опять схватил ее руку, стал целовать маленькие белые рубцы, она обняла его голову, чувствуя, как душит ее счастье.

— Родной мой, я люблю тебя... Навсегда люблю тебя...

Больно заняло в ней все, она и не знала, что может быть так больно от счастья — вот они, главные слова, сильнее их ничего нет!

— Я навсегда люблю тебя!

Он взял ее на руки, маленькую, легкую, прижал к себе, горячий шепот ожег ей шею, она потянулась к выключателю, повернула его...

Они лежали потом, Виктор курил и смотрел в низкий потолок, она снизу видела его остывающее озабоченное лицо, из нее все еще рвались слова: «Я люблю тебя, я люблю тебя!..» Но по его лицу и молчанию она понимала, что время этих самых простых и самых главных слов миновало. Сейчас она стыдилась своего некрасивого от худобы тела; когда он обнимал ее, она чувствовала свои выпирающие ребра, торчащие кости таза, пустоту маленьких тряпичных грудей — наверно, ему было плохо со мной, — и сейчас ей хотелось кричать: «Я не виновата! Я не виновата!» Что-то разъединило их, она не могла понять что, может, он думает сейчас о других женщинах, пышнотелых, хорошо одетых, и она мучительно ревновала его к этим неведомым женщинам и к другим, которых он еще встретит, уж лучше бы он не видел их, лучше бы ослеп — господи, что со мной, зачем я пожелала ему такое, вдруг подслушает судьба! Нет, пусть остается таким же красивым и здоровым, ей хотелось сказать, что она будет ждать его хоть сто лет и, если его ранят, все равно будет любить — даже если он станет калекой...

— Здесь жить нельзя, — вдруг услышала она его сухой, хриловатый, голос. — Вы пропадете тут.

Она потерлась щекой о его плечо. Подумала: нет, теперь мы не пропадем.

— Все-таки скажи: почему ты ушла тогда от моих? Ведь ты приехала к ним... Как раз в день похорон моей матери. Видишь, я все знаю. Почему же ушла?

— Да, я ехала к ним, но... Оказалось, что вторая комната занята, и я не хотела стеснять.

Поверил он или нет — она не знала, но ей было досадно, что опять он завел разговор об этом, разве об этом надо сейчас?..

— Я не могу оставить вас здесь, завтра же перевезу к моим... сейчас надо быть всем вместе, в куче, недаром же говорят, что свой своему поневоле друг!

Она вспомнила, что эту же поговорку повторял его отец. Как знать, кто теперь свой, а кто чужой?

— Скажи, вы поедете через Москву?

— Нет, мы стоим севернее. А почему ты спросила?

Ну вот, подумала она, я так и знала: надежды не сбываются... либо сбываются тогда, когда уже устанешь надеяться.

— Ты хотела, чтоб я зашел в институт, да? И попросил, чтоб тебе выслали вызов, да?

— Н-нет. Я уже написала туда сама. Теперь я все могу сама.
Он повернулся на бок, чтобы видеть ее лицо.
— Ты сильно изменилась.
Она усмехнулась: еще бы! Когда меняется жизнь, меняется и человек, иначе ему не выстоять.
— Мы перегородим шкафы комнату, и ты никого не будешь стеснять, — вернулся он к началу разговора. — Ну, согласишься хотя бы ради меня... Я там буду спокоен.
Ах, как хотелось ей согласиться — ради него! Но она представила, как будет жить среди них, разговаривать с ними... И потом — тетя Женя. Главное — тетя Женя.
— Знаешь, я встретила тут подругу, наши отцы вместе учились в Академии. У них — двухэтажный дом и много комнат, она звала меня к себе. Но я не могла и не могу бросить тетю Женю.
Он рывком поднялся, сел на кровати.
— При чем тут какая-то тетя Женя! Она чужой человек! Ну, спасибо ей, конечно, поблагодари ее, я тебе оставлю деньги, дай ей или купи что-нибудь, но ведь не будешь же ты вечно при ней! Ведь когда-то уедешь в Москву!.. И я не вижу никакой логики!
Она поморщилась: какая там логика? Тетя Женя — не чужой человек, и от доброты деньгами не откупиться — как он не понимает? Она подумала: слишком долгой была их разлука, не по времени долгой, а по жизни, и жизнь по-разному обошлась с ними и о многом по-разному заставила судить. Наверно, он не виноват. Но и я не виновата.
Она погладила его руку, поцеловала. Сказала тихо:
— Не будем об этом, Витя.
Он лег на спину, заложил за голову руки.
— Тогда, я завтра понесу к моим Витьку. Пусть хотя бы посмотрят на него.
Он не спросил, можно ли. «Понесу». И она впервые осознала, что ведь сын принадлежит не только ей. Он может взять сына, нести, куда захочет, и распорядиться, как захочет. Но в этом нет справедливости! Он не валялся с сыном по больничным койкам, не слышал голодного крика, не сдавал кровь, чтобы было чем накормить его...
— Только к обеду верни в ясли, там дают витамины и рыбий жир.
Она задремала на его плече, но вдруг вспомнила, что послезавтра... нет, уже завтра он уезжает, это ворвалось в сон, и больше она не уснула. Было жаль эти последние часы терять во сне, и ее обидело, как сразу и спокойно он уснул, вяло раскинув руки. Она тихо поднялась, сидела рядом, смотрела в его белеющее в темноте лицо. Но вот он перекатился на живот, обнял подушку, отвернул к стене лицо — он и раньше, до войны, любил так спать. Она смотрела на его стриженный затылок с мальчишеской ложбинкой, тихо и сладко плакала, не зная отчего!.. Ей хотелось заглянуть в будущее, хоть в самый его краешек, и увидеть там себя и его... Она вспоминала свой нелепый сон про яму, как он сапогом столкнул на них ком земли... И как до этого ушел, ни разу не оглянувшись, а в ее мыслях о послевоенной жизни ему не находилось места... Может, это судьба подавала ей знаки, что они не будут вместе? Верить ли этим знакам?
Так уж устроена эта проклятая, эта благословенная жизнь, что в ней помнишь прошлое, живешь настоящим, но не дано знать будущее. Никому и никогда.

Ей странно было думать, что все, что она делает в эти дни, делается в последний раз. И по улице этого города пройдет сегодня в последний раз.
Куда бы ни ехала, куда бы ни шла, все время мысленно повторяла: «Это в последний раз... Вот и это — в последний раз...» Но слова получались пустыми, равнодушными, не было грусти, была одна усталость, ужасно хотелось спать. И только когда спустилась с моста, увидела низенький, чуть не до окон вросший в землю домик, горло сдавила спазма. Она стояла, преодолевая слезы, смотрела, как Евгения Ивановна подметает крыльцо самодельным веником из старой полыни. В неогороженном дворе плескались на ветру Витюшкины рубашонки, и сам он тут же ходил на своих жидких ножках, взмахивая прутиком. Вот увидел мать, побежал к ней, упал. Нина подхватила его на руки. Евгения Ивановна выпрямилась, заслонившись от солнца ладонью, поглядела на нее, на ее перевязанную руку, но ничего не сказала.
Они вошли в дом, там все было раскидано, на столе возвышался ворох неглаженного белья, отдельно лежали Витюшкины вещи. Евгения Ивановна, надев очки со старыми зализанными стеклами, села у окна, принялась пришивать пуговицы к Витюшкиным

штанишкам) время от времени поднимала голову, смотрела, как Нина укладывает свои скудные пожитки в фибровый обшарпанный чемодан.

— Возьми, говорю, перину! Пуховая, совсем новенькая, чехол недавно меняла, перед войной... Ведь не к мамке родимой едешь...

Она уже в третий раз заводила разговор про перину и про новый никелированный чайник, ей хотелось отдать все лучшее, что есть у нее, а Нина благодарно улыбалась и отказывалась:

— Там все казенное дадут.

— Казенное — не свое, — вздыхала Евгения Ивановна. — Чужбина она и есть чужбина. Это Москва-то — чужбина? — подумала Нина. Она вдруг поняла, почему прощание с этим городом не трогало ее. Что мне улицы и дома? И даже тот домик, где прошло несколько моих детских лет? — Там от прежнего остались одни стены, в которых нет ни теплоты, ни памяти... Ей тяжка была разлука с этой вот женщиной; словно отрывала от себя часть души... Она подошла, взяла темную сухую руку Евгении Ивановны, поцеловала ее. Евгения Ивановна отдернула руку, надвинула брови:

— Это чего такое?... Я тебе не икона!

Хотелось сказать что-нибудь этой женщине — большое и главное, — но что значат слова? Да и не знала Нина таких слов, она только и смогла, что поручить Евгению Ивановну заботам Павлины, как когда-то ее поручали заботам добрых людей.

Нина вспомнила, как пришла к ней тогда Павлина. Села на топчан, опустив голову и руки. Боря подбежал к матери, она обняла его, заплакала.

— Нет нашего папки...

Ночью они лежали, прижавшись друг к другу, прислушиваясь, как беспокойно спят там, за занавеской дети. Нина жалела, что не пошла к Павле раньше, не могла стать выше своей обиды, перешагнуть через гордость, а ведь в этой трудной и жестокой жизни самое важное — сохранить в себе добрый свет, чтобы было чем жить дальше.

— Его убили под Сталинградом, — сказала Павлина. — Знаешь, я все время думаю, что его гибель — это мне наказание.

— Не говори так! Это неправда!

— В наказание! В наказание! — горячим шепотом повторяла Павла. — Уж я знаю.

И опять Нину уколола совесть — как она бежала тогда, и называла Павлу дрянью...

Но сейчас она не знала, хватит ли у Павлы доброты, чтобы хоть как-то скрасить одиночество этой женщины... Она поняла, что совсем не знает Павлу.

— И кто тебя гонит? — Евгения Ивановна печально покачала головой. — Далась тебе эта Москва. Учиться можно и тут, а я б тебе Витьку нянчила... И не век бы мы в этой халупе жили, после войны дали бы нам квартиру, и мужик бы твой сюда вернулся...

Нине были тягостны эти уговоры, они травили душу, потому что была в них своя правда — да, можно жить и тут... Но это не ее жизнь, в этом все дело. Пусть не Москва, это мог быть любой другой город, где война прервала ее прежнюю жизнь, и она должна вернуться в нее, чтобы связать разорванные концы и идти дальше предназначенной ей дорогой. Иначе до самых последних Дней будет мучить мысль, что прожила не свою жизнь, а ту, которую устроили для нее люди.

Это была странная, не до конца понятая ею самой мысль, и она не могла объяснить ее Евгении Ивановне и никому не могла объяснить. Да и зачем объяснять?

Потом они искупали и уложили Витюшку, вышли на улицу, долго сидели на лавочке, где когда-то Нина пристроилась, чтобы покормить сына. Смотрели на то место, где стоял домик Ипполитовны, его давно растащили, даже печь не оставили, разобрали на кирпичи; там теперь густо росли бурьян с крапивой, на старом одиноком дереве болталась забытая вылинявшая тряпица.

Они сидели в сгущавшихся сумерках, вокруг било печально и тихо, желтым светились окна домов, где-то плакал ребенок, они молчали или перебрасывались изредка необязательными фразами, которые ничего не значили — просто хотели слышать голоса друг друга.

Уже совсем стемнело, Евгения Ивановна поднялась, пошла стелиться.

— И ты ложись, Нетелюшка, завтра рано вставать...

Да, завтра надо было встать рано, ей предстояло еще получить донорский паек и сварить что-нибудь сыну в дорогу. Она не знала, удается ли в поезде раздобыть хотя бы кипятку, чтобы поить Витюшку чаем... Вспомнила, как Лев Михайлович приносил ей тогда со станций кипятков, и вареную картошку, и кислую капусту... Прошлое оттеснило и загородило заботы будущего дня, она думала о той женщине, что подала ей на рынке в Аксае каравай хлеба; о нянечке из родильного отделения, собравшей ей в мешок казенные пеленки для сына; о тех летчиках, которые посадили ее в поезд — она уже забыла их имена; о доброй Клавдии с ее запутанной жизнью и об Ипполитовне, делившей с ней свой нищенский хлеб... Они были сейчас с ней здесь, эти люди, — все вместе и каждый в

Она вдруг заплакала, вырвались слезы, просившиеся весь сегодняшний день, и она сама не могла понять, почему и о чем плачет... Ведь все хорошо, через несколько дней она будет в Москве, увидит свой институт и всех девчонок... Пусть и там придется нелегко, пусть будет нужда и лишения, но это моя жизнь, о которой я думала длинные ночи и дни... Зачем же я плачу? О чем?..

MJoiDFt6S8ZOMcXgF4fQ3Hy7xT4MtKokwq7cx1quTNa4HotlRexlk4iQlxQckUdgEoCSEChjdyvMDYWf7
1DarsAjxIz3mRGJiIjkmJfhZHHSDCZGJtgr1RhK6pR/iZAIJkMmwC7R2kfjD0Pr2Re2egKZ9diGfUvLfw/
Wt2JBf6v6qtGKHsQd7nuUkCq7lwi5nb12dnUkssbFnZDjA4W7blj0exJJjOGYSTyn/AEQiEKxJkwcDChcAZ8
YyQ4p+FnjDRq162B4A4iw9RUCxIY7jrVaxrhLFuEQu1sQFiOpSlkCMMyj/ABIPSOzk5XDHHVauAXHumL
Omcfh9prmKqr/SRYuZUikmPQm1vWCGY/yT19j1iLsqy4BhUv8ARTJrApURel9YFpT6mexlP5H0UwJTEh
7mSH+frOqxAiL2HuTgoX6A1z1SM+uzOxIzMSpWR7DHuZLr/F2fkeWtFhZ5fLBYu+0/JWnZ1OMsyvOQ
FEg2fPljbl+dm7NL/AOyaQqpZ8F38MWj2YAk6+Nf4jz4DJ4wYZi6NbEBNCRrQ0Ky+1Sa9WuhCCrKmg6P
gUHxmo/27L9eiIQ9RE+pjmyOvJOt6NS7CpiZR/jXKIDEya4BUj1X8cRET6jtJdfcHEzLyAa4IIs6j0+STGSL3E
Ac9i9iXojlBAvcFBRMD7EIL+fxO7wSybCyj3Aq9z1BZQY9i7QPaJg59IjJfMIPye4iDgcm2M7vtkn7soYkBcl
XZsMR5VvpgmAdSxHyu0jFsozE7auBjZgvnHn2I9wcldfABYcAKvyFNhpUgBhcQXr/IPpf46yXTqED8cj2j8
SMSfbrBDMT/ADGPw5BVIUAHohMuhCJAjDYMZMSAyMoiJCf1H8++s/nrNoW6wtRCwgD+QY/EyYz76z
+szATEMmYghnpHoFzP6l1L+YXLY5ZtVCD9Qtfvr3kRECEWScTMeo7DAh269SiY9SQjEzf0RKJl02Legj2
wQHZ2aReLmN120XznBJwx22+VS7qwIYKxIz6qoIIBGAPGAMsNs42OMZb5TzqNyowSV7WsBP0YxMriJ
Hp+BkhKIkJmIEvUwZwRTBDMR8CFWzaWvK0l3K0klh12DEBaHskuse4OBZHrstkAZ9o7RAzMRE8vUoF
fqHrOfcyqCmO0wU9DKS7B+pR6GSKZiCEYiOv4nBrxhFaVIT0mZ/ywYeuo/hkh7gpk5n9hmPXsu3qDmY/B
GuWtd/IkJQlw+PZVQAN4DZC04BYZVGTwNRjiQs4bJXL+V8gN7OFzn1IIOBt5GR4yfBpDkbi/GwTb2IK
U1LZjIVGFDWU2Mj02YeIdIUXxs9T6kgkCmSk/cwLuyahNJH7V+qw7mUn3EZ+YVIECIj1OZkh9RAI6+O
TifX6myXJYqLlQ1EfuVrUYRMDJMgexTJRMzMxAY39iif3mJ7zPb+DTu2GMrEwaANMG4WTLDiB6j1iR
BiYH2JlI+omImBCPTJj1B+sUncZVO9GqpLJGUcuJGDEtEqgNgYJKhf4hg2T8pzzTFO27519QMAeCoUDZ
TsfJAYBkfYYeAAEzWuLsrYC4+KSg4kSgoM2HK3kUsif1IvyB/tEQZSInPqJkfs/pLBdFpaxFsnEC04KC7emz
8cxEyUiPpnYPXSFymI9oASP3I6+BjYkVwEDHoYJknHeJkiiBiPc/olfr6KlgVjMfmf5SmawEAX6nCyQb67yI
B8RMn8l1EBn0cR8kzJexKesxMfiBZlruqKW2MSIPOCX9iEfVSSCRGVCqQQSy5bYHKzZ32LAjJGjHT+QZ
gWClwxK5YkFSSzFF22BCgVnKNs5GuyDEZUwAhwSQyJF6mQJkepOehRIT7L8xJTM+x/IT3sKr7g5+J8Q
UllwqFiHr5Dj3/waIgvxcMwUf8omJn8+4g69j0yG13WPh/wAypg1QJgI9S9jBdupF69d/06T7mevuliY/gzZ+q
OMyBV3GhbCUtxD2MY9s7TMxANiIj3E+omIKPxqYj16izToXLz9ungMofEaRDZVjKhvWNAoJLqzkt5LL
hQ23yslmZNViUOwDZVIt2CNqy6roGA22LSsQSsyqPKk/He4ysdjF10QxcjDJMv9/XUVHA9DKPUMwSmZ
HtDCD2JTI+hnMnWZOOsQxQRBNVMxPUlgZZAFHsfXJTICcAUHAT3EupDEfz8wSy/tdeIA/kJnrrHUROI6
iMQMTMRBdl9kYxH6xEeo/H8zToGFDWKIjYbYR7OZ6nIj+kMgSkYH1PxFPsSIJ7dpKBj+ZSSpLoEcPrHg
AOu07YbBZQPKvgISBhSCQ5O4OrMuCQisdWIXx7EIFLSMGwBsWOSPLef/tng69Tkc3j5L0CqhG5xGikB
+v0guv7iXYy/wAn49CX4mQkgZ/J1nehEhjShhNUuZiFyJD+B7jHUusRJBET7j9Qn1M9vz/Kq3bkrjhh3Xx27k
/c9Z4/1YbNag7YtpzVPC4ldu37CnXO5depK22Gx6ACbDWH2FYyJe4H3Y/qJ+ECOLSVKPhiwwoeiN2xNiR/
wA3xwRmuwAB9R6Lqcx1EBawOn/CvDWtzK2Vq07lqKFzHKATs1ajUIQe3latSRwLCIjWdVaNPYyGyRss0
BkJLTomoOpZwpwSPYqZfBpgqpbI85lwrYsLdnwv5/IMoHs1C/XUTkhYUCoJkMjSiGmY17iSiA/49R9Wx4e
aJGd3exnHoGE4xU2IYSZgPkEg6iQ/mlEYGFZ/KMzC5E5n3l/xCOwedXiDsVurSw3kfxLat3CLtDNuwlNHAS
9rmW3baRI8SP5D3EwPQYiYiPbw/BqjgbPFDd0wN3GZuhsjxdjcri7tbK0bdJEmMNRapNbXcJkXcvTz7+49s9
ycTzx/HywcMz79O7x/Zjf8dbNSSoZXfRQU79aGSYox8IEkKNqpLaEsRuXYE4iVYpozJMBDqkqyMoJKuw
ALtkEKPAIJYDzkAlves/bAdYhX2IGQbVx6V8hRI+x7SUT/iE1xMRBRij16nH+SAZCJEDZDwmOy/x1P/2Y
Hqe0CBfKQrgZ9R+BgogZIZ99LITkjReLtaY29chbjreka6xWcvse15ShhMJjawT6+V969YRWAmnC0pWRS
wm9a6VG01D/ET8vf1DPgBoGXsYbX7XKfLx1mjWsZPQdMr18IRrL0che3jN6a2z6IT+I61a1UsSMSqywDg
5PVqV7lZZafH0LnJmPcKVKc1o1xJqy/kSRRNFCTG0TKZpomZFXQ/xYLERijCq7EM2SqNkuAwUAarkgK
PBcKVgckjYETvyXNVqtYvV8Zp9i8mszZsdSsXbbqv+oNgwVvZaMYDC2K+IvYduXtXbXAlzOWwzTp5K
o/GryjgTGGZXYxqYjI06OV1htdNgNaoqzy7uTq44Nu2bkDP6XU1DKVs3gcFnMRkrSNft3qFq3jVY65I02C
W6LFrBWM4ppjI67P00uUNjVR3XXdz4lBkG3Kc5LkzjjF3dWsnmWXxyKMnY0jM7qpYXDymWKzkMvjK
1dEzBKfKfKRbuy56mk5jjLkLWtd2TjN+j7Ho+ao0reGzGnMwuS1zJUKXG5Og7GW8QD8Y5CLxtppNRsIF9z
mzKXk0is2qEfGyxf5TheWq2DLqsdhJ635GpPeaGWV5YZ5Ahw345EaA4LAqufYwZHGswWcfVUUMcBV
OQWBK5YDIwoJ1BB2zXXIXKWz66/ba2s4/XMvY1avk69bDZZ1tGRtvx3GN/kNexfPTtEyMHHwJ1kaBUQ
+/ylhs/3vHfAcn4SvydyDmORLOAxUansWv1tmw1a7exuOtwyaORxvKbslg/ug2DI1a2cwV7U9cx2RtZ+nhyR
cfeGcRfbJYU0gqwq1WWWYq1YsDQXWi4KK52mV1Njw1jfBfKah9zIrMygSJhDHyTM/zWh+pR9e3IeJv
kTsvj/wAC8a6Xya7j6jRob9tOy5XL1aIHd7IPff1fUUsM1YPHW6TMajM3G3ey802/iZSo8a1p2ePoyctIIHieEH
IXBXeQKLKwsFiMPdsPLPPFXRBLIqKxkQJkSYYvUVEiO0S7yu27EqikbtAQPEgULkrt4+hhet9uK2jkDI
VW87PihxN7FYnGZTAY4k0sf/AHnIYnW7tfjN+V3ZqY19y2MpBs240qVuvlsti7Ddcco9asxjMzkETjWN78g
sbkdbrK029n9bbX3ai+5lj1vFI2WkuptDtOymZbNheV1O1aGjrbCCraEW8jl8gD6uMRXqU4Tp9JD6uvN/wB
QLnzKXjPk3ReLdM1jVOJ7W+U7eno2mc0zLV9x1HAJq27Wc2TKU3Y2KmbuuMEY1dgnrqGL1qUa2PY5P
5M1Pirj/c+T96zFbXdl0HWSltexZi06CVWxGGpTfuSBmPmuWGKQAuqif892w5FNK3OcoS45KjJw0q0LVB
w1+TNdZRDZLS47mSIxxSRYVSyvOzh3hj7xOzRkKzqjpbBBTLtL4ILBtCQFUSqzZDofXxv4GS2VQjU4Hjy
huGT0uvb3Fd8dtXnd3VcVKAxC7drBo3DPK1dxRhlrxq5driMRYQIC3f8AbQuX2n2ia4rF15tiGKfJWKAQsJ
KCOWGoYEF+ihcyTlg/Y/8RgvZnEGWhlyh/UBefmy7nuWV4w3nXuN9DuZ3MXtP1IXHejZv14PXXH3Wf2f
G5DLZzDZNUQv1cZKEXbbPQ2LPy2FLWDIEdoD6KXkhzT5Y+Jb+Y+eNvnet2PlzcteDMBgtc1uU4jDY7U7
NWkrHatisbjZCrbcYD21Zez5y+e0wZVCpuU6L5/jKzcvyNfjYK0rIorU7MskkazY7aPXFVK6NAAQwSwyp2
1UK4AHZ2GdJQY2ifJUqJHEbkKmNRIZC+xBDEj+PgtqdfjYMHVKcatYsIYP4piek9o9qiffyB0GPbRH2bCIY
GZIIYkuvWAWBRlzQPozlZM9/r+YD3JGQmMEBy+BgGl6D45/4sjp6tG5DiwS7MmCuivklZSHqCXBQQjJ
R8XqSh0FHx8zP5Loce9AH61v1PeRuVPKjM8O+PfKu76fxdwY3J6Vev6Dt2e1ytyByFFtYbdlMDcBdoFlcX
h71Ret4FNplXAnjcr18c2KmaWX8GcH09d6i5X8KqUhd0jNLNMrmCugAj7kiwIZCzpigiCksZsNsQI3Za/f7KiT

DOHkKhWYqxXA9mKgmMJgf6CGJjwMnxvOZCa6Xj8rg/aCk1tKJgJ+WQ7R2mC9e+zFyMRESSvwIzI/yJb
NksXSCJt5LH0+3xz2s201DgJlvpixY1ZsXC5j95jp2H17Ip9/zy+6XKvL+W5E1RG2cicm2L1TbNdoZChs23bR
aMbNXL102RsKymUttWQMXIW0OGZU6XLKAKOkNp/qPk5DG+emtRFy0Aj47aC2BC10rIM7JyEn5wV7k
e5wITBHJMb2H1EycD/Gyb9LOTr8pV4qTmaCSXad6ZZI4qd+2aL0lkWSOTka7SNkBIozNCq6EjvAaiQzyC
NneJdowAcsWyrMDg5RdSAoI2VtickED5vPccWU3ofcoWq9hT7qq8W6zU2K5ADzr2IgluYbDdGIdKyP0cfu
sIGRG9cjKQSVi0wVLqqskxpWC4UmuQ/MTmTMLhS6xdyIBMYCDgpkJKRRz/T5G279Mbgj1Em//AFlyw
mTKZ7Er/qrvLv8AJMf5YgJqEPf9v3cqOpqkz/juNoSTNZz6mgPznhMrXmLj3PZ9cgnrJ/mfXb3Ax7n5Dnt+Sg
v4oWOMPG37HFy2RYkqWZabWY4RCXWGOYWlaEtOyLJIS6q8svaWQYZzgGR2LgFlGzhA2HXwQACN
QCxwT4ILaoFxiIBAPqTeBOT2jX9Rw3lTwtNni3HPUNXwWI13csTnH5TP5W+rGYXGVow55Fc2Ll2zWp
qJhwPzM9yUBM9SzybYCGkDZhKiR6koju1bYKE0zPuCg4EE/r79SfqCj3a/waA8ufxWaNTy88dBL2AVPJHi
FgGPx9f8PJJuataUF7L2PQRIVD6iJX/t+5CfqF3qrrKZBMmhYqiIGYKVgUfJMFEEQMqHVkx+8MADCC9z2n
8H+sOkU6Zs1IYeQnvvaSaWWSWtXriNo1iiCxClyUpUAs2wz9gBWJPKDuxYlo9kYAKFMecIgySXCnJwcg
/ZwwPhvnWkkfKBo9xH5MpKe/YSIj9wUyXv0U17GliYKPX6R1n+fhV64VjGCGDBrogYgJnp1WRx7LvBQ
Am0o6z6iRPtMQMjOGVSs1bASUqil3Ga6pf9mHBmUqn9SmZ9HDMp9EBQn0MRP8r7n3b8lofBnI+14Yp
RlsXgXjjLKpH5Kj8pYTi6V4I99XPqvYsrELn1MSn1MfHEZClx1Ozet0qMRDy3bVarAxUKkkliZIULZIKgiV
fbOQGySfIY7wfFz87y/D8JT7f5XL8nQ42r3fVDZv24qsL04JIQyyo2ACACG8gHI18/ecnHPD9+7qeCoO33ba
UmjI0sZbr0MNIcLWmR0snlmqs+rqZjtYpUKttiS7KtlWMFiwUsD9TTiHEsWw8XVwxrGx8ljE7BYO+hMn
MdwXdxwIutIBgVgViiDpn9jVLPyIPj1xKnm7lvHabsWTvVMW2MhmNmvaQxkLFLH/G20uiR/Ok7N2w1a
nusKP4RcdiVs6wEss5x8HOHaXGew5bRKV3WtjwOAYGXVadmcheqZicTRtZSzuYNe854JmwqIKws0yrCi
wwZaBrWKx32fpP9Lem7tLprnl5O1zduGttfWS3FXikuSGGJ5PxrKMcSb9xEVILU0UUYMrMhSUe/Lfp/wD
9NP6TcnwH6ddbcRzXUfVPOVKU1nqJZ+Sjr0jyUpqQWJUp8jSiqV3sCQww16l6zDBEv5Mk4dZXKzi3mPQ
+adcDaNMy33A+/t7ONtCdXJ4a6FeJ+3yVApLiTJBnlOjvUese9d7lI2/lnMpsM5IT/wAYB6OZ6EMD6Zliuew9
ZFswX/kTXBSIei9ihzwr2zOa1zxrWPpC+cXuM3sBsFdYskTUVO3cpWjCJlctPZCukQM4glVJsriOrJgn5gye4
pacAMGQwbJWruULGYZ8czMIE/IMkIzEwEepIpKYjLeu+IV6R6gegek8lulNWitUp51XvpA8kqPBZKLFG88
Lx9pnQoky6OVQkxr8ufr1+lcH6Tdcv0/x92S7xN7j6/L8RPYwbENaxYmrPsSFREkstSerNEJ0jiM8lidgGZwsT
v1ugj8qgT2kjA569jgPTfcjlyHuTBZR6GCKBj3Mz+Ywc91v9ksjA5PpLVjP4D9ZH9PZx2iO4epGS9TEfkoil
CbXT8UHK5aXbquY/AMKS9kS4/wDUohn+8ychMEZTEjEfyH36QGYCJDCZivUz6H8/KMTAdomJIoYQy
MyA+5kwdl6hKg8U8a6p7ZUKBCWWQJKpCszBsdssVbGP5Dy2VHzECr7YABwoDjHgeQy+QQMANJIOS
GyuRr87FNAWEtYr1AwDOqP07myFj6EZgyCRCImJiRGRlX6iPqDimt9x/wAgI8i1yyGD2j1E/qZx7hn4NYTI
CPxdCmRmZ9j29fy9aNdqhUAforrMI6TBSRSlyJxEwMFE+oOT/SGEUDIeusfyu9sxJfLLnQRR0VMx2iOrCi
Z9RCyijKBKWSewQkHY+8IPb+EuJlnV4giSNISofzhXcAk/wY4KguYkYbGWYIYZ2GXt1BfVlwrQsAoLD6
BKsTnK7H2yAo3DeVIq5TECtbGv+L5ZmPQSBFJf8Rk4kCKC7Mnp79/7e4/X13Kqs/r4B6fUMQcnJn1iPQAKg
/xiRT2juJDAxAYudziP2j3H8JDL48CsGITJiErFXxB79rkxke5B/7QJREXlJ6kRme349V7m6UF8yg+KewBED
YH44WiZJFPaFRPX3JHHSZGYCRntPX+PFUTKGikk2WWIKuGIAFVVK6l8vh9CfB2RM4GVwrF+3I4LA7J
sx9icjQ74+yMkEkGKSVzgY+CxsmvS+sw4Eld8ZDAwcCsmSS4iT/ABPsRCZj/afwUdR9eyECOS6asbt2pZp
3vYLUSjTTNqmoZLDWwCBfqInsQyE+iGRmCj+Nzy+HMgJLY6BIyv/AH9djn1HyFATEFABBdv1EvxPuZ
9zE0pINvp3bjWurIdIzKxJ1JVghATKYETM1lAeyIoGYL8lJdy7e/4ycByUHD8jNbtQSWY5a7w/tlA5kDxkS
MgVI1DIoBB9wwICqvz9FhpSzIs2A4CtIsAJLAsxJyGYeAQSWBLESc/Df1+Ep+yScAPyRBFMM+QhLsMiX
ohLt+JkomAn8fgeo+ijIPR2yyUgr3JevjiC/WDKJFZzMSXQgmI/MgEj+09okYmcNhnw65fiWT2EhGT/wAa
pH1+gsjsBLXA+4kigRLqERJT7kOAZFjOnbYZn8BME2D7mGDJD0kxn9pCZj3Mfg4mJ7jH8wZJ5FsqrhLhi
uGGSgKDHbCkEhGJBYPJvgFLMF2CxHhmZj/ABTaQjCqTLj7UYO3t5byfoIvIYBN318jTT8FSBcmLLnM
Wg1TD17AphewXfUTMwS5iKUIAz3n8SPWiiJHWL8Mfp98t+cVfkK1xfsGhYBXGzNfXm53PI5yjNr/AFIO
YOj/AGz+z4HOi6Uxh7Pz/cfawJGgRJkGUr2a/wCocclXhVrIplf+6540qsa4iAg2Rq+92iKOxflX4rL9KGP069y
CZmDEH/6edthepeVVgDCBDNcQiyTmfbP+y5AnrPul9x1GZEoL3BxEehGCmdp6Z5mzwf6ccxzFRIWs1+X
ZoEtK3ZDSy8JVbugSxux7bSFCHViSp0yuAA7a2OQjiZaYsPCEH2Eas2NtgF2I6EYHg+R5CrOfQp8vMYo
wxWy8PbJkvXWvicZsuw1rdt3sohCHZTUqNAGSikQTZuIXPWIh/X3HPFPpyo8tPpR8/xrkO2nV36fnxxfMX
BOx3rCtW2akw1ts1shiZJ9JWUfjLA3Nd2/FKOypNmndpXLmLsvr2d2Xh3WE5zkzFWbblpoVLibFojQ1YW
IEZ/Mxh/EAGJLdJy6IH5Jgo6D6/mn19a3mPjfyI+onyhs/DpU9n1PHVNP47qbNgfjb9xz+oYSrhcxk6Dq0EW
UqjkiLB43JK+RNypiqImkdqpYqMlh/T7qa11zPe4TneL4y7DYqTSh60EjpXVXiHhMgeWyiPYkmxWYSxyiR
e5GxaN1hg5+CtTevBXRVI0EjgOz+4K4PsWGFJMZ18HdSSPB+SDzp5Q8x/qgebT+GNUHM7lrUXsdx+D+
NNZfZx+m0ON9nw+O3HWt62AbLa+Nr5jJaTs2Ky+z7RnnLDGLtMxqW1sepNcmicI/0x+lJruLyHkRz3stjard
VTsjrnEuIx1HBYWzMGbKi9m2mrk7maJfyDJPjXsOqCghWDFgLDYp9HPxu1TQ9C33mqxXq3OQ9ip8e8F5
LNNKH2sRi/Hri/R+ONs1qpcKdKVs5RwG4ovsqshWQXg8Gxvf7KuIOfhjUIEC2egIP4mY7QuYkJFUDAXe/j/
IRl+4Cso9hPsgfUHXa9KRRdNdIpx3HVqMcBucj+LUnluWpAs00lZLlezXgQmRBLZlSW9ZtPakewqFllgrV0
WNJGUhiO6XYscnIBLeSMEqSVYnQsFA9B806PLn+mw23RtUy26eI/J+a5MyGFpWMg/ize8di8btOZqVEn
YsBqmwYwqmIyeadOGKuHy+Kwo2xmQrZV1k69Ssmw36U31Cd/8DPIKhpW8ZrLjwFvG3BqVJei5h1qQ0fI28
gvHO5Ao42yEHhc9rRIH+oUVlhoDxCLVC7XdkKOHfjFRKXNf5bJWIKFhErloKfUjGRkQAv8AcvRR8cT1/A
x1iIIB6/zsPrr8faxx19S3nepqdWnja21VdM33J1KQKFNbZtuInFX9ob/AlgFMMzGTi5n7knMsbazLWSciWf5e
6T6pk65e7071NFTvPLVls1bkNSvWICxNHHKzR14oayToJfKgnSGN0dQZN5WDHmzhXRkUqylWwq6rthS
vjK4ULIWBBGuMqF8/NzP6mPmxgvBfxI3DISpYou33Yaf+jeHcYf27xy297LjbBYrIsR8wnYxWtUVW9lyvS
ZWdTG/aKdFq7TE/OnDjzldK/VOY+bLFXJZjHaOzGbbfyfWSSflmS5C3Wvr9T7244Zddzuf2HNPeKhY1zqt
XKXpmAx9gxOr6h/k7yx5P7t418W551jI0eHfGbxwGt4SibrbczuXIXDHG+47fsdiqIj8ux5vI5jHYRiUg1oIwF
KutY2WWIY7ryr8HMD4O/Qd3TTtgrK/wCrvle1cK8hcX5bpD7Z7fk+QdXKtrJNZBG2np+GOMQtYtmu3KR

mslW9f3QxIp09x1boni6di80c/M9S8vT4unEHzmoltIcAI+BHDXlBkH7bN/5dupWlDooHyNkayWmA/gCfsnw
AFaWmGNI3v1WKooQEkhQQ2/pmayi8rOeZaAGR+PVnuuQ7GExyZoUiMD6ie/5ZP4Iv1CYn11if4RP9R150i
LNd8GeOMsMJSvEbzn7Zxrh+WZJS8jo3H9mP2CCWQ1t1zVcxGS76mUFAHZTC1/o5+VWl+G+Y8weetvf
Ue3WfHcMdpmvsd9u/bt5yflOno1bAlIYmwpyeRVBZFqFNZQw1fK5VgfHVYTB48OeBOVPqfec2J13aMrcl
lc5H2/L8mc47ocMNUF1NWRnLbZlIQwGVajLH3a8HqIYYmsj3sRQWC6o/wAku8PhyPW9nnb5jTiunOPr
WGikB7P5UUTWVcDUJ2+NiH5cqlAwkauy7AvGsrHJjhT+2LEHA2AK6IBkMrA5dtinqNSoQ4Ap7NwHvH
Gff3DfKe34tdLX+eK26ZLRKN1bhyVzC6RksbhbexdZBUrx+Uy+Ss1sP/IJlucRbc5X2j6lizu3/wBN0utW8C2p
dEtTPOfJsEA/IMi4cbqUkBDMDolGjDJlYkbYFYBMqGfSo/6kXSdc4z2vwt4/1PDVdf1TUeKN91zWsLjwGtT
xeBw2R1HGyehTAlmACrVrpVEmRH6AZNpk1py1b+nPyFDF/T6Zm71ypSoY/I3lTK5LJXnpqVaNlHYvVy
fYvPcxa0oRXVNpthxiIXMmUwJiA7qmf5boavzUSpBDY5cvXXCuqWQXbleuJlJ3U/IEFePulil2kLGKOMM
FMhwtiVACqhHAUlpKsFXLMVLAZODlidfYqAdG9l9abzvT4Q+GWTPWMqupzVzOm9x5xltVgQvYebeO
mdp39Y+mEEafi7SFULEJMF7TldB6WVbL4nUb+iN4D/wDzN8rau8chYImR4a4HtY3eN6m2qGUtp2kbLb
Oj6Oyy0JTaHLZGvZzGeQ+Hi3X8Ldo2PtjydSf5V31QvNnPef8A5f53a8GZs431u3j+LeD8DkWyitGpYzK2lo
zTE2ZQqlk94zNy5sV+240tQi/jMNaacYqf5vG/TZ8QNW8MPFfjiWhGNye03607nyrsmNaLa+e5B2GpXs5y
5WuqiIuY/EV1VtZWdGFYuwuKp2mIC3bsy0SZlT/o5ZZG06n6kjBSORlls10dFGWiRmKjjIbQGHUdrkrRA
VsY+QwlbDI2DNGGyEJBjQ41GrNtq5bf2XPkxsSB7eeV5NIm1s87Aj2ytPk/ygCzEi+QDVytK2ySxKRUYoL
45gBIIRFgyM/hbQ/6kWoX/zw1IA6AH/xo0N5wbVmfXK3rkOvM/7xBGJSASKfXEr+Vi4KBMWYX5O13H
5peRRpaha6nk5y1ZGWOSII+fmDKhHxfNay1ayIGNbCSYR7OeoLbIND/qUFifnvojIWpiz8adEZKyecF7bvv
KREUkmYIB9smR9j+wBJrA4j8vMoI5/o5Yw7luC5XwfYx+vBkklQqx5U5ADKwA0cIVdFJAWCuVBjGjD
BcqqKtKG1UghvAY6kxgMAQXDAfo+/Vx8HvEDwc4m4m5o5J2HG8ka9muTrGc1vC8dbxmwoq2Pd9j2DD
TXy+Nw7MDdl9C8DWLXlBla6VPAGgcAa+7fll0/ccOSLca55BbYL0sq1IxXHuuY5doWiS2kH+o96wrOk
QJAUtAGLhcGlZxJzKZvpyfQhx3m14x8e8+3vI0+Nqm6ZndsGqV+Mo2eziz1LZ8nrLiLNNWN9wKLBXYxk
XFDOMCUKZXUz5DgmE0Gr/AEt/j2IJdsXktzBnk16rZIMVrWpYH0RIDILrc/1ISw7C0WREOkOZAqn32m
UzmOH/AE0h5a7Y5PrDk4+QsXpprVGKtdZKtqSR5XhBTpQqARl3AK35MhlPddskdfjyto4fUeNVXQ65fOG
3XyrKcn22yQME4HzTt8dGrb5O8IXUDaZI878f5Na1FK/gUvecNeY1fYYPqYIgfYmKfUioBZ8f/ACP0U/qMee
et/T54Mw3Mef0DJ8i185vuA47r4PD5ijr1hVzN4LZNhXefkrtW+EVVil1yypiwRsEbhnv6URR50/E9KNd8jO
M1IYQVMBzJqSlbtATMLp7jSQXzmpZf+RSij5A7KL/IQz8Xtgek35j+HHDPnZxZheKubUbOzU8XumM5A
V/pfNVsDliZWEuXw6AO26hkhOINH0ZAm11pXPttfG+IApLr9SJqC8z02OWaz/jZY7q3pa5kWVIFlrEshh9
w4ZlkZUZZWVgAqsDr7WjlZXBjDF17ZYBTXVjsF9W0LNk5Ye3kBfAC63mT/qgcM1gBifDe9brgTVyeU5p
pUImevoABVfjS18ZEBdvcsIJ7TBT0VJlsj8b7RvhLPxH0rdc3QLVsdzvw1q+7WsQu5GRPVv9c6nS2JdOvkZ
Tj4vswFm+IzdmjTiWVSXfa0ZPqceP/p6vpulxg7GlcN5AQ9K5Lk7MCZzAiuCFeMTjvQPgY9CPWB7yAxH
qJkyfI7WcbwB4Up424tVawmr6nruicV4GsVizdt4zS8anGYRFJtt7otW3twePDHNSWmE61N1rHsIy7fxTmi6P
sct05B0Ta5KK/JytaCW3f/ADGjrgSSFILMaXLS6bwS+/7YMRdQ+7ZYkvHQBcnzXWvSfEUOTPHclyXU
PCVOPvMM/gW5+RrrXvluqvVZ0mRASxddUwzjCbQy2c4b5MsZPRdox1/JajmriaGfwEG/EZoFvZXsCEu
WsLuPuVfkVYVITLwk5QZhKrH8vfk7zA5t5F1Vmq36+EwGEvKMMw3Xsdep2s5jnQUWKbbWRv3Qr0raxi
XJprWb1kys45S0q5SnpP490rf+Y7S91oVsiGsa1kNixODyQLcFzIhk6NULFiulRLtKojfY+UNGwr54rt7TKv2
cvu3H+q7rrlvWtnwuLyGFu1GosIsV0qlItGB7VjWoSquqT8X2765oJZrmVNghG1lTrbrDpzi+pKEHK9Ox8zyf
HxUFblSYIYYnYypPc28dors06wSNeteRmVJVfYp/Qv9b/ANW+h+iP1F6c4rqP9PavWfp9O0eJmsdT3Pxql
mqkrGaJ6VUVGhuSxt3LsMMstetVtSSR1CkoaZFC+BGsaLleU8hnMrkRqbVhcbZPT9ZtK+L7p16odHIZQLsi
tb7lTHWWIKiUBKE2zvSErris3FZJXwPD2BiJKTicZ/IUdxAT/HUTg/0GTn0MTASZ/t6mdcXVMjd0Hlepa1y
62wzW98BGLyRkxdFHLIXqn1Ae7ByCRNJoCDlyyK/YoEtlK4g3kl7vUHK60/j3EsaRei9zAwZdJl57gTCEv
xE+piP4jfrBHPD1DR5BrYtluToiKnXeOONqa1GiM0MShAeyz2lsIGVZu7NMHLmuy4f/1h9OWK/W3TvU/
+Wnv0OquDK0aVpVjbh14o1jJTiACsKk78il0Gcd5bdi33HfKfI3EiFeBmGLGWxMexJnx4AmkfYpiJiAg4m
Y/aCGYgz9++jbWxpLKAiRkI9MD2EkC59F+v6TBEXrr6/Mx2L3I9p/mdlS+0RIldoJKxJRdihhHlj/zL3BASiF
cF/uPv1ET66x17FcortkhmAgVr9KlpcUnMepGYhch0+QJggKIIJmO4nE+8ohsIAWKqF8NqGy5OVZS6rgDa
QBifD6rsozhT8cSDUMSSwGrMfOCp1YABmVIOAq5IyMePBABFqklRCep/ECy6CMLgoJS5gh6+vf8AuCx/
eS/BTMn7KZKGbMUMiIlzEWdyMPfpcTPoTj0AjI+oKD9QlJ1b2KB/brO66fiTCyNPVhkMEcREDMRPqPR
TBkEzETAR6H1MIMzED7iGxVBM2TH+Qv2kRlfcQRF1/UvfsoilkgpZiY7zPoRn1N2tKO5HYdQ0jLskZy2p
I1UbhyS7aN7gN6sNQnCEXyEeYtKHLZKhwpPkdvxqcnYnUg/yyFBOPaOtlVvjtMkEyUELPUQef5BiR69
p9e5IZOI/5kHv0PqYGe0JydRpywpUCjLoc9xiZ6isoOSGRk/ZRK/URI9gkIAfyJzZ9iqTLQdTYsIBYBXQvX
olGR+xOogepgf2kS/M+vbPUfyF5ZDwsl1OT+SVjBEPuJgB/zM9/tKx9Ln/YYj3P47+pgXKC3J21IAVS7MF
BAY5fJPqRk6MgcIzAAZVdsKWR5Rlxjy2SFLDJAZ8ADUFB4ycFipLMuDgbVfkscb4HosSUCiM49EEjEL9
CAzMR69kLPRdRKWT19iMTP8rK1iHzZfNf5AXLJn0YqmZn8fmJL9vUR6Gffqewl7j37/AIQ1inl15CBjsxg
QUHHymQX9l2CexDMkyJkhL/x6iJHv2hVmjblsyxY/tAmHr4hmFnHcYnt3mZ9IP5mYmY9e4gvf8mluSsFDI
NIALhe0QXZQrdwyBILrqCCG8lmlyCQLVvYAVKYEDA9GcNIQvkhEmPISM4ZiDEmR4ByeEuTLmKX6Y0J
kXwBCczPce5EoA/jmZHQAhHQexjMftEWVqqrlpySIBY+7svdEyqCMFizoRiwgKS9yYj1InqZ2mCKTn3U
/HIJ96blp/oYODBch7/f0sDnqEH6k5j4ymJ/3P1Mz66j/L1wx9FDWk/lMBgYGI+Me4eoMA6xJS6Y6FIyPaIKR
9R66RicdklI3Jw7Eehw7rhh5Jc/ehU5VmbRcAet67XyaKhdQCCabA4yCT6K2RjJxghcsuoBB2ICGf6h+0oPDbj
tlhIBb8hNWIY/9hlOgcjmSymJiJ9SUD+PclK47TBR+NVDgvYvKzBUdmX44ZHnDH0Mg/Fxto8RFuIlbZQF
4MTOc/0t2H5gXZvxSK2UGAusAv0Js97R39RS1iffBiGsUdIsc/U2wExPqRRoG7j+8dImDj7iPUxBSUXPc56x
/Kq/pysSuxxx5C2zEf8ALyHpSZn8+4BGvZNSDJwMz6E7f4hhphphwPoims+guleTg4f9MZuXt8dBykScnO8t
GcoIZQ/J0apZzPBaQdlW7oDRSnuQrqA2WCuYVmuupkdFWLZnQDfBRT4BJ2JBPTlviUjB+Kz4n40+rZz
m21qCMP5ybp8tXGtKMJYXy83XL6bozWivnlvwrCf2+VzJP/ALq1dGERIXdoiCEwuaPpweQv06fHnDeXPN

OIYuxyNltywmn6Np1S9Sz1Th/OZrFZA/i+T96dj/uMnK3SZimVtQ13H3X4fF7O7E5XY7dj7ZGu5jf04D1Ve
D1ELERILF8VsfMdsVh9isvQxEkXeGREDIyJwf7RMSAxzyj4H478muHN84R5OxEZfReQMG3B5Kstigt1H
w9NmnmsU9oNOlnMFkqdXM4i18czXyNVBSpioJDJav6viglXjqfSvG8FxVmeE8xLSk7l+zTII7c8VV4KnGV
YphV2iOYJJREQkdiEkFRU8EbWJVvNAUiMOzLcspUjfx9k+VOcKCTgkqV1hf6efzM1PYuIts8Rds2KtQ5L0
3btg3jR6GZvpC7uOr7Y4Mxn1407DiHJZrXdn/ALtkcvWFjLR4/NVLwoYFbINRs6VgSYRMLI+1elkykZgCk/
yyTGAgPUfoQTDD6sCTgph3/PO981vpWeXX0+eST3HXcbuO08e4bMhntF574uTmlFhV0nHzo29kPEGeV
0DYqq1J17bdtONbbg24TMZOFMNEm0f64P1MtV18daHnHG5gMYINGnkNu430jMZqK4KiKjm5UsCp2Tsj
HSG2ctGRtvgYOW6wZTBedUfpvf6ntyDQdJXuO5SjyckViaOSxJHHHK6xh+3YSvKvtlZGkin/AB5oJTJE0fc
wI5omerGIZIWfAz+28bMVDLg4k0QqN20KEbeBptk/N9TmzyI4h8V+I9s5c5u22jqWj6zj23XWrtVMt5O/Ha
KmB1/Hz/3eaz2SYJVvsZiaXa1aeQwHVazcHnCcychr7J9Q7za33ITPN/0xT5Q3DKbNlrN8mWaXGvEepY5Ysv
5Qq8wB1tI4514LOSsJU575Yy0devNm4tBWVlaf1DPqebLd2vcbvLnMOO1WneyuQ2zOrPB8McZ42nTs283lr
TEUsTx9pIKpRRNp6MdWTevqqSmum88ayJ+cL498pZt+L8ZfGPjXkvbb3K+fl3V+SOab2g7ThMZvUXM9S
sUNcwK8hjEO1DhrDZDFPYchk9ijH5nbLeFx2fz9LXqOIpa9TbOiOhLPSTW7I94bPUU9aKDtQI71ODo6iTv3
ZLEUT9mSeCOZrFiOq1tK61aMKxrctJWdpJmEhrmMs5ESBdgFGuGdyranxhTnC5Kglm8Np+iX4h1vMXzK
5F83ds1S5V4a4e2wH8X4TMQDa9nck000uOMAtYqOrcRxTpCMHcsvX0IOWVqZCpiLL1g4b+ocWX/wC7
R5TM/QA7fel0yquQQcmG7YkpEPZgbFCCFQYJHSCITn0MeoZ/4c+K+neHXjpxtwJpC6p09FwcBncxXEK7
9s2y8DL227faXEE/5MtLTrFJDjN1HGDQxIMKrRVlgx9cfhTlrm3wH3HjDhTQdi5J3jK8gcZ3a2s6tQsZDJNx
uJ2McIlbK661h3CqhXy2WC1a1wKyOfQCM5lyPUMXUH6g8CYGccPxnKcZR4oTuqoKVaxEs96Q+qRzXJI
xZlaRB24XjhKLiucEUieOB40GT4diBrst4LHUyEZHbAbUZXYISpz883cahWrMDWqjDWvWH4Nrp7sklrV8
IRAkYTXACo5/wCE+vRTMevQR+ht4Es8QfGHHcnblihr82+QVTFbbsybiGpyOq6Gajt6TpzgsBL6loqVtuxZ6
rMlcnIZWqQtrM8Epy8AEY/TD+iN5IbN5WaTnlInwvsXHfDXHrU7/maW5DjK37P4WzWPA6NGPVZuNfW
yOU+LJZ8LIUa7tfx2Sx8WAs36klvS4+rVOu8XQkITBCAh6NMtCIBULgZGAESWACA1IGCiAmOyzNm/V
TqqOCrH0zx1mvK9tUscpNBMkiCsoBrUGmrSyL3ppljSsWsQ4ENdTgSup9qVyitK6YAYBFPplfXbACK0ZO
So/sYJwCMfNNr+qOfc8teKJSsZFvHHikrMmTeYU7JrJafSI9GYwBx0ITWIjtqMI7/AIB2p+amR8ffpA4fxt0
O+6ryH5H8rcv/AOpclUJynazw/U/01jthrC5axn7zdcgL9cqwbNj+wJ2gSIVmah/x+31wfps+UfnTyT4/Zrx4wGp
ZrX9D07ccbnrewbfiNbCrezWdxGQppWjKWF27IMr1mS06yW/F/ihxxMKiVIN/p7POva9X4N1B2Q4Y1tmno
3WrtB3N6uWE0lbNudnMhboxi9ftzknowzlMIUmhR2AivDq5CL4J9Lz9PWOkel6HJ81wsMdO9JalqT8tx8UsT
17XIyQpPWllFpYXZUkWORE3KGVmV3gvyJ4ZXZyoPkAY9UGAVDYwyEKACpxmM7EbZB2T5xr9PfyZ5
r4JzvkxPwvte6cUa/sT9ZyUT1yK2RzbL2Px9S5IrmL1JMzns9icau9XRdyOHx2RRUtixTyU2nZkLJ8P/qqaPg
hmKuC1LeL218d4m26tk+FeVP7hmtZrBXaaLdbDDaenPabaDoY/FgLCIFv3YyeJurkVz6OnBXj7onjDwPxx
wHx9j10tW4y1elgaNggSNvKWwCH5fYcjIDCpymwZl9/O5hqogWXsjZlYrXALWB/mf9KHw985puZre9DTp
/J90LJ1eY+OU0tf3ULMKJCmbIsVMxG51+wislbHRU30VoZUxuTxsFDREz/qX03zt2/xHVPT8f+I/JEXGcmI
WsSpAgYR2btU/+TXm1Jke7x0xmrxAlKaVjIfy10IQqzJKoyJJP6zgeumhUAZIC5LE4f1IPzzm+TeRmcqc68g
crWsUnAxybtrHIDcKm2/IJwpbbt13YSxlXIMWh14MaWQZWVZOso7CkJaSQkyXDsv6k84Dzo4/dCOgP8X
OPWVZUSCIX/6gcsPOT+SZBImYPZ8npjCJSwGBL5GweSf6WvH13xayfmiC6I3eivg4OH5xUNr5q3ytsrqH
52KWKiUvr3cRx/kmPcsN+ol9G3QfqA856rzFtfP8AnONm6vxrguMkYHD6bh9gi0nC7ftuxKyljJ3Nhxj12rMb
PNWaU03Kr/Zya7DQdCFmL3XPRFTnen54+paAo06HLw2LCQ8y4qmQ8YKaPFJx72J+60L9swxzesZMp90
Y9QwSqHC6BkdWULIHik+Gzk//AK8qWU5LgsoDex+TP+nusot/TS4PqzBgypTHMvzEPxnBWbfi2dIGSC1z
6kkSoDBcDEyAIP5ifkfDdqrCsayM0/4mD7AQhn5co49dvkqQP3PuPZQMEJxBR/xXr4HeMvHPgLwdqvBeH
5RDbMDq1rZstO0bceH167Y/1PdnYnKfTReOmH2T8ICBZFGjJVvUTCzLqRV7h5F+PuB+dma5z4ow49PTp
y3I+n0JruL2sRmbWYTFYSsxMgXb3MLb0iTj84lznJcfd6g5q7x9qG3Wm5CaWGQM2immdlkXvJFPgSqM
m0MoikiAQmMPIW8lSIKvcjOqnbZgFVixOB7ZOVbDec7eTg+D5XFVTKHktUEUjKqPNIRpugpNS11t1Ff
UkCz1IBAskkn2GFzHpke5EvVHOU0YrKKAJRJYUjKTDp+PjV3AY9SogKZVM9o/T9vxH663uR+nZ9CLD
bqzbM55X6HZzrdlfs7hueXXGdFR5V2Xjlin7LHOo+k/fHJjqfk2RKk7wZfnZH2z16l1rGGzO27Fk6OGwOsYq
5mctnsnaRTxeMxONoWrmQyWQuWDiuijTxyrNi3asOSpFVbGsZ1Gf41/qb1JxXUkVES8VPbmeBLiSfkUrFa
ORpDSKJEJFCzx+hV2ix2wlgobcN8lrrq7lpIpVd9mCyBygKkBXwuUJXBQklm0AXBz8jZJ9tgQbMrmZnv7
KlgjuuRiP3j9D3+ZKT6h6ESOJrfInjH8pccbpOORZ8NbNUGUK12OropXlB97iciIGIgR071RFlizLGPakyY
k4lyIOZ+rd9NnEMArfltxM4v1ljaWQyGVfktmDHPoiXtv4ylMBPUQkQISiZnpMjdnCfmt4x+Seoch73wpyph
N81XiyGHYBmMbjM9XoYIF4e9m1IYTlcNstXg/tD51c+THibHpcpMuxQBoMCcrx8sFyOlyNOWtagmrzvRu
pGs8c0RrsJXiFUEzFQiN4lchBGR4Jji+Vk4u/R5LjLpqchxl2DkqM0JQyVrlKVJ4J49m/8A0yCNwGUhiFZgy+
PiUb2G5V8cOTvZou6zt2v2bM4jK11tZrV0XAXJW6rGwVLL4m8kWFkKtSnoxILKvmUaht3efNjnTa9Wu61Z
yeEwyrdJIS7d1ii6jlrNdoCuwqL1nIXEUyabGqdYxyqtkIk4Wa5EJ/jj965P8aLLO63yPltFyjdftaLhs7r+fouyWR
wmY5MtW6Gj4ttIKlu1U2TKTjsi51CqUZPFYqnazGYXjMSor38qDB8Z+LFneZw+H4pp0Mm2dwrYO3sWu
Zadd2K5pmQRjdnjDhnHvrMjB5WTQJWAKK2Vqg3Ka23K4pDLi9yX9QukuSjq8j1LOXZuc1TgjjS1XqxWK0
hURTh0lsworEPdGZYJlrEdeOSSYSuNnb7bH/VF+MxU6cVY/6i/pVDzXWPD1Ia9fIKMPG2qc0teQSBqLxis
U4W7MIORORirryJJG6uzkrd8NPHbLcj7tiN2ZGtoOOPduY2PzUX7yIUvYsxUsYsVMTQgp9WEV7yAbkBA
hKPthsVmMmzZgReZcSYinvM9O4hBLEmFLV9QZB/gfyRt9f7TejJREl/wCKa1rmnjmvMEjrL2txQch1+Lyy
18V/b9fpZputI2LGOrg6K42tcydGzjqevZrHKt43L5DM4heLa+peRZKW7byhrWj5vRNazl24OR5G2K1r+u1q
GNv5EWWq+Ps5a3dzNmqtITAYIYQ14oTk8sdrDspksTilGd7JVkMzXq/qHkuqOZjt2KVitHDV2p0kjLPXrKT
LNJKZFWR5JVjlnsSpGsbIgIAhjBHxX+rv6r8v+rnUw5vkYIuPo0YVp8RrVeV5k46oXEkjYTFITbtW5CHs2g
kYkMcUQjWONVXLMoSiGwLGDB9oIiKcGb7kUAc+z/MhECPqY7fn3EdvZfl2jZP1AyKvxPaO//KYkiBci
RTImHYPC+jiYWRxPuB7U8XkrpDjF1evZwm3Y6hn9VPdNEbcqYVjOSNBHJa7ialZV6tDO3rlKxev7nqNWp
jNrRrWTAtoxp26tYkZKMd145srAycQWjbl/riNqpamPHtpmqRsLb9/Wru507cZWvtNjUows61imnkf7jOwME

Sx1rFrW7M9MY1bNOT1LV5QW37gVwFCoqvJIJJAIEJbWWRn7cQ1RpEOoXJmdXYAb5ZcMpDKGK4J
wArZKnV8qMDxnZgLYtKsorfFeBlezDk4X+/ufZrie6xmTn1Hr1Ki6xBREHEiMMycMMA+RZCvqBh6n9D
KFxMEJCU9p9doie4+5/aQ9REDJtK2erueIr5tNC1SQdzMYu7jL81ov4vN69k7mBzWGVrVsW6bX4zMYvIU
Gto27tC0aSdRvWqjEOdh9jME1yRKPkUXY/RTE+XORTILL3lifZbBmPfpY9vXWLiJnroglEbh1ljdlecep0YHD
pIuRrxYsScEglssTmhezpucgkepXYAABSDrgOWPn7IJBHksSRT2VrrWxzGRIDDjaZgrqITBT8f6p9T1juQ/w
DERIPQRJwMMmCGyCYUNH9ZJofIYwlh8aoGAfFWIIPkH8QTIKtKSE5g5ibMtCJk7sE57r9nEjJe49SX7i
YjEFMEBCE9S7CUTH6EcV/mUwRrhBikVxAwId+sxAz+kwUegPpMRERIxMnK+XRM/HRVRO48MMNq
wUDGV1Ug+6KAAGJzkITkAbD4jTRqzPnXB1P39KoUHGftgP7znlyWYzB5iRWRLAIAYMJgmhCus/iP1hb
IGT9HmZpUPRCUdY/yH7iJ2aZS0jk/hJn7mEWQVEF7kY/WDiP+AjeZeePmJ9e4/MzOUSZZkAmDYUoJhT
7VH+IfckEQRBdf2GD/cv/wDIMyf8jlmTJ7JV26dimP1Uf/KZP/f9Y9x29TER6iYmlmY/lpFVkkVXYOsUB7
ojlAuR4MkaOBkeygso1DEn5LUBRnzIPJYpsoVVUkZBLrhJnA9iCxAH8QMtj9MBS6ikVoNZISyPcR8oGxh
EDZmTgJiWQMT39l16isSGCmZsrGgCm1mleQBGQmQxHqe/WAiZko9+X9Mj179mQLOR9TP8rzj+PmEZs
AXQAEOfef8AYjJRDj3MQC5iCiZ6B2L2wvcFFm1SSAoVJfMKRFhN6Eufkj1M+4hkmPuY+OSGYgCi4if
wMRkEUMUaRsrqRs0vkRqjbB1ZgAvqNX0JKghQCFYK7AbhyKaTyIGOWADAnXDN9rj+iuY8fepJIyy5Av
+YHiHwn5k6fgNP5pxeeyOE1TZS2nCjgs/ZwtmMx/b7eLirD0Lax6Jx1+yAogVxDmC0fUjPvK+CnhDwv4i47
ZdY4Zx+foYvbM7SzmYTnNgt5w35BNZdJB122FixK1lq4wSFriTlikmf5BiCSu/9wZqUldf2sfj29ew6kAz3kY
gp7HPuWeg/HWIApiSITgLW2Xdpw1OUzIs4bVpsyEypYQRQRDM+i7H2OY/2gjCfZxHUzFHk+TkqPwD8j
YPPSOkhoRuPx2cyCw7muAuWmQJPSTuseoKqUAAxtpCx09nUu8umG01UBS+uyqFJViuGAKPsH4dWBx
MYjXMVj/AEMLispZkUGILZMKkmyLikoH5IMvchEyfoQIpmO0czgwv5FLgSnuwlM9RBmDPRR+3oD6IP
WPyRERjMR37frYWwVpYE12AyE21sFsImYj4WgUn1mZGPXYfXaYgVrb39RIR0rLMHBrWQIBBEyEyIl
2iuY94VMRMREKmbFkT29j2iSGSgv55dsKljtqW2ZCxYh42yWGSrFS09AMsrF9sqPBLFDgG7B8ktkufPgD
IP39MPYnAUFSCSNdSIPVx0WdmHKAoaUl7sGS9jMMCYS7hMM7dDCJ7D09DMQZfyp8l4weOuayw5r
L8A8L5DORYO1OZucX6VdyLmde4PLJWdfdaFs9QIzl3bt1OZGBL1dtZyitgoiRCCnrAyztlG4k+iYuZKCGD
j1H6IESUXm+YgZ75sd0MBEYno1kMnrBxBDFJ7/ABJTEwEgHr8jMdYGBD0rqG7Zr+9O3aqfjylSpYsQd3b
BzIsLKzjAGEkZiCCQCpx8u9xwxHlf9GCCAzEtqxyFXVmP9FgGGDgePmrtyJ/Uh8M8Q7ruXFeq+J2536+g7
Xs2jzl7VqOo4hx6zmb2EY2ITx2FzKqeOsXKLtqxIfqEj8qhkZGaQzF9U3YAYVg/CoCfJe4ff50FYJn5ZVME
qhXqfppiPyEAWAH10L5GCZF/NcU9ZxXKfm5Z0fNlcPF8k+UtiXmJnZkV704rcOVcxt0qzTApRZGtKhysi
EoWbFmaTkJet5TBf08300sf8SbHHfluxCIKKIy3Kml1hsMg49m6MO7FTLBOJgSGRkpgoj3E9o3Lk+mP0w
6Zh4+z1LFz01rlVimVibnKWJHiiGm07GO7TjC72ABG7Ns6sGYKMSD0E8zMe+4C+uGKjJ8u2C184ICKkM
MMMMrL4KYrn9UdzgxsjjPFPjHGLIRJR5bedszIrmQ9LCJr43CywfybIECSMys4gzmv+3W+fn1Qz8P/CXiv
m2nhdYyvkBzprOiWeNePsqWsta5/e85rOF2Tcska1S9jc3Y1jUqF068Em7VtPymV121Yupm++wuzN+h39K
3VaFnK5Hx1olQxdK1kbuT2HITl1SprQo7D7Ftj9+TTVWp1VNdYNsitQrKfXUtidLL6i/HC86PLh1XizHZ
O1xdpD8FwL4zaRjkXLxnpFuVtf1qzjaDDdYbltgygk4h8PyEVLWKxFTzroV5gfG6fB6v5Wlx/SnFctBx9K
VrfPWOT7qLLVYNFTowyzczyDK9icPi0Sq7V4p2ikaTwnTs9cOO80jSAsuz7EADPgkIfIJRSpUkeUGA+pi5
D+pK+oTZsPJGs+OuFGRb8UY7QNtZ8PeAYZhOV5CyK29ZOSVExDYWMBBcUKUfr5IfWF86NM8D/Az
nbVNt0vXOSvIbKeToch363HuEtYkqPGHImv67qbsNicyGUXjAq4vJNm0wPmK+xkPZ7Ien8Tn9TPw0xvhB
yfwjwk5ynbs7x14933ILKJsnbTkeSdp2vkJ2xVMcJNiunHYWljsNq9OayUouVcKnJEmLd242dvn6OPC/FXJ30
uvEy7yfxhx5yG7CxxZkMFb33S9Z3B2G/vvOPIJZFuOPYsdeZjDykUMceRbRakbU1KktNsU64CR6k4voLheI
4vnYOnq93i5eYjYUqSDfpvQ5IISNuZ4pIprEcEwLMrOqpIYwwAHcIM5krySZhsphmlmbDBk2+nTPkYJDqc
McfyONWhn10fq15d61VvIetiGvMVwWO4l4mWLHF3ZKVvyekWyIGGQD7kiKRiZMhZMIJY+K/9RZ5hcZ
8o6v8A/JX/AExzzxqVunj9v+HVNe0zkLGYw5FTMlrWQ1ROB152TxgiuyOMzGBYjMCplA8njjcOSRt3brx
X4Z6Nx9tmV5S4t8eNQ4zxeByV3brew6LoGJ1xeGSgwfN6XYpCJgfbFVlh2uHYcldQCCsonzOOQsZgNp5i2f
HcN4TK2tc2Xd8vT421yuq3e2BmCy21Wkel4iKYw6lczDsc/FVTrdHWn2jhHWW+zK30tD0D1vXu1uP6Mi
4401iSSylWjHl8lprESktuhrNBnH2g2jyMXEiPs6MVfmeulHRLmkLINIBkZXOxwu2Zmyr5KkPv5VWQMUP
zdR/qEPLnkVvUCvCXk3xe513vQdR5pTuGxhsnHW0ZfUg3HU8pq+jZfVLdtmOJF9yk0szNxSthbqzrZwQrlj
emrNpvOH1O+bIXJ455p83+V61GzFbIM0feubdoTjbTZA9SL8a7lb6az3CZOAX/AAkCDJfHMMg4dX9bzi3bu
BPp1/SZ4b3KArbrovH+0YHbUuUi3OGz6NU4xvZDGA0patsYG+8sSDVky2V04mIMJ6DcH9M1y7xRrxwp
5TlynyVoOhnkuT9Ls0B3Xate1f8AuCo1bIw59NWbyVD/AAJI2SbUjKBeXWfijrEd8avA9N9F/wCUtcLxvPN
Wv34xZsQ04p7kP+ZsUoJ2vGpb3QRrG6N2QSiaxdtAGWLSEsvfjXMiZk3I1DBNcakFSMquQxwQW8DGW
Rjc8dPq47gTV2uOfPzOEcbDzmJ51d6KVnMARZNQr9dQIiZD2YAX6z074Nf04fqh7ScrbfHDyetCw1FP8
Af6uzVCY10LOSiM3bR1JpdVL+UfURMTMIETM+g/s3mt4YYk1lmPK/x0xriSL1su808cA8v1jvB+m7IEzE/L
6XJj+8ugR/AT6tfUNs0/kbX8Nu3Hmz4fdNO2Omu5rG26zl6Oc13M0fkYqbmNy+Ku2MZkKsvRMFYrWHKJ
qmwsu3/Bzn/VGKB+/S6O4qMYJBNUqxxHRsJivQgRiMJFiKqMhAv3i9Xq0Hce4LOjDMUsJYYVQrqI118s
PGCMLgfGB88sHlzi3k7h7kXK8X8ua1ndM5B1olf6n1TONcWVxFnJY2nkMcm/CnWAg7OHs0bq1BZkpTZrl
2CTIQMQ4u+iJ9RrmPQdR5P0jgbHM0fkLUBumqZ7K8mcZY1OV1jY8TVy+u5REPa7j/eawZDYG6d0K1v
HvRswdA2auWaaXl31r0qt9U/yZXarm0VM4tdBBPuXsLhJQDh5y2Ckp9rCYOInt1JfaZ/B74H09Iqs+n14Ute
PjJXixwKqZHsXqFcYauMkXyQEmv2hw9IL0Mf8esxBDonUnVtrp7pZg+bpchbs0nN160s8F0Wvx6zy8dXtiK
A1rNSUyRySMFV2H7ehZCToIxXiWWQECRVIADDV2DeAHZFUY/oqSv8AIZQDCjRyxH9PD9SBlrGHd0
3jfGki1WcsbXK2smJKTYVaZVbONnIh8yVfphsOI+UQmQADITIP6i/ziphrhTWvDPQsz9vvPNuIr5bky1Sb
Bs1ziZNtlCriX9AIRsb/naFzGwMl8bNd1/YKthHw5moZ7G3NXK2j8E8W73zfyTkwxGmccavldkz1r8C6U4eq
6wdLHROxX+7yuWtEvE4mkLO2UyJ0qKQJtlMF5jXNPJHL/1G/MfM7QzF2c7ydz7yLi8Hp+pUnTZrYqvdsO
wmo6ljSNMEnD6zgg+LxTsmfxMCRtZnItJrrr5S+CtXv1A5qjzHN0+NpcZ0usksbVetRrNZsmu8UU7Xrd0SR
V1rLZZY2VNo0MgZZwRLLoVEcMYLkBJCCx8eFUferF318fwOGCnLByHuS4z3VXHyeV7GDsJ47ubgeh1

dkGFrX1/b6mFVsORw1Q4ZBvs47F3KVvIClIigL+PBjJOwBxtef02uuHvHi/526bjjUOfyea0pGNG/YOKBZK5
qm5Lxw2zWlwhjX2seIZFgptSysRxCzlf04H9cPxL07wz+nN4PcFaigWp0bkDYk5vNKRCmbRuua05mT27a75
x+5tzGZW9lNFn5CoYj+34pLF1KFcFW7/SvWxtat5m4ufjhtXM8F5JQR7YwBt0uVUZLJgkBsHR9q9yUEUy
vscDBSV6p5WPm+iLPMVARELYfimWMkypU5mOtBP23JXWwsSyBD/ABAxq5Bf54iLHPEruS6ps2qkYO
PChsFHxqxvjGww3qxI2bORuKre4N5LyuNs4ege9ca8dahjhemwR0M5o218i7Lk8laXXScHWuBuVJKGIJzW
Wqt5zUrW0fuK023gLZeRd3PNbRfwmExyNc3zRGbXomUz2K3fadE3QSIduVUL1F+I1pOJedHI2s5jsxnL2b
zWBpXqILWcfdyOIEuCdQ2Gv8AU2qEGx2j1KZBcLH8FHaCKPUxERMSUkRT/wAZ7lfoZfGQdVfucmuP
jEGOCJTLDCtIfaS9smJEYkYn8yyOuAxTX4pNgADqVgbVmKK0ENYGP9wq5kirKGV45Uc4kIMsayxXnR
VLEAf6QVYqVIVjIu2PQhWJJGcnBIOcH4F2H8aZ1sdtpf61zeaxGwcu8a8kIVzicMb6dLjDWNHxuFwGIDD
Y3XqGOH+X4/xDnOGoyoGFUvH1qS3tK9M/2rjrF5IMOGEr4zXxx/J2M5ByDEUVkOWyNe++5lWO+OY73
MpD5htsl29+md/1mSAcKjsOk/cACIk/iGe8njYmWuff7MhAT2KBKV9+3b16iMDkK7FkQKUz/uDGUSuCIR
kW9i7zBe5WXrrBRM/7RPPqRAv5dktXSiymX9wJ2cxRpCgIjECM0UcaIGK7FpCgYKGIAXAHC6kHxISCPb
Y+cqMkahdV/wBf2fT7TILEJsH4pnXu3Mxk72uSypxruPGunVlzumawFOhuOZ1bK27havs+4Xqml4iozTNeR
jtN0CzgcFjgRafXzBynBRr8m1zxvyGBfc3SnnMdj+Sp23DbRUsvWbXt+GKIhtJzekow2XubNtB7XnH2cZsmd
sDljzVCcYRYajXouxuDOvlisqCJSQw50QEYLB9CxUzI+yiBX2KTX3UyJiAjvPqP1jrPZflu9DA+hUQ9hAT
WMwsSWzoyR6yUFEfg5GS7GURH7erb3rU8UxefYzql5FdGERSTV5lZZC4YTM CZS+T3P/WyA5+edqNU
RPRsDIYI9j1A1w+wOxBbZcBmzjwflRadqrDQ18MNYury95+b23Y8xIFUxxlazmdt2LK7LlioY9tjITQx67mV
sJx1ZuSyFIVNSFWb9t4vtWPvZKTL1aPgDtPou6iFf6lJDMxJevcmMEcz6lXhGf0L3ntsGacFAAyBj33iSCS
kwn0MRMxBjDDmZKTNvIdhITEv5X2ac0XyoRFIyUGftr9i9f8AbwH/ACKBX2Aw6FEyYRP6zAiPWN1nE
0gcsztJNr2wHEmXJQRh1VJCNz4UDfQhML8ocj244CyMpKjBTz4BA1IwSxDYJ8EZz9gb4pG0YqGY6Mb7
KJbDJAZXAtbIlJkcMCREPx199J6jMjMTMRI6lPOXsgoZM/GCpMZ7FIzHr3EIMAK2z8RxpVOMSQEzZH8
nmwVpH8pKIaEzJ+p6gZdv0WXoYGS/WIYXxhMj76GEz3/kFdHqu8SCe0MiGIB95GR9iMrFcFMAIzJCMz3
mAiD9R3KHIljNECige5jOWjx5QhQXPtqSvlh01xgr9IMwUuSwl2cjLbeCxVkBxJDLrjIbUhiMn2bGEiqwZs
Gf/IDA2GBmz4kEzrETBTEHJQ4o6FMjMF6ifQ+5wlpIw30pbJXEeo/cFxH7F7iliPUjE+/Ux+P/WPwMfyUV1
z0t9SKYc1hzMnKfcDAj7IGQEYJj1IIACmfUSQwMyUYS5AE8pb0kp/2mWguJiJmP1EAb+PcT2kigpPv+sD1
9xzQsRGY/rKgCNZsmMktgM8Ywpkxk5xnC+CPQ0DPiZlrBwCzAiPxrkrFRpsMEAn/AFYGFAAOqw/jYrM/
KMj3BwJgTBkTJima9zJDP/FiTkOvXuMd59F0k4umhTQZSUGhcJF0q9/v67fFDliOhr7kPwuQIoWSz7mJdf
5Tfj+4mrBFhXaSqKdXYUQsjl4NmesF+CAPjQfWbJ2ESICAnHu6RQFRp2YNfyx3W5bfcyZTMCBkbCmQj
4zj/jEQMiRLH8zP8yOox/Equ3cKPGAVkJVg3c2kiUHDG7sCWYsUIOxxn5vflgrbniAbbCqu3gEZKhmBHK
OVwT/RKgAYLforSEblCMDPdi1guD7hEQcdxJchJCuZHuX5mZlcjJjBSf8AD78adRhMMYdghyULWJHM
lMGK9wP4geokUDAYpQbIf1gWTH8C/XcWfY/UnpAETAkIJGFAF8ghKx9RPbqPyNWRFPspOZkvUT/Gn
cTYKcNp5mwO1m26XyRSMmIGtcTMiupZ9u2RHR3PwY695gYg3xqKHDlVj6IRuv/wBSj76MVyrBpPQghP
JDsQCr8nK8dcxqFDHCHYgDUHVk9MKFGG1DHWpbJY4xJM0sJJa2HPcpMh9RI35J69pEuq5j2leupTH/L/
b9vVP5pEVgixWGCWqCAhnsaR7iBdokZEO3siL1MxEjHSiko7RaGaiwbDiCnslc+2B1X+/7snrHUZmAmDiI
9D7KYHrHuJ/1Y5UgWsklM/9wBf7fIBD8czCWSfs4WRL9x/k/aTIZmCEhj+dWo1kBJyyYZfCsTjUshkBDD
wAXwzM2NQgYbC6uAxHjVQ2VXwSGwhLHwSRsRggEnx4yp+V2tLHXvaWTFgJl/k9LWRfsqYiIISkyFiy
9xEwBrg/RD+vaYX0CWLJyo6F9uRWIM/jAYWLAMZGB7+4KexAoy9ERQRTPr+d/H4gZ7PMV/H6YSxU
MTMhEM/YTjplStskcR7n0SiCYmSkowG5zFLVc3kmB0rY7A5O36ln5IqeOa2TA4XEwsoAWS0ZacwPuZmJ
mP4PSH9qYSIWVkiZiFGWbLzF4x4KGIQD7ZgcsQRenfc4BbtquxHqctgfbKoJ+xsoIAYNjHsPnl4eMVQts+o
FwKcjMf3zyv407QKjNgze5awDkyMMAh/f5lkZSH7gw/ZdP56l1QjmufaO5SpZ8MFAiwJmexeusIEfFamuY
MYMoEYP1Ex5dP04q1nKfUD8MkHEINjye4btCyChbTVV3zC3WFK/ZSJFKgg4giLr/jCAKIkVTe5h510Px94
c5F5y5JyS8dovF+pZTadgveg17CqA/IjHY9RmE2svlrx1sNhcqTbkencq1FQ1jljO5frEOclnnpj0XaUU7qJDCFa
SSRnoRFIo1AZ2cwpgYBzu2cqz/AAAdX1irucMV8uf6KkKrFi2BnIAIwdifPkNhdfr+oi8/o4G4LxniVoGYiny5
AYO0zeLWxIZLUeGZsPoZOUklxD613kS/Wu6zUlwtE8Bj9wCQU59BkLI/p0/ANHJvKGR8luS8Gc6Pw/kT
wnE9C+kYq7HyvVILVnOyqRbL6nH2Lv1r6Gs+OA2XKYe5TsMs69cAEReXPkZv3mB5F8n8/8AIL2LzW/Z
2xkaOL7MuVNY1lDApapp9FrPhGaWua8qljktGqpl1qHXrMTbvWHm8D6Wv13w8UtG0rxq5/4rx+U4R1gLu
O1/kDi7HU6G56qq/ds5G6/bNaO0rFb0u9kLli5cytW3htjsh7FhydnusBf8aG6X5rpn9PrNDg6TWOoOWBPKS
wmPvwrToq20ro7MLL16ypSgWEhy0k1pAs5VDHCV7zzz+2cFQAWKfGHRSMvnBCuxjUkyO23jIWof6kli
7/1EKkStahreCcap+Ygnss053drbPbCiTiO+8iRCZjtEhHToHX+MpxuM5in+m04PxxvjT5Qy/I+SziDxo8Po2ex
uzeVY8it9yOXmujTRZnF0Zx/qLfxRKPg/FmfhiF/xMf1wPITiryd81rPKXB2/4bkXjzY+IOMqtHK4YLK0IYoJ
ztqzi8vUu1aWVw2Wxj7MDcxWWr47J1jNUPqodMFO4N9Gpb6f0x/FBPUEJLSM29UTJx1+53rbrHX0yFSxf
RvuWGETK5hgjIF7/gbm7B4j9P8Aoa5cpmy1Dk+Ht2OPmY13lNaDkZPxJEmhnEKYrGEmjesQDsO3uO2tqsi
SSSZwVlznVt1KiZVAVjsqk7A4JK4AaynIGiztXiz9R3Z8U/Lb5wH5mbLh8TL7dm/u3HfM2YpUUpi2ZWmv
y+JtgoqkmwitSCFgoRaZhHaJKD6Yvn149eDPI+H2nlTxEwflJe1ryC608q18vkr5P0ck6yAXL2t63tFq5pJZUB
+SissbV0zLnWixWsbHAsspt+iVkr8vruGwtjI5TKY7H4rHY19nJZDJW69SjVcuM/Ky0605ddVX0sha50isJGe5
EKyL+ecN9WnkXhblz6ifPu68FMxN7Qb2Q1aoeY1hFUNf2nZJSTqeJxu67JippnFO9Uye2Y7J2CzY2Jz7G
wLKyoUIzYN9I9VUeu25Dp9OFscZUmqrLJZ4nkbGoEjQwyV5jVgolDN3Wm7LNLBY7ciSQSIAT+mSFP8
A0ExszvgJh2HsM4AVNUUGK2QQ7MmoOfZ1/wDULczcceQnjI9PrI7jY6uzaJyC/I/YNdZFOCQm1TLD8d02
U71VoRaqZvHXysYvKYy0pN3H5Sjfo2Ug+qWR19PFD6cXlp5p4vZti8dOOE77gNIymLwmyZG7uul6oGM
uRrsvJrinbNiwu/XiqkpW+gi2lQzAEfc5CCQ8ltX2/BfSo+nuWyKuxS2nmnzA2PSFWFyn7fU2WOLaEShTG
Gf2dvZsTsNhUECCbFxdtEym8sycT/TYc38IcMcF+SlbmLmLjDij7kuUtXvY+ryJyBq+mvu46tqjE2LVBexZG
g63WQ8jSd1YGoHksCYEGUDdludE9E2TRWpyDeVyt6nF+ahkR1k5+xVLOlWaKVZEjsDYK6DvxuADGx
xyAcpuAdC2zHUHK+iEbO64Jxnb+Q8K5KjKtx/p8fqVWSrQ/jjjzGLT/mmL/LGjOOHfCJSopoZHIk5SPgkJW

yPig2TEfIphfzc5+nfw7vfjd4f8A8H8mVsZW3rjrSZwmX18XkE5rH07kZvNXpGjk67PhsImrbREHPqB/VcAJo
n3Ocp9QXwOx4L+fzJ8YyHMEqQ/65cbmPyT3ZMBAZ9hHBRMyQRM9pP6jrIlzcSeTfjzz3nM1X4Q5p435
ZfqA43/VdfQdvxWyHhEZwMi7EFfjFWbMV05AcfkFoaUxDDoW1DMMBgrx/qjrDn+qq0FO5xFOhWrzpbM
1GryEO8oiaqscslu9ai7a7sCRGgZ9Szdld+EljXYntvESVPoJASwOfKjLYCqh9IA9SATgHGjt9cz7df1YPJs0CV
dhUOGCNMAUIHvgrjZgsUUh1FL2DNuexfGII/zkoWs95D6cVkrP05/Cez1+Qm+OfGNX2C4UwYqazj6fuDA
AkI61eymwEegn5OwzEF/NH/AOvTSYH1XvIW0n0E2da4QtH6BnSZVwbxtTMBP0kCFRVSKWAHonT0m
ZYBRG2Lwd5TaR4f/RP4A8gdzcl1XQvGjU1a3hjOKrds3awgsLqWq1vjV8wFmM+VKpbsJQ91HFzkcXZUyp
StGGk9b0rU/QfQMKQu9qZeJhRFY9yaWfg68MXb/iSzIjIIMWrijAVFINFgBJs6jRgh2LHOrKPChWUtdQT
4K4GqgfEq/1LPnWd/I6v4I8a5o6qsK/Ccj88NpWSCG5hywv8ecfXmKmlldNTh3vKVHCaje7T7IOixRdE1D/T
UeMHHG48k8keUu17FqWY3vjauWm8dceOzGOLbMHf2Ogotv5LfgYtPzdXHxiL9bU9ZzpV3UrsruFcjGzJE
FCQ900DnX6ivlvX13C3S2vmryD3vKZjM5nLy+niqWTyDr+wbHsGXfTTfdjtR1vEpt3iXWqOZj8PjApYujZ
dXqUm5Lnfpx80vpucq4GzumA37hva8Tcfa0nknUshap4rLnhKosXdN3nXbAUbqLCoArGOXfC8mq2auXxlS
WsrQZHTJr9Ly9M8dylKny9jj1sWwxV57Uc0g/Nk7Hcgsiu5jeq1qKOTSEBMMSsbchJRROELYUFGc+o2DYI
8mPQDyH2Jfwwlvz82dP6o2uKPE/gG4REcL59aut1D5erWce7S6OxH1EBYdeOwxIE0RWQR7CIEXP6Vu6x+
X816vqUgzGePFg+qhCCOuzmZUTMqRAkqPwRNkIJ7kZ/JTJGmzy6+qL5E+ZnjboXAfkrQ1ja81xxvdDdc
Tyvi68YLZsxUTreVwTmdsmFxywF++X99+5VlscvBG6bUW8ZcsPZaQ3P+lqyE0978wsayZP7nTelb0wLi
WmJpZ3kJUsYHUTlgKyAgER1JUy2CEZIDFX5TjLfD/phZ43kYI4rFWVCyROkxwZV52tPDNG4PdMUsUm
V3SKQEBXhRiU+TRkPbQpHj+OyF1LEruWZdSVw38MlyNuxYlufm5HYIANUr9mlkm0WF0gRXERECy
SHvERI+wCZ9mRMiBXEQf8AMijHvKqv0v3MQ0IWMCMFAh6WUCZiZx6j42EMRM9hX7P1Mzx4uinLW
DdMyaglQyPsVicfH2ApNnUC+T8iUD+0jMrj5Rko/kjs9KgnXSo1SIGMsXeiUKdBIlQfTtHofYrIYgxmZZ2Io
H+YekAcdyQsYR+4kZy4A1jkz4VfKYb2OygaNlAKTakVAQuG8+xU/Sj7H1hScjBAOMbEsBgfl2FSmKZS
4IJ/ooERdH5VMr7n2/SYeYRHuZ6z+5zMHuP5i8uuEktCTKWskIWYUeoUKiAiJb7FLSjvMT2j5YEH+OZk
RnOpg7BrGZ7d4mOxCRD0GI+U5Lt27wcfiGTed+wSyevucTcYK7z2WIWDpd1WMexMV/9uCz6wbSPuKh
JhxAJEEP7dS9/wA7VjLKT2hrvGoKlgScNuQGKZLgLqy+pzsf9GfARsM51wwIKgozkL4UEq3qudsAhQMFi
cA4OEDVhBH2hjfcSwCap6RHvpPuZU7T7X2iImIlgRkpGQ9DxCaDUo+0QJNOZiVxCpP5CA4MYCICChZ
ehk4gPciJDMex+TK7aA1xAqsqYcq7wBr6+o9zI9liUmQwPYGj1Eji9/zCZBo/YnKyZDBPuQjJQC5g/foJcJ9
9mDHofRdextxHWIH1ZiDOwEZXB8LksSip2x2woVsEZALENhcMVARdYzIiILt/PA9cFACjHBAUKPYnD
HGxGAwz94nMXgF3oZYs46hIH2D1AMKCjtiMi36TH5GGAcsX4KS/IO5e/wDNZIAMo/yzEFMR79Qz4Rj
9Rk2REexiYj1MHBFIIP2zefvtiWCbWOFwQdghmRj2S5KfUQA94CVBDCn0XYjkZOO0xBLEnLSYHuFrG
J7kMwUu/wAfqCiY6/42sNZiX6mRCQn0GT/h6tWYIHQ5ZIU5Mg/pWXYsFjFGM5OoBUBDyoVuRvriCik5
U4k8ZB1fBGVOcjH1qM7Lg5JUc2UhNoDP16+X4YmGJmWHMgBHPoYmRIRAY7/j8SyD9/rAwO9XKIOI
DpKyMij9oYUFIInEx+kj79mRSQIHefcft09DO5grCIY4OhgIlytig+SIAD9QsZL36KVgEkQ+49sn1ER7j+R/Jret
vyFK2EyO7Tj94gCWLJTMx2WPv9IX+CmJFnZcd59HPf3jV0U6OVHr/FWCDIABOVUeHxopAKkjUkrR1
w3jAYDJycEHD9zyjFQfOSFuk5J8L8hEcaiaBrPqUfEz3A+igIiQOehz1JkDEiUD2OZmCX/wCsYy5KVPKX
Lg5d7cJcIR7AyKIgoNUT2iRKJ/ER+I9REfyRd4DuxgwX49SsjgvZD0gBgmew9x2H/nJIP6kQXb1grQ1flm
Ltc2viI9+pCIXBez+OJ7RJRBERDM+5gSgfc9f56U0AIBXACn92MbEHYQHBQYbYMFONskAEsB6qLvqQ
gUKCGR1QsxwTkls4UEDzkkgnIPyH8ECB0IuwFZTE1FxPQF/iPUCwpEogS+Ie0r/TuztP8AjiAL1csD9xbj/i
UNYUyEdPRAbC6QQ+pjuMTH6QMREiuZifI1JwHXW7BUxEv8cUK/wC7GM9nIpi9h6JgiU/8iEimSL/AN
fQIN2VkyN80x3+avdKD7CMSahcQAEwPSeizIiOZ/cVT+In8iWNKN4qSSyBIRCFuHAGlJkuGkJJVWC4JYk
qcABWLD6B5bBvWPIOVAGMhV2IBOQMgKVVskkAFcsoJPY4ePsQVrL1VqgoiCWcnHqfTaj2ShgTmBEx
6T39TEz0+MQn8w0PA03VMJUqLhgylAr9dv8AcYkhJv8+yP4o9x6iQkfcQP6nIR8C60yxkF3GQDv8iZESA
T9s6kEOMfkaQK9kMiJQX59zJmER/GALKvXrnBr6wsVKFnoYAILyNkyX5mIOf19QuJKAmTGZgYhnpRxL
CWZmxkbHqX7eGYgq5DaoWUqCAoOSjEBgEblHXuJfKOF2JGzakEgk+v/ACRnI8ggklg3yI5lI/28ikjJkQEE
Ayfs4/ToM+4AZ9kEkv1MRBz7gvUII0RlabVvdKJYUT8lqVJexjufYx/T1+QMYkSiCGIn8HMTM/y/ctYAgF
ZAZoc74BZiWELmQZH7lIx2UMicSUE5jsuV/jvMUxmSOIHhWfIj+veS9z7OClmR7sj5ImSmSmB6+oMZ9f
ni+oaMYHcYLgFEzJkBWZ23OxUrrsSpwobXwDmKo2oywGTgBdQSBsgOCQRkFh4IDEqDg6/OLG3QsVV
LGJa1KpgwiBWvqsWLPrMzEz7/PuJiOsT7MYPt6rvnS8eK4P5oy7pX8eK4u3zlw31LXAFTTsha+WJIS1LdB
qOCXBEHroyWLLqoLGr1FVxW0SmsQLWRDETK5iSgusXhSfUT8oiCYD1BSRR6gojDbtm9E1/j/d9k5Rt4i
hxphr2bK8hXM/TG3rqdMp4ew/ZG5mk9VsbOJvHFW2XapV3rsVActiGfLizRj1BjT9ws3bBVFGSjKq4xhC
2MBPZC7P4+jgSyE4kbxGGDNt9hSVUksBghUYfTZ/1ZYr4+eZ79J7AFk/qReH4RDgNHOWtZJKgURp9Yi4
eVbIBIr+NYqx5sg4iYD4h/WYIiB5X9RX50t3HbcT4K8cbBBA9oNujvHO5YuyMrzG5PQF3TtDY1EKB6dZo
3VbJnapG9BzjJYXuuvf1xwS2LC/UG+hTxBstDP6Ps3jZqOcxTYt4zOaD455ejmcczo0RfRyes8TDaqNJT5SJo
tCcJacFMBLe2Rd9bH6M+PyFzNTyBgMxm79q1bvZCv418msyN689kEdqzeu8Y03ncut7EbnWWNBpuGHH
X+hryXUR5TqnHoeK6F6ot1+n6tj8Os3GWI5H5KzKGgtSSJWssIoE/cRdZH/ACQkgbSBEEbXDb3PBZA69o
H3o3GmsD/ALqH22JUZUoSPgPfQS+lzoN7x+2nySH8LutW3eZZ/i7GqaPpW67j81jKHFNPiQNPjTj8rTclO
R3HN0kWCrfQC7DbA4bGZXfZAFZlKxP/PT+mf1XYHJzKpW2z/AEhfmF79bNmBnImTfZ1u25pM2a2ro+82iu
ZXEN7T8NTf7kOZpEbCh+24ymmFQXn/wDULFTQwaDHFbdyjla1eDVVp4biPYqwpSENXILXk/7WNZCvi
OAWcoNYiqIVK5GIrrLf1KH0+EgxVTA+RmXkP8gDT481IJTJE72MTkeQKQRB6iDifz0L2cex7DpOf8A1
Psc3a5SnwfpVq9mURwcXZ4y7ZoLURVjghaKaGJC4jH7lyulaeSVpJ17TO6fJAYiAujSKAQ2Y3JOWByGQO
ytliARg5P9FSDpQ7h4K+W/Hu15XRc74085VNz13Kzj8nRo8abRn6sPSYWEW6mSwmMyGJylFyfTxyGnu
X8fdrN+Wq51ZwETRPMpGLzbteP3049X4n4i8lm/wCnvFW7V3rCaHpPjYxmy3eSNxyh09nx+Ao/Fi84zFtp
3E0soqtkoqsrM8IwaPbyMx/Uy+DSoEqnFHk5dsSySgV6XxkkICPQEcG7lmRGTFxTMTPUpiZ/WYiP5X+V/
qZPEsfmVU4D8iiiFOaUuocaUViyHykZn4OQckXWVSXpgScwTFgoDhhwB251N1XyTcfJL+n91fwJTYELz

ukMrSUrFI9qOajmKNGnklBkknmDINpTjcd9upqqt3FUBA/7T6gBwPULFoSMkbDJU5GwOudXCn4MfUU2i
uCrni55bZZbWRCf7vxTylYqNk3xBfPN/EIvEUWHLGCaUJr+3w1oh+RbR4D/wBpT5W818gYXLeT2Cu+O/
DaxpXdnZlsnhLXJez0qVsrY4HW9bqWMseAu3+vwPze1DRRiUkb6mLzRojGOYjH9Tb461qbW4rxt5quDK5
gU38tpdeGKJnxTMNRZS6MH8hmRT8bRT+QFTJ9FGWrf1P/ABolrix/ijvtitFOusRtcj67jXD90bx+U11NbyUT
HyfGbDWTIADCZlgNg4tR9R/qHPA8PE9DDjpniAisSTJM8AYOWIijmanAziRXZJZksqMKnZZ8qOmrJm0
SyNtnBKuqhT/AGT24wSWyo2bYlmdE51+WT9dr6enM/NHFPhlxj4ecGW9q1bg8OSdfjAatb13G4zTdUdheN
cZq9d07BmcRDidODtLWYG2rVhlS2dpn3Ew6ddml9DH6oObiqR/AOMNjy8ct6le5P4WpQajZ/k+NVjkKuRsJa
ILGCCYOPcTJLgJh020f1SUMqrRj/C53+QqAL7vkCkTBkQBdGJrcPvCIazoXWLRFMGUkS5gJit2f1PXJFuv
fGl4g6pjJmqyaB5LlZP5UpYDR/WSrcfYw4+YDd/3Eir1CIXPQ2gQx8FJ+qfDUoOLrdG0bkcLWbH5d7k4JZ5
Z7luW4/5Br83AhxLNqrlAdxtIO4SvzlSo2yjuxUyhQyeV9IILYBHqysD3BhwDjJI+LFn6B31NL00/uvC2v41jJ
JigscvcWthiFt7Q4gpbVa6phzuoCM+Ij0NeCH3L8/oRfTr8mfCPP8Ak2/yF1DAa7T5KxvFEaozCbdgNobYZqb
+RSyle1/Zb1oqjUo2SpCPvVJXY+7YquwpVY+Neme/qbPIRbx+w8X+MBYPT/Fc2jdbpKAhGY7ESUSDyLs
wV+hAFQAT88mXuN4r+pm8sYvCur40cKQVj/FIWLO/XY7Es+5tNeYqkRD7SRAUQPXLNUM7RJT5zTfqB
1DRt8Vd6V4ytFb7atLVsGOzGyWILCgifmpYMqYypIMTKsYdUCs24tRlcM6V5xhiUcBRLjhyzkkL9E+2QGJ
LjKgn4WH1IfoteaXmZ5vcvc88UnxSnQtox/H+Jx7tw3V+JyDHazxzq2tZebOJpa/liorDK4q9NeGMfNhCxsF8
MMiuq6vKr6Pn1AvIHxJ8KvFHAcg8Aajx3448chG61spum9EW2cq2buWqxkFrXHOQTbweras1GPwD2/b3
Zu7DtBuRNY6pkDuN/qMPqDMY2YPWPGHhN9fI5Q5gP8ARHM2ZgPkCqkxmae/VSH2UyyJgAJvYOv5Ysf
5ni+up9Yjb671ax4u6PVnuQgzXvHnmbK2AKZEQ/S7u+VBnuekxM14P8CHtnb8kYaX6mCrw1V+n+B7XA
QiOnJakyW/HqyVI7MqryTo8vYdvcIkQZWC6oPlfZyfWq7KwDN6KQAFHkAyHXA19hkFwpJxrlpf0i/o6ZT
6fGb5S5Q5shzug8icvblQpaXpuS0kc27B6boiPiyuaYFzZMNhMj/fNsyiqgXSTj/ip47CU01bhhlshXU3fk/ipjji7U
8roXKmma/vepZqodTKavtWHpZrC3QKWxDORdqtEHJP3FS6pYXKZg6L7UMGJDUTZ9U369WYtOHEeP
O3gByxArxviHu9hK1/MJBKls43ldndgEl/k4dBSMJc1nBxLlefH9Q3lrIHS4c5srS1iTk6PhpbIQ+zkp6nf0CyJz
BQKpljHh09mBSuJL+JnL9HddcvyknMW5uLq3IjDrMOR7H4rQKDCbtwGavqoVILMDvK8mxdyDYHdAw
K8ykD0ARdTkKkDuMSw1Y4YgndsggY+F95Lf0yXFe8b0/a/GnmU7wzr+Xhjcx7tmv2d/xmJc947atmx2HD5
yrjuilcZnyy1pDICwnN/F6r1y4+l9IPYPpx7ty3tOW5txfKp8m6rgNbXQpaLa1YsO3BZK3lCv2H2NkzX3sW
BvBXitCFStavliwfbFPTPK/wDqUcn8wVNJ5+xiWvNiy/8AiPoVGZUX/wBI/wD5XipnUQB0SHyM6+4k+x
FJFgrHL39TRmbZmjEc+Kg4+VkDwRwvJswv8r9ExvHtYkCohbAeyGe09o7zMer3J0f1Hv8ZLxXKc70nLXs
DtvJJZrLdl7LJlhkspxZn33jhaSRpO7J5DlmVfyfoQWZKLo24b0TDsxGSSCdcK52BUerZIP8jvAYuuOOXUH
0BND4yL4oj5TDliERMzMeiBxlPoSOPf6xMdoA8dsT2/d/BSEPF0tgf39EerOYnvHcZUZzPSO0SMeiif0Gd
KCct/UxZQO0L59qNZYBomrDcMYQ4WroLFmv7KCoChagIPL5qorkxjo1UxIz1y45/qXcp6ddyPPjPIJgyl3IfE
GDD3YF8EbAp7Ri2+lzKnC9TlytwCsj9dhFVP6dcmltf+4ej0cqVZH57Qr/ABRiM1UXIbRQP4qrMMBULCA
CwX27LbM2CpdIHthQciMKp2Y/6vvBGQAPm7G168JRozcJUyQkpaxWYQyZr/kfa4GB11z3iQIYKdGOkIPs
ovIRbJ1iVQQtGFVo49jIFMQALFsz09xEyPyPiPzBj2mILSyyjV/UqZitXU/auেকmBr9GPKdxNQXMMwPUn
NbkGvEF8RwMAUvOJMFz+nyR/Ouzwi/qSry1G3k7nCPBslblF5cabT61fT4fJDjeTZE1/8A2QEQBKNIIQBY
RHR8Og5RIsZ6q6MJEYJ15uuFdmxLom6J4RWGyGRmYn2Dlit85US7HMBLEAkNKuSuVAO2qrhR9jGdAu
wAGV3Q7JQsXGMgfQf2EmCREi6EEFHsg9rH/mBd5mWxKY9zBfyAZi7M1T+Iuhd5cJgrZK+rP+MCYn3iC
YHcvS/UiYnCPGSnTht/Tx/qIrYtf/125qqKhrI/73zNMJ+L7hkqixFPkV8GQrCCIZk+35hczEREwy79Nv69LD
Msh5EcoiPZ3yRa8w9nYtAhPzNiFVNpNfppQMBAl0n2AQIjHsDnHdCNDO+/U3R7ADtoictUcmQMgYq/cj
BBUhlKJkliS2VKipeex2WBECZAADCZf5HULjKhlUsRt4Pkj+hqu3deMLDTlkkyIbBSstzhMliO0N9wQr9D6i
Qk57GMGPousz6x1g4h6x9rL3PsiRXIdZlmx8oysvfcx/X2P+SD9kPuIjUCr/TH+tfeZB5PyJ3NkS0R73fLPfCs
FW+YJ99RzFkJOakyITFYD/yCS7D8nG76SH113wRu8k76x6z3VZ8muTbHSCNUd56VWLLuxSpIFKbE/HA
FMsvMQaTo+FVft9VdMKwX2K3qzP5AJIXZCSA4CtggsBoGyPikYWYkrPXIJA2aYMcjyCPo4ADABm8s
Bgf2Nvn7xAh8QuR1ilhkmoCI5KAIZfGRD6lfufUezkpiPzEL/GAzhw0F9nLNgmn1MNj/wCsxGPUjBj6j3HW
A9EYTAhEzER61CC+j19XCzD/ALzyVrwXoCbFjyF5SdLVsEQ/2HDtmIV7KXw2Rj0H4/bpH8x7foxfVOuev
ufJHWGrGIERtc7crvGPbCIp9zrfr2MDBG19pgZH37Z+v8kPS0IXx1VwDKvoFhmglKIVGfUWD52AbGpT3X
JBbDQtTjZQ35UDEtsfVl8EbDXAAz7ZBGgyjAHIB27hKuMWLDnLmIWUTHdERHyIBFPphRM/oJEBSAF
MDER37j1iNizTJ7iaS3lJ/g/mSP6wIxA9SkiRmJif9vz7/Ez7MtS639Dz6mZgf3fkLobgbHcpfzJyqY12OPRFJan
1KSD9/27R1j1AyUjP85Q+g79Qwo/zeR3HMNjrBirk3llkBMgJQJFOle+0CUe4/HqJj1Hr1/Ij0lWkwh6t6fBVV
1zNDsUxsD7chq2dgWZRrk4QKPuWKnCsh2twsugVVOoUBcYlZIBnzK6kgknJixja28faoRr1NrfYC6ir4p9H3
NArSYgQwPuf2FfWYAIGun4khGP5fuNpEwVN5JlBT/AOk9V/7yEx67+pmPkH2Z/wDmB+OJjvFX8N11x
haEyBH1r1zIImR7FIJMKljMQPU4kerBjsv4SGJ9+yN0rDFazErASsE5y4mSHpJkMzJmAxExMkUgMn+wR2
99fYex+d444nhqrEuF9YU9mchQUdAJb+AU5z5QBiD7Z3HIXH5VgoijLMfBJxH4K4ICn6Kn6YagnySPhx8
D4GauIqyJPwn+GtiAhZFBT3kyn/AHntP/1gMjPrtEQUtEWUIVBOgcWBH035Xd/wQdBohQM+xkiGJ/DI/E
mJEXsSmR/ld8fYX7LD1FK7KhnxEXalkViECUL9vkvXBn3iReVQRDZj109fy0BAeqnC1fJDLBgiKZmff7E
QgTCnp+RiYL9QCSjvMdoFrhhWPGQSQqoJBCVNDwUBSAi4IT9v7Y4OpJbObUgebfTyXwqqCSMsBkM
FJx4zggqDgfXgA1NLSdSghT/AMRKf+vzBCUz2/JKOIKT9AP7IM+5n/yf8rDKJsrsMMTj3ECZDPc+0MGCJ
iSlk+okRmAn/Yi7RH5GLWzYO9GLSkQh3zPVMeyZHAJiB76h+0B1EfRCMevczERNZCZCBNzQliBcMeO9
QJDKwguwB7DtAR1EoIhlg9pP1HuZERdVmZf9LnDAMBtkF6j+OmSAFPj0VThThrtRkEkEqDkt4yDgkhi
MLqNRgj+gAQPN09Ysp12GPyTKQOIImYEI99RkBL0IhAj6PsZjMQyAkSgSn+VpyxxbrnOXEFJPC22XM1W
1rITR9q4/2V2uXKIPN1sLteDu4LKWsTbv47KY6veipkiZSfex9+ut0LKxUeuTWVw1FmzHClwBiECv2Y9pj
MQX+P/YZJcCUFPT2MT6j1ExHUBRLkQAFf4INgO0QJFJGRDIwv3BJhfcOy5gunX0ZwUyMMbWK8iWo
ysTWiGQqWQhodZA7YU5IMYGrIVypyoGvywFRhhs4OFLEk4IB2BB8Eaj22JJ/oHBHxAeP/prfp5063y5H
PeQ2Z9MNJle5G1etET6b6/GH49xn+QYal+y7D2ScwEjBCc5wv8ATwftVR6Va0zLXlrSR2PV/ITYAFh/BLA

7/wBrrY4lkZPkPct/vAe+kyMQLyWSr4ihgyLusSAd47MGO8kP6d5Iygyj3ISz3EkZf7wXlUcMYaAwEiTcGG
Czp7NRg4jH1EiC5mRX7mfUz7IYwP8AGmP9QetZws//AHHDVx5CI/ZYKMrvIOKJ41KufBVGtZUACk6eB
UBbRV2YgjCLjDKB/LAbYqWBK4zkbAHOFNYf6Bv0uqqCe/x5ymSZKPGmcny7zEyXfmuMd/t6pdDEViU
EoAgpEogJrE5nHfRL+mJQZFhHifr7yjtJle331/IfuDnevkXkN+sgXQffoS9h7mIHqHr02snoZXUUmouy0msfk
gvm9Af+VUjExMz7koMVAfWYmO0iP86KikrB/CyIF3xLOTEhgDEWFaZ29xBQJrmRiBgGwYxP8Av/Jm6
v6vtMVfqrM0VKA5q/E5KglQ4jnUoxjYq2w9Y2BwAfkZfAxbVDNjUjAGAckKBqMDJP2ucbDwCp1/0hv
pvY+HNr+JfGrJhgDMXC2Xlh2goGIEL+fsH/wC34SkPQCoogZkZn+drHfS1+n1UFsV/ELg4W9VoKbOIUb4
9oHv1aORK1CvcGcs/b5T/ABJAwDITZJsUwgnKkoXMDvihUDPZsH8Zegn3AyEEz1PeTn0EkAqiZLEY2Dfa
pyJewhptf6goghTAz0PsLorYHt+Ij9Rg46l6gJEyDT9SF0STqfnA8QCnbm7rMAzbCQJ+V3JFYBicOp8kg5/leg
kZYu54AzkjHqCMMck+CuSVAJ2AYkD72EFP02PAvGoQFfw38bpkYAzl/D+IWu0OhZysvvMS6JD0ta/bPlg
S6/F1gx7Wjr/gZ4TJav7Px8ZKq1fCprFcD8WAU9Ia5axMtWMoFF3E/r3iYdASyYIQ+Mndi9FKZAhGfhgx
Wlh2aMEINBkj7gffX9jKRAf0GfReiGX4mpLMXWtdI+aZ+eSkQSuPl/MnCvwK+y4iJiWHleikgKC6/zyvznP
SbrY5zmHjJA03LXmXU40UqJ3ZdQxdsA+uWyPtqkk7YVSXDMzlh9By+CdiGwQv35U+POFwSw2K8VPG
XGXBHEeOvBuLmszvJ0eJOP6y1/vJBefa6+sFmBkHuesREz39EcXmZxGcNcP45bPsuL+P8b0W0ZGrpmt1Z
E5MuqZhONXPta4IZ7j6W0/bPZepixW2EhbIZEvRQ2SJXouv9p7+hkWMk4AvUQX5mB9dfZF9z8i1u9nB
MIPfxnI/qMM9mvt19xLpYIzIxI/GAz7OCiYie5cdm2v2ppGRfL23ct4XGpklQAIswAB+87eCGHPcfABLDJ
wo3O3rjLZBPn+/8AjOCqjHykszo+s1/8VXWtdqCB++iMNI0iQhBxE+hpfgwoiSFZAHoSWUIMnE+8RqmFx
tXOJqXsqFTzOxI0qw/EJqkICDARKVh3mS9SMCPaIn2X62hlEqlUicgbpKfUFPr2MxJEJF8kNCYCBiYkgAp
HoZQRmJQXDENK+94gUObfzEMMI4PqKZABEzMRmGLBMwBKAOpmnqftrqHbneUM9uSqr12VZTicu
6aRIQXwVXO7MRr6gnwuSSSMarhQXKqmwC+4DFU8H1BlyGAKnJ9h4X4S+LpqZh5aa4KYImHJJj0bIAJ
Ns+pH9TAu4dOssEk0YGOpfzCw0adgqzoKYeIkMCuTWx0+gj2uP0hMD/yn1ASlwXaYiJKXYwQt4ZJrBi4
YlexT7+WBKJgZkP3/Yxn4+3qI/3iGTE+5iGTWqGOXJyv9W/lpwuZfQAAR3gu4QEemSUj2iJ/SPcyM31ldkc
zgKM57vcAKqy5ZBhxghj/ACYE67Kgw24YESZVmwI2YefpssgGPJzgZ+sjlLjwCPnQtJBKgaXWfZD5KffU
gIygu/QY7wAhJCPXpBScl6iOxRGXr+d62M/4IAOIUjEwwY7zAxPqOpMI5gp6BBiXuJkF17ms1GMPInr2CQ
NJBMETSmYWMYzK8R9JEJkoKYj3Az/xk+v8AIvcUxMnJga4XAkMwQh1CPcTDRj17ZEF2FfaOvnp4GesT
WIRQcjTXJAQENgqoVQ2ckuSCwwwHtj6BZmlBA9WJ2U+SrHGoIHqB/wAjf/bAbBi8PjLiApAISMAPyGM
M9/qU+vedzIZg5AVxJCfop7SUhMR7/nxVx4HZkz+OSCyR1mPkKfXqZjsHYZIJP0v2cGP5mBjt7nm+4sI+Jb
JL4Z7GUDBOMZIAOf1IygJWciDBKY9iUT3n8EOUVWSvssJOuYKxj5Pc7t8kSUQBTJSUMI2IMdSIV17Ii
EYgSOObY+ymIKCpVmZmZGZTthQxUl9W8Rgeo2yrfOm2VXGQck+Wlv5A1PtnOPK/Rz5wTgj5iZpV1S0
WRLPikJkZD38hkommxTkzMSJGJBEz/yE/wADAEUx+2VnuogEBT3ESAJ7EUSRhBdjFh/4YmZOBgfUz/jk
p6wUsul6QBLBXHcFdYkQGZgRH9YL9p+SWD+PUxMgA/rMTAR+ythmzr3AVKH1MSDRKSF4+5gMy
7RDCmQ9IEgMSBR1IpZDGI0JhV0zmJckCSPOx/2TuODqM4GWOBBIW8MMj2Jyf5Fguv0cEkYXXyc4x
nGfkea37iyslyuVhPvqclH7MWueoDJxMr/QYjuAMgukDEQpP5z3fleMEomSxMdGQEAEmQUlIFAL6wH47y
BCJwPyxMSYdB69RRfK4mMZ8cEOCWJFHUIUMTKwZ0Hp2FYREdppKJmIgolndVXV/wB3MP8Ayzv8f
aS/WD6SJj+RE+xyyP8AGHtcdYIRmRmKS15W7azMQsXpIMBgWBwFPglGGVAMgxhgDpiR8KiqWIwcA
sCV2YqPB9XUDDZDAAsCSuRkxKx06zWPqBQDIuQPYz9gRTJHJt9FIImfEULM4P36Lp+Zp/aICRtJXIkK
fnMO0yHqEr7zLPfygAugwMSUKPTpEftEzZNIjF27UO9CsEtL8x8bykPnMRkYmPjMpWspGREvUllwRIM
Rvebuwxrm/Aw4kplY9LayYd37SMCXoh7RBEYyfsPfWZlnsnh0cLtlmqpoVIOglwFRXZmzjB7gT2V/AXC
hgNVX17Y2EQDZB8s3IQNVABLAqWksrEkYZ8KuxU61p8EKWUQYfKQqCsF6yBdpj/AGku3tcQMEX1k
YiOk9ZKenC2LgpGZMxGA6/GQwBQUUnPoY/Eicl8nqZiVyRz+Bk/eUyBSKxdJKgWQcAHT1HVzQ6z0MSI
o/yfJBZBMCBmZ9x+sY+S+FJQfqZAYkmzA9j7MmJg1ERFMhMAEdCV2iCH2IxHsuqRRzKRSDIQRkAt4B
RmJ3KHBKZYZLBsgrjQCSq6sDlqQS2cYKkKgbwVz4ICjwyhSVH+nBXzgi+RZrhpN7NifcQPYXX+VhPcl
wKhOckTn2X7RJe/wCY4E12iwrZ3H3EFHqSg5XJkMIMHHQYKYKxjt2ICml9jMfzMWU1+RLRGPKgg9rE
oH8C2Zj0Hf8APaBguvaeyzTMzEyRFxwKWKJZdKwqMJghEgJpCkGKvRHBLEiAPcQPaYH/h7IotEBtpA8
ZGTh8D0UJHspcBQu5IIALHt5LBSemFmyEORjx5IZQFTTA8ge5IJYM3qW2JYgBcakDdMJ9wYrAmfLIR8
glHojIfkCD/YVkyYeu0x2E4/4wUxrJn2tT/jYyIGPRQ+VfgpI/Uh3H0USU+59RM/7zETMjEtXWgAhoH762Qm
IMPcQJLb6A4ku0rkBDr+I6SfsYmBIpxVnHV2M79AYUxPfvEmQF3P8AxkU/+QHrExERET+Ij/zNd0PYUy
TrGX7bM2uSSAyrGbx4IGDqQAFVSCAp+T1RhiezDISCWSSX1yTjYDYYAxhfGSSwOAApM4NWEYS
mLGPf0qhUepj2wOk/mZ/fsJxKyX/ALIEH8Z+4mQ/hrcV6532NNhQMjLJXPv3+hQK+/YQCP8AJ8rf9u3QY
+L91wZSAiLwZQIOHB0IjvWrt/zgpZergMygVyR949Fedo6zBTJCHZkfBWC+WY5jkdHBrFpXBBDRFP
WPcEREckcgUj2k+y5g+/5MozTjY2IrRIAvjbJITARFLK6MUYK6g6KysrMfKOQQNu5x1BsSAZZmdAw1w
2cKQuMHHjYAAqSPo+fhXYmuAVgFZSKwDr6/I/oALmVyMevUAQl3iZ7iPoo/5+5kRT8dSIEZLrJsAiHsM
jMjPxt/uM/k4gh/BIE9Ij/wAfq6j14gB7zE9glcDMwfrVf1BeymAkPfuY9RjDJOZ/aO4aximEIESL2K1eh/MQI
r7TMDPuDGDGB9wREXWYKBEZhlFZmjsDPkBDjkgMrKiDRiKlvAGMZK4VjqNsoRHnADAKKAPOSTg
ZK+B/spB8/R8e2aj2z1CkHHYZNsoLq0//b2c9wGZKRAPA5MikFdoGI9SHSCTSWJGLEjcPqRH1MJAhnU0
/8Af2UgvrA9SD0RdxGRiCsLJrt2LYreoPYsaZlAwW51THUfkwDov0H0f4iOxj+XR+P5HHzXbVxkSIQJnMwX
tTSWM+oKDIJKYH/2GSGRALjJRAmRCLES53kUoQuQNmYRqfougY6tk4IOzYOUIOMElsjC+o2xke7Y8K
M/RUbAec+w2AOQ3zArmRqiaYk0kI/lcBCyAVAMz7YUxMFEExBfmfZlBIbmfIFny95u2zx68ft25Z0DWcJtu
44W3oOB1bW9ou3cdr9/Nb9yHquh49GTu4yDvVagW9qGwxyUthUogJVCh6/wsobSRLK6YCRWlfcQJkyRG
I6DBREnIs9rk5KIn3+Y/U/ciCP1FKQWvHPG4VcAX988lfdPG+lJBLmch5acJizqXtUkuEyctVBD2Bz3gxgi
94uGK3zPB17KrLSPI8dBbjCMpeN7cUUsYIMUpMqM6sVYAHBQgnPycqArYXzkDgCe+QuR5jYHGSM6t
hcjAJHy6vHzlyvz9wVxNzAzEzgsLvGr0Lue1vuRHqm4Vu+J3DUrRtX8z26ntuOzOvWWMgCJmPdMwMycQ
IXkt5i8rcX+VPjdWVxXr2g5TVti3XizE+RWwbVWzV7J67h+bNvyGtd4TS24vNYinQ2vJ4rTOTmtMz1TK

Va2MwWMlcW5eSA5mnjvkqPDHNvmDwFn7CcRruv7XR8r+P7WQMK+PRxlz0GVyXIY12GQVxq6pzpqv
KuRyBjAJpVNsxAsEiYLCdmvhcpsureK/kjseNsVNs8vfqRcY82Sm/WdOQw3E9Xj7kTC8C63MshDqQ4ziP
UdXz1isCFwvZnN2ZpVpdddJM3HcRRbm5rTVFl4xhVenVlErITy1drVotLIoR3/GoR3naQvobitFEkEiM23Mg
J7SAMqkAOzE7NhtCCQuVBJ28MobQ5VgWHxq/MHID478DXaeE5e5i480LP3KBZqhhM9sFFOfsYeG2qrs
yOCS4suGCrtE678z9kvGoYg/uHianR/Ms3nPirGi4Ll3/qbob+N9c1qvhOQqO14i3peYubRm6Ota4rH7FVyTs
XfPYdmy+MweKXVtsm7mriKCPdhq1wDWqch29S5J8k7/ih428m+TGz7ZzbsU8zc27ZvvFfGmlr3PX8fitYnib
Uto2d1Xbdl1jiKji0aiqhhdLy+C1vKVM1UZncnsBZmVLHuazmeUPHLzU4a5a0/UdCwflX1ZvGbQti410bY7
Ozabpyd25G8UM3uGJwWwLwmrBYO/fyN/JbJYoYbF0I3XJ7I+pXSm990UVTP1ZOxCJXqBP8TJbsyWKjT
MORu06djtcSJl5Kr+I1qJo5rIAuxRxx/45njVpI1Z/CnXY8DChT0AwchioWQAsI8N5XZDjZ0OzedniQ66Nae
bMIOLt5QsCve/7TsocUuzTLE0QxS+YmYCOLJulkWKxikK3ImxkIKlK5tzCP5beJ3nU8PuuG46yOfop27Z8
Vseza1rxG4r+bwenN1+vsWSqhIQg6+Ks7LgRsgw1lAZWrALYAuAJfltJ0vJ8dXeNbmp4K1x67XHakzTgxIN
GsHrNnF/2ZuulhQSuknDBiomkNBSQRFZkpAFyQQCMPC/kGliL/gnyLyds662ucbeGv1CZsbnx7dsmlL434x5
t8ftS1rYb2RaLTurVouo4i420022cjFr7tcsNpzNStxXG8pFLZqLajMEdtJlbDVPwSOnG8nfryQvHBCF2fipd6+
Zn0KdmwxI0kVnSN8MCAVIDYRGbLEFPI84AAAw87MTg/HPcs+QHEHFWz8Q6dyFvGM1rc+c9obpPF
mvWU5G9ltv2SoKLNujjquOx1/7atSC3jYtZTKHSxdS1kKVazeCzkqin4vK+bHEGqZXOaLg8HzhzFs2mZG5
htyRwbwRyjy1idXz6VruHr+w7Zp2sZHUbsUUVLSG2dFPPrmMSLx9C9QpskRJVWy6Tsfuf8ZfMbl/E2KG98
w+cHjxr/D2pZmoQ5Hh7xtonvWQ0bXG49otnE7zyGwz3/IEsMX/AN7zGD1JxSnRqUAWGuD5T+N/NWw+
KvjfV8f+W9a3XL8ueU2czfI9zf8AUdm4MxPLnIGQ2IsJyLd1XE7RjtTd+QMxtVTjN9OMZsVvBYDNf3nH
Tj9dblnEqvTtGKNHszTWbyVpWlqR26fHVVnqSJ+dpeswTxdudJHDMHV0t2EZqkzRpAs8bqcAucszkfcSn
AKMwzISuQpPc9BhQFUegYFLwf5L6T5BZjkqtqGt8l6hl+Mtuxmm7jrfJ+kZLQtnxOWy2t4LcsdB4bM+rw1b
ut57F5SrZyKQfUuiSwNbEkdcEfa9k2LaPCLjrFb9yXoGA5V8or2n7ze4p5C2XjJZM1gaPAPNm2V8I/Z9Tv4/
LRjtz+uYO5YTXtgjqpKYg0LGMD4OUeTz8gPqFM5FZokcgf9feI2ZoeNrOefp0useLFCIYpeGds1ermj+bBjj
CyM2lIgstN11IYqHX657zcB6eZfp22GP+JSPM+VTBxP8Aimz448/ogp7QPtXYgR6XI2IKVj6HqZxVh4+Gjz
xjjTaNeNntRGWSvbRDP09LyBeMIY45hDO6mNljQaLe2gKiT500asynA9YwzLIQ2QDFDFD/JG9m1UKpVIC
j+wRVPPfiV4/cJcS8i8vejqc+bOS1XjHT9k3fPzS8z/Jm1lwzmmu4mxl8uGNop5Sx1e5fijUfFauxteHG5ixYHYu2
Duebw8d8eXN1s+IfmiWl6np68xfz+S0/QXNVpeEx6r9zMXL2a5jDJX2qw4OtxrVwLGVtsNk220s/J/CA+o7
kTf4KeYSEqjKHx15iBUS44FzH6JmErUBRAsc2w9qkIWET2YaVrBxTIFy8yYssv4U8w46ykFSrxZ5ArADV
ECFFX4sy4urmmfZwJNCeyusDAgKR+OGj6r12/LjoScgly3LJydikC9n8SKKNa9VywRli7OxsuGDEhBEiFX9
CbiqrDYhV8YkVQsTE4C7bdrxk4cDONVCHGWBlrxh8quOub7myaPqyNhx2xatx3xDyYdHY8dXxs5XRuaN
YdsOnbHgZq3745HHHYx2c1zKsBgf2rY8FlcWwmLVtUwY95ReWgh+O2RViM3ru3blmn8O87c2vxWnLw
jYXXQVH7TQ2zcM3npzOcxMUK+Wv39e03XWqG4qztWxY6vbmja97I0136DengnSfpveZFeYqaujhXhix2
8gGrGJrxw7zZrGmjpm35ZvqEhW4051Xqlx12VQrE65um73DeIJWbZe94xHPWmfVZ8mhhNrBlucEavD3h
G8ZE1E6Rw/xzureWs3QIRNR09o54z2yYC9KosTdqWYcmOkFIUBWrwitCecSSd1+PHbrnuLuFm/yDXluLas
JTEFUiZjyQAXxx0gBDNsBSeNI5H1Z2XUKMVOGbcH/H8fWVdkByNPG2cgGfyf5LYHifxvT5B38Bmsprb
6vFuQfr9NIMc7FHILbdO1nHt92rEUynEntfTIX1LsyDU0rK67iklQX7z/zxjuHJ4cK9gLWbnmLmvS+EaX2t4
KP9lyG71djvVNGtxZq2DuU6o4EqxY5Xxvcy4BA0AA1sCzzBFv8A+6Np5hAsdZrcX+LGSaH+SIHQ/cN32F
2/WQHqv+epDHSDgij2Vl/UARFrHeH174ylFLzz8ZxWMjEFDMjmM3iGdhETIQIsi5cx+0+igREfZQVGHiI
HhprIGkee/zVRkR8dyLjqdGakq5CkSo9iVn0JdtQTucBuEjZwrDbdmcPk4LKgjZgAfCuUJ8eQcrgYyFsHRPLn
jzN4Ly3DkEcXxZpnipzNsvE20bRn84qzjrtTXdH0LbY2qlihQ+wnInu9bEVsAv+7ZF2RppVTs3nZCrTGuLf
mxuWucJL5k3jx/2nXT5L5JwXHnitw0zMKDmPmO5t0vr6Q7cMDIMVi8LxHc2GKuS2W/ictmszY07RMZfzu
zlXytZ2tJXtQ8J9q8jfid6hWTwfOOe0+3xX5e6vyDwdwx3FYnl8Zo55qcNcD7ajklblCPqWbPIONv1qOD1Gr
g7ErqaxQPYs9hFs2HI1LNK3eS/J3Hb3kfdVmDIHas4x2rxD8taeqeY3G2VswccL5PIPhfIPfW+Qr1lztv73EV3
ad01vYNL5GMIwt3WsunKvvU7GKzVfHHJeA45LUMMSi8FiW1NDBLcjkrZ4kclR48RuNpBy9hlorYH5CQ
SH8eIRTSV3mjZSRdZXKnMqkEAsjKGcuzKCHAxqCJNvLDJQhSM3flr6gfEen5HmbkThnx433R9aqO2Dd
OM+Fd55CscvYPV6IV13L29Uy25atitT5F2DXKHxubr8U9JLYrPrYbI/ezSrtMDQ9213ILSDr5C0bKBm9J3v
WsLuGrZNVdoDIMHsdFOawt/q6VPSt1C2BFXNYNj7mFt+EgYH8zflnI+g8W8TbxyIvmexmO0HUtTzWxZj
KXBcA9E8Wmg5oornJ/8AeW8i4wo4ulV+V+UuWqtKkt9q3XUQn/Tt0LZuMvBbxo0zbsVcwuzYrirXbOVwe
SFispGWZj58xXwerW5kNr5HE1sjWx16pM9a51xGArgP8AFizXrzcaL60YKVv/ACAoCKq07wXYPYDLjt
WJpys1Ttwq0kJBkjp3EZwsz/k0UjXH1jAOwJzIGKyMzDAIVj96tkAIS/wtVLV16MX1+VhsPqP69i9jPYR7w
MQEwyJ+aPZFEGbzPr+de1IGRR7MlmJSQdu3oiLOIwQx7Ce8k2fRQIrnl+P6nmGXI1LDS/U2D1SRTJAv3
MSMkHsv1mWs9zBjPsYZJTEfyH5BhUwflBkhilicwyP3OFn+nsJmfjeAn+4FBisYiFjEzJDq1dpJGsAzK0boo
QfSg4ZIOO4G1BChdo8swBzj5xJgI4GuxDBdlBALY2OvqQQMEYIzsR5Nd524NBtknNKZYboECMDL9
kfiYL8kMmr/oMeu0QsomJn1FWQQwREAmwJOCZ8sIDL4koAZ+Qh7Ecx0GBgPwJnK4mYKRZgSsOttY0
oYcLOED3KYdHYoEi9zMBAXExC4nsBQMRMIETH4rGsO0T2ml6ll/gBg4TJR1iYKTERjopv5iY7IMQUIL/
AFa0gJSMqio5ViMhcqO2PIOAO4GyP9QYFWMZ+RncDZlztasqdlwCD5UghfBPIjjiUZxkAPj5G7qVXrEi2IY
AymSS5L0BBHDZCXv8A/WwQnIn2g1xHUyMwJmJMDk6TZNPqIzmDhSi9EZBITPcSEiIC9SAMZiMf7giMZ
GWCExb0N3VYif7I1AwgCJvYYEfRQuPRRMwsu8QP6RAeup9CxBV2FM9mSJnE9BGAKp/P6QsYI59yET
MT26zEwce5EOreZEbnY6kxuZBGfX719iWkK41Y+SrMNgclQtPYbf2uPJBVVGJAQfJGcFvOcjIznGMfIUk
TShxuFcmA+whZ+xiA6BE+i/YzZ6lveRn38YSEx6mIxFhwrQp/supn7XEKPTp8pG1kD/wAo9RMCIyuepQBH
EyfX+TJ2PBoWck/SzGfShVerMRKC7eukFAiAmQeyI5KO0DID2GD3oNDHj+hzCzI4Z2CBEYVMSM+w
WRIPr8CEAx6n8AJROQewqKyarhSAO4r5ZQIMVC42ClmYSKMEqQpPyNIYtjXAR8JqAFIJAawuvjBIID
+cAr4JYdikPyx679pZAP6iK4AR9HPX1Ij76lMxEft66xPv13j+dOwEgqzTmrKBj38RGEH+Z/YoKQmSj/AIT
PW19BER+Ij+f2MfKrYEv5FwQj3rRCvh9f8piZ9AyWh7iYg2CMQIXl3KZy7K8Wy+RapZERATP+M5gv+cj

Mi2B9x3iZilj1M+p/Pv+cwsqIQGMapGqs0ahlLSFJAJcR4B2AwpwBqrEA/LVEKHY/wDqATAIUEYOPVIDB
QRjwwyGAOD4PyW8VYUSwJyYYDhRWKOWSMRMgsGYCJg49rgZ9RI+49EP7ev4zjiDEvViq9hSUwfZ
cMNv4/xrLhXdiYiR9t+ODiJP894EZ9z+JAbgnEFcrVa5wUzK5ggX+0yJCfWPzBTJAcQH/1+pn1MQMzPpneh
4x1HFKQHTvECBIM9TAon1JxP5D3AnBwHUP+P36kSEY/md8RqyiR0Bi2DB3dsytCwCMElZbMYy7ENr
sQcEMV1vn5CWdCSGyxZSxZSdm8Lt7FQF9WwGC43II+T1NiYCFgMLnoYiC/cF+hN6H2WUx+Jn2UREx
8kTHv8zMd2lZrx2A5mYIUeygTHtEhIwZTHyfgZiQiShfvoUEU++xfwV5SmucTMka4gvcDEfr3kpERL32ZM
/IA9ewyMep9jPbjYcImZjuIlMREfgDWMGwo6MIu8yUzMR+IKIn2K/wBp9mjqW2LBcgal9WwDgkYDE48
efJLL/WTkqahQwJ+goySNs/eVGPrH9YGSMhf+IzkqRSZOqLhgnXMQJUqgWd5k4mQEoj0MHBwf5mevxD
7ml9QC3UJQ2GgulZnnoHpfxyImUi0viJk9yDuJBHJZckRdZjQe5pm7DajLEzMSISMjMSQrjsCeoD1/M+/R
THqRD2l/iS9fzDCSstHzyl6FiuFDHSBH5GFMLiJgg9p7epj9pNkyZR7/g+wVZISPydQfoMxGygE+BoNigIU
vscKfGG+Tx+wViQASPOdj509QoAOcgZwp8E5JyCYSGWNfEF1cvtDD/A9/xBfpIdoMAziJgZL0XYupF+3
8Hnym4gz/Mek6Jq+qXsHSfrPHjryrlizTLyKzNd4k5n0nkfN0KcUaNtjMvxcut3KeIU+K1RuTZX+7vUUEV1
RVOx6EwLRgzmTco+0yBycCEEcr+PzIsEpgZ/MBMz6KJCKM5c5p4o4C1R2/81b/AKvxtP9Xr4X/VG2ZM
MTiZzV0CZjcaD7Hcjt3FU3fbVK0SZfDJCEfBP8q1neO3TKrh57sV6KapWUfkM1hJEMSJEiu0vsqoEBJIEbB
gVDXgQSGz6hliAyPOyeAdhruSAxPkj1IYYHws/NTw233yOzugZrijfcJxtkX63uHBvO13Ioy55LcfGvllL6/k
971zWW4gINW7Ucnp1YNUu5Ek0McnYNkaNqsy0uHXvzrwU/kCz43p1u/j9exHAPO2q8sliApOIN/D6vonIm
lVtaxq67kLoSpm34u1WazvVTQouRFcjesxJKjbRcrY+7Vhb67Rq269tXr1brW2FbW9ZyULMmhMkmYH9x
MpeZGYEe/kO5JYsg6lIQMSqPQjHeO7jGfcF6GF+oky/Cw9xJzmfyYcpcVKNZGSicc8/4xEcQkH5M2sqO7
KS5Ulo4dwwiDymLVnbPaquyqdMFgXbK7AZUnySWJypIRAVP9DyQVdUPGry54gyfJuqeOXOHCoe4f5G
5K37lSirlbiPatv5F4lzPK2x5Hcd7paldwHlmsavuWIDA8nmsxrVbasZRtYgsgWPyGRz1CIXEwe5h8FrFbCeU4
0s85bptWueS31FfFLf53u1UqY3lvWd72batBxf122ntATaweRyeT2rWV7frkVNVxVDWbJtJjX+Sq1FMF+UR
89ovj79ehB6n2MPMVfKYgj6jJFE/GE+j6mYDH7BP8AP3MYqtktUL9WtdCnbTdqquU0WV0rly4tlyC/n+b
4rdcjNtGOK+6GEAx8bI9lfqdT34JxKyIipembMgq145bZpWK9itJNZaHbdZYiSuFIDyd1JWaR3kYBcMoJY9
oZ8MMAI4UoDqocqowQvggkM2B8Xxf4p859n1u/xnuPknxFidQyINwmc5O454a2bV+cc3rtlP29qMMWS5M
zegaNt12qxi2bjjsLnMfjLLn3cDqWJsBVihx7v9ObjLkBY/F61T2DKanw/4vaxntHjhHC4yq3X+UNQff4u2LX9
W27LWb/3c67htn4p1LOZzGup5Fe5TXtY3NtCpbtldOK5EwT5gSkHSxUe5h0R/miG+vXqJn5JEDgZL5Dlsep
GIkZnRUNHFGYGC9ocwxB0ySh7KcMTImZT2IUkji9IDmxAzJxEU6vUHW9tqzQ02haZx+NVjRFmkgaq9
hlMB2kWkXzJrvGcmZJJKiQljnuVSkYwFHSrBThgmirqSSWAbY7DYefWMEnakOUOGMZzLa4rV8vdxBc
Vcz6dzPQCmiu/wDuuQ0sM0teGs/PPxKRZ/ubPkdXllhZqWSPYHILubhzg/F8R4vkrLf3zK7pv/MO+X+Qd+3
nNVqacnr0qx+qa5UTVAVYrVOPdPoYXvTQwNzjkUqVB9xzXZTMZO/a4dff8A9wq2ZEExJsfbzELKFGY
kyO8GfoCMYauLiBnvIf8AMh9he3yjSxaKgHESEMnf7l8neFgxcTMSwygAHQjr7TEBEF7mClcVS5aag9Pv/
wDituhiRYG5QPFL2WkCGTRnVJnUy6bpFIRIY0dadhISAfifOTjz6srYUgn4/tcHUIVJyQp+DHxvwrqfHXKv
O3IGPyGxtZvnbNc3Daqt1tFuOxeU07jTTuMsZVwX21CrYU034TTKF+2WSt5B0ZGzaKu6pUirQRGeXOE
a5Y2PiTYdnu5are4K5PjllVEYexTrVLux19L3HRgr5tVuhbbew/9p3bJ2Dq02Y6wWTTScNyKtexWsX4+VRk
Af7Getj5fyXuDWYSUx3KfwPRgRE+vjk5NfqRkynoZhlYM1MqWyZudTJfxwUAAJ/BREnITEQRAQSAwM
qKeswzp/OfzLXcWd5T3ESQs4KLIYFhjqrXGwQV1hhGxZioyHDqczL5I+siPVNsJULgAeAPBUKBTlmYB
tgfgieQ/j7qHkDiMDrPIOW3Jmk4bNjZWy6BgM6eC1XkaMbZxmSxeC5Er16R5XP6xVv46paPXq2WxeMyb
CbXzSMnTYVWbTnVcRummb/p+fU9+E27W9s9q+YBIkgzxGfoNxORShsqM1t+xsWDRILZMMBHsJEY9S
TOQQWYNBLsqImLFJNMogSAEbpkRODYImZKVIBJQETPqJAy4NcU/74VKY6AYbGsBE/8UnXvAxpCJ
gfsIVWMe/4+SQGYAB+QaxtWxJCI5GMFKSR49XT0ZixmcFV8yS6xOJZGMq9mKM+IVPy2MCAOpLHO
fBA9QULMAEDMSNSCcoEVQASufgR+YVDUeJfEYfEXSeleTuZMxyJwpl+CuHtK1nQtw2zDsTj9Yx2h4S
xyJyXjMOeo8e4fCuv4fMZfaNr2DXrSqMLyOZwqbtrHGCig4B8dNM478TdT8SczD85p1Xia1xbueRC66vb2ct
lwT8XyJn7GSGV3VZHa8tIs/nLmRUSrS7+TbY9rafyJb5zHQGLORXLw6lAOZ8ntZ/q0gmJ6EUMbLlgg7RP
yR0mZhY/yssU40NauZmFq+QpGJmO5lEdfZFMBAGXr1CzL/iQ/nuMAQ/ylgV4KqizARek5OSVpu4li6+qxt
GuqRxJEgUMT3LBdgWnCiOOKoCJVwuwYspJA+/AZfChdSR4YliV2La/Yg5X6WvjfnNPnjvPbZ5S7ZoCsd
jsejS9g8uvI3KaV/a8IdZ2GoTqw8jpwM0sczH020UNxwooOpoOutXxVpTlcN9OHxpuxaRt2Sp8zbdmdB2/A7
3qf/AFD8nPI3fsRg9s1vJry2Bza9b2zlXK61Zt45tYmoG/jLNeZcSmINEkInzg78sYNVxx1fBR79yXqFMhZLm
e5D1JcjMSXUPx6EiL5Bj6ydZgf4x9j90XUZ7iXoYloth0j7/wBu4rEvfqAgBn0z36vPznNTIVN+925ZGGBY1j
UzxqGwkanw6qNyQJmVvYuAq/I2kk8ICMlcKfUBQ2oYYTACk4Gcf1ny3wb9N440PT985J2jVtfr4LNcp7PV
2zkLIBYvWmbDs1DXcHqNfi2U2bVmnUYvXNcxWOIOMr0KzQorstQd2w2zb4th4L4a2PdctyDntA1flbhsW
h3OLNlzGSxa7jNp48tXxyLtM2Sgtjdhwv3oNcilm6d4af3d1NWay7l1brMitNj5ln0PRzYIZL0qZB4DP+SIH5
YOJi5MZFknBj8n6kfFKZK3MCo/hEvTjiPUxEDMtkB9T7mDSsShQzEk9vYyQTA0XJ0knY2ZxNIsETOZ
pO80MTwpHEzqVxEipGgVsoDGiEEJr86dgSuo11VV8+ynVQSNm8jHr4AHgeP7JDnV/p8+Hut5/X9jwnBuv
RYO7KozGqYXPZfbNn0vVcrUMXU8vqOgbRseW0XWLuOdANxd7Ca9j34w+h4+arAUSy0yFF0iMwyP8ks
9SExASqGr9f8rsMFCwntBT6mliSj33mMjVMYDuS+wxBriseG/yTHdnyRAR6kpNkiIfkv1n8wIROQuPvJh
WX/IQgusw1yP6+zX09fn1+kkJIMiw5n0X7F7jQpDixa5BUlt2bFoDPbazNLK0asULgLJK5XDqW8sMylGcF9
yInbY13Lhhqq5G2QNQoAzgDwf5YBx5B2OI0a2rRKheOgJSyfwECRjHsBgff8AvMf0gYkI7QIQce4IqO218
SxRCciXqZkRnsAyuJXMqQxAWYCxgwRDaw05gpn37l/ZafapKqJB1EZj1MQAhC/zMnPsVlUfUfU/zZCPq
S7SMD/ALQMqQ72fyKg2x7k4XHVC/nrHWYk+4xEugJX/AMvfZcxMfy7SjldWKh84VljVIBVilBDeWVj6oJ
M5VpG2DqQSG5K0sKkHy3s3+3kpjYHBB0YzyWVQcg5IGA5ACA3A5ygJ5uGqTTWEiwBmRL8hKzNgyse
oRER1gQYECExhXTLAFxyBNcURCCX+ksYJQsZ6RJx0YI2gZmBko6s+QupZZrETyGws/SJZMBIzLJK
VKiCUCkWeG7R8c/8A6oS6FHR/AGGMEDIx8hFMxIzK4OSJbgYI+ggYcfs+vxslgkURJQsWHJH2JqgLqYw
Y8KpYgxjHt65Ovl8ZClwyBc4BLrqfimm7eXOWJLDI+vYBT7KSMNgEgYYIPDBTijjyM1djmGGENGWf4h7

+1iURAR77epPr7EupDBFJLiZnt9MciVIBwcRBEZioDZ8kf7kaSI+0RHxyUjAfgHkQ/Hv8AnBZOZbKxkzK2
5zJkQ+E+0zBfgRmZBZz2nrMIJRHU5jtPrEW2NKV/GbAX6ITIFTIARKBgxiR9C0xIzj/YyKzMdiCEZmleTt
ThIzMjMEBkb3BVCE4FXIOoABclVOxUBgHxzJ5UbbNrKEKcOApDFmwMnDKBkk5ABAXXJ5WqrdyFM
wEejCQCsmYkxBcR0L2sI9Qce4ntMkfvC/UxHM1BkzNR/KYqlxDHSCChM9FECzrECU9PUzAh6ESlh+46
5sD6PWsjhUSjrEdSiAigkJYRjElPsvfv2cwUwqJgJH0fGfuwTIM+4kJj8gDBqiREZgZWQF6EfYkJTbWxQq7h
0iR6hmyGidsEKilPvVYMCwjBYF5PK7ZVXUFSz+PZvkDArqu+q6qqhRkkjwTnJ8hskYzkBWGNSPlE1ZUo
zhs/wCYDmBIggu5jMSPR8CEnMgf4iCkZmSDt+wR1rWa+BxJj/HKvYIEkXqTKiMyCQEIkOxTET6/8TETIw
M/zrXmSlnVE+2DYYqTIA6GXUlj0JT2/aSIIL8cxI9QCfZYplZjmEx1oksKfcrHpMDExEjHYv17z1mOxQXq
S9+o/8zWmSRkVJQ0g2MgwI/JbwdRI8fqngEFhoxICnyRYreDq57alS2kbKGJbDBszAIVwxwAwIBXC/YVgn
jTh1uq12kDDdNYfYLiS6/FEKjxPYuqza1ZtGOpkH2gSIhliur1CBQpd7BjWwySIhiPQx1gpgvcj6AfY9Y7QMl
PspIP4l/jJhZq4Qnyv2K6So7zExESQh7gTOQiYI5E5mJl4kvXqBgphq45RBC5mYkgEZWfxlBBESZREx69Q
MyclA+ogogJgon8kg0oFSGsFVsooQISQHSRvPkqoyMvgnOQXIgp1+a1zsgltSghcqqhR7AknBAxnAx/IAfyG
PosScpkAOWQMjEC0BBCErP0SH3BRJT7mfckPuJn8zIzP7T/OtCBh6RX6lfjH5ZmCnuU9YEZGCMZ9IEz
IdvRiUTEjA+/wCdm+Bj8bPRixkADC6zMCUHIdYgIiJnrMABTEIPT179SUh8Uxkmm6BKFhCiiPYxLLogmy
fSy7TAdeowUe4go9yERH5LKBsdi5cnIVvIHIVQFxnARwFJbOMsRqFwDU5yMqfPkYwQAPrz9kZwM5
P3/tWucgWFaiR7SuxJSrqMkwphXoPUFBkPaIIjsUD6E5koiZidFhULi3itRBDvin0R/mP+XslyJ9YhbBnsHv8
zExPeBiZRaYqDyKpZJAZS9BiQ9hD5D9fEComDMRBgCcxMnC49T6mA/kTugLoli2FHx0jp6CW94isckAC
UD8YhA9wkZ9l3gxIPj7CLJ1IEjH1V01AABIBVGLBw2EwY/G3s6gDOPauREFVGSs+VqBk+AMA+T5Pj/Y
ggjcFgPklydVU9GAU+mzJREskiGJCYgjOI/YpJZQI9YKOo+p9wEfwe+dvHLhTyX0UeOucNCxPImi085jtl/s
Gafk1VAz2HvArj8kR429jrnesu9ZhUw6FFDThgOmfcETi2i/DSHgw1iITMsL4g/HzD+sdjGYEIIp+8EZhbQs
GSYgS1PqQ898+eP+I8RX/Hyrq+R3Xb+W8jicrgtiwz8ynYdJ0jhDmLmLN65hRr2qhY/YdjDjWnisNIY7LqPy
apah0GRQT4yGxZ5WvHx8xq3XkWWrckGp+I6oZha/KU165iSMO0iODHqSGBAZlpkTIPkbALgBSSsquW
OPXAK5xkFZAGGPw9a+KoUa1TGUIRVoVKYkY6sBdE1qtZYpUmDmYj2pSlikBOBEJmImSL+c8MhKhGe
hdh9NgoH2MHPqBk4mSmJURCPo4jrHvqXv3Ea1TcNd3zVdW3nUbaslqu763h9r1/IDK5C7hdjo1cviLSVj2iS
uUbtZhQHbuDBKJjpPtYVryi5t2T6kOI8WalsuOp+M9C1vfD+xYRWuY29kNz5c0Ph+1yxtmQq7S+izKUcdp0
bbxxrf2GKsrouz1DaE3rJOqlTKtx3ET3rV2FdYJKFTkLtxZ2YevHoJZ0vdHZpnIEMahULysxlZiWwYpZlPr
nJwrf2UBfUkJt9DABHl2wACww0HJVPt2h9sahJgGfft6goDowZme3sJV+FwEn6L0ww0ie0fZT81b9SEikSA
YKYX6hcyEwfqJGSOFiU+4gojtDIOCMBDLzR5O5JxeN4j4T4I21Wk85+RPImN1DUdvZhcRtJcfaVqmOdvfLn
I065slK7gswNBafgLOvVE5RB1S2XbNcUIIYf7/mf8MOZth5u8dOotz35UVuVMQvNcccyUgCvXLE8v8AGu
ayWh8klZRQtKKKLe2YS5IKFJVZC14fIUWCAKMF563FzjV5LMKQSSRwdtpGEwRhKkdpVVQqVmerZq
xyhw5swOpX2UIUESPIcsuAWLABdh/sQdwmNW9voAD/ghlLArald/+Nj0ailYSMEYFHuIOIMvKfhd/Uepm
Cj2JTP8AJfl/BVJZz6khko/JMhol0Lop6n09CCyGCM5KBIRg+jRYr3l2vzLyl513lwrP/khyZwXpGE8XsBy3dr8
a6zxBlrea2rP8ALW16YT7uS5M423yxXrjiMLXrjSMoSqvm7wKmy75od5Occ85+OP8AOC3PEebnk5vrNg8sP
GjjfZNV3cOBV6ZltS3nlfAYPZsTdo6XwdqeaK8niHvoiyinnavwAxxkHs5IbMPBCwISL/KOI7V+OGWtWkXk
TKwnlaGGIyx8fLWR5Cm+TYaONCrF1OwPTqGKe6AEBRlm2ZlOoBxEyhSVAYSNUOfH2WvYCuEWVS
BBK02E9Vz6GBgSZBHHx+yKYEwXc/wAREwQtXDTGP5dErruUCzGV+1+zOC/aZ+OBn2Unll6Eid176fh
pjPuY9KR3rcOWeevJC74ocJ77kOI0Z411PXeQfJfmPWsPiL29UKm9g8ND4h40bn6OUweA27ZcXgstsmx7jf
wOZPXNe/tKcHWDO5aLFK59h8I971nBns/jx5Z+T+v8s4IB5LBHzDzLuPN/F21ZFPt68FyHx9yDZzONqa3m
oSNDIXtAvp+ewcWyyuDsXZpqpO8o8XUjha3yFanPdSOWCGWGzMywzqO1YuNFG61op0UPGyLPPJEyS
tEkBRSSU5IDFizRqSpxlXLEYGN/DFQVxg5JOAGOO3+GhcqDDuhKW0gaqIKJ+GT/YlrGPXqFmLCVIMkx
KRiVxEH2EIRkWmvOyZTCmKAa4FLiZBKBREJGZxPoZknz6goABmliezlgVv735V7tyr47+IXKevtXFm6
7J5wcEcNc36bg8q8Xa9tGD5kucfcz8a5R1b/NksA/NYbIoWriLAMprKNUwtrNmJZJkKFF1llojERmJiDE47M
L4GCJsmJMzKAAZWs49gU9TEykZ/IHIOOs8aEWTZZPyLkDBe2xhamY4bG85Yx+zzr2WiaVGX9wBchm7
jDglZzhJChkBT7KQrDB+gATqUJByDjUEiF5ldhTwWLAImTMHBjP7kUT+hRBFHv447MZK/fcBEZ/JT/AC
RaHVN2SjsESsupqGz/AM/ybaSlwMQcitYV/kBkQMCRsgBil6n/ABF/N3K3KFPXx+sjn6vlu819j4w543nF8b
5antmYRmePsWjhXgTK47HablUZCPb1nH1Mtkstkq9DBHRrxZyF+yvvYu222Hm6JkUUwoR8kTdsPSbY/X5
nQmvHyBIEAkMSZCuZEfcz2mGgUTE92+IbjRWlaz3FkndAP3CMChRvFVJbLkW5BFUISokJbBUoWtyFh
ASp8uMEplIJORgRggqqqT9g+ytljYX/nCGccVZTAKOkHAzM9lxMBMxH+0dwKRCI99jH0AnHUZinrCArk
v4okwImSwgGffo5+OBCImZGIIMKYeogB7HPuOs/wAGfjvYc/e+o15Waq3L5izrGH8aPF7M4XXbeauOwV
HL5Ha+fKuTymGw0unH0L99WPpVMperpB9waFGLLSilXEAd86td5Y8pOfth4T4L3HZ9Nynh/wAGs5/m5p
+ZyuFXnvJfdMtVt8B8f7IFG9TDKYIda0HbslmcZZZYqsq7riXWAd2OqEBWlh2nvLXlR1ozT4+5NdlAEM
Fe9WrzxB9d5Bme1XqsqDBkkDKCoANoukHBvCAYQI28KVkrfaQgF1wSqZl1DMD9HPxyGMIIQL1ywIS
SzX3KSmIOJPoMBDGAAFHciWUzAyMxJEMep8h3zLU1qSEusTERMkYStpF3EyUMQRrGZ7EM9GH1nv
IDZGbxm5bw3P/AI+cT82a1M1sVyRqOK2S1jHFP3GDyzan2uxazcGFxIXta2eplsDIQXMgOQxLA/VRev4SN
I5hKsKAIDFpn7mWfJRBMBEDA/HBLBXuT6k/yKQKDY2QySua7yRT08csRcMhVQXEhZGCMYzJFKkaj
bbWngk8yDJHghABQfrwdcoxGGHn/6n+wTgM3ytl1sHDJKQK7oL3h8gewHv0NnSZ6SMYrLmIBkLg4WczI+
+8FivTbTWQ3/GK4URMFNUBE5L3ExAe/ycB7Wz8e5EZWmWefzLbSBZFyBgysWkVYzMyv3DakCC
Aj4vYnB/sITIIOpSMjGMvVSqiiVLRNnyxEQsYEo9kciHuS/wDrD4lqAFIATJBA/ifYV5HXZ8qxASEELGrD
y2CjOW8qr9shVCqxIzhApPYI7aIR5YbeVz5yAVIDfR8Lg4DHGPAI+fzP8MSBMGIUCNH1MQsi+WYZME
QyRF+e8h7iS6CcxBzBT2fkIahAiZMXNIVAqzH+IewFJwX6THUu3uTkp9SQzHuR/mKsh6Q0DmItRKTEin
8NKZ7kPafZe4+QRA5mB/WJiImBiM/iK7Rq2Hy0D6Lisv2cjEHBSHqJOJ7ejWcOIesNEQUT0OP5KDHG3Za
J2Rku+MMVdAdxHh85WNP7GqAbAMvsYXXGSTswdWyR9YIYYySQAMdyV184U5B+YC0EVqwDYd8
QSvr3mZH3LgFgTP4lf+MmwJGcAXoJiliF+4HbeHAZMXiXLBYaRnvAx2GJgW/uZgyCXDPjY9smZ+SRk

+k33tR2Pgm8Ewk1jDBD3LEwceiCO8iUTAgYwUL9mIEf7yMTMjXkZgq9r5lqKwJuY0UjP8AjIpbALFhz6E
i7kPrt7gSAfURJT/G6jDWaMRMrOxARASrAhlC5YYQZkDEoCECtGQxJ2JVeTDs2QRqXC6scbAsCCT5y
W8+pKqTgE5AYw74rYuSb1r6BXL5CGIk1e19ikhgIIPmZiJk4n1HaDEeskGMYXSLA/JIQC/8fdbA9yTAmfQ
zH5OVyIT7kuszB919ZGZAAtkDVEMITiSAyJonPoAXMt7IP7CEiHxxDZiYnqKx6zP8G/nvyM408dcPhts5HL
JlxWx7BX16oWNopuMC66m2x9w9TLFeQpLVUMrBKkyVMEZwXb2DFWpvyKir1ILNizKI+xCm0rygRM
8gWKIbOVQGTVA2Qfo6gEK0yQp18rL21VPaQKoVCdSNn/gHZh7EjJ0LEYANv8h4Pb8QsFrG/gSBYkLi
gPgX7KZ9GcCXY/RH6EhERiLx7LcV2sSxcx8UjBLECZDffsi9jBLiJl1kv9/RxPsQkRgp76LtNy03cUU2qV+
vXtV5TPoGhbX90DFtFrJckw9SJjBCUwMhIwF8Aj6jlzZOwEk0SgVnJiUyUrL4wJosGY+SPjkyNZFE94GIE4i
Q/IIQ1wkcqyMyMy52y24dA6P8A0GUqocSOSEiIXWAbh8ahiuoIGxJA8Z12GDkA4+z/E+pKzXxwgUSS1y
wpEu/ohhUF8h9o9eolf4aZei9wPqBiSKBiOtYQaK5tYvpFcHGQAEdCcPown9WQJIPWDCJ9FMSiCiS6T/AC
QVqDq9dvxlLSWDDNc+uxfgRlxAh5Jn2TJGYGJn36g2e5/mE2O2CsPYiSLq0W++/xjElAyciIsGTHtTMS
wTj1IfJMSI+rpihdcsohkddVIJCeG2YEqEY5Cqy+wKajKtklYCTkADBDE/7qCWxOQgy3/wBAGBUBd7LA
11YJd1LioCkSECgB9DBkQh7OY6sYsJiPZz/ALe5iPUyXvCEbQIghSp6kUSRQBSU9pmS/wDsiBiff4EfYjH
49+/cRjpaSrRv/wArFyZQQR+QiSIBMZEPc+iAmv6FHqZOCCT9D/Mn3Uz8/OPaJmDgK3yxByUIMSUNT6
n0UTIyJSPv13KPXoaZGhyGUSJswVVJZwSd/wCUatI4AYE7FgpYElWbUWYIY3bBRsuvlSxwGXHhUEU5
AUMfYnzKAhSMFznjxQIWAUEQ0VnXWYRMx2gFkInMTEgI9pLsMSJQEYmX6gSn+FEgIVINWIZIkE9J/
WOpq/AzP4gYiR9jJxBf/t69wPumeD8fAYWvK5DpCRbJEBBIOgWKBMOyp7yBepAw/wB4HvBmMTF+JQs
ik/cR0gRD9Rie/wCCGBiPZRMevwP6yElJQJQcxKhFCohgRMqAGf2KOVKqF12YeoQ+ArLn+OQSAW0fIX
BtzNjx3GJCgrhssDkZJxkAYBP+zAgecTdsScj/AlI7QrrHulEpJhkcD7HszpB/iGev95ifQx7kOyqDCqbUETIN
kjJFPqOxMjP5iIAjL2Ez79QJz+YiP5+NVAtZL5EQI8DET7OJAZ/wD2/wDMexF/yj16Ke0DH6sH+skIVXo
WuYgFEo/1MfUdBGRAoCYiZiZ9IP6SMTMj6CZn8AWB2bBP0CoBC5U/ZGPIUHBGSWOUr6kaAxGfGCu
DgYx4BBilySSMkefsgEE5z8py2iV2GOY8ilbGQsBSXal+djIAj/YjgUQzqURIZewUj0iYnEFBIDgmTguxTMC
ASByICedSiS6wU9BmAKGFK4kAj32KR5J3axASIKhU15YajKQ6wUif79Wep/wCcSwo9SDSg1yX4/kcemx
NiIkigZScwNgoYAKephLSZ7/Az1GSgymRKfYwMiQ/wZKNXOCpUyFAwY4KaQX8kgghjhyuMlcZQ/CEGc
K64x52IZc+GXOPIJyc+SVPgD1ySOTGINZzQJoEs64shQ+4kC7j0EP/ASc/mZ6ElzARH5kjEJfLOmFzyJ+nn
QecWCZ5H8jZcVGoJg1UPEnyLqnDAk5kUgWTADkuw/rK3GsT9Sb1cZUckyQCCAAMijp6mSJ3uRkYKS/
HwzIz+swPsSiJ7URyzxFlereZvGXkSlmcXRxnCG38gbHl6NINgsm17fw7uPHFSrjHpeQoOo5DalZGydt4Cd
Oi5aia6UdrvE2Er2w0jCONqfKRqSxZBJJxlyCJW+zszTEhEhKkMX8jtsQO2Hc1Kj+ZjICjHIGUjXIYLkr4ORkk
6gDBAOcKcv0vF3x28mtD3ZBG7wZ23kPXdfwi2B9/n+Mxsj08k+OuKw/QXRYfK9P3TWuK8H9uHu1smuX
Kg1VObleKx0LirO8M8sfTS0jZ3xf5Fu675ccjctZURVLcly5yFpuE23kjMtOSfLqsbZtuWx2OcxpSONXRrwyf
SVks/kB4WZ3ljyX0HlfdB3isHxZkh40d5D8Z2MndfkuU73AO4Z3fuEyyQXa9tGOq1sXt2bsHtQZGldZmsRiM
Vi1TNdHxLtlb7gbZd65i4c511rasThclxDpPOGDq4vK4i3kRyuc5awuo0cDfa5FukS8bg7mrMuZOH6i7J1rf26b
NRqgb/GFeVpZaWodFm5evytlnMiX0vngb9SFGkZvQAQbnK2b9tli2iSvPx7M6NG3ZnQeNihxg6jJP/APGJ2ICs
f7JDYVfvxldL8ihz/npzjysXBnkZyzqHBWvD4tcRZ3iTjB+46qrZ4y9TZ/lzL3F2SxdavsE7TjtQ4/usrEwq1XR
MitpwFoobJvE7mJIHzY8huKrPGMPD+neRWKxnx1xpheY9UVpV25yBrLXEOufqmsUIZjM1ckjIG3jLcrUr
tjYjK5nZbL6y0TXcZ9eK/CSPGzg/QuJk5o9oyOtUL1ja9xsVBx+R3Pe9kydrZN53TIIIdaJfRbduyYzUoK9bK
qGQCmVp8qhn8gflpxLkNmDjHnbUNkx+pb/AOLmb3Tk3C5DJ4Nmfp7BquR48zuB5C46yFWtmsRZq0NtxN
ilYnKV77TrGoY2AxF4ad2UESqn+T4qaWzxkLcPjQfiiLoszPuaatmpZFPsDtJd5KrHPOAjsQGS5Y199wbKq
5D+XK+CNAisFLv69sEqXGxBJIBQqTnUQPGVLDfqb48RjPyrwe4bm0MMM4WGY5+5pfXmCCZEHGv
B2omTkZeFdhBDFqL4/j6kP7aR4vrYKhMPO/w0VLRgD7PXzfzgn94iZj2REPoZBshMTEQY9hHjxV4W87ty
1Kt5dO8qeB07v5Ycd8N8gZ2nnPFbas+3SdYjsI5vTOMNVsUfJLV6yNa061uOdsLmziZyWVzWwZ7K5S9Ys
2UBU6fmbwl5p2+Cdp3/efLnh/MI8cb6PKjXsLgPEzJ4Wc7s3j2jI8pa3hcl7nkXm5TiLuS1ldfKQk5spMDA
mytYFZENWlZXEXpZPG441uPqTlv8AkCzz1SIZ1BHHhXVbBlgUhkDqisPRGKp+Vf3E2ZVVXlyxbKsmo8E
qAfGEY7anGSQG8Eb4kpHCEef1ENbywRTzO7s8YOV9WS4Zr2czoTeHUcYXRuMWQQ23j8TuXH+XoXW
Jhqqtu0uJhZ3VAXsYENDHOBacpSkrdbc5hrBSIAkpa1pkXxogRhpl8pD0WRsmPxeyt/Gcln5EaJwRz3j9zzfD
HkXiONcBawXK+i4zF2XBU3PA4fNbTo+26pnk5PDblxtmswVO+Wo5c4s4jI46vkcDncPIVsvFOth8V/IrmHX
36T5C+WCTi4tvIOntWi8J8NBwbkN+wULM36vum9ZDkjIHZF65nA6Udkx2jHplzL4krOOLMV6d62ltsWGld
sRSz8jWoy1qFKjbrvWuSkNxtWDj+7TMNd4J45oasbRJNNXInkeOR0iRJ5Ks6nZ/3AcEJq22VIIXA0BV/O5w
SM/8YGU4bFh2cmeKujbPVzeyalqfkI9Z2ryhx5sOsZKMLtGP483zyTzWO1jbnWyiUvZisZlK1GdrwuSIBS
MhXyQgaHwZMct+A+JMYy3yk85bX7TBFHIBuuPXEmZu/xhh10AWXX3/k6Cr1ARKpgYXF6cyeLekbieJ
NS1qafHOB4e5n4Y5oweO1TCY9eOt2+GslSdhNZ/typq1qWItY7H4zEC+vHyUalSuKkNEPjgrfxSNGDOYB
KIZ3CIkWNj45/wApCYmuBTD/AFJdoGS6l16dx55bqI2IA1GVGN7k3njkijsGGB8ZKReWRJA0hWECTTw
JAXLKGRh0JCvQBjvnLKwLYIEevlgQC6gA6+MjbAJVV1I940qtx54LfWi07E7ft+yzh+ed+rHsXIGy39s2+2
6OHeBIl2d2jNwBoTzL2e5XXfkj+eFIWqLmVoQX8ZTqHgdojI4E3+QHmwwmIltOMR8xeeAhqHfGIMC1O
4omZV7bIAOENWRJ9IE9ICS794PaptfGfmHxZY3fY6uP8rt9y+87JmKIXHDktRfCZAZOTlFmLwEGEhouUko0
OtbQeQFjl1uv3FGQJc5E1NNpH/AHvD1hXKbFenbcSkCn4DsqqQuPi9FCigqLWFCZAZOTlFmLwEGEhouUko0
YsJGONtzRSf5GeWbaPtBAeL4epG5UxgbyT1LjArICAjAp7yA3hlYWO4AG5UFQWJaH+N4wGbALOSAeHuKUC
JcgyYzFkljr/qB0wQNIb4rL6dud5G4v5q8jPFnmHjBH8Q2dry+T8tuENExO7J5DwVDQeWNkyOK5SWMc2ir

gdbqMp6py1Vt7A/EDg6B4geTqCRixXipac1RLGKcCoIIDP4khGfUguTg/Svcwv3ISU9A6yUz7E4gYCodg4R
1HduYOF+bbuR2DEbzwnO9Uteu4K5Qq09gl/kjDIw2yalt6reNyL8ngCbjeVsVOvStUldXYsPiMgq30GxVtX
99quXtJ0R83eYgfUhHxELCiPwETHWDlc9i9F0GYmCmAibdytU0V1Y0hmsRwyXoEeXRbcca1pDC0kksji
0scd2RpZ2cyzTB32Bk+eSIS7HGoy+U8t22BKISZNS+AXDFyQDqSXJxBsiLVXVnML6h1NHWZKAHvAJn
rEfgD7yR9pj/wQx+ZL+Yu+vs8Hj3gHJQ8jhlScEC4Ek+5MTj3ESoojobV95mCmf5n7Hx2WwglEcfpK2T2IY
GJkZID6e+osLocyYx+0+yH2sy4bSoZiboGUCSASKZmYKc9kAQP7iMx7nt1mCGZ9QMz6iJ/gzTZJB5YjL
Asc6nQGBjAyFL75cFIJZiUJJ/YVcfZBHqM5IPhIj0ywoW9gf6zkkZ+QrK1WsqrVmLY4fUvVlJAtUlzAM+k
kAQz9hHrP/gJgYHuJR9axlG2AZVZASZmldJZAwMwJf8AMBKRiRbJdxLuMxBTA/uMz+1q0uG3DSCYfX
MVraET+owJdxkSL/L8heiCe0/JEMGZiY/mPq4oKdc7EMgY6y6JiRCPIER9shZT8fSSApOYIpGC6+onssaqbJ
JFNFGQjMQVmbL6EFiQzEHLu32A5D7qwxkN4yDWRSSSRt4UkKGH39+ST9jAwfpVlB52uRZTVwcfEz8
zSGCV8ckTSggIkDikJSAkXZjliA+IRMuo9ykSdKuMSz1SWYzYOGy4vZtOfYTKpgJ/XrPyT0koCYkiX7+K
D/hAbLm2ZPEWkEEExcqS5XwxIsY2uM/439J9iv/GMkUSRfouP95iRgfchVtskzew4kTJgnJQS1tkJkinqALEA
9BMHJTEhDIPr69/xx4wd1WLRsG7JfuBg+skbbAknZcHPhBhip2OQ2oVL5VCUx7hsEEnH2CuWyo/oR5Afl
YMQCWYQpj7REKnH8MpIxIgxWPEGjHQAj/kMwRI7+ukQXQQEGDt/Nf76qeXucseR3B/jxg7EWrwJxFdlt
K3ks6eZ5HzlLG1As9RaHz/27HUbFbuEtWu0TRIHPoOwa0DsWl+5WTE1z+IhiFn8keoKWSczA+zaArj2I9x
GBn17mddvU8rrXOv1ds/sA5Chb xenbFdqY0bD/iZeyfFWA/sywiZCvIfFlscvJpSgy7JqOdCWIn5I1v9P2SIL1
B1DsSeC6cv2Yd0bUWrMaVaQJD/ALTMktkL/Ff5EMFLFUnni8tWvVC6i5brxOxJ1EbZlkJOWZdO2pAAOW
CqCWYZZ2Etcw1bAYPFYwK7umNxdLGqiTKVpVXqBVEybMLnsHX0X/ORgiPqP6j/Ou5ZFDfGcAUsl/R8
9ljIex/UTmRiBeukx7KP27QJT/JMhrGzKy9EPWPjKjGZf5ehHChlGTHuJlyA5HvAx3KZ/X+Yu1TWuGsiTk/
X5kVshkOP2fUhiCCUiBAC4n8dpmJifXqUCaGNiazQ7uEVF1fC9sRxsu26ERszEkEkGNcEjAAX4TViApzn1
LMBkLuCuAAobBxkkHG2pONlyeneuxQx9i0IjFqVprj8xe4mbESjte37TJfjvOH9vUjPuYnqFdZy4MApUTBM
cUCZSMH2BbybEy0RhJeoVEkUTP7EztJRPuJFmLX3FkViAQtdYU1Y9CGSFUz8kHACMTDDYKpjQUAH
xx799/5BdvenE1HZPKWEUMVja83rNixcVXqUKy4NznOc8Jrrr11ulr2n8ahH9ugyMFeZgwwOLLNoodUB
DNKCq+Ky+VYBCN8fZJJOPkOFAfYaklQT6qWZguQc4BYYABVvolgSMkRq7W+Ct8veO8k3/DEz8ZRJS
DGdJgpaXSSgZHRMj0gYCYmZXNy/8AUu8POEd6ynHm78qYsNoxAqLL1MTXbmE0LTZMT02bNGSSm8
mVTNinJE2vJiJzEzAirz6oP1eYo3b3j74s7a+jeVY9bjyphG12sn1WsVX6pqbG13GaWtap9rO02V3BlfFRbCpO
2Wrbl0OyeRtXrLshk7dlpuuXCabZbaaUsd/IL2TJgj/YikvZ9pgiH0U6Twp6dfnVo5+oJLVaSWMTV6FdyliGK
QKFe0XgnWN3UAIHR5VBAlaLCo3sNpe5iFpIx2wyylCvCmQGWMMY1MYYZDbA5JAUj+Pt18T0iRgEx
AQuZqoJYfJ+w/rESPrv6kBMfUz6/PX/AMzERNtUFIIf7Ij9zMWJkPsJ/UvfUpmZOfiKZAFXX3EFEzMXDu
O8fCddr/IMwyaOD3Mukl6iDNhHMkUSElPqev/AKj7kp/M83JW3Bx/xlyHvJ1Rsxo+k7Vtq6pGA/dL1vA3s2Sf
9imIdNMw/Az1kx9zHr84KIRK6pEquXOIUKf7SkqGCjIBLs+SSFAJb6Ax80W8570jNnJZmz9ADGx/2GASS
CwB+8a48UFyV5Y6Fqe2ZTj7VtV5P5i33WbFy9x1bhjST3axp/8Acaychi6e4Z117BajreXyNIwwUdfymzVdgs
44lZJWKOIYruLu8Z+SnHPNVzatf1puyaxv+IDRLdeNOSdSy+hch6pXygt/tGSva3n61ezbwVWVlx4nCzK7L
65eNL0lZBW67lpwPhtoStf8ceKisvG9te36viuS+Rs69IryW28m8j0EbfvGyZd0lDrV3JbBmL8hNlHsq1K1DGP
derXSqYblxBpWZ5O1XnCs5jblTkXT9O2jRKOSx159AcnqW2XsRkr2FzNVJSnM16F/DVMng1ZCXDiL52n0
+hX7MtM3Y+Gp2L3GPXsmaqLcSckJQRNeqqYgXomNYxUszosSlk/5NVHwW8lrrtXkqR7lFyPJKl1JGgDA
ZX1UsxU4yxYbY8gZ8Vp5C86ap4/aNT5D26jteXp5La9T0XE4HScOey7Xn9q3vOvda1jE4fDg5P3dm3lMhU
qgUuVH5KYMZ/Mj0PmNi7CwCv4h+Y+RAmHCoHivU6EGYEo2RJ5rkfFwroP+xm1fqPkCZGJ7fzn84+lnW
PHahNZjRt+Z3inWhnQ4+2KpyzgcpLpkDjqS/sPiYUz1BTJn9W+vJNCYiiCogp7TBDJwUSEG5cyQRP4ESkpl
f/pCxiF+4iQ6gPx+OrcbUuWaTXJ7d27Axa1LFDHDTi4uSMBIEBIJkszbnuYjAhAICuQTiYDK+QVYKPI8A
qra4IOTgrjAHn6PgMKX4F5y1jyI44r8mapgdt1bFxm96fe1zeauLxuy4fZOP8Acc7oeyUsrXw+X2DFh9rn8Dk
q6yq5e8D0rBvcIKaIsuN/MjivlXyA5O8ddapbdV2zi5WUcez5XD0UaNujNWvYPPfcg1NEziczbu5e1xxsWzY
DXtz++xGJ+wzV0FU35JFd7gFLx25jXB/09OaeZyx9nLXNY5o8zMxhsPMNfY2Xcsp5UcuUNT1mr8cC9lva
txyOI1ykyY+QLmQRDGrX7YEV3HiO74h8G+EnN+Vvxc2bx15DTPkVsg9e2y615YZKdd8j9jvGkOzqtHlfb
DyKxksKKIPUp9nA1zekJL07xxv8pXm78CycnPxHAXXOxeXkey86SSMV1aKCdeNpTrII/Xlu+P/AFFX6UllR
hly+Iy4x7MHT0i8kepVyThXwQSoBIDBd65lxeI5Y4+4JprytHkHlnQeWt01LYxx1TI6pgq3F7dDx+TfnK05rF
5ay5+Q5JwDcZjKIRWyFejkwuZTFn9ubhS3nf8AnnXQ0nYoc/JXyU0vlfj7V6s4ylxlxl4yO0Tet93LY7QYjTz
1PJWebN1K5msxn7SqVHFjh4KyqxYbcvY+ITs21SziKr6+o54oMRCphXi55dyRiyVKEHvHjGIthbImTA3KSp
7QKBX0Ht6Ji5mIs+DvKzlnlLrJRF3gHxBxPJGncPV4Kf7byR5Hf6XymF5L5SQ0tJxv4XiDF28jxfpFwPkrxu
uW5GyVe0LMLiHwMp1FrRcfOyxih4hrvMPLXrTyyPFzHMcbWh4+aeF5Kc1sV4YENUmSMu14pIIOTi2lk
9ZAmjhwxy+oIUNjKl8lcADXIzsV9crgEdxX5haDypnOANcwmu7hiMr5AePl/yY1aMhUxhUsXplO5x7VZhs
89WVK2GxfPyJhZr16dLIYqwqnkmnk1yqou1P8Am3nrT+EaOs4zI4LLch8j8nZmtrHGNeOnV8dc3Xervsm5h1
StlbuPxmN1bWMS9ub3ba87do63rGKZ82Uuxeu46leSfPHNX/Qfcfpf5CnqWy8j8hbn9KedF4u4v1Kiwsjv/IOc
d415fE4eMyYNwuq4qricHIM7tO4Z5tfCaxreHzGUstmmrj3nz4P5ips+k88+TnKg3Mj5pa7c2ZQuedUz6VvrP
AtfS0tN8C18b4v76+vEcU3cTON2/DbVj71pnLX9zjecrlbdwK43BE+T6br0JZbwimko/nRkRJKGluSpzvJUaq
xsC00NSOKwWS3YeMB5sQRuZ7CSJMzL2wMeASjZVifcoFRiAdW+iQMDw48aBiC2Pyserb8zw34+cI7Jz
7uXHKMVi+R16jmNQ0bivijJNrou0tQ2LknZchSxrNrTRtU7Jahp+G2XMYzHsXYzFTFKYIJQuh5evxXJOi8
U+SnCG2+PWw8m3f8AT/Hmfzef1DkHiXfc86qTh0jH8g6vkJDD7nkEVLpY7V9z1/WbOdTVsDrx5q4UVJk/
0x9bp4fwS8f8+133ef5Y0k+cOQM+2uC8hs/InMV92+7Tns24mTNy7OR2H7L5mtaxdPH06QOJVNIzXf1OdU
xWyeC3krdyZnWvaPxXtHKOn5et1Tk9d33jCi/kPSNgw9kCCzWydTZNexf2bkWV2BKwaxIVt6/wfyFfjIeYX
gXolzDyB4uXkzPba5+R+R+NNcWNZzT7Xd2kiqNC7iviETly1keQqDIynG4bAbD7KdQrYAYKFU5ZSyA+3
88jIntjzD3mly/yRwzF4m8qcyX+F7ek1N02TW924Q0/W6V/fdTxxW4YOVsrcj6rmrihxdwPuTrYxIRLVtTD
OhL/176n5d3C5F0vjDnTx+5Y8d9j5RHL0eOcneT403HQ9xeCwdvYL+pVNy4t3vcq+I2+cFj8xmcddgtlqYRm

XoYjJFiLF2zWOSxvGHnbl7HeTvlmtQ8ZeSebbG54nxC2jZLek7Zw3qmO1nM3/GnUsi3G3k8p8i6Lbt2XW
WulMYalfqVUwmtdV7oXN7cqct8j8q87+LGL8ieDtq8UeINN5XXvWk7PueyaRvz+Ueep0/cNR434vsZfivZd
z1Xi+I12vMZIVvas4N/es9RxOn4BCTuMK4WPFVomWo9OqsK8PWtS2IrxfkntPwlW5K8dNr8hnU22Kdkccc
auCVaNFNmOOaIs0YxquE2Yts5DIrse33B6dwjGEzoMZXAZSy4D8hsP5Cp5dyuL167rquLviPlngOOi5cq225
m9xVsn9gt7Aj7daxqUc2whuIx7wN9cO0ONp/v/LrzAkgnOmBcMC02z6ARBUQLJmG6yzsMxA+v1GIj0Uex
kISf4ico+UPG2b8xtY4u8OL3NWoj57+VGTTyAvnLjPQKbb1ze1Mv4ZWubWws6yxyjLKXZZamuOPtMd6rtK
QsMky9O8w9yjlHU+HPI/xt3Xxt2XlQs1jeKNmv7xp3KHGu57Bi8fYy1rV53PS7cf6Z3G1jaly9icHsWIOxma+
NySsdcs2hVVshOT6etx3LLVlqSQRokogh5GnPcEC1ksTMvHpce+RFGHkzWESQDOWVBuOnjdVyoQjyP5
Kz409sxCTvjUoSf8Ak/0ASwubV9VDT9T8ZvGPYsZnC+3Ow/kFltnrZDXMHsVLJ5Lj7XtMr7Lmtu2712reNx
05ehgdV1LL7PkEVKVN0Y+nZBU9ghhtj0WEW9nwmRx7VPqWsnWt1rC2LdFlnu08QsrMjP5EMiVfC6SM
Gg0pWUCMzOuFwVqGO2bxo+jhpeypqZDX9I5D8ltX2PFMWdgMpjNh4L8nsRkcZ7gZZCLWOZZQ6JJSur
B9LERSK2//AE6ttYdXhy1x7vuSgtx8Vs9s3jpu+WYB1xK3juBjLP8ARm3W7MkuZ/1ZxbldH3Vtu3PY15lhu6y
qSm5zPD0K5sNxtESOaneuxWEZ5XZ4TzPI0aLE7sI460fHx15MtiZrEDOGZnLzTYSNyhZC6zjUsD9ySKSM
HXVdQA2DuHyTlIBsfmjz0wvHPmdxB4eU+Ooctj+SEYIG2cl1M/XpYXjrN7bgOUNp0vXb+HPG2buay+yYb
ibZ8mNWvexo0MeNWYw2FaSLSH5MzWx4XU9rzWlasnbtqw2Ey2U13UbWwDritmzdOkyzRwf98PH5NOI
ZmLAhjk3W0LKajW97SwSlhwmrAY+XvO6eFHLm0unMeV31Et95Uww2lQNylxLW8Zua+PuA6AFY9fHV
dxLqeubGoUClc5fbb9sBiXyxjz8kkfjESHuIB0HrAsZDPj9CczP6DCyIe/YPc/GUH/6nMPUdSrQk4mGGuJP8f
m8GeeUWR8N23Vt6yZDRx9yFoIY4DERDHuMO5Y1WUKY0x1VQKxZmKuxfSTBGPQOMRiMA+gYkNjI
9+MPPWr+S/FGscraaNjD087Nyjn9bzJirYNG3HAPbi9x0ba6siP2Ox6nnaWQw2VqB1E31PuKkMo2UWHc3
CvkXHKdkeWspqOpyHFGh7pa480Xk5ua+6RyznNUZ9ryBk9cxA4kQq6frG0ofp+M2dWbyydoY+Hz51k0Km
KU/Ipu80c7l/Gryav8ccMb3T4+0XznqYJ/IBkatPJF/8AGq5kdW1PjC55N4y5jaNjCarkOY8BIS41O5nmY6kzec
Xhd7K49uGzsk+TjvQdK40rTOMtAxSNd0rF9XxWq65haXuKmPxOKphTpV+5d7Dj+NS2XLb5Zau2GnZt
Nc95sLm5Uq0qMVvtvpyriTjRlM+1WIEY3sCcQllktrfW429o5K6zWxDizU1+cSxqUFB5YOV2BBwmpLEL4
LAaxg48nuNr5Qlb/Bnlj5reRPF+ocw8beJHBNHS93S+9gY3Dy12mhnSpIymQxTJuYnG+MuTVRYVYjH3XjX
nJWDiYASH2JxHPhvLfnbF795HcTc28Mcc6jtvCPAOF8g8W3jflvYN/wu3YvNW+QcdUwF63sPF+gWsPcVc
0U4strUMmgIuLatrWSSYsH6U1YleBvBPY+zdUobxSiGHK+047kfeKsF6/AyJgr/AakPruo1tievrqMHNyyd5
weXFcSECv8A0xcFZdDImGFFXf8AnUKwSun/AJIL7iRf2GZDqPo/2kVIRBQfkuaS8dTjjp2JiarRy8mr9qLn
KdUAvPZmRj+LJljsRbR8hoyqn5L21MrKFUiJgg0MpDZm1j2VnwSBGerH4IAAAO3zLcTc7/AFB+YtF405
W1XgXxIoa/yNpetbjIMfmvJDI2rlamM2fC0dgxSL6KnjXkayblateCvZVvTW1RYQ742Gtotiyud+e/KngLxh5c
5o5c4g4Ms7ZpmV0CnpOq8ccsb1mtbzSNz3XWtGvN2bZtk41S/hAxp7GGQQONwmZG2pVoShLJCSFzwv5
e85a/jJ4yL1nww4+2LW08IcUUsHsFryqw+sHnMOGj69Wxmbr/8A0gyk4cslQIL2Ys7lwsVYcygd11CVvZZv
nbuPomy/TP8IMxzLw5q/FO5Yu1pLtb0/A8qK5QxmYx+K5E43yWOyNnZEAnqI4u1ayY3ceVMMNklp16Ssi
FqxF6ateCnUjk5qpSscZxRrT81VpSmDkUknML3xWRWtMp5F2XPc1RXiQnEqSKNEz4/aPAj1/bGxl3wofU
4RZvGy+pb1Cj6YA+I5nNw+po+0Nj/AKNeFdQHBDYE+f0arpxiXtsf5oV4/VAZ6D41zMOARIIhZEMNn+T
PJcvbLxBwPsPK/IZW4+0a7pmDz2wbwffHec2Ta9NrYmg28OKHDZTZcFrWdyt/IY+MesaLcEl1jOXYx9GLg
zWe7k2flHz6p1C+78N+DB91UE6P/AJi5N95sfbwz/tR/+N6azLByYEUTsV0C0h7nECZmsfyp8jKXkBoHHXE
23cf7NxNu+tec/iTxr5C8Q7ddxWSbi8Ls+2K2/WbFDYcM63gdw0LeL+CxU4PO0HJVk4izVtU6dlDawn+Ir9x
oY3qUq8PrLal4m4LbpXgQzNHKEv8AIPCKqqYlZ41RZmiRGLShWU78bSuHKOmrlij75EArK5CyyFf9OpKq
ASRsQfFo7n5A+aVrhbcPluviOBPHDjjE6rmNz1vSeZcJtnIXKmX16pibWx8bU3XN7471zSdKzShB1fWKxb
Vaw82go5O2d2vZqwg76Bmyu5B8seRcxryfsJ3aNV2zaOO69prKmMz+WyeZq1t2t4xb6pLuZfC4/KUoZQ/uuq
qsbk4vHRTjXNyi/n6vObw+B8BuVNdv77LMhuztY0/AIUy1L62RyGXRkvuYbXEnV4r4fFZRpGDYVZGJQ
wjBsrJ18LvH7K+PnCXgfyHk8eGM5a3zsz1w6OQSxTclK+Mt74s3TXM7SqPV8rWY+1r9H762mlSolr0yugB
VVNDT+OSNf045W2ENC1z/KWePgiqSLHFLX4XjzybjJJblOdTaglnZnid2jZzuQFCy8U99K/ajcwRd9Squ
GgcAuCThwquUbYlvpIKYK4DjvBDzQ3vyS2LlrVOVNT1rTc1qewZDKcbhrbckVXbOKcfvG58bN2BoZZ73
znMbuPHeexmbXVma1Vb8PIfrcQTzO8j+aMZWlWpyV7ZrDdjRnKzOwUMYxL4HL5VOPkMFhXIPdgrGZ
zZ47EJQA95t3BhY/JIxCCuH6v/SXj7gDyZqEaMdxv5Y+T/AvKtJjCZ4h5o8oN/1qtlMk6JECpahyonQM+1sg1
dWmWeOu8FWGJIJC/U0594s4+/wDj5xzydt9XAaXkuSg5j5HCez7eQ0LgldfacPgauHTJX8nc2nk63x3iqdBVe
V2R/uB2OISlcYtXm4uOTqVYeO49pab3bulSJpZJnPFs24rVONYwzmWUVA8SEbMLtVHAywfqVUEuQuk
exZiCWwkZJk1bG2AsZyr5/wDaoPn6s/w68kd75Z4Q2nf/ACPXx/om46NyfyVx9vD9cddwmpY6xoOfdiysFa2
PK5N6iAikLNpmRILTAnAsCMQHxt+pL9V69zZuG8+O/ElfJl4ypWTwEZ7H3ioW9vyVNpruWrNb45O5rvx
iZ0ce00fcPUnIXUmclSCzfJ3zp33yF2HITjnjq/ntH4IzPkByfyuGr+mU8ln7u67Eu7j52Mall4nZpALJrYxJzTx52
HILLDWRI13iMLhsUrA47Syh+7ZJx2c/nbZquXMfjrcorVVoIROStWrFiWsqnWZkrLHVqykutvU09z6P6D4/i
bVnnOSFcztcml42KVB2OMjSzNOGAYO0k8aQxxIToIGbJbsOO4FTmbojknQKR3WBWNApncbbRkNoQF
KHZbklg4DfYBrVvE1nLbHawuFIWTzthwjZzlabJzj/AJDGbfHGSrmsLrOWNpTQkIGLNI1JhUURnMAZh/6
aFYlpmKt77tWNG4yzVpY2Eavl69tmXHGMUqaeTyYp1zLhXtZSfntfbTb7qQSe6xKZlY18f/GTWRfETjvhkvzP
WmvnEq2tNNK2GKiM2nMZJDK2Jts09mLsbvk7DTbjqznWswdOZJslDGS+OPana80+d8Y3knH4HCKxey
WRHExmCUu2WMTZOaUiy7CXW0ClgqVehKk3PjJ6lNRg1kPUHUtq3FJZ4C/x/E8VBbWn/nbbwRHkrSo7y
1acd/aN4oCS9mYFmaZgIy0YMj01geSCOOZbNh3/AH460TvtFESVUp2Oirr2xlQmzDthi0j+mJx2Tn66lrk/G
w60LGt8pmailfrux4wE92EztIgMrCBno18QJx97lomL3vT9m1HOG52H2zA5nXMyJAH2Mbm8baxN5UMSI
LVLU2GBBDYiYkYKPUwEdzUazMXjKrJCHMOFg1IRMycAEx1UJTB+xGPX5n0M/n8FJzExsdBIBD2IR7
OZH9I9ycEMQBf8Y9IEDM/mS7SJQUT/PIQqgVSzCioToUBRxxKdhJgMdfslXKQOMFsvB2+17ySBsaNkE
Hyup1GrE+SoGAc42OP6HIUHGfIFgvGLUcJwh5Zp3DQd243xIPTMZvkcdbsxsnHvMGA1ymnE67u2p7ZqW
BzuGDJ5jEVsff2TT8nYxeyYLPv49eKs0vsrlmZcc8l8uc+cq2uS8PQ2njrx1bUL2B1HGBvqdjT9t5v3jL3qdy7

u5a1tWfQbnrWhadhKZ4/Wf7gjX7m2ZbP5TJsoNwmLxdu6fhJWdmw1i+4ucUd+vqevaBgY/BQcCfvtHWYA
4mffson+YnPJQteIhWPopkImBKlgoiJlnv0Z+pn1HrvEz19x7OI/129yFOwLd5OMKcjdWUWLD3EkoB7r5tT0
KBpg1p5g0hjaS9ahq9wvXjRxWatEgAEaZkyNRsHJUjGar4U7HycAyHOuT/wALb8yMnM9Y8Z0Y+jfyS6
XmDwjnst/bady99rjcHaz+Us5C4VATOlj6dmrWK9fsQNIYKAecgcBJa5QFFXrsOPiKVfKECZ+ygfUtmSiIAJ
lhGP4iPfr9vYrn1lvjD5on4hFkG34yCYjoBmczBf7HH/D0yRn/cJif2ITmHZewxmZWn/dZV1LUuFDPQYYEm
RSBF+e4DISR9S9GJemTEkm3LhkqV6PZCrVs2ShZiN2tCsp9dAGwIAFZW7jew1Gq5LQRFn8FiSVLEFhgK
gB1K+WLhSRkgDycjyPiTOG+C9o5y408ff/kvQ96x/FKuTvLzyO5zHI47aNQpbAjD+SXKNfhhTXZ+tgIsV
7O07TtdLIRWPoWql+1gNIxOUU5NDI1n2Ta2r6ZXh5t+i5fWLnGeUUnYcRi8HL28l8r5FuNKzjHoq266crvF
qk63Tc5duoqzVYmX1xNizAymGMLiuvEKkpMFypQSHUhhR8PuYgJiBOYL1JrgTCev6wZ9ijCII7JVHQiSk
ziZEYH/PCy+Q29YEusCv9CmCOJKJEZ6zJfBnU3Kysr0bdvlnWwywo3J4Va3atyW2ssYzGgmUNHVzjZla1
dW20wZoy6htGcAvygmVJ8LGArlg6hAAmq5w5HnHzXpyNzzC33kHwu1TC6ByLp/KmZ8Y+pfFbkfl+xr
WYpYThvM4PlniTCb7zQWTytecZcs7bonGGb2Xh5o3LFLP7Rs2nWarrWOK6QOEyvEeF4r8Zc5xPxPrrKeF
03h/ata0vXMdXfcuWWL1bIroVFioW3srlstdGbNq8cPyOczNyzbsts3rDCInaEwd1tee3xsZI9AkJ6R8UGBTlj2
Ap6lMhIhEnImZx6n+d5qzre/UuDrXUQSS/ZBCwNsiUCRdoNY18ke2EBegER/X+Rcnzb8qKaLQRvYIJbMz1
4XY9+axfuckncPgLBUNuWvWjIZINrDh2ezK3zlcD1+iQQzkJnU7alhqeY4Y/QIIUjBJ8JQ8dtC2rVebfA8ti0z
YMfGh/Stq6NiCyuBydNWp7x/efGuvltbzB3ULNd7OCcbkFHI5VsgK8bkUNqFFayIkz5H8PbtouxVPMbgT
WrG0ciavha2u868RYxSZjyM4OqjfffFWjEgu1yrx6Nu1nOK8nA/PkZZINCv/AHeN2SvFE3LavuANcAaysu
hs+4lgiIDEyJkuZ7GIjJefHPUy/MzAD/JqhZ1cYulkZKVLkSkQjv6ETgA6icdZ6DPA RGRP0I+IDefyKxzctjkU
vLEi9qG0kkbEtXuwXb127arSghW7bycg6epSWNo0mjZLKxyJZYgRqAoGMkZH9M2AfrydWOM5HgsGBX
1UX4y8tN8OOJNd4U5i0rlpPC2vVn5Pxx5twnE/I244nMcM5+3a2HUdJ5Rwura5nNv4v5L47xuR/0hl6O6a/h8
XlamGx+So5I7zb9CpCvILbM/55jS8deJNN5Bx/j/ALLIsVb8h+bt70nb+Mcbc471/LKy+S4p4yw274bXNl2rZu
QbeMRgcznqOJPtld1KxITK/IL2So01sU5t5nw+mY/OYireRB4VNec7IE2qUDgSvJZYx2K+F0WJjOZOiNm8
MPqtr4rEKsZnliwxyONzS/bG3blyjgtewnE9DK2NfNIua91fle97GIWMWy5bdk8rn7OVjOZfiWrKzSM5DIE4
gmCZef8AEuuTjxvTXKdRyN1DX49KMKVh5n5i/diWhFP4mflHqSiF5bEeVtAh2qPYKyCt2glZqUvK06suC7
yTkpiBASuxBXVzGisQxcjBdguQzMuoiHB4h5o0rx08vPNJG96TzWmnnvGb4Dt6Jk9F8debuSsDmcHrfAWl6l
fjH7FxtGzYVa8Rm6+QpSh9xZxcrXQs05TYWq3vItfrvmxrm8C8VcWc4Y7XsnhyxJvXI/KXJvEO+8Max
oelcT8ka5yXfViS5Rwmo7BsU77Na1bH63gMTreCydeorMOzeayONoVZ+6Tf5o8oePHgIvI/wDWW6HIHMV
92Cdh+Ptc2OxINvGft1ZI8psGTdkctd1GIvA5ZY25k3Rkci2az8fRu1/mtoW1h/r481ajcyrtR1DLAruTqOdibGQ
3/b93UH3B/CKzXuidkw1saafUV14zE6w35VqBlfBcKnVB+jcl2nR5ngeVr3eTqVeNiWfkA9Pinm4+CCIHej
CiSxKkUcKSAIGi76OkrlW/HIY87++e7x88axiMq4sxxNtCFSNXqmFCg1XcASuoG2Fx97KnjV5CYvx3yHkr
oW+cK+VF7O5bzC8i94oZPUfGLnDesBmNb27en38LnZsuvaXbw2Vq5LHqGyllC01E0RpmhliCWR5vkLP7
n5s8u+OOuaVwxzNx7xRwdzlr/AJAch8q83ceZ7IRVi7oeEz4aRo2garuKcVuOx5PP7JsabGwZmcVRwucWmL
tjF29fvppFaf04/PjjLza4uwwuxYLZaFne04tT9iwrLR47LqJK0jZozjhyF0QMGn+321mzXKNb6bmlvRiwhJw5
VpkTEiUhY/8AqgogxHusYKfkgTEjkVzMHMjAxHeJKfeFc3Nb4bmlMmd3hHpczErRPJLd71UbRPWa5CiVo
gSUDtXaSV4oZ8BkdAV+MMeyTqskTM5c4DdxHRcgKyqNFYujbZ2diGC5BJlFEN+PfdPI2q6F9ITD7Dxp
uuCtca7X5CXOQ6GU1jK12aQGT4c5tpY+9uEOR311GcyOVpVsZby0li/kslRWH3FnILE7G8rOOObdc8hN9
0Ph/R93zel/UE44424x3zdtZw97L4Xhzbdo2qjx9yXvG2ZWpXCqqtTZPGryW0cHkLxB/cdn45xKUNJhexbb
mbkC1CwC0DpiG9Tj2PQ2fHlgxQiPel/aFLn5B+Mfcx7EjsHBY8Cm9kAJrXRWhKx7EqKwLVeyDiI5nuRsY
z3EFPou49Yk1DR9TSG7NflrV2kAnV4i0scTNY5J+cSV4y4/brXponRCrGSOusUmDKyi1IxXDMpJKyDB1P
sZBKgzjCorMcqPDqGAwWAAa888WZNvJv0+aWgaZes6VxPz/17I5OCxTrWG0XUMT4080anhLeROqplbD
YpV+9gcBjW24VVDIXMfjhP53qUZJ807rd4z443ffMbqO0chZPXsFbyeM0XR8VbzW2bblq6yDH4LDU6i3u
m3k776tVlsgmjj1mzIXWox9W29V50RTVxbHTBP+SZlfQCRLX2ExXMQyfl1JnopOfzP/AB9+4Gf5HnxDvQ
h2mTZHxxK/94NcepJkiMQAF+fQSQjJDPX17iaM18TR0UljispTiKsCzs1qN7ct1gZFwwMj2HjV1csUQOCG
PykrDdMrlyxpjBIZd2f7Az95wwBLEMfOTlbXj74nBf4h5XseUWIXG58y+WNW7k/INjpdXIDH5jEFj8LxDrL
y+Ry9P4n1kq2AwrqlqAfnEZjbqppt5mSisOOebucPGHivauHuTeH+eed9/4O2PG8fcQbrxzo17ZUeQGkZbCZ
XlC7U7LmNhWNLAA3mMNTxa9I5ev56/Xp4HO4+nn8jdcbvcbfBtXtF9q5Mx1/yTMJj/AJdvyyDiZmLKQIJGCG
IgYM+wlABLGyt6ViAOHoMjIO9dO4NkhOXFADExBsYCVMR6mCkPz7j9fRzAlNkXacd2Ke1Fdjro8kUU
E0SARGqyMTXhWuFpNEgEZrAMgxwSLYHtkOo1dsADIwxC51BXXUDwQTqBrljqpA9+G3DOzeP3iRw
NxbuhVw3TU+P8ardYqtG0hO1ZmLOWbPTpVWwaL VapnMrbqVrUTKbdauDoHqwB/gV8r8X79IPMDyM2
ehq+wXdV3P6eWM41x+epUf/AMVa3mjv3LlyNUP3IMFlm5x+dx9j7Se0GnIV2tkReEm2x1kLVYVzMw1Cx
7Ld7Mwkh+KD7z7k4klGUBMzJB1mPZDMTvtGv2yr3n3NZNcNlxdhhYz/AJCEBbMR/wARTIevQFJR1/Pu
R8bmZq121eMST2eSmRrDB2ZVxep3ZZWCn+KSxqACzYiZwoYZx5Fn9xzgSOMsD9kqyN6kk5IOc+xiBB
KsucK58W/JyOLPHfgzjDZ/EjzMXt/HPDHG2nZ1GP4Gv2scnMa5puHwuTHFWhy9dFisnIY1o1X9Vy4CJhe
xGQbnPMrkDa/Knwu8k9B458effrAbni9d067i8Hv3Hga1kd6u19zw+YZi9LV/dskvOX6FLXbJ5BaCr/CmxUA
TZ9z1Bq+19kdokwtwStyRM/SymYTIVrITHSY+SDjqEXDew9jGSj+VXYfyxxvwnqeQ3fIdacdpm4tial/O5j7
mKVZ75ka0GSA7mXLRlPn/BPUBMmSlf8uVuQy/ACISfjUIMvIDIFtQwrZszGSRba2Urxwpg/dWaXeMBG
LBWLDDHxG5CMjADEemG7gIAQqyjAC6/WCc52Yk5CgkFd/8x318fj7LffPzEPpTkrEXOg6mN+3SsIfiltr
JbZUppSBiZNZcspqipZmTgEZKQOt+IW8eUFPyu5G5pxOQ4L2HyDHh7GcO4SrksFm914fo+PrsnsPF3IGx3
sBcyOBje3b3mL+y5HCYbKZCjj8FFPXm5p72WxQT3Nn1jvpXY+tc1/c/J/UbeMzGIu4rIVsfqnJey4u5j7QNTb
pzlMDpmQoMTYrOfU9hcgo/WFyJEUThnj9jK/kTqOQ5d8aPPq9yzwpmbdJeAw2D1rSM5ufGmKxi34+dxZ97
a8AzcKt2X071pLd21r/Uhrlii5kc0gq1gHGjx/LVYZmj421wUkfZY/5OryjtbggRWUjrK1OeOciXWfQzEYjIa9
dWXuJ30IG0yakIm6f0Q6MxYPKJg4DAIASWLA9vUnGAYDfq7eU/N+M0ngTxz8hOGc7heTam05LacptnG2
XwOy8ecr0tdx9XXKe36iqL1fadZm83N5W3Y17bcFiW4azZTTq5LL10tsqYr4YcScscyX/ABx5sU0QuJ+IfH

PjL4+AuLMrnMTsG6bVuW3anXwec5i31uDO3hcMBa1au4zUNcVZtZGoeZyuVyv2DyGsa3fqua/Qjys440DD
5nLbflNR0TDzsmw7Re/ue25TObHsuRy119i6a66/mjGvw4U8Fgq9TH0qjiTQxtBUSsdl7hXCv1HiLQ9ZtL+Ju
H1PB4LqkUJWE08LVrvvgVgUDANIfUrEPjhnsYn5BI/5pfV0y0+kehKcRRfzON5m3CFWaIwVr8tZ37WZZH
U24bDwOLYkmeMphiZl9z8zyNlk5PIGSIRywrHE7dzcgj17YZcEbEakOzMyq52GAQDDHHvFd7C+E/OfHfL
GjbSdXcd98rVBgcBhG7RslvC8kc1ciZzTs/hMTryMrdY0MfsGL2Oi+vXY7HdU3CrA6uQxrh7nw39QDye3lf
KHITwH5BZPKavo2G420+nr3HYHj51rXqTsjkc9ZewwsJymzZmb160plJ2RY5tejITKqikbtCl+luByh6dGLDp
MyMx0mC/Mx6EImIZ6UJepPsRRP7fzqMx4MJFRsh8duPbwZEMOJFciYj/4gE+ykpIDKiYa5AevoxPA9aT8B
bkvQ0lZrs1q7baZpzEK3+QdTZhqAxSPEljtw907mUmvCobIcy934WuQSxNK0QmZ86AkxqzK7KnuRGCUX
f13IBVSpYsfOyZ4q+QmCnesU3xu5hxadj2jM5LXwyHG+1OuFiWtqzVKnBYybrnfJWbXH52mZHM+whpP
Z/HS+A/htxr4I8UM8wfK1Stc2Z2Ih2r6dt+Pt0LeoDLpVSxkYDI1xv3+Q821IpTWrvX26INZSxhSxtu0Wxjynj
E1M1jqeJrKXUTRliWhXUHZsycuaPsBXPYwRGRHKjMz/AGZBhMCpHz38RebeeN/4j5D4b2uphLOjYN6W
U89UTsVKnkxyDLVDKY3A5RLsCnLF8krfLFdz4UpJgSRrRH8dpUuX6sMHB3zD03x+lyxfnFrH56gNZPEt
ZFdBuJtzuomYRytGPBhmX9qQRJx71ib4V7dg9kIv2iqirGp/mctoC7MxZgySfFbINO1PGnljzF2/C818+1Wa7
x0Vqw7j/i2/aWicRrDSmxjb+WxkwsqGeydc0MfMsdbShRog0FEV4NdGzcAaCIWpN5Z4rwU4RS6IYlu/azSO
gusA1wqzVG6HwTXhXwEogEwJZCYwUTH8p/gjwU5tzz7lvyP8jOSNvTk8PZr2NcVl6iquLca4Crwb9catrD4
00gUtmpXoFWtWVrm0uYWai0h/InVv9A88cxaQjNFn06lyXu2uqzjiiHZdWI2PI0VZF3xCC/mtrQL2/GABD
DIRGiiP4Jk4mDqmG53OZrRw8HNRrVOO4ajIeNqQ3o53K1nnsVe4Uav25ZSjStKCV3bbPwxwtq3X7URhke
ISmedmeaUtr3FkVJGiTX0YBXGSzYiTBj90DDW67qwAsvkhaYgij1Mkcx/kEPzHaYmPXyWmj79j7kAmZ7s
VQhZgElPSSn9ikp7+5/3n9oIP9oAS9wMTP6wMxH8iGowQqri4okwVMe5L3Esj0RR3kikv2/4FECcSZTP5mf
5NwkAa389piSLpPr/AOuf2mS9/j9RMYL16mfcxMIMSX8xwFZkiLqqg4QgsFeMYVsEg+xAzIM5ORgE7FdE
nGshAY+QD4I+84P+y6k5P94H/PyG5D4azW+/+UCTP1j3ExMh8hzPo5KRkx/YiIZMxIpgRMphux2Fsrnc+y
WH+/6h8sB/uJIHWYZEFEAlzMSIkXol/aYnOXn5bDwACCVCFeykp9RHxMmRGZiZhq5iAn9RP9vYIM/rE
M5UV1OBmPTJmJifZR6mC7evf+P3EyM+49TMDMAMj+SFyOFeSMbNGB2108eztq+WfDNrjIZvGCMem
E+RHBUTkjyVAOVOSMeT5GQASBkFvrOSDVB2gGwwhGfkbK3x09QMB0L8IBdY Aoae3WBmJbHopj3H
8ibFFYyQWPxMwsZlhr1n18z4mYgj6lMyuSZIehGCKOvTqJ2BbQB2TrQiHLg4XdfUfqtkwTGFMiUz6MR
9wIgPT8SEnIIPU+wWmZdC+hA1cMFgkEgwfYlXef5JYJIJF6kl/IxERP6Lrx7SKTu2jsHyA+pDasWAK7Z8F
gBnXGGGCPhaNIUZA8fAHISceE5Pn2AVgB4z4bIJB7j1KamtMegJYBJtdAyMIMLKSGPRHafIJSMe4Yw
CAh6gUz/MYsSBcrj5IJyH36mlKPj6z1np7gZmQkT9+gg2R7/PqMoImU9nTpfo0SUBdZGD9SZGLCL9w7ki
+j7zBTHsvX8+F/OhSykRKYyCQLCiJj5SL7cpXESM9vbesR+sEtUz6ln47yhdFUEEFWjBUAKoK42Lba59m
w7eTljkHHZ0EhfpdSwlBwGYnL5JPg4GMgls66nOT85Klb4XlCig5MCEJX1EkjMCPuOswUIBx19z+Skv9on3
BYu8RWgLG9ujQNZNIGQlR9EQNUbJGZ9LkfUyMCMdpmPuiXbJEYJY4wj96qxmB9yuS6kiVrYlepZILVHq
BiDI5kZ/MTJYCLXysaoSAAYAn/sMqNxAO0DHOJISJef6iPUBIlz15MKlICvqrFtdQ7BV8YckFARsSc
Bd0wuGCn52j5bQSQMHG3gMWz94AORkeD5zkDy+cbJfC2uImURMj4p9T8iC6dgKI9AuyHcp/P5KQV
H4I/5XnkVzZiuFOP6OQWCLm3bPanCaZgGPSLr2VsJlzs+liRzTwb5L1+ZBST+JGOKxXdcrMmfV/TMolYS
56ob8kxI+hJYNXAimfUTEgMCMHPuYA5iZn33hffLP2fN3Pl3P4XOpbiuBYvccWKSu9H+oshfxV3cbFX8
OGIfTepV8W8TWNkZ18O0imx7h3/AE36Xp9UdRRVb6TtxtWKxd5FY4WCTbX8G6VyyEhIrk6w1mlGpXvlo
gGBJGc3clp1cxOqzSGOCLYADMrKvcCuy7Bcsx1zsdACcgECfK3dx438f+VNjvOaeVy4UMbmck9kHkq+U
3rK1MG7I5K+gKtq5k668zFqXSuTe1BChQpIEhbXitzUni7xB4kualhsafL3MC9kx+go25rHarjqaNhuuynJu1ur
wq43VdSo7BjWowdR4ZLOZrI6/qNC9Us5VmWxw6fU8qqd42bwrG0rbBjbuO7eTKpVa6KtLH7xhMxkLZ0g
rMe1mPxeLsWBYLiLmuDAkZIS0r5/G/k3is9Mw3KSdc3bcsdu/wAnFHijoGP/ALiZoYnh3ht9/Xm8kZfVsCq
YJ3Ju5Ts215bZcpQ+6p4nL6vi4s27S8O2/wDQfX1qSt0zx68dxckkyySSVYSoirk1KhSpQlYiR1gHtZDMjKKv
HzK8isweUHwVZZuRmlmn31jjichA8n7sne2iYaO0mGAVchWYIVYKCUspk7ibg/SOORgK33F0OZ+U9ztX
7nJXKG26din7vyPyBmL8FHSu2qhjXyThcGK13Fa2ypjNToMTRwq6witYQTgz6afFm8XKKGyc18H6BrXHN
CjfZq/FlnGLt5ey+4dZVjI7zmBu2VWizTrS6nrct3Ixtht2899ywOPXi7YrcwZm9ulfdp435B5P32nbHA4PH4r
XcUGr8U63ZtvhVbWsXk8rYuhcCtDH53ZCSGw53sh1v7HGxg8Niz8yCNn1vjO5ue1nlU06WPtZ20kq1alYw
2NqIT2S4/IJNqa1RVg4kpFgAJ/IEkzoHznyvV3W0SfiwcnYdR7dlav5EXKMliWaeKESx0aKWI3MSSSGH82e
pXk7LCvWStEW7r7X4Ti2kWe2It1y4SSErHoBvG0zNG22Axk7Su2JBmTYqNdMzy64K5G+jn5vcdmeMu2
bJhOAOV9uq29VCuy5eTrubxmRqHneOcvckVpuUX1rnwYptm1NvKa9atV7LLjFWbrN6LhTkl/L/ABLoHJT
lJrZHcNXx1+5WrfjYE6t41sTbrtq20VbtV9K0ty7dK4sLNG1J1LMMbVZM64n1Ltp4Y8qfp98i3B2TIVshqd7F8
o6Vay+17SYjsOo3zedEMl/ahRXtZ/W7WZw6bM3YoieXrnLDNXwm3n6Yu35HY/G8KWSc4reqbpnKnq65B
ZKEZJNLymzkKyzOaTH3MvIHJoGIkqsKPjmVSojKdZ8jc57ozpzKOVrdvqOhyfl8Jyd90CXLsFWOBo5pgcf
kDL9qUCQkWXPKoxNoKZgrUrthaMncrywRwoNTIYw/bV1AYKylcoupDAxhcnIC/D0sxANQUrKDkoV+B
gP1JsnZOC9x6guwKApGDjqBR+YCTs3W76GY64ZMGsVez4uzYmCBDBTJegCC7h2hrFEiRQHpkmuX2r
nl0ybCrHu0iprexylypbfkKpC9RiPUwJzERM/GQjMe47S/C1lqlFcPwscZUZEDBELGut3QlpiJgIHJMTAHX
AnAs99omYy6oSoYmM26dx9gAiqDqrgMdiNM5KsAQCpJABkkCIMDBxhiowC2SAGoMecYA8HJXGNR
8s6uoft0wZGIOFXaIKYghZJTMQqPX6fkUFUBQlNEFI1YYGZicPbRKc+VU91kKw9lMftMxEx+o7HE9pI2B+B
iSKJH9vUR/OSramISoVKNvXNFY5ntDFkvowQkoVPqOgwAjAiPqYmIKf518msGEmutrPkiYayVkhYus+m
C0ZkvjItM+5n8lInIEIz2n2TWOPohBJADjYYc9tgjZBwpUtof4gYJZCQTXjDezMBglSR9gq30ScjBIKDjLEq
ceuPleZK6wsjCTgexMOExBREABCBhBQ2eqwglx3ARKJ9wMeoGO2cp132UV+sRPUgWvsMQI9C7mJjHu
YYxgTEiA/nv09z1L3GMIHXI1SGUxKpXH7CTJmYnu0BiZ6yUT2jqX6+l/n9Y/NjrfMVjIIH+DtQJAJx2aPe
BWue34mIDqMEQzBiYicEFecOJJnYs0deQAqFYeHe2cklGDPjzr4BALexDFbEihU2IGCuRn+jgAgAAfxy
p8+QP9P0wglgBhNhdaWC2sLfkNkeokP3CYKRkiEimDIexTAQ2SGBFgyUCO1ICxJvKCY0IMMgEpn4ZJ0
HBsSU9WdACDAJiYmVUh8cyE7tTNcXsIBabVCDY7McfX5L0QdvXeSZMs/SeqxGSKBH3EGt1hdcAffWv

3Iy9REzBzDCMZIpGCiAOa8/iPfoiiPUBBeWSAqxplMthtjhSXKOx01EbHDksFyF+ipOB8/KDjYr4woUhdU8
kEkkrksxyDgDGxwv2Pktxi/tcYhrCJRvBskQT7iROWiRz8UzL/sv5BgZiRiVYxQc7fzHtS6mwbYEv8AAEOB
kl1IFgfcPXqfcTCBgfyX7FEsOCL3PbtuFOPrjB9PkA4mYKfkEBCBEJA+0HEugffqYiYEFZEMxExyL8CkvkJ
i7LAhr45D3MjPbqMiUkATKp/5s9QcQZLIZn+d9xQ0SrIWLYwEbIBXTMg+wWx7qAGVgM5UldY2CuvsF
8nHk5H8jjwoXbGclWUMwH2QfFQb7wbw3yHishh904m422nEPVYQ7H7Hpes55DIP7stC5d3G2EzNgv/AP
WGNZ1I47h2Ff8AmPpTeHOZZO98G6dsXi5v9WqyoO7eMm/7VxJlbtJoNiEZfHa/klavsNaTY1wp2TB5Wu
xg9DSY+/jbHPWIKSD/HC1H0g+wz0X7n1IzHxjP4YXbqPZcCUzM9f5Q3L+zYzRONuRN2zbIxuP1rT9hyZ
NMjBaLY7FXHV2pZluj5OwksBIRJzpSJL9fgWbh+Y56GaKpT5K7GLVqNRE01j8eWSSTCCaAsYJWVihV
WRsHQJOUk+D7Feu0cxZYsJu5cLq2oIY/TKUUY8EkD1yRg/NL/ZcJtXkL5q09Uy+zZXcHO3wtRxe/ZHXta
XtGy4LB5d+Jx+c2GxpeB1fFZTJYnAUqrMjnamLpfepVrVgpsKbYPZn1Pj8MPu+2bv/qLa75bFU1nCK17K
ZSw/Wdexup4+xXr/AOmsPBRWp2clZuX8hnLxCy5ecyqpx/BQrIFMn06OKZ3vydzHIINsRr2gUczl1Gu5YuK
beyrLeGooY1ia9j1KrFqSP7dJc1QSly9pC/9mK6NiAj3/n/aPbQXPdsx1mBguoDAfNExPWS6nJJJew2L9Q+Z/
L5qLjIdiLi+J4+jfWJtg8kfZtA6qiIn41Foo0aPGoQBIXq2acRUkeCzdmJ2nsySR6smCkf7ahdAqsNmm9f4hiz
HdmwOZdQvbQIJCScyxhqIg+NbFF0EoEpP0o+3eRj2ALiJ7SH8i9Iv7IbVbb6EJnqpYmuwSkycj6D1EwEH+
W9JGHFJQHaYj0UozBJoUJO38xkwmVpSz3PYGwM2GCREPRhC2ZHsUzEzHuOvUxjmMGKgwQDJQxvo
Rn2LhnqtgxAr7T+/sSAIYfc5iDkpmBFOXt9HmYspYgLGxCxZD6qowGLMh8YAZ2TUAkJfJWC4ZSWZfs
YU4Ibx5GR66gAlADhQQQSPkA5Mr1kx6TJhZTWwPmMwMvIhE2gBK+TsHv1J/IAEXr4xGCFhfinW2yhB
ReZ2ljS+CR6QECppyZl69LkzRKymI/ExAkXohGItncmnlckSpBS4+aEwYPD4l+okT9TKh6TJnIwXoRKImZ
9D291rlhTVP7esoZsCthSbJ9e5Mhkyifj7+5j1PafkJYe5kAOJiLa5RFRwymRipLVly2mFBV52CFCL4AEmS
3+2IsaqiN5AfJf85YEBQSpHgZlzk6gjI9QRmJyAUEn8zzYVISx7TE1FYkyJAoIhmCBZTBRIyJyz1Aeo9eZ
X5FZR+wc+c05whMSy3Ke/ZGRNZAwfvNpytiYExPRnpkSYxPWCmYH8ev56TmacUUHBHeG2adsgkIljB
UhdDiMFjED3WEQYD7gWCKp9zMFMT5lvIEsHd9s+5F4OPYcwwosLYh/+XIWGCTFMiTWRIUH1mZ9Q
UepmPzOgdCov+L6jldHjH5vBxqkWYIIEXJMMO8joxUEBg0aNjTX6b5e4+PtTuVB1aFfJUnOCADsCckAa4
JJUAAknJ+e75TxJYiksHV3STTBc/bV3W4AyEOsyumt7EgBQXZreq4jr8hiMxED2uMRYbWaQ/IkYkh99vS3
rhnQ4/8AU5Ex/wAcz+FwH4n3+Zp6/WJ/8+4mP/5/iI/8+vX59fyFZOxpy0ODtIEmJnqITEgHaCjt6gvcddGI/M
9piI9xBT/FLnun+P4mmluubLEWYYyksivGI3DbHURoxOVVvZyM/QA8fGVZ3kc7hcEFvVT95GceTjJPhV
AHnA/oHq5akMuGwHsWQoBKfc/v6L1BdR/AwAl/ymS9+4jqPT+VjnlEDIhxdv0+T8ewMomBXEWMDbey
GYApgp9kJ9x9T6m2rBBZrE9ZkfQDiJEij0wYkWD1jr1KJkvzMIM+49du0RNQbPaBdqBvY1K1T3nqXYneo
GAH3+YKCg/cR7mJCPzExMwg8mAZJJF2UNo5x5GNBhlg4OWyy5xs3sCTnN2Dyypgk+fXwPA8kDAIBU
A4P/8AT5GR8g7DiLJpZ3BcwtkERe/cCww8R9ImBhftcR+ZmBmCiC7eo4Gy47ihY2Gn17tCAmVRHQfjWxU
iXyT6MDH0ESJz7j0xsRHO5YV7jLPourBUR4/czISyZIrZeJJCts9JZMj7ku8Sv1PuerbZ8TbVmIgrGFZMCUE
w5gSmJHrAdfckM+u5/rEfirJ5P4syxBZTIZFLMAZAagLsAocnVNiickgRqwbOSFJVVRioXAGAfIY5Prge
QWH9HOSP6zgeMoGP+Cw+PfxzKalhK1skwYbfu1GIQX+QYgEgyf+U9oGJmYmIn5dJR0rNCXJVBST5Lr2k
vj/Qu0kXs/IMZiY9xBFJR7kRifti6Ls9u4rmf8ACz8FMSxcScn7OQZEXmwl+xLqsjGfUxHwm2q6ooX7k0H8
BRHbsYHDPUCUrmJ9TH5LvC/YjBiuJXJeiKlAlRqwbEOzSuVypGWdtS3sFAVtckkg5QD0IwILDuBcAgHG
MFQuCZGcH1/15J84BA4L9hY+hUUTAr+RxCwiKwKXvoZewL8gQjEl0GJ9zBz1H+QW71RaY0GHBCqTkl
THYmQwpj/EBTBPUF9IKTHpIRMj2/mfY42m0IR7mC79p7iRzLFmIkAxBe4JAKHpMHAwJdYKfzizRqQ2
sjWJR8krL8x6n5fl6H6IexT+fQxMx/xn16jqMcyaySBAXypDgaoFLqrpnA+sF8IABj1IEmDOMBm8AuEIXb
KkqSuDucnOpIU+QS3hfAPzs69XS+8mw00jP8R9o6z3D/AAuCY9xC4kfj+NYsg4Gek/rM+xXjoGu4zFY7yb
r6liUYfM2OXeZVgAP+N17YD2nNZQr981r7hOVt2rNwesMtGLwGJ+OPmNiOHOCvrW5hGLJD9YmB/K3
d0BAzH7LXCzIYEvXUG6zExMmEtbX7Gh8w+VWPWTtsxmb3PXeZtVdYOPQYPbNMwFDMR8oGLmKVt
2B3CYlkNIKlprzPxAKf5v3/AE/SV153najSJ3bfGQAb7M8kVe3VBVcYVIXvRzSKAoEccmAdyGVORoe9Wry
LjaOVipVmBYtGfLHUEAxIwz/EvgkhmAbX8+qVzDYxPibqGqLzRVcxzDsa9Ay+Vq1nWnpKMXlRocQlW
VVORsY/sNS1bOTS0B9q7wLkGtq3jLzfhPF/TKXBWz/AOjtmpHrvGelZ6hjd6dq3GOpBRwv3WLWdSpi22
5c4LueydinkSvXLtLiGjdb8eOsK/+ppmsDyH4TZTYtYyasxc4h55xXIdNwAarScLzO7dqN+VCqfiZFKzs2PpZ
IXWJYIzMNEml+dewj9Pfmf/AK4eDvDPKGLW2clK9Req4qEmR/6kw52aeWQHAYHAF7HINUvWImLkx
HsRaEnf1xn5ni16Vt0o0HHQ8tzNO4J66TQPZdqNniFnrYRss9dq8d6SMTRyYIV2CBHdHidHRV5YZZa2lmY
1SZsFXVWDRSMJD6sB2gzBh4OyghjhCHDe5+f/f/mN49a7zftdu7Y3/kPjvHnrN/EZHfmsNkMlex20LsUr
yTqY5GHVSotrFRqU05NeRQK7th1S6quzD+oi533zjnxv414Y0B17CN5n5Cr19pz1Z7UpHSDvPwrrdbka9d7C
nNZI8RYsSYpqrxeLupsKYq5IxYOqcHRd8jR8idxDKbHsOLZjLOffnFPs2PlxtfHlisVhY/wAY04i5aFvetRAJ
s27wk13/AOINiN/WX16xyj4t8W8z1MZFioMdzrZDZaVG9jSpYw05WY7VMjVizTtWaDHUGZmDsJSZNW
GPb0KbKIVCxDyPDX/1K6SsysJxdeOtAomMEMNevc5Yx2HquYBI66w2GhWMt2wGQMqYxosKunNdM3
eHpzVrfKrdlaKWxGZZhI9dI4O4hYqqtlrZPIFDCKSUJku4d9cnQ+RvKmdn5S0V/I2t7RxxhiuONondshj9vx+0
YfZ9VtaZlm3wxOJHFIy9azQ+X7Z9u5UxtRZyynK4YCKm2wvpZWjv+PuJfaxNDG/3nVtE3GWqyarmX2ac3
hLGosab82KFRX0s2sdh8Zja9tll9q5fxWSBGVhroZZYbNVn3X8Wcnvy2LK2E2q+vYvYcFhRaFU3Hdq4k9ux
xPxqnz8K7GUGuz6giq04SX/1Cjj5vj6/MVeLi4uHjuVs8aPwa6xVrM0HH17LzWfISkVl7PGY1DpJGv7RimKoq
CLk+Em6bkp0bd/86a5xkPlkhpJGrRWJT26ztIzyArIGOAwaTfBbOfjdbxmLJHpBiBezCY9IMswwWMdigSjq
cfmSIYjrLJIYiJsDBCZoS5C5IU0KywgiEzRE2rKklliPr2EpIxiIT7hH/H8/wAqbJuiQdYEOAiaPdfoTGCOYC
BKPCQMl8oRMDAyLYP1IzE9bw1+uM4QrWf+roS4ICYH46xrJwJA/wDGOv7BE9e0zJd5KSkYx6BmMUyF
9XUq+jaKuAU8MQCwx2w2rHKYzk9sMaMqQFBA1AbIzsQNYCQzZxkt48YIHtn2PztmH3I1yj4vmUIukY6E
RfKayKDFf+0h09TEzPX3H7QHST6L3T9wLSIEj7EWEf5gYgI+Ufz2+OZGDgvXT/IwRg/UzM/SLvx21MTA
enMTXZHSRiIYUws4HoMd2QQQ/vMz6kxgffs/5kLp1UA8xFbpBHaOoj1kVxHeJIYCBPteJoipCemf8vUjM

ACFizNiOK7srAan1ZtgSRksc6k4YqupXBYtWYEArlBwNQfIAYHJz5BB+IJ/wCMk5JrnNVpmwL0QwJWx
fUgD9SAzkZDP6/LfkIoKexDHft2GYGRmWttbU+uZmQVHNESKShcia2G3sEz1iQYwihMh2Ep9mUCuJ/k
bs2/nu48Pi/yOdXXITH/D20omJ9xEQMRK49h7lsegL2wRKJqLKeEUaJiFWmOc2I9z2JzT+OJ9yX/wBjezmH
AxMn7kZj0Pv+d0xEqtL4UPIA5YKQ0hB+mUajYEsQHEq4Yep+upCcRgg5IBwdS2dgFJPK584JJGF8/wDPy
B5Va0g4upT0J3yRAde5QQgRiQIPYGCuJCO5+49zIFPsJiqJQdV9pxGtwRHsBn9SsMY1gQc+v2EpIVFJQITI
TA+ykYmVZRZuAwYcQcLIZgfXuGGGoZmOxyXqWREwLJ/5MZ0ExL8TXljsLwx4ERx8kSXqJ9FBDmX+o
CIAUNdM+o9TM+vfSI9h6zRIWCphCC0bGMAZYKQxG2BjGA2oZcMAN/wCU2A4UAk6+fJwQhBB218K
fA8AHyfQ5xmT2qhOZ8ZB7UkPmmBZJfkgg+sxBFHqGAZDBTHX89AiJKf5E8r2ryfWC9CP/AB9GyWA0Y
ICkig+sD+DkZAI9DAx3/wBplGQtniKrhKzDSL5VSUSRmIyTAKl/rPc/RLCZGfUCRND18ksXHMcwHj3eJQ
RrP3JQUyfyNZIRAmRSUDHUyJvMz6gB9SMh/K0YCYlTuzSy/wAQquqgEIELnLKEKsFJOcAeTgqPCn2xZ
WTwudSufp2IGQo8EKcZOMnywUt8vlilEILIEzpr7ywmIMFdfEj7GRAB/EwJDAyQiMT/AMRgl4fUyz+R13x
P3KvjsbcyC9ps4PXrjKVhgThsRZufe3co94EP/bRVoRUrsSS7B3k1fTGMWBsZbW7NZCpggFf+8hPUSZ6K
Jkx7BM+xBgTECUiYR7gTgYXT9Su5io4Tq6vLlDV/d30XzrU7ZVm2EYmOkVrSkjFi1WbcfjPkCsa/jrycPP4
nQpjn0mpPUfDyyxEPBagsFH/AN657igOMIGGB22Y6SOyq2NPgrkVP4V5UA2atKBgga7LICSSFOCVVvPts
MEEeoGfSP0eq/XeYtkrPlystl8HjGH9oa/kamMhZY0bRn9v0OzcIppoWIo+BLZiYtBEN1PHKP3JLkPxJHEm
QjEQPy9TkoEFma4KQL8jEnHoZGJghj8BsNrmncI01UE4PAWNsy+TzlfDUWV678krHV8VTyN6tS+5aZAn
IEarygAQo2XAk0LsNaLCX3vNVcNVWLwGhF/M1sOqWlgalsyckikx8i1PVLLK01fYybBdYrx8f8A7Sb5O8
vIdQ8tOWIAkvSCNWSNPozUWKspIRe2rrFV/ccSAFg6htiSwWvRWtxVSNcmqRr+4yrpiT3d29AMuW84w
zbA4+vIXbFJWbgVTY2AJ8FWXAz+piE/LIwEmXT8HJQUSYSExJB1j3GQI9S3XRLZ+Rf/AHAz6JZplgB+
k/n1Bn8YkuT6ymV9pKikvVh5hU1wLupUEgjWDJBR9uqmS0ZWYz7ScR7P2M/IUNiS+RkdqHtbxreEz2N1
LPZupS2rZa+Tt69jLLCQ/OrxJAV5GIYYii9bxdqGWadczuVUOG65XwSTZvwtftHO6SO4QZMRYCGFCrS
ysFyxRQpHjVVAZ42wTlatRgSanJc+D75UggENkk5ACknH8gMePJ+fmdgWvgmCCGL+YJKRj0DJD9fYn
LClcTDlkZKehxIQMQf8gOakRuNL3Pxr6zLP1CZYJLmIZ1OIghHoUyfuGT79wfgRLg3Tashh72ptQMW8bkt
yq4PJrIRPZFLKU8glWoJcCSyr5NVOfm7xBLkoMPyJT+7tsGA1DD5Ladqy1DA6/iq33N7KZJi0JUD5WKHO
GEEk1pmFdFdMm+w1oVq6XvYtE3tJ5DAEfeSxGZYlj2ZnAlauEIG37jIFyFyzDU5yB8pnILBvIT/wCRUEEG
MAAGOAQMj1zspVQceern6T6mKtNXUB5V6bYrDMkIiJ02MV8rCFjBWP4hzOnpUkAzMEEQvzIeXW3bP
J++vzGRr5HJs2vOTcu03xdp2HRkbAyVO1Pr5qYxELqIECPwAuBERiBj0PR5L33kT/We0xrF7SuEdS1fY3U
S3Gpfwe3b9k6mPJ6NgTRbco01rSqVQXEtWcp18zm7lgb32+HpYwYyvnSbVYC7sWZuqrrUq5k8haUtZFCw
U+7YYsF/PjtYAUAsjLiIBGSHi9IO9B0Gj4PnYZRWfj/IcTuC72I49YbsnbSSAkF9Jo2IRSVgY9I27ilEtdcKT
NlcsAqABSFCKMcqyK4XUDUAFTk6kakfPf/2GPUf+Ij/AGn/APL/t/4j8x/wDw/kSyhSL/APLAFPaBn/8Ab
8RHWHBHt/5jrJe5nr6mYjsX7Sr/ANfx/wD8/wDP/i9+5n8z/8At9f/AMJn3P8A9AnbFzDxHw/h8nW518j+KdZ
yf+oN0yk2t45B13X3V8Nf2nL3cPi4p5nL07CY13EWAGBYtC5hLKBQJSz2ZheoOM5DluO/H46CSzZW3WZ
a8MbSTSqe8DphWACMIywJDNUOQnDFWCOWOKQGWQRJ25D3GYBVIKAE585wzHOcAK2f5dMNYi
nbLsKmlZ6gu5GJd+oRMiXcYnoPSZKZ9TAXH56+627LyGTgXyRMq2Yj2MIK5/ZbDiR7z8i2hDBnuE+I/3
KOV6rq5a+tV9MLjAnYjLeUuE2/L1egtw/GGpbXvb2TcH2sV5XEYxuAKA/PyjGV7LKQhARLIQ92T+ok8E
9eqsv6/x15HbTE2afz2rut6Bp+PgL0umJgsxvDciyAlo7qjFf+fkA/tXJkCK36NfqRejjlh6cvpE2pE1yM1o33Pgl5z
EiqWXCEKxYoQCzhSJjylCuC1i1EGbJT2wX8qu6g4yvkeAD/IDHn47zYazl2TIQNkwE9lx1EJMVzILHr0iRlj
Z9rOBOf1ORiBmRidXgksUejS1xqgwkDI5EpX6HtESUIMlAz7g499/jmR9x/Nefbv6mLia8Dk8ZeKWx7dk5m
V152jk1WLTfSu6kkdXWtIz7HMZMAwpK1jkr0YMW/1I/wCDNb/qGufGcv6OnPeMGi6zxTVcxW2RRsZxu
ZyCr9mktFmrsuQyv2uNsYdhLTXNuGvozU2WRILhaTq2rX/T51/+NLM0PHxzLGRBT/PrS2bUgUu0MZV2i
ErqGCdx0WRyPKJkiaLqHjjIF7rDVVDSFWURqpz7KSynIJIGThiMhCfm2PKWAtELGQZKwj3+TLsJLgO3
b2ufU+g9TASXWYKYKYKMd87KDBEsCA7McZTP5kUIDB/b/fqMybiWMREqQ9QEzITV3jpp5L8QeVH
HFDkjiPZ6uwYH5SpX0AKwyeBzaVg67iM3RGZbj8hX+4D2LCNdqsz7msTahi8rK2G0P3CEIWRNImxPr0
MTAzESXdg++sScj1HqXoukdZn3/MJv0LHF2Zqt+GSrZgk7MlazzHJHKkqgK8TRupesX1RYyudiGVXGH+M
clikKhW3SRRoQVOyvqwZXAPqRj6BBwcH84pM7EDYrz+ZNq5/IgbPx0iYguxHAKMSPuIH8IPxl7H+cdpI
prP7D2NgLRmAnjBthbRKYkOjP8YNKtGjKJE2ey9TETIKxKTTCJIFHIypYjMkbI9OV8hRPaZn5hEpiIgjV7
KfZBMfzAZMxqF5iLaYILAmGT2YUkAjM+xEYmYghn/GR+5GSKI/M1AsaxljIFZVVXTA9mUfWAWOxA
/+K4OScEgflaIoD4OfKhjgYK/0igg+4IPgFlA/vzhPrFVD+6iT+SZCAcMGceiAlSULmVwfXuYrCjgYXYx/2
CCCKM8iUFre28W8jlYfXo5F1zinNrTBtrNHbxRf1u9eQFN8s+3yuKfhqzmGtSWbGZNmV+2QROIcOaSy9
+/iMv8kTEdvjcKiDt+oyMSElEj+ZiREAgf53ORtGwflnHW1aTtAWJxucxLEE7G2zo5Ck9RKdRyGNv1+tmtk
MZcqqv423XKGotlWYRBj6Nx6N5j/trqHiubBZ69edo7qIqu0tGVJK9pPYKu5qyP218KJO2wIOCozlqpt15a4
XZmUmJCQqBwdhg6+vnKuceobOpUj5qMec3B+I4u3ncNXWWv4zgnvyp7Rq1+LiQr47TeUdu1u7OEu1rIkO
Mx9LO5qorlhDEVxRsdKuKzGWLrDLv6bLniMzwbzd4p7mWRRt/EG7xsFLFXqzYOniM8K9ezOIH9YIL8L
mcEmzeUchE2s7DBZ7kwHvfUY0fLabiK3CnkTteIu4TYK1m/pHKpvZhq2dTrrqQ17m10K5WEaluNW5flH
OysbYlXK7Nb1421R936GJSn4f818nfTU8358iNxmU5U4H5WxWXqck7Rog17yr2G2Cn41jNoew5KiGCobD
jaWeydEXLCS+6oSvevm9ft3fqr9RER9bdESWOHA5JrMVGxwk8cRiea7QmWSKasZnRGslhYoTRPpPHO
oRISYuoWul5G4+9bpTkQjEvdz11RdYwlu6raq0cv4uVAwY5IyBodm30crnOKOHaWx5vbkPa/q2tAdtx5Pccn
VTRBVgWtXj6pWyKGRLGf8AbUly2w2YUtaWFAR/NfryF8ovArJZzVOMclA8PxfgtznORxmua9j14bST22a
uAHUNmzuu0745PI2Ulfm6qL+dpwqjj8jjzWgIGBrO44Q5+8dvOXjfn2eGOVda2zDZnW6KrdnWb+M/1hp9j
K4SIHvJYDIpbldYzNYrZx1yuLAhcBMRLoOHMVD5u8C6r49nZ3LlbkzLX+HcHUoXc7kNIHVP7hkIxS35D
D4GweH1PH3r1Yq9OEWA TbB9isttdMSx36/O3Slfj7ly/R5ibmqfMr3FNOC1PQtmZFMKPXiHHWJfzo3laJIn
ljKLO6HthyPmr07Ncfvy8hJYNnWs8MsirYqqkbpIzBCO2ZQZLGpQOg1Jk32X3R19S7aVu5U4V4coW4s1or
u5NyVakwXDaG+cq1CqhsSpTUtZUv8A20QZr+6ELEJJZs8+CvAOH4TyfHCxr5dHIMEPOuJ5Tr5vDpp/wB

nXkrmKymuYt+Qx+Nr0LWat7GrkbJ3q7sl8tjhFCzcHC0teBevR9JbjO99R7zj33yd3TWr2N4r4v2nFZbHgeD
oHrAr1saY8b6GrI3LBA2yKqVPMZnH4+g+F0qVgHPptzCHs3S3rSqwTGHHSFCFYeoYMS+Vnx9P949LiTiP
ciQCRSUQUdvdn9RpYunen+nOguOl71vjePe11EVnYY5W/Klv8WYBpTMA5F3WQzAM0lRw4WuUcFbszc
3y9/l5z6ydmptJj8mvWiWJZVCtlMzE5P8TJrvqF1IiuXOX8hqivIHNUQKRD0EqJndZxJe/YQXoRgen4gvfuIk
BIRUHqdrs9EqWv4CjpMSYSkZMQUdvcCEBKTj0sB+MvRQJEM0nkqg22iIl2iGhYZLJ6xJj0FcD+e3r3Mz+
hRHXuXX1M+7i1pSU42tXlvTiifYxPsQmWSJxIyz36Mp7jBFEf5PfuJko/mM1q86l5Zk1ErFVA1ERKhSpbZ
QSV8n0KIHz3DjYn9MF7SAePZSMIWG2APJP3rjIU+CPJ3JBxx068V7vxtUDAWyfxATHuuXZiSD2Ez2GD
6QP7diCTntH5jv21JCLSpEuzxGSZEEdIYUIE9YgZDrJlMH+5T7D0HxzP8zqlwqEuKRn/AISRLGCgD/cpiZ
AYL1ICUjMgsSiffqBkv5hM/ZBAWICA93wJsliiYIUL7FACMzEsIZH1Bz7mlmA7FJSUzVnBiWTLmWbHC
r6+IQUAlyWIKHX2PgeAfCrVx3HUpkAgKRSPIH9YwBrr5bIP8PGc5FdUiMtuxqlxPwhZbJnK+4yQzIqKAO
YFsLKZMxiSkFwUyBSMSVh7BQW2K7CiZsl76l1GPRwZ9T/9Zg5KZkZgZn2UEJzMzJQ3WQgM6ph9S6qd
C4gJKQAWayJ7nAj1/wD7p1+pTPqYgQn3Zub/AHrq6LXMFmKtIn9R9S2fUIHqf+Y9SKY9wE+5/wB59fo4G
aGUOCB3XIGTrgJpHk+uNcgeTkhT5OxxJKn7yeVLBdVwS2BsGB/oHIXyflwVAJ+xSl9jQWMSVExBKmO
kRMMyQCSwkgFftXsBiA9R1mPjgT6xETD1ol2TrON/xrp2GWxkbBrj5F17CxO2sGQLhV8rjELHtHyhE+pIFM
XO8ixNR0qkh7TBfHJAP+MFNjZfku0QMwRe4Avz1kZH8/yK21pxOEzufGlfyXxUnLGLiqxZK8/uvqcVaoA1
rGREwQpQBn1KYFbCghmu0E0skMH/ALczKqhZAx10K4wcK22wZUyCUVmaUHlccgwxufvKkBT4GTgk
ByDqfLMM7NjyxUIQBN5F8ttF13nviXgKnTXtmd5YtSn+pf1/MYqyvX62v1Vvmxfq/NMSP2k18jLpBoNSF
KlHt5ZMLIwnkiUnJB1FihgQAU4EERMfKII/kknyUQMd4H44YMMIMQUa9mo4nT879S3es+ni7OO1rjTTcdjG
U9e0vY8N18Jlc98WQHPto4/Uteu1rSBjIrdcyVzG5i/jTuxjG5pQISl69Xb8NtODM9Bz+By2QHElOOI9n7xOPy
dii1mKDPYkLKcwgYcKm36l1h1S6QA4BappylTP1R05X4ixxVeoJcS8RQsX7NghUF26ptglkaZB2oJoYTCQ
mghaUb92QKM4+zJcSYydvAnlRI4ZAw7cOI/ZtVL5lR/YoAB4OQCphHHPMNzYuT+dNbzf2WPxeh7zgOP
9JTJKXb2PKI401DetltKKX/AC2wqxtyK0rFXeuvFXTYXVn6Af8AUUnqZPZcPomu/LjscnNZeZrZ7LZYKPTI
OuYqjAU0Q0rdi09uSrAKJWKRlTWiTWNkyTOuRsTQ8dUcD6nsGxbXyPzxtHK+e5xo5a6jX8FiuYN7v4K9
g+UOM9Ttm3E69hM2vQcxlsrxpex5GvFjGa7Rx9XYshGHYdrHLU82OQU+QvnH4y8f6qeSF2mpblspurtljsP
eoZfPHUuUsXfrZs/8Wfolgo+RV5aSrWYpprKJ5Ka5p6a4jv8AU1v1DBFQ4zguS5b8h45TG3+PqWKkExj7qsF
vtXg0mmCxrZsWYQrtWspFQ5SRk42RWDSS2LENbQOocrLLGHUepIdF3ZguzftqQc+fjI/GROkZblZmBbqfI
R7zxBxPrOFpPereObU4vuU+QLbtzbQ1W1bssW87XRfo0ssdsSYFekALaMy37i8fKnAbrmeCeV8bUbV3fq
Op3Ng0qhXsBWsZLZ9blex4fGrY1iVKnK5TE1cfD/IAoiwZiYMiP4UmGp0cRgcffjFUVqdGIVKFqAGEaEC
YWwBEllbAieq4iO0FEDPYzEfy9sBU8HkKysGa4KfckA11i7iQmZiYKZlhCMR7IfYh+ZGFGlK1m5WryUc
SKqNsc1p53sLrBFXaRTJKEbtWp4JPxwqmFZ2jyyqJBP+Gq1Xg2jKlm9kQlPvjsGkbsXMagB9iokwQQudQ
JeO3CvssYuhn69zWtvZiaVu1rOeX9pkxCKyZvnQ9NYjKqQZwD342xbXXKVxaOCAAHUfLvEOkcw4GlGd5
xl16MRnsftOEYUWlyQuWwa1sWJsi7G5nW9gw9mpmsRFULHUzt42zWNIOXZrWbaqy8CKvYKbVYKvUvtiUL
NeCfSe5CvmUDVEpoqeaysV4Yqlk4GR79hAlwMw1l1hYnBqaNhUk1ZiQTPpYwPdZIMF7PvBEv8+hgSgfUr
ntHZr49mRo50M8ckaKDKZW3GATg6lSqMiFViGdomfuM3rsm3ofdtiP7GqlgVw/ciK/xckN/wD3zhsjwAIGt4
kbKAyGkb/nM/Qw457WquPz92tlcbltkwtYxr5VtmyFrF3tkrXMTnMRcq321cguyD1Wpem22Er/AJWDeR+M+
WE4PXOU9ffqXIWobbj25XUM1UzLUa3veINicVOI2unUXgsnUYibCLev2E34PYMNkKwIQFtxlMY14k7bjS
5C8rOFcrearNT8ieRtyDX86izVyE8e8o56lUGBzdQH11Vclr2Wyl/YFU7WPJ9YYQdW2QXFvCD/wAjgceq
mhVCIUq1Agy+3WlNdUC0Wtn4wH1EGJuGTHoMwZIJOOT6/wAMPHFTs8IUKSb1rU8FKaMCFpKUyOk
Lyq0UhnitU5a1qIr2ndZRicwOVYRIpV8hjMpCuM42AOvqhOw1UMcsR/JSQCQdh+5TwuSyPEfJtHCKW2/a
473SjhF2r1lqrL93VclVoC1zREUoOyaCNRcZ0Qfs5iRko8zrccZZxmwXqTrHyOSUQ2Y9hAMn3JKiB9h1XP
6jITlyMR/tPuI9MPykzF/U/G/nXOYp7sdkcBxByBlMZcowIWq2Qxen5ZtewgjBsQa7SEs7ELvyC5ZETBdvN
H3ZVodgsE8zYxqKriawZg2/lkSlk/r+e0+/zH4n/ePcfmdk/Tis3/bXKBw7FuXqiKWMYRSJ26jGaMvHI2YWM
kZSMYErIsn1lKkc03CEQMAWgmJVhspCmEqVZgckBwGIIBPkADwvVj4rYsHsGPXk8DmcTmsdZSDq9/F
ZGnkKTgMYIDXZptcklEMwUGJz7/ExE/zzr/I3KY7kjn7yb3LM5kwTn+d+W0A+paAqR421vW2/ZlRTYkpn
H/E2BE11pOVSDSJbme/5XHGNMHKEv5QMfXrtuxcflWxy4ybteyl+hWF1Omr+3kqV2EfNcEQXMPJj3S6X
NkIIQIezkNKqr0s8jmiuDZy+PvZobskpyX37eRYqW2r1plshelocCyW2l/M9U2rUeni05+yOD/Sit+IZ5u7J1Ge
Wj5ivRqVTHxopXagWaezIsqm3eilEoj12gR1UqryRhPBzrnepjz5q10qSVTAWmOthJSyTINGYhYxGVCBl8t
nZtSpUMF8bRot2tvuL0rQNJsbsGsGauy3GYqnjv7xmMoTIS1J46hUU1rpCBP7iWz0IVcg+aevspLbbfFzmTT9T
HYOY+GLGO1mtXy9SxZo5DWrtHY/W78a7ldrbU1sm3Kus/wCq4dhUbXkaitUuZmUY+vkbxtWVsifp8bJd
4r5c8gOS8Rp2N5F2nXMPR0LA5p2XrYvDY6vZK63NIw1qzg9jaWQytSpXSdepSqiFd1jGldbZvhUc9rx50m7
bx27bbuXjzoXJebRhInbNUp7Per5zH4atQqI821gtwp1tR3ENDw2RbVp4/ZLeOvUK4vq0ciuCsV7WcdZ/qPy
vTM6ww8bSs1IoarflS3litXZLSUU8sNZpLdb/HqlaeJhatCYPLG6skewV2ejwsN+CqrWpTa7Qn3/AHnWFFAR
TK3a/dOwkVipJRMSEqHZRqlaXyZRwtGcNraH4ijWQue04usp/uvEdFV71VFd9iw5Ruh4ywxFqHGMnAT7z
FTk1eY2JdfYBc9EVOJ+Ks5Gbdi4E2FywbZ/JXD0UKIhatimqVYA4GRARiQ8r6Zw1q/KPKel402/Bb1xwzK
Rc03LU6dnHV8bXvqpWvsnVCbcs4+5iRsuw2QoWUWsdvtV1xcxYClqOMOK7227op1bFXDqWFKMctfkaVe
oyyiAdaNsVrN00DlawJpCarRdBUAwlty5PxCl1brpLBFtkdySayJq837sCzs86yMjQTqbsNG4WWGWNVA
Vo3DULieOeeEIxkVTEUDPIGkwkYA8FyGwpVidCACNRqyGJw3y5yr4r8oUucvE/MHi6GYyk0N140uZSc1
ou50Kj31WU8vj12RrAYrs1vscvUarM459hxVcjXJ7k2dpbw5+pJw35n1sVrlO2rjvnFNP1neJNluxXvNt0GT9+
3S8rbrUF7ZREksd8KU1s1WUDJsY2QUy0epVWq7ZoGwqYdIU61GLj6uTo9vmlgsMR6qrIFHH25lFMSrX
Cti5zPIKWe1M/nZ5u4RoZtOo7npR5rVM3jAxUTk9ds303MDctPtIXbY/DMdkDq1LSVMrwLB6m9R1Sqob3
XjXX/TPSvVElVebVelnHZ43qLjmd2YZFRjDX5YE63UUElitzTPqyGOVARG7t0zzV2mwikeSatGGJhYDu1
0UrEzRMP0wrAERlWeMBI0BBG++57U3IUctgX8ZpiTgQGOhn/zkezJOSOQ91j3M+igoLru6ob8nVf/wCkK
kIlzkGR8cLKliBBsjILj8REz3LqJjAj/Nfv6Wvlh5+WczZ4H8h9HZ5F8d63ZxtbC+QmJ2DGUD91HD5m/doYs

92rZ6zibu34eoqtaZZM69/YscIggc3fgK6v407yC82/EfxlQ21zpz5x9oWQxy5h2uXM5Xym4s711Xa8o0rAjktrf
8iDrtE1Yg1CqzW7FAWVl/PkvqLoy5w/NtxXHz1uo5pV70DcOslxjGxQ/wDk1Y95q8vuma8sULgaEerAjT61h
Jk7sZZVOAWdQg1BwzMCQcNhsupZfLruww3wz8WJAwhgpA56kAxMLgu3oAk/UkBCJ93fIH0LiYg1GRGf
4oD61PmL5EePOj8Ocb+JdS87lnlzOZ25eZg8SnN7RiNO01WMt3r+OrXqmQxtRWTyF9GMtWchjbhTjxyI1G
07Ai9fyvfVQvbnwpl+cvGHxc5Z5w44qVsoOtbflM9onG2D3jK46w2u3Cazibme2LkW7bNuPammlvH1QshfU
rBY77nL36VB6ffET6pe3+Q3mpm+fefuPsWdTI6aXEdF2oam9dvXdbxrLOS2fMrzE5aX53O5plhmOCc1So1
MTdYu+CgoqrppDo/Q/wCnfUHHva6n5rpuKzT4KrZvDhrs1Iy8lbWGRK9aWlvPNHHHKXsyTZhijC1iikuD8
o3pY5XjqwWoo55bCRFmcgLt2/ChGDucsihFdTqzYZD5AgcjfUB5F5y5ew+G8ytCwWnbfi+MsdXRsI5epnM
BgslVt5jJ7Alux0LIWwnU81m/9QqRdrmj+1rLDrduTVEW0oJenO+I4/4ox+Zng/m3GUcLduVraeIL+f2nMYqc
2KH2aFzUc6GLwlnHuqA4jr5PF5RaVIM617M3hhiP5scfUOWDuQ9lXvMmr8e4HO8p4zD5TBCo6RlsXjslhN8
1TIPi3isPWbaQdIti1Rdqy7GSxgFZrXrFVczdq0Vnrv8AkPwBf2HXqfJXEXHZUNL1W4ynsWvsu4amzDFYK
iDY/sq7p35bi7zTqtC/rd3Mfae72QyLDruhX0h07zvFXeB46CHj6PDowz134w2IO3WtPqkS0FIjXsW3iiNNq4
DNE7LIX7cixqN/iuQ4/mu5JHYbvIJfyINRVftrhZGEm6QupOjpL4LbSxyIQGI6ax5E85+NvI1vvnvg7k/H8Zcg3
M1/aboaFtmCzF/4JT3fV2DX11WJy+KNot/uLdhTmE27iqsXLD7oC2P3yY+pn5f8AlfGF03yK5dyG66hRzda/a
1+jgNa1qpZKLAfB2w1rDY37lgEyDhLSJAGAKK5OI91FsGK401HXRsaXaGaobPlb2XKpXqZHBW8bZQBg
qrkWoChUvUVi/p672UzZllg69RArICzfIXjPc1zX9E2NmRqZ3NbziG7IFfDk6qeHxSwY2vcyAXWT37oEGyz
siUxMLb6+KP4W5HiOOjNOzLV44c5IZhXmWhDNcSNS9shLSpK8TAo7xBZgi6FAiGQoxOvfZoI4zJKI3cJ
3CQoc5TMYQEvhlyqlmJygCx+CF2D+LfQa3xDquO4i4Ffa4V8fcaunuS8RxyGo1uXGVAprr5hu37PkcRsSK
+z7zsnz5a1NIQ19Q1ia+DrMviGKIN3+OP1a/JjliDxoVLNseO8XaKuO9cj3saOHVCva7jjL2A0bA46r8qaRW
Xusps2E3XOMrIfJXrq18+EdRwW16ZqnF+uY57keZeSNqpo2DKX1Wr9leEnJ1E4uhhq3s0jdyTZO6duDTYO
rVXWrfKqxbENqPmviLDeHvi9pmp1zQtX3GrwtjCRs25HIFfat7bvWrtfWMbeRXrve1D2zbybq5S4oRSxtW
TT0RD0qfonpevappb4qG3yXKyy2Ab7ozr2sqLtiWYCWeldsyQiR7TFpcmUN3A5NROZ5IfmCOVligcLkKrE
KzIAsYQIDF2iSm2GjVB3FaRwTluOfL/ABWw5XH29k27lzY7tqvLUVMLFnI4OousXxghmNxVPVL9IDSU
lo2bSrlLUvYxAcqrCBsz0TILibaX4bGveQdm17N5YarWX9J3PaMXYoqtS+YLaDfa9p4iK3xB7nIUb9f0MS20
sIYAKy4jVq3IeoYblXVMsNPZeQqSrt1WJpohGGq2Jhj8XdxY6yWxXrsWtbUzFf8A7hEG4n2UIbBVcX8aZa
cfm9vCW0LmO7zjdqtoXzsrn8nUVkYgJfo/Ms7eBW8qldCbs9TiPuVMrEmtZr5vc4Tibc98R2DSMUpihhdfBi
d2VEEsZh17URyCoDyMuRLGMvIhF+StJEBLEswQbs6A6kZBypWTvmHqzNqnuVBH8R8bUjI73qY17em8
h1OUsElRd8HtbcSFu4hAwJlhNuwmNrTYtqFdoRjL47LotECq77IL97H8z2F5Mwu9jYt4qwaLmOldXYMBfU
Scrg75KBhU79SZnr7g4hFtDLFGyiYfUsPV1M1Fa5yPuerWMvtOt4NGPzg2TxGY1xIuRgtfs11ya8VRogt9W
2q8oizl7IhVrS2oMvsOlkV6f8nyvJjHBT2mWdjwWU0LeLo/2fFbNYruTx3yEz5rqrGkPzK5iujI210xtYFmTrR
UusVNO0xi7dY865vomz+PO8YrPNAskE8HwZjO2ivIlqrAzmChcJZQtoC00m8IBiu0b8La7NjYhgJMG6Mdc
xO41eQeqmNvYt9bWDXDNV1p8HdeDi/J9xSwlb7OBP4yDtMRPoA9CI+49yXZCL45iePd+UK2m7lxfp16qz7
Tk69sObpZiZniUdlxGAubJQxVqr9uQAjKYHfBNyVbl6VrtYpFWENO8uU47QZr2ihjs9jokazgIvjtFCWVL
ElCrVa0hRnCLNWxE1rSilhqshIR6j0UUP5cYLI05/0Y2fi3Tqe9ZjjLmjX98zGtt2Khr2Rv6pW1zZ9dzatcuZZtf
EszTUBNE162Uu0se0AeLHKmV/zKaVOSaSSrZlWvIsN9BJNJHAFtxUrEsKtLJlixp+UilAbAJYISARsVlflhi
x1VIJIVm8ACPyoBYgA7YwUDHIOPbvHb7IK6vsWEqU9qapk5oiMk94IUktZ+Be2w0FCH7ScysRk5mIn7t
5WMZQqY2rEfcSMncdHaRS6BeJrUuR9/J+PlbMBMCMoKRZ67Rj7mGx/IOoupbdrybGH2OkipldY2KnSyK
SVIPjMqGZqJbap2zW44U4a111djkkYvYdlrcPWt+OW61OLMrpeqbLjaGyt0PMYDXM9fdl7iKGfsa87HY3KP
i9eyOVciphWBehT8raukkPhO2TY7fwrwfTHlc6jHjq8swWeKvLMvZX8SORnH5Drl6vKvpIuhjVoFB7eWfA/
SzARhXbUKrOFAALMNjgHyCwGAp2AKt95XytwapV9x3Hyv5qEibX3bme1haWQZ1KLeL1VVhtQ0mX
UpppXmhqLlilTEVevxrGev8Op1f05blpT8vzT3fAAuXPxualSf4OVxLn1BT/y7SPaSGYR4TeEe+eL/AIx6D
w9seWwed2jEJzeQ27K4zIWbVPJbHnszdzWQsVLeQqVbdqhWmwunTm5WruipVqKNCwCIgn8TbUlap+C
uTZj4jErAETIEPjlvafjgpn8EsPkg57FJSsoHqc6o6P6kt87y0tLieUek1t4K05Rpe9Uo6U6UwjWSUoJaleORlyCI
dynkAYioSQxU4omcLIwO4Y+e5Ie8+dvPq7spX6JGASPY0NzXxPxnzrqthUOU9dqBhHMRl8HtOJZNq7jb2v
bLrVqMrh9k13N41tPJ4PM4ywgnglyOOuVrKENeo2nWfZU3V88UdvZzF9VrkrZK9qxs7MJuyY3HZoft2U7
GH1W0rWoyUxReKRA6mOY+qAkdVxWWOAG2ImZ2cvJzYr3CPAvLnJmfOcLQ0zQdpySr+R7RXi1Ww1
hVCub0xYYM2LjFV1MhLYKD+Qe0D3PVY+i8ers8kds3rIZbEryBarkoCqc2l2GWc9kEWHWpaGPZXTDLF
ISRQ27XKZl8o+TtCiZ+m+F5rh+gP1E5LlqHIRWJKdPh+MSxXmjQJdnWS6sSOAYo9g0lBrtWGM5b2C/zM
ol5bhqwcMWtmxI4KuulQdVcEMhILZDMrE5ydiBjBjUyDhakUgUH3KJcqAIT/wAgSBRMTHWest9zEqIokY
H36HtEXkx19iXmJDDGAYsmCNCglktIBEJA9vBayGeoyAGuIYII/MiWtXNitaslbrF8Ireb2N9CpbyYXytE
R6QXsWphxLAvlWfTqQwRVvsfJnHurW//wCptuwWIEGyMOuXwWqG+2Qt/wAnb4UrL4fRNYs1V2Lj5C7
tCG5XS47knkQR0rGxLJEohsYZ41VSFRohscYb/UI8KuV1C/GSQKK8u5jjGoLK0qLnGMMpJC+pY+V/1ED
OAQern5H/ALiJWQNhsQTWzMRA++0ycjM9ZODGPchM9fkl/XWCmnks5VJDxcULNimMZHsyUyTL5B6
SENH30KYgAXEeo9fBFSMFKc1ylxtLVvHYXedYyeZCpJur185j7BQpZEJmua9qVuWUkxYmEnOkmRJ
D8rW9kqV2IlgchSsNstaakqsVDIkK7scfUG/L1VDIlg2jPtLD9l1L17eqFWRG7iyyo76CSJ4GLFThl7HjwdxoA
cDAJ2yCAEW+yGX9so6gkZB2LYBONsElSASSB6jO3gaCKur4E9qDbZweOLYK1N9KhnYx6hyfHfDXjq2
LVIMh8S7YVbbcdj3WEAfxG5KHEBNsh8jPI9vbdR5D0LbqWWK1oWzmfou7a/fuN+DC5dybt7RdmwS/t2
Qi3eygN1LMVJOtGTPJ4S2EDZxrK9rPbbQ22zk7YVdwpparrMLrww+zf2x+1WLDK5tmbVjOIuY/HOBMvt1V
a2Ps3G9FWjuqA4rhhtPt7pkMop+57JqtDBFiT/AKZfFPI7S27VcqE5vOZ6napYz76wH7ThMJgFY9FlnzIybQ
QJgcHF2EFiSV45GniGlbfZgzhVpOgICu8U6wy6LKIGy+1LMDKEIAGVUx5Chhgk5DeQy5Ijwy5AyT5DE6
oCac4fyMxY5fx35p02hY2tleLd7qGhaBdaOvb1TLIFNZETP3bCU84FcTEOYawmSiIj+eZxu1qW7Lk/kU0S
U80QNkp+YQSZAAnliMTIjER79RM+vz+f56RnmHt9TG+OHPGUxt6tWRj+Kt9+1gXLA22Y1TK/EQEJfFL
IhYmtUHJFEvucrIh82izgMnetW7Cyl4FZd1dYbK2ujvJfIQF+YkpKZmJ9TBdomPcT/NW6BhuwdK30qxGeS

TnU9YytnURUw0jNGVZcfuxqpCARsrKrEMR87orXin7kskansk7O4B/dcAAFioUYj8qRk/a4AIG1XwBeylin
Y7DSqsyUHWG00GsatSPXWCno2Uk+LSezPYwKlEncsSz+E5tuVyNLjzKY3LEnK41tuiuHwDEi20YsuGz4
D9l9mC1NAjA0SuyAnC2MiShYBeKu1ZXH4QXW4bbawFIpiMmPSw0JQXawo+vwwTYJgCT+MhBZCRj
2Y0vhLmVkc3x5Yv8bbBhtG2S3kYw2U2ZBYShdyVauIlfr+JyNink9rtIp5BVzGrGqjA5Awrv1ZCzYP7Yv6N
fqDNUFLi5r1mGtTCVZi1yarFZdoa/wCU0MWXy1p1iUqCSGIRIYCT5jjULkfUVyGpEzdsln4idDH29FAzu
B5xGA5+1IyoLD50vE3hzeuU6u65BmU2LRuEc1tKL2eymv2aNXp7FaZhsWYvVatlsHj74Uzr5CkU7A7GYqZ
uY9i6dVvUT7lqGI5/5L8TEld+1bUtd2nn7VM9oecwFfCbYo6XleKTkcTcplbw7LjWLx+y0Ruz8lnF5HAU9hs
YYhOnsNi2tIFxncR+MHMTelEPqPHFfhXC8aVMYFivXvY3PLzexUyMnNW3MYvablPBOsPIZWVWljMpEs
VYEQdU2IITK9x5D5Gaxjwdl+GeNsvUQ2xat2NJ5UKXscUksBgkNHc9T1rDINRSHNHR5uEGZGMmAhEF/Pj
rL9QqXNctfglg4ifilxRLxU99auslVkjjeZmarYN1xAqzyU5ylcw1kcxpht47iLNOvW0nkRvxVRnWq8q9sXg
GMJfKBCWbUYic2xbILAJRWu5xNXf9pjXtWy1HSLjMBrVYai7eIpuzeJ1rEUtnySm3o+4pPy+x179tQvakhr
uSr4Bn1XWsenZ/Na5jCrUbt7HUMlaU1le3cYtx0X2VVGr/NmF/IkpH2baRD1lgT8EDMG2v6pXjppRcc2PKP
jvStl1rYH3Mdj+VONsvhsbdx+wjWu1ZZUfFl6lkc5jtd3LEUrIZCIX7U5vE27MOq175MJquvPqPEGTYeHz
GZyNiwVmqV2lVvOqYtn2tRyDamjTE6SGucBO92q7JZZuKlh2QKGsHTYEs6XUvTNfkxx9m09ESUb1Yp+
XYF2pAH7csztHDOWEqSLeiPalUF8iwGihqWqLR3SrNFGziIxCltHGyRFQpdGaRIOhUqDsZvlVJYFTYHEn
GTt42unkM5kVMxT8xTsZrrFuzC307Mp+5i5MkLWgcQLEFAVmsBRk6qqvEEeW7YzWtZ422d2uOjJZHU8
VntvxMW/UJs38TicrksaNgWGw7A1m1FFCZWmpJfCgxJ4MKV/FyJr2Yx+Vz2uTGCoyVXFLqJyllFfHqderi
Fays7QExnuxeaRsWqWkEtgiD7cZ/LXI+n2eHeQdZs7rrzr+Y02a9O27Z6Hq+omoh9QD+67Id8h1QJYND5pe
8VrHquJzTnOK6m6pv1Gle3WpQ2YK68Wtca0tXro7WESbWRoI7BBMcse8ato5UdxSfHXK1IGNK7Sz95ked
CXbUyMFKoy+qsse6MV2YrrsSQRt/F/kL5ZlxVNPSPI7O8eZ7k88ba2PMa/IKObtUsQq5nqjsfYyNDBZDLy
tVklk2cEnF29bp0XgRVad7t95UWZzV48bvitq2vP7PyZQ5KzWdssuM2gdiv7G/K3Lna0qc5m7zG5Q8tbaQL
h7wYt9hcKtW6b2oS1unjZh6lLxy1TambJkmN19LlloWOBwQglpZBOQxuPuW9jL5aDlTfLZW9/aJuerdKs3IZ
SuJglLa478k8fZGzdZr22UQ2Z03QylqWkbZLtNq1WaaMyytYKncvVluPGw1b03ktqLA2yQGmNaqQ0a3M
XlStVpwpNYE7RUatWWaVJgqCZFirEJWRgqnMkSh0xsSQXY154eNgk2lIExE0Me6lIUJJVRtGHUy42jIRX
CrKTHqiAwT6cPmZzt40ZsOJq+5bVrvHdvb6Gy7ZxuNk6uL2DEU2NXks3hFtJNufolnGyy3CvQ7N4lF2GS
DJOXGlrZlZ1omqcFc+r3DjBf3XH3MV6tzHwVupodTyTaOdzR5jYtYcb0474szqm5WMvhrupbWT01jZtZgk
GkkmaWs6tjzbo+RmcRuGrpG/o2wWhaN1Nmia3NopaJvw2Cb8J0LSGfi0m1Fm1jwuSIId5wXyjQ8wPBbQ9
Y2yvXHffH3d1cfjgqH29LJ47IbJYxmQxOxzMrEhxK8NiNzx1KoiZrRkrGuVmLZOEWUH56DJHXMer03j/G
vyJoYJY7CiOGWxEuO4YGWOGV2kb/x5bayIMoSHaw3tbfYmnJfKhAeNkMTHTTtyMNmJDKQXBeORVX
ZVKEm/Q5enNazrezFcrNsbZYXatD+7LEV0PkLaXS8u3zDZGVMkxGYNT/i9CtgqELyQUndb9pN/DaoFGH
V678thtfrZPYftxs1vmeWctRErmSmvTYhc2ggKUO+JaWoCQA08hXcS8m1Ku12LCOJs1aK9Szaq6V6fk7
FqwMtNwar2FGAydySzNJ1ZXWvcv3aluZKBiUk8ifN/j7V9QZjNQ2CluOcs2QnlxVS/GBx2PdI5EG5K+urC
LQMCIJQdTHssuOEtS5yGdBDH+R6ct1+YrJTUITC006oUhrwGYq2ZnAhCwouhR21cBO2WzvhqkLcVf4K
R+RIXVQ0lV2T2meNGBRFInkV2clMDwGJYfQIP+W3Hup7DzZhtR0rB0qA6ftLF7k/ClfTL76ctkaYvyruKE
WWJpBa/YV9F5KmYQfsDKuMRvmucfYaxrvIVa/VyqaN3A1UITsFVzWI+GFV8p94AtJLVhKvv0VraCraqt
Kn/8ApELK0vFrC5fYG7tuu1ZBlrM7Tas5LNZFyfrPi1i05f7kxd1cME1PRCftxiZAVK/CWT3N/wBJw+46v
Q2vLoRcqt3Knh8TWVWYlubb1QqW82xdwewrWiqFTGMlXYUnctQPS2lZnrMvdjBFVcvPajWAu7rKrWZ
GXKxzPkzHVo2/izFdGILgajIrdgC06GILTRmEZjAjkEgo+zagh1Ks6AAyKyjLeR5at9Jfja7ybzDrHKO01Wo
vUeKNfw2QwKSxNZQR2K/XrJr2M5dWD2W8q2ipWvRc65YdRyR4yoCEM+aF7EPNGBvbJj8XraJxrtcx988
3v1jJrlgZfLQnK4oz8kFWKtWv2a8HWYQdmVU1/lgFGxQoeCHGo+Pfc2jYejizpryVWls+55CjVVbKMhbTe
s08TDQNT7Q1RawZUqDOF45LX+oowUGVZv6vzdgbusVnrXuBzUAvIOvUzWWbICZ3ZXFsmj7K93WEh2
Y9iJX+BV6KUO+JuTv3JS2K8FOKrXlQmTtVzEU7xWErOZdnksRKgyI5e68m6dz57CnbiRWBRS5pDM0LB
RvHuoKiTVEbGFDyLgsgEMH2B+IR1Lc6vjPzNncVouzZnMcRbtmbq0bZh8dQydHUuSI3rQ2tXxCIfWrLxlk
mpx+LymUYvBzkwAFuv2lWYhyfBebi7r9f1Ebds5lclNvJYvdNnRsdIdjRWsKtU7NO27E44zFz7F2qPxljTA
gBLkV65gPvIHCEi8bGeiarxvSzGh7U2vir9nX6VI6dTLjRs272cy6AamvTUVIFFqZp1ZEcgPuTXAz1qjRc/tH
BmzZ7Wb0Xtowmv0FZC/cQDr2e1DFZ42HUr5ZY2Glt4uxXrwwMIRh9vH0gD+7UqdRTsoySzwy36N6SXd
LZVZY5i0aycnFtDBFYs11kaMTiw7RWoSARO6PA0ayyqwuS5ZrWolYI0JTZLOUqHKS0cblIvWEUakR4K
hhjMfhmW46uyvrNjaXWGV8lhKky30Oo/aMr3NeTZNmduuGwuFuzOTaaqGr2LbJJt11tRsVVabQFbN7q3f
NOXj85gcZf1NmSx6sPhE2HyeAo17l5SkW5smLYtMrSZPekGDLIt1rFRaRhMQt/kjeZOdPA4UK2S1XZMVh
n0ssm0Vu2FRdMw+yJFZ7JdjTpSB1LFeiIsY1p/OilIn8ZxSVjTzNWkdLWTYm5tSwfAmx8dYawOzWOVAt
YlCqSRdklwXyOo1kuEU2qx/Kp8L07NVpGxyVeKWV7Qkqz7NtHXSP+IjRIKTuU0TzJlVOMxDXZ+Sisyl
ac2vbjoMjGSRL3FYsC4/9S+WIX5DqxxqdWYeGnk7rXHF3K8U8v20HrS8LiNi1vb8kP9xE8X+2JzNvOZMay
0pbh3Lw8ZOyZyTAuzk7JF7tN/ji36vrOVKW/wBuquUQQSnLnqtiTVHQw+IXElMV8PT8xHWE0QBQP81BP
L5MU+Ki5J4py9atlchgcvsF/JWMIUXrmV1FuGs4PYddvGH3S7N3PYbJpRhHVEG4cidS1ZeakiA7JvglzNV5
o8TEbt/rXU2jzPGHmvffGu0FtgWqOPGpI2XMFDSCE15FhsD0xgEwWGuQaYePhaUcscs1WpZq8y9gr3ash/jW
4FhEtfaWpFS5G0tUKMIwMTcRqRYVWGPpI2XMFDSCE15FhsD0xgEwWGuQaYePhaUcscs1WpZq8y9gr3ash/jW
hkaNanRdCVxN41qsHMi+uKfhWwSZldfRFAdjmC9F+ozElM1aCeymj7EQI5JPrr7ggGAggpZmJiRLrM00
9v19yP84MnYXJrdHSGYqE/vPuS9x6ER+OYL3JSXqJ9+i9F+BiZIHh1zPqo5b6bnA2Ox/GOulsnkBzJSzOG4
yJkflJ9UCotNW5t9yhHq3lLmPK6n+z4pSvt7F8ltvNirXKtbaOm+mYDZarXVarTa2O7O6lleCOCrE0tiaYxjHb
giaWXCK8hOEiV5WVDYaQhF3fY/wUkl2JXZSS3351zkYxkHHj47W7aYuVoT1lzQOQifRe4CO0evfSfwlf
X3+wz2kimY9++uux6P4pIJLbVT7/HWTj16/M+4kvY/rMT2H8CP7T20i/p7fXQ5U8aeD8nV8+c/yLzzyhdzU
Ro+p69R1edp1PXsxVHIVP+oOw5LN4pNazkLjSHGYaxSt52hSEzvl7NNSv8fUT+v9svOGO4N4W8GcnvnH
3I227fQHke3L6mE2NWZs5T+y4LRKObpPcgMebijIZXK1bKobTZQrWFOnn1EluNoWrlqVXH4XGxPdA5e

0SvHmCmhc2WZCZUSy4MVUPGEmkAMUjQnvmvNcrxL6TJLLqCIVKiZi+CA0eRhSCADkec+wBJD+/ru8
plxh9O7lveY1F9mx8zWcJw/rzsfU+6K03ZDsZHI27REBLr1J17CZeqb5kSFtpK1ELmLj+LK/p3uLW6Vw3yF
yJuGOxScjl85QwuPfZUv7yzicZRrMF7rZJNjNiBt5S2EECFoiZmWtKuKIV8N9Qbk3mTXvDLjrxq503jV+Ue
WtOs4HcOYOR71hOT2fWc71KMZzE6zqdK/SqV77o17YRwqtmY7Ll67RO5LsCj5UvBW3Efny/jwX6vsvKdv
QarU5cdHyVh+TwORMKycayzVsUv7O2pkYrrhtnHVa9nFAZtilRW5v7CectTcnwXE8RxFevePH8+OX5NU
YPYsyrJVNGssR0ZFngHHXVSyyGvEZJ7EMLlVcFNerwcks1whVNVVhVo3MkbSKSXLAHwoVoiYmd3Of
QlWxvoV31W1J9RWedhETAiCzX6iCHOMr/AA3p1mSmexyMxAL6z+OuSMXYbdpQmi4yglIsIKFsWEdYg1
kJDMYHoxAkr9x1LtMF+J/mrR4y/UF8eds2TDYnRr2Y4A5byTknhsLfy4dJ2lpdFRWojYsq1/KVL5LCuNTIV
MbswPLrTAeinG5fxz8pbO+53I6JyTrWQ4/5JqRcsUU2mQ/XN0xtZvq3ldRy8n8V2a3yqdkMY/4MtjoMJs1/iN
LzHVQovz1463xdrjLLGJ42tGOMIZjok6NE7rLazKUjsQs8DPhd1LRhjAMVmnHidJYK2SSLDxISQpViM
YY5GUKCOftAdCASmzcb6dl7Ft9nWNestj/HDH4qg2TBv6tjuVUzD5IBcdYkoESWs4HrETtdjR9UWNtON1
fBIt1Hk6oMYetXk4bZIV4FQpSRgmqc+QGDGYb07yQkQkQ124tlgvgP50/u15CQehNY/5YLOyXehBx6mS6
x2KJ6x6goO2ReXvuJfGoigmdv3NhR2ke/sSEO4nMey9l3iZgIn+abxfKxMAB2mdX7Tl6AgP3AhVAvjywCsf
9Wpz5Cj4qcxxv8hgeRgFVOpYYPIQNCzbzKZI3/5PwbcxoPHmQbZrKNT1qwRHKGvRWHx8wtqoJgA4Tr94
KGTXYuLiR7rkxbHqJiG3uJuFaNfIXbPHPH//AGVGxYK4/WteUNRMLJTnETqgCoRR3k2yz38Kpgolf5Ehdo
winzF1UDNqtKJsVwCBJkvav4Gx7H9yr/v+sx2+IpiQmQXA6+n19vJxPj/4T7ZqmGzVrE8gc8ZCvx9gVY22yr
lU4kLicpt1us1DfuFUyxVaMNC6TEEOXWqWF3aK9B4msnKWKiLHCK4fu23ZAZV6laL8m5KYi0YdYKkb
yFCR3MKB5OQpCqskgSTw5dUAGQGdQQSzfS2dckep8K2WwPkM+on5DfT+2Lx35E4U0vfeKc1v2/Y2Nf
litxZT13a8ngskV0AGy+3g7KaGAFwLbjbNi7lqkIrW3TK2QJ1mpH0H6VNmzrFBkZzT7xe3Q1oo27bBBssky
TGZ1zBKxDFjg4glVjswo5KJst9x1ThoXj4q/hqGc2Lc72r7RbYNmtUxf28kobER9jNhh2KzqhCz4m3SmCk1Mi
RKTWcrYFf15S+T/For1NibtGVz1LEMYGFydMr+QB+IkViiGvr2/wAOCwFofjdEOFUKme6yWw1/qfjusb1
Djp+mqj8XTjnsSavFDLckNuKEAn8ev+TEgjrxiSGVJ4kYK0csRZlem1ri2svXS5HP2jIHAjmiJRXUplkOSsqPtl
XVgudiqAN8d/wDRq4+13/r3rGzbFp9LZdW1rM2ItU85VC5WC5Yx19FBwtAiG7CrUV5/CI9GERxCnfHaVuJ
eS2S1nbOJG6vW1bXX6e6sVbJYg6FWz0x5SC2Egnr6UYSaZc1wQFkErBibKOotnWA8EV3tQ4y2Dck41SK
257QF3AFj1rvqCnWaWUZSqI+zJqoqrlWLGIKR/wAj3TYEQHluyNyY0YLdqpfc+lfE0MWKcqbXUyj+1W5d
HEsblE5OxCbUisfaLbYUTgSJOILJgf8A9Sb2eZ6g4W/x6TyycLUGrz1o5GeGs9Jq9hnaMT9uKZZbz1/yfJBR
oAoH7an4Y6VtwTByK2zDE1myWRpAuzRzq4WNIwy8YjhDspwT3SSuTj4Kogjzrxj17WKDbM1nePaeQO1h
q2Us2q2Wbry6iS+bIQuZ EZDYcLXc7G5DOPiLjMNVxFnPtZWt82Hu7knfZ10Gani99x+IqIqrze85j121nlsH
gEFadcybcOTVHZu22dKZVLlutSUL6tzIPsUXOU8lreEwHluy4s8QI4qzW+3zuv3CR1PCZNamBTCK6ogXV
PtztVMrTY5lWzQe2gySQ9kAi7kjUtU5DyXO/KOdy9jUr1/kHCaaHiFTsGeWrVON0vo5bLY63j8bkEt1fdNw
VsE4PD3hqUc1rGD15FTJ0m1bZj88U5KvU3JS2L0UdSSslknFejDaLWZJvVz+OmiSTspmuGYLhTWdpUk
BSO32McvHVFid50laVAZjHJ2UxII2CswCsyoon31OwfuEumU1vZeZOfOQcm17VnlcRXFXU03TixtYoyeF
v5emuhtGfIUy5tzJbxsWG/uX9otIjHJ0zWLdL922SMqH8kvp66C3c8jltmzLeJbe0XK9KnuVKtbs6Na228dyK
9jNa3La9Wp/fP8qbbtcs4PKvusXd+9suiwL2X+JurXdk3G9sGz4jY9Hzu1se7/SpbJaQvHbAnGppVMYOrYa
Qxd7BnqVnG5Slayfe7FnI3q7sZWtAFm7hPqd5q5V4TxGKTVYjJr5C4/wAyp5gDDaijnaqhStVIYRDzU4X/A
DdxMRV8bJVD5j+Rf9w36vW3FcVwyR8Wlp61GRKbQLDpIyGKxJPEHg5Bv4StZkiEdgqXkjcIHYHfX9c8J
Ncnldyh7itY7ryMiuBrq4LRZiYiNdQpKjXY5GmJmy3LjShyVxXmslCMtpfIWUweYCuF19e3mtSv5DEtv0iN
kl/brjwW4QNDChRpbHoEkDPzifw3545bpZXkV2OC1qtQ7mYydrKZSIjHZKhWd9zclH1ic5g9qrVsWTFCH
xfuInEADC887OO8Lqnk5ybm7/3tTH8g5GrvmFw9clkuZ2HDVXZAapzK1qBuWm1ZQTHyg+xnIEQfEV3c
C83u07hrJcVL12w/M1OMWpdaoPrvfk5Zxv2jaKh6U6aAOlaQsrX3NiWtQCjUUEqGb/AMr1FzEfB8Pd4Ot
Xs3uRFKzfIsBFjg/Mrwx8nYBW1CXmjsRhFYM6qNdo9AmoCEwQvbXusjGSWJZWxw0kRZe3HnuGNUIG
DJiNnc+X1UqD98FdJ1O5wJT1jH1KLsejad30vMsuHWvKQ+VQ1HctdamGVqTa1qmOZzuFRdrRBm3GPd88
AYrkY/IDgrLcablWuRFFoahn6N2le2i5IoZk86yrcvA4GII7NllmrQLJAaVorra+fjJmflCjc8Q+T+O6PKnlvEW
EojZhb9D1T17DKyo1atatmNb0/PansWJZWKSqJyOWs5XH3hmXiLZYqNq6ySV8CbV5D1/UeWeNDReqnbc
p2ULHR833YVrVrHX8cxvZYyqHV03pSIGRSBkoS9LE4nKYuat0uYtGdLEcf7tzyPI3cn/HvxxVZemVYGNqs
0jxKuWBhi/vTB3/o3g16h6QrlIMlvjB2KcofXPEkrKkLu6vquYZI8JtqUJJLe2uNunGGF3ivkK9r7jG5Wo178V
dNZKuIYuHxj2/d02FarCHxmzsf6zC4SUNYz0NAcF8rb5wDyptGGyRsqV9r1Wrhcqdk7oryd/X8gjL6vnIFXy
Om4ZUfsjhamFaRbtqUMzbn2c+dVltNyTsdm8emtnMRlbtFKrqW3V2WfAqJa2CeduItQqrZRBsUEV7cEQhB
T9yGnk/jl2/jyzn6tWxR2rE2MaWlvrCBiylRPLJY82K6SiWS1ViihtYZWcGs+OMNw/QHG8hMKEkskcc0UU
cjQ TJG+0tdf2hEA7syyFkZpAGMTR7nK+jZPzNOCMdoYdQ1I0sMkUiSDtuET92TPpDJH2ypVVFQlFjc+KrH
9/2qls3JeD2bLIsW9c2hGeQyk95266U5aI Gn8S7ELQx0imKjTJSgkZntWhgCTo0fD0b3mMFXyWczlnE63aT
XHV59fU2tViubHxSpfb+12aLGQ4K8yVgVhYkJsAsShQf6pyRnbeX46wxwsk4zJ3fuHtNxe2MtS+EnMTEoUj
4wSoR6sFhmZdy9em1MwOEtZ/jbCFZYGwbc8blUv8AGwLpU8WubLSt2HPIfsktyhrOzWX0hqFAMzJfKms
pyVYxy2FCx17ySeASEK//ACGf+GjOiTSxEsoJLQoMUPEfghUazGiL2FiREBWR1MsYYRxxqr/8ArVtgGQSD
+R0EIEBBz4DXdusBb0rSNXv5zEZitQyNmhiK11MOKEtKoupYsJgWL16qOWwXsGDrSDsIX8YyHLf/wBu
TGuf6fCvFmV8QuPsqqvew+ip2SxseKxuPac5XJJlOZi86s2vWxWd8nNzX8qoa4vtWsd2kUftpi3SsqzBZFXH
eR0bK0rKIZBg27OJz7602BTZq5Ea+WMLbKsQXvHBbV2GTNlcEAgJucpgkLFuH+IMfyp9VTh9ir8ZrS9S4
Jz3LqsPexddtLG5TI3cXTrzWu2nxF5VleQwFxb0KeaHBZWxpBcElBuW6iapx3L8tMwEXE8NasVAuUnkleJ
KglIjYxxSopiWIntjSVAwyFQe2uHSM1q5lYvJOTqjLqoVV7KeA5Z0CkOCVIQMA2msgIHWueOVuXV4H
W+P/H7NYXj3B/AzOZnYchiKWVzFzIVmHRwsUrS7CsViKWJPHNzRVKhZSHW045iq633IZXOF+pLiNb
5CzGC5X4PyWA0TU9sDR8VmtIyyNnabKTTTr2Mo3BPp4q3arJfXycsfWW21E1V1AU+ZiRaPzXyNpekS7A
0a7cdlbt+1jJrWcbkcah9bAFP9/bVyjR+F7CNIZwFUZJ2F2JcAlMdiVdxXwtT5T3vd8rUXk1IYzOwYKMfdpx
Xxazx+Tu2V5EKb/umy3JtybWf3YPcXAlXzQw4lqs76T6laePmOb5KkYaLwrfXqtNZyWkdxPazLI8bSER4Zh

GEwkkEKdtI1jh5SKZJKlaq6yu+O4pRdAFjjZEXBRl3ZgoG/kfZVkB+HNutvivZMPX5LyrG/6XPo4jYcXtmO
yTMfj8nJRcxs1JZaEq6VvRAgNW1UcQzJm6IGCFnpcnH9pun8xZTZrEXIXtVPOnr2ZtZJuXfbt4JpfbyQqisJY
1lPIpUK3tsJEaqQWwQBYz1d6zu3ePCdj4PxlNxmAHteXUdDWN9xbMzrIPN1I8yOo5GxkIq16tflQyBphV//
AB9l6hQsf+xaFbb5yfgMdx5eyNDX30tt1itONx+Uw1rG5GhWEMhH3FWxgNjr51jsYdcbjTjHRRhimJmGIIiK
9yo0puX4SrXST9zkU1Pd2hIh1V0fZ3KpI0xQW1176hQyFcrsEDmbaQX+4x/H7RaVxqxTuqADGQApMeFcL
KNQp9gwbAHOjD6vzVt2m57SK2c4X5Kuou5TYM1q7HxgswNLItBck4yVtx9hr65CqyK0ehGDrW7PT4TZ
XfkHk/IO1e2XglW5JyLMeDU085QqXNWzV2nkapqspy0V7dxOQM1Ss/S/iRY+5gGADYEjpn17yx33TdnqY
+ljNY5GymyWqtHGUSHha2rZXBh2aBrpPWc4ldeal9byhy6iSNcoZZVYsMCJ9tPkkvkTO6jsS9MXqG9Ycbk3
tni7cycXnU6yap4a5WYERZTafWiFklcqm9oSIEsFtmpDQtU7IpQwxzRVoLb15pJ45jVIWUyQpNJKi3vx3Vb
FZEVXJZQsQkaNmH6OZvxO6ZwryTRJN2kZMqqoHCikYVJPVZUXKiRcjVmOfIT+QzeUde8T9Y4Pz927n
Lmd2anZxBw44uYBpTd90JtJaw7+OvC8GRXaCkIsV7EV12/hTIFxxRz9yrxhw14h7lofIG86Zh+QNAp6fs2Cx
e2X6OCfsWj4jE0KtuhjRJNRa8rhruM+8sU2Sy1fqZA3MI2TNlfXKPNNfYdxucZdu5N2HeV67XSLCpYJNC
o0GKpmAsf8an2ga1URWZ8lxTVLNYjH8BfyX3nm3M+N/jHrOmW9hLH6HmtjaleGsR93SLO0dcTj3OsAYt
s1Mpcxlua9SrB10ykq7CiWLNqzzNC1ZHF1Z+zTMU/KWJtYwXE1+nyEjLDBs6hoLFai0fmbhbxKy4MjN8O
8baLPH35K7L+Old5AEYCI1G0zMIwBLEMMrnGCwXYgD5u6eD3N2z8h84azaznJPI+VxtLhbXZYOCym1
5jJa4mMfRFc3Lve9abLRG7dmtVGwUVhsytgQU/BMpp/qhy5P5T514LzXFVPK7Dr3H/FbK+TlSsotuz6/nsr
mMhud+6/XKENnVYxep4ihkf74tVnHVCoXwe6m2s4Hp38LfQD84ccb7gdL5n11+xa5ljSmctTpTh89iC+dYjds
HXhdS9WJk8qGJBZzEFLI+VhTss5DW6/Jfkr4f8AMeDvlhrG109lxW7azkK9cf7/AKVX482zIVsxDheIvtUsp
YxuLYs0GDFZgGQYEEKEiS89e/TuW5Lfqm2t3i+YsQXbMsjRypFxxwaOgiRo89eWy8QrJLlRFLYyykvt8aY
oFvRfj/kjulqsRKuzK3emKJMjBn2VtgUA0w2QMY2OjHvfNuVTIMpWcnLZbLZyy5ue3zOZC3bzOUy7rRW
chmrR22PsWcrZF0BZNhgaAEShhSP4JT6dmOr8j+c3CO0bHkCxes8W7LiOS9izV2olooo8a07u4nkMjVNJqae
Rs4SnjAUzrLn2aoixdiwDSb/yv9N4+evNDcr2D0zBFRG27dkMvdbQpvp4zH1r9lHvdcxmNqY2t8wiFmLX9sU
626wf3N6wiXhb/ke5P8ada4j3byI2bg/CVcVxDqzNc4ivM1miaruyZnUNfGd0y+OSabDVQe/4JOFOtYxxZKxZ
tNmwyWBYNit9X8XytCXjuP5YRtynFV sopTSIJYzgpClG5GqciizWJqcbjV5PwJCQftaVBEhH2Kskll0z2ZmJ
kZ2xIEJk7hIG4i9I1Y7Rj3I0YNN4xred3V9S7SeZc9xzpuFwe0bPpy7CJt71v2ua4uztWsado/TX8HVuY/KXMh/
asCFABkCEBkBsSkvVLmJ55u8XudOFMrRo7bxts2uTjlxvfb7qa6u4awiitz1Y6xc2nAlbRjqbL2Ou0XWM3
Woi6rUuzK0hBvhkP0yv7hHgjudbXLmZpXd6562uhjaNqsOvJ5PO29Z1H7jDAGQG5Yq1rGGp/3a9ake2aON
sOfXt1eqHwTmwctYKrsDMJV5h2Hh7XuEdD1DRstQKX1KGZVcS69Ts5mtFcq+05n1cm7H4yiVa+YXX2p
Sh1tgqHNo+o7nTvNdQVKIET0oOb5SLMgu27EmtiHj4JXso1kMtlpoYIQ1OeutmKRFYtGYwQl6fPKVavISS
KloVoT6vVjRdw8gTtv293QK5beQOI5FJEmMNqiL3nY8PyXj8rldgqLWPNms7Sim2y5ItK0ww7fcUniMBCY
eMOQYdDU1sejpaC4b8uOO+X+H/CHC75yxp215y1y78Gx5vetrxGsWH6boOP2h1jltYeUyNla1nNXcVpq2W
LV9Q5W1aKfbTf8lhnqX0l+S+beZeSOWCfr/HfBec2fKbbqWX5D1ZVfa8snKUWrusp8W4Y8DSwKBUgY0
m/YxXcxyq3qmIrwZpUqfK/OpNd3/Qtf47v87429geN69tWoYtEmt08Lj0XKXVGtcbPvsqeYtOTYVWu0bR3v
8UrZJqeZ9ibepOqOi+WvcEJeUENqiJpLE1OGxbNMWqFqFKLGtUmhWSKeanLCLowilr4KtJGUlqjU5Om
9txXlIeiwwqm8cUchjFZ5BGzZBVRkOJCX3IAOwCbLeA8s/GGBbi7fkVwTWfYBkHSby3x+61Av9LmwYrz
/ohsiIxBkLSU+5ZEHA13i8hPGVH9tZS8h+GzTYrNTSFXKOolWtyRrD4qphmGqfl/bu9qXJysVMgV9VMkd
BXyM+np5ieG+k7tybx7h8dyHqGu3UspZzR8RYvvTjiq/O/M5nQ7FKy3H1aCO77Nwfv6lqj3asfEYn/AAE+Nt
088vJPjXZHBpbN04m1rLoTse/o1/V9eZpMyfwFWPPCzDPtY1a74xZpW/7gVeuyDsA YifbFBPxoX4Nqpy9e5
RuWY4kvRTEFHkYmQdkxoFmecLpTkksuuy1AzKxns3JZFnD0HjWFWJESiksAFLgRlSECgl+6ACSCcg59
MTP+QHBVg/jpc08UHbclb69Ud91dzXqKJWLoSOS+Qol0hCigCGXTPqfkKOulR9RfbOIPLZ6ou4P5e5Is3fF
/xv41wNV13R8kWTxt7Zcouu3HYGhl8eFnHUSpnM7kMi6xfcxS1VsDYqfehYlJkndnGXOXE9qljMfhjsWbn9
nbsJ4zGIza8VStObYxgJyw17BKJ5g+nYuVbQrWQRUBY/zdZcD9NbRWUr3kjee1vA7FW2DK6HQzWP2q
Yu63nsTh9KsHl9f2BcJuQCapZ0MhFp6LXw26o94MgaYMXL9RvwPTPMSQTtOby8bxcjcdYSrejrT8nx01n8
exK80UM1uCP8VS6AqkjN3VUOUX68a8pfSpBVkyvEzI7uG2KrlgFXtjT6LMCGYKVB5b5V1jxW4W5L
Rkm+PHK2aSeMppyVDSuV/7Jk4tAycrcx2MwPJGo3MhjGfeU8JkhqVM5Rx1tA42wuwxZCRSEW88leQHH
exW9Y2Pincad+/AJQVXwOYylMqhtatDaWR1tGSxVysfxH1aq41kMhinTBrmP40rn/G8U6VgLFPhfRL/Gx8
ib0nOPwmosylldXCa/gK+Bxbtri/8R1qVi+/MZemsftQ+wypLPHp+Y2Su2zvXkNXE6tx/wAw7fr2GrOcmzjlb
Dk6fXKc5hWGMB9mSY0q5VAJsQIyKxDr2Aplu6T/AFL6lm4yOdJKXIUTHEtWtzqPXvV0QGf2e5Rf2LT
xTHtT1ZpJFZZfzXHtH8lwFKtbmjCtBZZw8qV0eeAhIEikIwJiOjoQAFIJJVF1ztk+LWpZrH+IHDZX4x/3c5bc
3q+1rsRcs4W1cwuFxnHVRsSV2vXivKuxih7TDq/wBg0aM9m9pyu8vwpuSNla8zAxlob8uEfXymOrYYsQF
GYsqTZOhabMAFebArSmyVumgq7WCYapaR4qaJYxtT0Or4ShnriRUxh/23IQVm8oVgNV6v7ZORruInAPx
2seLfwlrWC2ctseTzvJeHsU8SmubNsz+etyiIttYeVwB2AowxDK/wAS7Vm1m6LUiaUpeS7Y/OMqQ6YKnK2
OpLPV92Jq7rYu8tDELJzBMLNm2kgQBix7MqSIYs9wr22MarJ895DWhY4xH7iyEVp7HaGEaBq8EbAKfG
vcjkIQsx12IOGXUvuQs7q6MTToGDuWh2zkFyNU1y6XQo1mcpjy/vm1nVhRPNbnw85HNUAev4G2K9ZD
d+M4+O97fGHHtZmqYe3jMVZxGhYLF2VJ9reirT052Moa5RtNU9hNs0W1zyrvnN0jkmWnFJS0+yttl3vkbU
N1mNsTQyXKO25LHYjCUqBokdJ16lTWfVJZKl2MmCm3Yt26SxGMXVopbBj82T/LdxHKSud1XdMjguk
ZXC7I3oq5kQUVg8fjKthlq1LXyULq3s1dJaErPvbHrJGC1MNfyDz/GWuLINKC0liVeltfk1pSYLxjCpYeJsqy
wQK0sNLAKTTQ254nEYz82LibcFxIprMbgSJEhiZBtEjtG6B1GQJCSssiA4RWjffGhAMXN8cVdTyx8k6wb
gp4nYaydlr4qvFm7kNSuvHKY7MBSAmsv39fZlbfQoUI2LeAs3VD962hj0MAN6hu6YDatW1CSyeHsry27cb
IoWqtobFa3IWHZF1qpFY5703HYpMU0fcwJqmFhCRkS+pcyRd0ixdPNY+tiqqieXsjONI5rIEKKn2l/+PpHaE
Kg2TBEAKUh66pC8uMTV2izrfIeuXVTjcfvWlRZOpjBNmHHilibr2lpqdGNqzZhKu0UK6CsCt5vFkKEIk6
NEl7n+PI5JjVanJL+NYVGcyTxwFvxNjy25dTJcf3AEYRtHsqafEWkjrcfZirhZlRagGpKgpE0sKTSBVDFmJ8
IVAd2DOGdj8o76g+im3Y+NOUxv18nUyQqwGQrikWMrWMWD7GFX8Ayw2CAscq6JnNga6yiZMPa2CEr

V69nM7VsCb78U4IHCs3UBSvs11sNXZL3K9GtKRIJfYq5rVuMwWrv8LfiOXyE2SsneMaGKsqhbKN7H5jG
1yPuR2ZM0NhSX/b1gOEy6CaCYc34yTIQMh2FDXYz3J++aTpnHeJq5fK5rM4msONcaFV7m1bDnLYHTdb
MGksiq5XNZDHHaKqXKBqosCyAGCGvtnS927Y6aWvNGI5OKS9UM7hI27CyQWIHJ7bRuuUjgimctG83bi
MYwGVLvxrJyLfj6yGV4JkRNngQSqJKH/izDbdwPYkuAGRvb4e/gp4/38JyHxN5s8i5E8Xw5vXIe5ePP9kzL7
NQqWsW8WOGx+z3Wy9dGtRy3JBXLWRa1grxY4uydg7AVXWGFrtiqHGXXHKfHNY7tHDXbmRyGMG/
XUuyVxdg1ZI61YzNVf76qU5UoEBCwm+NIMzXiv6yX1ZNNHS/HvSfF/U/7eqtWlp+grzGRrQ51XKbBhqM
lk8ldISrzFvJXMnkrp414tlOQlr1xBTAUdg8zs3kN47615KYOYZG/cQLwXHvOmKBXZl1+u46lWo78s7DHz
LNi1a5h81lseqtA0rVqJL7g0XiWD6jr2K0nE8yzF6ttF4WRMbx15oLHd4hw5wT3ksy1DJINmaKooAknkKfQ
H6J8xTh5C/09ct9kyiM8fKzFK0XIa1sDO2AtiYSRkFVTuTVFZIEfcRenMOJx+V3rJ7RfcE38im7N3Fgp/2lh1
ShTx2LMOGVorLqSpL7RWiKLDIHPxT2bEr+3JidiSKJc+CXabkBVADJ2yh1hcdzQs1Exa1SthMawFs6yRqc
BQLRuSMNYVer5XHUINxwh93ikMQoqUC5irpGwwJqSNTX/aEJLH/AI2ewxEwX8WjyMqvp/JN3EjDPIAE
30kwFLhONuV2XiWbUCH3Fn7noCq/V7FEs2MIMTPbTOlb7T0mrhQ08FeJYGZvftqZSsY1YMsQRvEYDD
0ZAJCIBRv6mcG/H8wlhoTWjs2rM1ggBQLMy7b67gyqkqPIQjqizukKpYr8VfzDp13jXdgvY1cU8ZsNhV+v3
iUrxXeYvJJiRmSBKfkiFtie/5gBn4B9FlxRveXdlNOzeUuxmdhrV14jH2+sRUxGHZVluTr1XDVZAXrylGhZr
C2H8HqYmBVBt1uaNSx+76y6nNZycuLrDqjvnVPzZFAtsfcQYh6dCrJyr3IqMlsiesQP8GPIdkHJYrZsPr1wx
j+wWnNhNoy+N1kJBVytAwAmRJZ8g/H3ZHSIgQOO0IO6Be9x88Ycci0f4yyqWSGTvAurIHFkSMHZiWak
bNdnU9zt51WuLFPFODiKN4ZBIuzahlH1GQU7bEeHC/zUYZgQx2A8XdHJ63ichB1116eZJ7SQKS+xrux+S
p5LL/PADMqXDYUchWAl/KKiiI+Vi2ifSF2vOb1yerm/fs81+AxNPaeL9AtOdVHHr1E7erzRSZukLVZaHa+y
bLHDJP+ZYI8aQa16wuN8kcqtbNHVZYKtiy44q2ga9Z4Io2bKk2Jg/lhrra5MwiGStVpzQIyWYr9bZvC8eN/Fm
o6r48P23F5C5qWq4JWX0XRcNf5B3O9kMrA2beLv4fXa146zbnWx/dCyDaTEqYy02U13II0D9Q64pcJydMy
2JH5GOxXINFHlKpUYzF+XsqKe5IbE1ZAxJHb2lk3ZXUitxbDVJhEjBC0wldkCB2CilqSwREVM6NhhkEFt
yNml+Zuhf69HXrWHyuZx+557Xt6wOpanfsKtIM1kMck7NLPXaQpe2LdC45c/e1rIfJi77AsLcuVfBTTHHGub
Jw1QvZjbb9a2rC6lau5qnixijTwjSxvbi3bOSyltS30cOcWWVzNIQNN00xM0D3j/O3mptmZv6jqvDXj5vudHE
UbFEMrmL2M1W1g79HK0aaMcq+uluSRuXqtf4bONYwcrWp20tt06ItW5I2c1cqTPHvHu8/9VtTVpmK27L
sq3tk07I2OVqmd048CjOvbsiH0tcv4+k7I4y/rmTQWMDrJd5QMtzS2W1bVFyd0TxMydPUad1oZBYlkf8AA
MtexYiMcsPIKVZLFlcVojEsZjleRyFh7y1YhVna13nsKQjgocEmPHsFJYEx+X3WRJjgHz64HzA5fkh0bZG8
8S0td5Z1xOnq1zZMLlbtPOaRsuvDmS2JJSTadkKGwUspbHIV8kbrVC3FdB39cv2cbj7tCI8j3vp8co0WUtJbs/
jL5G26AqVoW0ujL8JbtFuEq7DpY08xQwiRtterGr1nI6HfXbhfRvg7CP4fHi9g7HJfG1XPYTCEc3Ith8s2vnr
2KYtWn7lrtsEJVvX11dapyVVx5FTSsIotpxNtN3qFhViSm2YC85+LXGmc2/Zc3yt44ctePNTN5OKVQUd7y
OSdLq4U64/bNJOF/vBnTaYOsZC7k9HxArMjNphUKZ/jJw/NwXOSTsXvcDapyLG8/GcgO/cjZYIK9/jLEtW
S9UjjkUpJxyShCDHLCRFL8IR8A9uV45loXuPhZrEtfkGWiJHaPaSGvyH407RyzHLRAvJACrPqrAH4uHlzh
p3+obewZTXspx3sOtIWOJv4LD5rkLjLL9HQMFFvYmGbVp7xvrb8V89fbjG11/Dbc2ZE1A3kQtn4vt5XHb
YLK2D2W4vLYba6ZNU4rG5iXNmzX+6rVbNxxKWofMQQwY3IUTGEWqUrNhL2u/HfgrjXhXi+tgWubbu
nJOMziemv+6chZHHbJYJRPmUYftdxtWzSXiTAXqQsWpQRMWbSg2FBt8OvHXkNbtF2rFUDwObtEjLYt9
VNFtS46VnVfTyKQRdUIGslgv7gQXPzqwJWyFQ/0uv+NrK1fkobrpVASO3FWR3dICJF7sbzSTJKXLMYz2Z
UKPhpGDPGctz9OJrsFWfjTRpQ2EkJpXZ5RM0TAtAxsQ9+vMY2ZQGSFD+3GZI2Yu3zXg4K1Zu/5HN5J
8YGvjMpqPIuYphjrS7ZZOjgdVt5O5ZpVU93CSimuyVsAShdFkGsjqTMrM8j+UeQCY+k63xjWyVLDa9qVC
rL6arCizuQAGg2s8Fx0tV5s3BKvUKuLovLbK0iUWJeZnnRxMnw48rOXeM+IXZQtW1DG63ncDXO82zFH
Hb1rmIfZqNtJH531rE5S6qFOaJnVlqTJJoqBhEX48+L+oblwfm879j72RsTgMLIMRiWZt68Wp2QpQTwrFAVj
iEtrm4FWxiO5iqRJimdv3UXIUaEcvNz2bUtbk6NOFjq8MKpNgx4k95QCZlBVZn7jHRI5gykyBRmtihJx99a
DpDPJHNPXkYtqq4VUY4U+AowSPBPcLhFdmBHjwntcj1eSsZuOe4Y1re9osa0WMrYrcGZerhsJ89dOHRfu
VViEMbk5h0VAi+wLZF11lmvXWC2y7vY995B0jZ6+8lqLEZJerXsLjVYWlsG1aBWVmQWto2IMJcqKRSur7
AlutYXD+smGZwd2rU11dAMt3g/nFoeAwuBuUF6XgwrVFvRNji/fzusXJussUT+9tMW4kisBbPtnRDZiITLz
GSHXVsM1uQyTXpVby6Kde5FpVevUg7ETZsoBkQdgXB6x/xCNeAc0XSS4+Ulw/nOZh6hv1kuUoVgsQr
WmexYINjsaqG2iLyxAFYpFaIQaurNju2VDAnx5mrRu0MqiaLAhjhQEJKiYiCs529XGVjaQBGjUiNDnNMe
PHmRGiZ3kvPbbiMvjvt9Tz7aOWq61lcxCSvYVXShdavPGAxo5e7WXJtbALWiXWRWgWGUiWxkRw1yN
wlneLdt2q5qO9ZXUFryWU3RVXGOUZ1EVLuGy1K4ldvAprIvVUZGKiYYKK4yi7VWj/ACOUvOYjXtcx1P
F0MatNa3XsryrLiLWTyIMiKfyMjqEsYd4F/oT4H01EkJnAmmrc/wCF1PINmua3rNe0OSyGym37RW6AIYn
WNYX9/jcZvFXlZqsbNlIvCikZeL5q2MIZGCZWFCiEq9I7rYlht8WsNyvfrXa8kYRfwFaLMiSr22XzO0ayTD9
2aFYmQsu3UlrmLXtGSG6ZQUsxyIyOneRQEV0cgAOf9KBtcMWC5Kjb4BbRV4k5A3jjfFVq22avzPr2N5z4
NrYLMZDA1cBvuE2ero3JmjV8pWTLotY3Vso6pcYVC7UdideVkFytZpmCI8y/GrHbvyr4u6zrWvXMXe5y5J
2vBbS/NZu5stnEX9U1oM9W2bFTMGx614itaqvdkofNTHVU1aZ4syaTBD8qMbX4hLjff8Ahq9OC2fQeQH5h
et1mzVzWEDKYGcR/fMTZU11cauTxY1ae5a/fs/H5K1Vc2yuu4Lh2cd4aeZ3kz5Pebff2U5Rx69rDhHG7vnK
NQgo6ditOxljTszjM854YDHHtTu2tihuGpNfkMayz/cAqrrqIKVCftVuTsVOX6z4qWpHW8LfaxFbuPHe/ykP
GyUOOVaxRasrC3HQ5MyF4orXITW51EptBGSxcjSfAThLiTPZkmq6mJ0MfZco8pUD92R117bsgAMWgVA
0Zj+M41bf98421zDcD56bNbauNEXKWQs3LbhiuX1JKkAbbjrLL1Z3uLOPvHYrYUqL9zBhmQL14tsU+R
G1Is5VQ2grQ1zq8zWT8rFsuNqmcUmX20QGEWz8SLBmCiF/wAXt5v+QnDe6YGvzXwRty7PJeEDM6Rv
uh3etDcFU8mgWiqzj3wpuRq43OPpUKerxBW6bgjyACx90ACPS4t5VLEZzHltzawGVZicZiKusvNib8MWE
suzbqPk6te1H2NuwlS/Gz2pxjLBGOys3Ts8/HR3Uifj5Z0szywtA8FiG3DJB+VHMHBIEtySvLASBF+NMdp
VC6GeW3Hx8y1hOluFjGkFgnSOWF0EceThpY+0YnUtuZQdSc+XEvh2OzKMxhzrQOIxTgs08otwYldRkL
g1rKvIvtuaoYU11mWj8YCEiXxz0Sp5RcdY/w8w/JnIwn4hWK8X+ZsiSeV9HqUbJ08btmQCWlnMFapPrMo4
zIXqrrfSArCYFQsQdOxTrVWsaVy/pFTEHd2rbcfOduVsQYlStPsRkjrUVBQQWBWxzUHIxbKqmFNYtZl
AKwGYW19WLkjXi8EeaLp5Gc/j7/wDZquvkMEH2MrIxVTdTY4EBcNBuUHECp4Vxb8leCHsMHS�THq

Opx8qSGhYvcfSc9gqs8sNiB47sEpCCGenOWs1bStHLCA5DFZZVaG/DE8DhGXv9uRIKEEoSnpypd9JFlikR
AAVix9EDXfnygr5zZdzRruFu0MXfxCcTrFJ7zfUXUNTvf3DIOBj2DIJNZtaysvx7coAEWNR+kpi87mvHXy
L5Ux+CXsFPTeZ2K2fWrWvKLWawdbScciWJG+Q0rmUrPtoytOjYsqp3oqtpMOG/2+Va43ArRPuOTyYlr
W8ZEVIMZYhkmFYxEnNITWcCUj8QAJSUz8bYgIIXdn4M80I8Zft+PLm864/iDysvNq16UWMDX27SeZ340
8Zhq+XoUmPsHq+2U/sMdWv2FKqLYbqDDVjRVasWt26spx/wDbsBpRVozNy1WxfRhMRY4yjEz3EWaF2c
PXqdyxXn2Ri8LvG0kuqsn8Q8acmUMhrkRSJFLH241y2E1KasDG5TEgI0KSYkOWwIJsuy8ubnyfV/unHe91
17LsTrtZ216zYp4HH4glyrE2qNqLYbS+AapFIJ+YRyNj7dIsYddomduH8eteZisenaNYwuWytKsNM7tzHSx7F
gZt/YymCmJc5xxBSch3+PuUDE/wjQQW8y6kjHcIcl8eNm67Q7GM1/e9TJWWwtqzSU21TC1jrpJuY2zM/Z
VZsrCxFltYGLJc+oXjaHJmH2Cq9hoEEKGKNmHsJdgr1OITZKwhYMGvY/AQ5PuOrIkFuUUEWbc3zvJy
mklWCjVpxQZimgt5qtFKEas4nrWIXCToGFaFipQQypLGJE1XQemeO40W7n+UqryE8kcbRpZQwtF52IUI
WYHO8cuVd01lXQjJy4zRc3g8jpmN1YyoWHRqeSxbKaG1FtZWuixEKCFzkiHMx1Ks1cSs4H4AZC5iPSnN
CoZP/qRygidfv16ulzdDALsoJc1isqxt52Ssg4IEFXJcNZ/sG/m0ivJSoqzGCW3Ee2YKhrOqbl8TMhXdjEHUYp
dqzZspvoK9jjQHxkK2Lc1D2vVMgYnZ9yJJA4uWqeo63mORbYJmmvJhpR4RoqaptZ2YxKIBkK0JVVFZ
MsVX9o9QZM+9W0Za0hLUOPkl6ZbqCH8W6w5Dj4UrzRZBjupzVOO07QrLC7IRcU6vjWJsBndFPzFeRS
O61Sw7oklaZlkBkOAprs4JJQM67REISMGXBBU7L8CHB7oyeTw2XL5e5/dcSJYXaPjaRXpQa4TK1IT6BS
8vVUbYJEGPxsYsrDGDcCuXmN2QsyjZtwtrZTc3DfFhqzJfJd4pcNxtkhlxsEByXRCUyZut2LQe5+N0A
Lz5rmc17OUdz0h1KplAc2pLBpizXyGGxS1ME7sPmfZNNKkyVFK/wDF2KPjmsbD5XjPlrHloL6+Rp29fO/l
cTjnS7o3uVMGe7H3KqwoBSnDWJSwJVwFAM/Av20opdT8KeY42hyXD1ktmxHTqyxx7rYolrEbWozDFFG
0qS2JHaJl7pMcfbYIgk+XOn74qT2altgmhnZPfRfJvEeye4cEqTGRny27ZJLAiPG8mcoXtTxOtUTyh1MVsDbK
8qtrZ+FcY3JUTqsr9hGANBKtLGWLEmJNivlMxEJE3d+Xb1INDBVzydytVzOPklDcAVMfSygn8pqUHWd
MCy4lZKNbBW4RaxkpKDkm25JWdxmwY63kiyN/DsyH9or+1WXsx+WaZ2IrV2NImFX+4MjL4jahCi+QgE
4aVD690znbcWMVC7lrOUldq4ur1KdWudhLFewOUMuPfZdZyMtKG/IntvSFmOtxnEUoey81WOaSJ0Z2fta
d2OVxLHO5dvfEcJGe2zCRI1JOcL8tJbnlWaYvJHG4qhVBLldCFIDBpFz3PcYAUrIM4bJN27HsrBw17hYv
UhbV19F8Kzoa6ulL31PuXAlzY/7qUzYBAxsVXb2S1ElIbFhffQi4xscieW+B3v1IquTw/F+A2TITKy/1YHHZ
KcS3ReP8YZeg4K5Yy+6XNkxiWOEUk1gLsubYprl6zOd8iOE4eXhcE2mxuz5SRKLgg5EQTWfcFZY10gyz
DAYIJKRmZ6yMgEjEpXsj/Qo44scR+D3MPkDrms5DeNv5T5OLVMFNe2EVb2ctcfhW1TB2HvOsLsRgq+xZ
ja7uRcKbNiaSa9iaZT7kLtqVHQ6c5NiQ1jkORNCurBkjIhVTI88rOscbZErlo2IdoYyzEGVGNcXE88/5EkhoiV
SPB2YKhRCdUR8jvDiDwIEJzkej59RTepzlrNYZrwyef2LM53K5KLNzrZfjzNyyXS5hnY+CnRoiGKJCV1
IfCJXE/rIH/TN8pE8G+WccR7ptOJZxd5FVXcbbFXyr1swK9pTWyjuPDpucfrF+3f0+1kZQabzMspbTNVND
q1weXuOZlOWOWNLxuauZyITvZxG7bbSxc4/8AuGRS5mQyGhamx92ya8VirBtr5PNCCivSsq6a5rJ7raAefsJ
nMhnMVn6aaGGVgKZ1sZVxthq7mPx+uuZaHLNJcCiHedi6VzyGmbBRAJWLv/usT8PU6h4nk+m7uVr3aj
wLsqPNViyQyVOSjByY3gtGKSDYhojGn5BvNmCv3h7Rp8pWmMwjID9yWMM4X5WFTqE3BJLFWdqfP7
ypoQrIRsKbto+Z1Pk3duJtjptx2NwOWyaabLwP+4sUsk35MEFe6oYQYtUuKdXuVxgXfTktYfwQUrW8jd
Lils17KO1eWW8MqnL7sXJtN+A6jaYx1UYk200koGo4jXIPGoKyj1Mw37j3ZKnl9P7hnyPrXFFy3wy13F3
L9eF46hOwOxlmr/b8oeOrWFnJlP5HBWmW7NWqUu9it+pcqvW+dZnM+2027JbRUyNCKOt3rK6bsusTnL
3rNeeh1MdIvXZA0Gs/ieQpIJxErflZ2LOumbF6K28NlpILPE8hPx3JwJl6pJZgZ600kiWRWnFqIG5BGVcMsk
eVIEmv1H1TPx3WPS0XMMyxW/xrEVmNYkmeC7XWGSWUuxcRVZlnikSUtsY7SxGRpC6/F45eaWNqm
GSs1xgKU/K+KrG/bfcrBqDl1suqYBhnEFXWVGfPcku5LhhLy5ax8YDlMM/hg+4xmUYNuu5SGrx/wDcFLC
LyVWCQKnOlCwdZ+zYcS6xEHEXmSTN+QOMdrfZThdJ0bM7Q1NgWry2aNVTDY1bK5MBd27YsNuXW
JrjIRVTTBUME/he5ofcAMe/cebZtpV8Bs+Txa8jjSicRj6lH+142jZOEumts37InfsLQhTBBYKnu9wGwBZLIL
SLCxX3rtDMryRvE9klhukKEMsZVV7iM/7hVXwASFjBjjx83mGSNiZQ4ZSiIRK2FDIAjMSWOGKscg4U
suSMBYP418f2OWOcdA1blZm5hqG773hNXuZBHzufTpZ3MY+jkn1zAxexiUXFyAAVdh9iUFhfWd6ZHj
R4ReP8A4zaLT0rQtUplqtresxmchEXs7slhv5svzOVAHzvU4gLvThiaaxL18Mwfo/My1L+68Z7yjDMWOO2nF
3gZVzVi1bSmrYRA3EZGgIIKs2bLpXTLFymzUEzATMSFqyRt1al5uedHLFAa2n+SmmWVpxOvKXkNK4
Xw54epbuYuu7IVLWy7Zkci99/HvIq2VIKTe+ys/s5YDPQZL+sPSXPdQpxDcVz8fG8ZVi5F+SS4b0UD3ms1
DWsbU6dxjKlPZFQWArxukjwv3C/whRuUqbFrUayyyiMVmii3DxyexYrIdl2KN7nH8MBIXt/HNeW214EKe
up0ecTUv6hsVELv2BLxi8VjshD5ibPWFVVU8iVNteewMB51ZgGwa59gfyTnOQ+Ra3Lej1NE2XkbXd/1K2r
LNxk6Go1sNrt6ki2MrqmQyaMj91bwX3fuqsxhXKiE102fuVtWc09ieJfKvcs5jeRc55G65uu06/YrZEMHvHF
WGPRuwVLIYoLFYHPYeyu4p1+ya8komWVzAfG5n25SNv8AEfLPPGh5HNHhYB44YjfteweGyq07xwxvMw
w8VfRTyeaEtD3QsYF2FNqQMKVsNo+TQ1Y07XyfHZSeAFzpxaPG8Tfpcq/Hu9mRJ7VuoSttpBOZd73+JkIz
XRWihruHnDhjXcwlP7NhVsGyzBooiAikxErqIwGK+pQM2S27DaPtnU+wApLh/bM9jrd6nsPjT46+RGTXeIF
Or5JV3EcY8x0ZM7cqs5nI18FQwO55GyJxN9mFy+pDNhMPR0RdEGdea15K5rE8yVcBvG/cncGHZovo4zi/k
Szf2DTHNhtBJqpZTN5HKFWxIO44FJnGbCBwPtK1fi7k7K8o77x1vuxXb3FuZXP+coYvJXLWvXq1/VdqRa
msyWcm6fsNPFucdYxf0t4hWVpKYRfb2213LqX47xq921nO0tyxNvc8kOvZHAzb2Su61Vx+Mfas3JpVLdg1
MGLLTiUEH20kplBFhEkrHd+O4XiuS4+y605OKS/WxhLXWsxKKauqiJhVvtLx8CerusdaKKR3LMzbuWdci
6h5LjrMue/bnlBmOimATpFHHiQPCYtNvGaQS93US5ckhWzbNkOQqtfVl3XGQy49MLqYXpPiMPknzXk
q9jF5BKpKPuoh9hbSI0Mklwb1SwwJUHlPM+fwnHVzIbhqB6rUGDq2765sL2tcPl5xvxWJGLwEqJ+daiiqxR2
kTDzaiDD/AC/zW+R5eeRvivSr5/S+T77+OaGdZjMtxfyHH+sNJK3XyjqSXYWrfk8lgk2Drm0rGLuVciASxo
Nd8lrYzPUvOTE+XXB2bxrMBW1jY8a+mjKUvdrMVhpX8Yp9G1jLd8gfXrmsBcMNIlmGmVvhcyyBDzdD
8lxEhknkq8hSr2U7s8ZaC2sIdoiJIGbbUIDo6GZHVN2ki1KjY+N/UmhyLOOtKpQW0r9qE9tOyJayBY1EgbIzJJ
GAwkKYQKdSxHxXX1DMv/1K2LW+brWOv1dt3GMRhNoVjxX8Ln4QJx2IrgKWWrNhGTxaq1QW2IBab
WKTahP3phB3cM8jabOfdi7WUp4nWcPbw+KVLrsXANqxhYpZLZW2ILBOnZJRJTNSx93StpCzRdMBN5
EaXcy+paiofsqmYubNqi8SdvLIqoTDciiw25ZfZsKCpVRKD+aw1nxiH7e4l4GV8bNyNvupY+zsqs8tm1bkXJm

ZsbHn6t51rF5tWMtldjkPsiyU3IrWDyAfJDpltFy4b8orCIP8AJ9NV+qunqcJsvUTjDYqRiIesZMiTV3LkSoiRp
XWnXde6Ywz9xA2ztjV5505W1NZETWjaMjZXUEyRqzD6293LdyOM4L41bUIRuFcd1tYzOEy9SIC6lIN1ri
OqmtaRMSz45dDSmZKCU4TT1j0pLkATDFsLiQTXds1l2ITTIsdWNbqyZiYADaxEB5IkLlg+U7AMFdUwk
YrmCyF8B6lafDG8zsWBxIN++Oo29hwmDy9pVZ/21asxmKXCmBZFae8sBcD8z0yJCAxBBH7yQ3Cu67Xjc
Pl8iu/ZvV/7wdRN+6q2Mse9ZzabWZDJg5K4LAN7JiXCuFwMQMEv5/5DibPHm9IjQ99Zo4lkkWUKHkRsy
xyOivZDHIkjDDMCTlkdz8uQchFOUWSF0YIhkYlJBvHqEzGmH21kUuBg7AsVAAYFDhNGxuT2eU3Wr
ZUwsLaKrFw1Q461grDbn3QQsC+36VnCsVwmIUv4/3gTmV2t5zODwNnN4dtfGWuQdnxeFTYQpAf2/XcM
+VoVb9xKyoyBsy2Sr+ILsV2SDSYtTFuofLXrNq/jsdhrbec2fMVsbXIFix8qamWgSvPatUmJFXQ1i5+WE9G
NQLjj7T1qrYuVbGJ5E5XuZDLJHi7gpOO1+jjbbhq17W64rWslsO1X21FnJWWKuPyCYPyM64y1U6StdWs
4Kk1S1ZilZ4ZJOxXE8tYrGwIE9epXWGIZV5rVqeKdYygZzVkYFBE0ZuoybAoCjyykOUcepAVhlfOul42O
5JJzIllyqEYasvIPO8S8kciJ2iphBw1FmZxKzYvHUmhncvIFKu5KjjYAPnqX1YqMcZM2MK2oCcm9yFrJsTE
7g/MaZwcebTruo53O8m77V3zd6m3Y2hGfxWc1fAvLJHSgvvHZOvWwtG7QqZmlahvz3rirhOfEiFeospi83y
HxlwsePfbfsScHuPLWUbVnHPTkcxuOfZCC7EfyA5/8AdstYQ5jGNVW+CsfEenSb9x2mWNIvcD4bO4itTq
UOScrjG5u3sAYqaeGyWmbLsyaP7p8IRuGHM5dePUYsNf37zRTkbcWlQViu9WDjr1SW7bsQq1phx0k2k2e
GW68BJZozIk8kaS9ppZUDOurq1aNzTrPLBytW1HSijJEUazMiELJbWLJ3AEaEdxow7kAMDup8/Onz3htQy
uj6xtFHMt0yrylyboeS2DH4mzCsC+pi0jLuZXiEoRUG5er4XGV7RiJpOK9E1rhpWCsxVW54DW+Rn8i2VD
Gafi77MciSO2jGheivWxLbU2xhtlx4ancbZETCzYu3pLX2wWmFFZeTWa1SxyRrPFo5/F09I8edenMgqvsFO/a
z2Qz0w3XUF8Jw51xeMoVUktQPICb80oUDoXlYbnyVWweAS8rLKzu+Rqm0BpNINmkDGRFaoaG/HAwmu
xrRI/Y66Spmr4HCAicenLU9ChTke1PPyUUhS91TAtC46Sx9yckCZZOMFKSswCzJXg0JczCQf1NdC8rN+
PAkMcMkTgBSUScEJOyDGpDO0hR8aNIWBxr8sPbPILKUNiy7FjRZGVhdOgk22SdXsS8tZUEBURWFp
W20xI5PYMiDVWmiVgq6wNDxhy3vPHyt3m1xlj+B3lYUyNpbbO75sbi23b5Kxn3NXFCF5jpFFJpHZsFW
QlYteJnLGChJslLeMxhrOxZ21qee22+FZNHWGMGZ3v7Q6Wk12dytlanLSINOezQK021LCOZT8hyrueGv04
d68x+XKfNHNmQv1eIdYv39t5Hd/m+bIYPFZCbAYXF2DS4VjegTVVrpQx7EBA1xX86T/AI5WoOH6Ygv8
nbggIppw9max2pLUt9o4kSKkiyM/fjhEccaMyvNLssRk0UKt0ZLLuzF3JhgvKmiMzvq8a7bBf4LgqpkDOQAo
Drog+DN4y+Km/c267k9gp5PEcY8P05D7jlfdwKrBMAWFelbjvDvJdvcdqKAuLmnWkMdXYNdN7I0DsLW
4uuJ+Gc3wfmY1FPHWX2rkS9vmrcmahnMnorLNJx+kbBhNg1rG51C5RdxpEvGuc6rVetTV5H7RtZVhMj/
ADY1o+LXFOOm1TbNm1K1b2Pcsxp+u8TcPKIF6vwzxy7N4rHW7b8SHy1E5ttKy25n8i4WsuZ+8SKMin7y
3/MbsvDWO0vyF5ILOA3+25XJ5C+CIUMXFh87RxdRdW64gpjQRr2Rx9mjaTQEnV13FNyUk4MiEePr+Ll
pZ4bFdbtZK8dlKbelRIq88VdxVFZjNcheWaaKxPKIa9mSOOjUrVkaeyXm4mzHHD+KyRMJYUllfWSVi3
f8AcV01RNqAsYHoW3kA2Csv/wApfrdcQ1tU13IwxxyBj+TA/wC3zmAz04qmnD3KIRVZ9XHbVVBkQyNe
bYmxC2YmpYEOxNXXc6RIJlv6o+Du5bO5Z/DWwKs53OZLNWQxnl+RwtMXX3yz0uhj8WpAF8cL+Q5gj
M+3soCAAGReanh9ou17/hspXouxewJxGWyl/qkhrAvKw2LX98aLsS4ciusTgfvVsjtSLXUscBCwm+0yowIs
J61Dg6fdzqNRx+L/kylrED86a2lvvyqE2VESLKF07CKRAoepie4RH5XMHAs7glJ6vTXD1aS8Txa/JCGzWDO
0dp1uQiOaYxV7iyXoJa2VczV0khQ2a7pMDIwZzcTluRssqTzVIZYox5Wbswv9RsYnMblye2pfGAMqD4Vfj
x+Allxmovo2FuyZ6NkbGIwSITAv/tlELkYoWokWFYdWxJ4+045GZY4An3IexiMZ7cqO58mHj8+07mIpng
7ZB8oHDamtNzOMx83UshJmqKKapzBQUKJzGfuJRDpnhmLtO5s2vN2WovH67KNoyUyIkptrG5vXkvqO
CLDIOAfGQS2Lrl7+6qPgS7kJBSWAzDPP8zWvsa2PVOO1v8As5EAH8bbf+jLbbwz1VJGassxptNpSaTmaxM
9fuWumsbL9XT6CzMOFguxWQkgaNrcU/bVJVQDuSdqADB2Uv3JEPqPmS2Lek3Fqdg55Axuh2yYlkVS7a
s2yx76YOCxR1TJ2JwW71tmzX3m2YmuNzEvtZe1GDsqmvZGi65SpSyXQDJeILrfJAsGVvBTTIAKVGQ0qq
ZXchymroxT8jTdcuxkBWgjFN2cZcvUk1XzXBtlThTMy8WzC/ta7ZkiOZWZPKrW2LRtYxBrhdWoFO3krhQ
TlfiTGqFxaIFJz8IOssNcpkpCGC6YKR7yVScQ5uqjT7GyEK6Pa4deO/d8Eynr1xcCpcpn33YViGzHclukwBkt
guwOGWah001+KCBiHaOIJ7JhJmYGcqvt06s4kijEjEIGkIwvy5EkVjme2C6qsUJn7ke4BJjDSRsAGWMIltNS
VjUk4xqEBClwhTymv8AH76eKw9BmV04bxX1DAtx1cSo01VsJBAMMpOOy5S/jljtDAG4vahbEW5K4Pw2
maJZyWERXpKw2cx9G0wKsE75Bx5XMw5L0yZwcLuAlk/8rFYl6J0iyObxf2+xylpeNzGfyPcaFG3ggg7Dor
FXwloqdZnUglEC54vYFkf1R7GHQAD2E4f7EnaNM2fDZGDZj7eHu5qrRcaFmcrAIH3Ycja+XIVhNJ2Ww
UEDFmJ9u0z86cxy/O8R1A0UliZ/8XyTR2AxkcyKLJTRFkaQN2u/IojdUURkOrRszE7LWpUbNB5jABJYrh0
IlyqogbUoANGIT2OWcEYLAragxvkZhbWNwLwWtVZel27X9wYmGlrivK5mb2JB6zRB5Apomg2urAYM
QxgyPsAL+b030peNNc0z6THjJgij9JtHMcUI3y/IKUiyyqVJbtsuT3+4qZZEGVnH2sozH2hn8/c1GisBGAXGqN
ylxyGZzzdYu135Yc5g2tzUmn4kLjHv2CjizbdtQVUoRXrY2syQA2ApC4sCoiGTdB9GLyJsbJ4V754ZZfY8df
5L4WdtLuP6GUk0m/jrN0rmx6rah8V7BWJ17aVZXGW5WFpIP4aioOI+2j+frqyf5Pha8DSbpxs8F0hPZ5EsN
M9q8wKFICW+4IQSkf48yBlZomb4D4+bMHIwhP3XYSxqQNu2oMbr5OGLFXjc+q50dzkbMV9+Y+ZKx/L
G26rSpMViv7K2zFalVr1tkyNK2Wfz9mnZlwlVXK5taxZbKJFtWitkflLfYsKpMfSM3M1+PaZ1r/Iu8uVm8xS
CwLl1zG/u7HYGZh01AhCge6+58iisig2z2X/cPkJsX1HEN4sy+vcmckbzi9/y+NrZHBYYHE6jrUYPG5Tb5Sme
Tkdg2O3ajNbibPsXvYRVKGLxssEa4scn5Xp40TaNr2ilyha++lGz7Vsr4zad0tPP7yhhtyC0XcHgA6rXVUzM
RmteNQExWKGadfqPdbifC1ZDxsflwmNoEEKFFd1SS01gcQJkxc91xWciazBIHksJBCjSp7h8hhPckmkPaWG
ZvDqFKmDglpxkKD6srtgix4DMhHfsY8ktE4P5v13GcypJvCHJ9W5xjsM5q+48NQO25yvxP0eTXUep0k1
xb/8Ahb99XwPqo+3yUkbsREGdPlSvrjQ+TNy1jAXcTa2DGGZ3I315jHnUyKsTBFLxr3BSy4jB5OyQoYmWw
2GEwjiWodJwmwVYLBRSui1aK/taVPKAum9NUSs22zYM6mQYy2a2VyrDXOQYyIlaB2bBSZiVY6VzJnde
vN0XdssdTEuyF2vjM7f7uRAj9unG18tcKJtyoux6T2ZshKjAwULAUEiMvP9FVZ+Rr9QCaOS3xlvbFQH/A
MaVq8bSVrMkKjVYnKTT09ZnmWf/AMcOweNw7h051pZoUeS45YXENmQJN22IeapuzOVSJst2kVXYhsm
LUYJj2Bz5zeLiKhNKM2Mxm8paZ7Q7DQ1jAL+2uYvrXUAudeGLJx9y4fjmRW1k0f8AB0pjHcTbpV1Et+y9
0dSwOLXZYf1r7a8/vOwgLkuWt2wP+YcMWQaVNGPp4j5XflxzJO2+RCLM1Di3Zclrbt1/urchg8QVZrrON
BjLd1FtiayWewW4XVirrV9xKyaut0kZWKhaavzJbBmalsNY/tl61iLNVH3ip2QQ7FfPi2qv49qLj6zFiabNRL1

sMiJnxHVZBq9wK6WMXIVoaMiM0ckdi60gCNLHDlniDSAKkrVyTEVhJYhSO4O78/LNFYi/KkilMbprCY
i4YdzCqJlClnWNmDMWIKDFwuyN Y0rtnjC7acPlNoPG2sdsoYitsGNyTqya/LOsIbZTdrC4mnUo1a9SvZGAU
UtdeuJ+SOKrK3wN8rUaNjrfC+Zo2aGZRIbDlFkCrkLRNNdirKpBsIE/KDFGo4+SVRKyhZEwL74bNmW5BIS
9jqd+baLCzX78kM16lmsqHIYHRQSMgkvjhQQ0DkxCAe1SEGBPmz4/Zzh/esVzfplM6g2skVnKYzG13jQ+9
q2exGoXSUF9yx5Q1SlprQBDKBYLiFfsl2PI7F7heSjZmttHPCKb5QSVxIsBiwS8bARsJV0DSLINQwca+WO
JlrU0v1JZJq66gNLGdoXCdtSfUhy5JMLLHuTGxj1VT9bG2reRM4iaK6LX52vdqAb6mNCmywE3GqO0Tm
nKqaxqVjcwZsPUov8aiZMIM/w0dD5Q0vK6ZfOtt+maVU/uFaG5DN5TGKp45CnsG1Ef29s04Uya/Vi32iryq
Hk4xI2EKLfpg5viTmStsWf2Tbti2rafdelX4hzl4qes4Sm+umtbv4RWLGtkcpdXBWwY17nPiU1RPrMFC2mOtg
ghvL5S7bpccanrVIDS5p77VKKzHWRYshtSoX11/aOrWa7XPUQqCBNriIvuBk8Z6ir8XwHK2eMsVLcVufY
C9oQx4kUljDtV55QJ9iwEVhElRxuUMiEk1YGuzDOsbozMrx7EPGFwjhXOXARi6sHZfpcaEEN8eTfJlp3k5
olQ8JuPH2wq1sW3xz2uYbEZzLfGxLGuDEXcbbevE3LErU8SUDY7LlSRLsLF6/fMGmcjeN+UZr+r8t8j5/Eu
qW3RqecyTMdlrNASetNuhll16ZLGGrsUV4vKH7KvwACyM/Cg9itXffDmzOua9Z42DWrlB9OMTvGsKL
XLuZq3qCbRWcRmcE2nfBK/ndVaQWV9SmSgeoyw9d/wCopxyRwxzTdHW99zOz6vm9aZZRj91yt7NW8e
+vau2W0iyLOuYtsQUIbTZYZZsLhivlN3cy17/AEx59Rb/AMCnL2AFrz24YJ6FeGP2aLcQ26ryqzYdmPdJrk
AfU9xjqG5iJmTvrHHGssgjkOXH8ACPKqyMpx5G4Pgtn7+La3HUQ5a1+/g3bBna1ZdwLeZxeSBf91oZnj/A
Lhizr5EUWVXPn7WAn50Qa2Mn2SzaA294scOeQWMy+61eLW4LZ8dr6dcw2z5WGkksZi8ovJT/fs1jFzYZ/
ZNbVVhWZy5vChjW2q0uuoN0kA77pt2Ws5GtycoRwuz68mvX27Cwt1crmMZUAV5QLrZWjK2se8C9Lasb
AoYlPyTKKkCQvipzFqPEKt8zvJFPB3dE3gcHjqef2TDZnOY2vi8jmas5rGsVj3x9nbmi+1kcON2tbrWzUSW
gEKBqda5LkuRioWbdNkfkEirxPXnrtYrZrLajE+td3QyxpfJJYhAkEndf/3M8Q7IKrVeQpGhY4ZmdShdYzH
YIV8ibHcbT08FiJY/IJeMgSnL/A8iY1mK1nPbNR2bOWsdGUvZLBprlgdcxQndEC1Vm6Vh1RdayVqy9gEu
GveqpE1dKX2njinRMB4cbdvl2nebkMxuOVy2Jo2TArCKGQytFC0bBiuVzKoFLmExi/Y/OMhPufcVP5EeSm
L23et3wPClp1vXtnz3x4/J1sZ/pqsjWnxMVMLQxKSXUx9dMEKnV6NbHUZT7FdUa7ZQrrc98/YDB8VYDh
vXEuyTKFCu7J303Bettw8YuTqmuFdpmrtdXXFYOBOROUqVgSjKKX/AJs9XjCJk8MUM8f8i0EPYhQ9u
QzVpLl9tGklmjrQxvGGVogAoMkqpJEjR27T2Ed3dZEiV3kdyUaJlPuz8nQNkgsoAUqqj4bHAO71Nh1njNO
p11187jtXThVXRGYs2WfVWNR7lrYxg/b3Ld1Nc2L91UImxHqGmUbAWC0TB6twTi6ubAqurKozIxNSF/
fJe6IBzCCIOwGVw2ilzGAz8n1Z06D/EBfSXsaZk9pwzNt2PAYDKYpRZGsnJ2AXbbhq9NkvCum6RB4psO
UoYj5RBUnEEBz0/jkN95a1m7smVX/AK3JdL5m0sIxX3pMBaxUTC6JNCBAFSYE1c9peLfhUrtgcf62hax
yleGIBaWhi5Y+Ukl1ILTyTySSqgKjBSESNqygrqXVQqKQ36m0cItTyFEaw/ZRCVjCxBow8jKMA5dR7FFI
Z8RgezHoa9vCuNE8s7hsrAybtP4+z216q62MKsVclj6GTsU0JIAKHctHXr+u4NhsIgVyRQX8U7mNm5Dz/j
9yDnMz91Z2vYMbsOauAMWTfk81yJl6wEK6xETGWipUjxoNKDZFM2QTeyJbLJuW688u6UvTNFy1Blrbs
9repZBo3ceFhePjP0shleiBal6xE6dOZg5rV2JFoxMH3/AIN+cx+qjlwt1rVG/wBo1zT9np8fjDIK63r2pa1d2O9b
FvyrEvhB1QUVetghLNDJRHY+qnZsNT0/kRV2m/DluOv2iRGBUo8X+KkEOpw0SXJZr0rV4wwPamZsOhY
EUX0EKHuhFmVCHIRjOCZCcuGRIVEMbtmFWRCPA3GK8XNivPz1bX7tw6c1uKlNfOrj6yldd8NKN2VagG
HLyMRcoAlCGegNCVoYoFrVBc+SnL6N64dzycxpVDot/vqNXSsqxigKxmjVkszinYqtVtwELRbdWfkJESru
YfQQYpyEMXTvibr+Pu8kadrw9nJ/6d4TH2MjXKu6wm7btX8nbYxqnm0e/3KYCJAVjBMXJySjz+TXyJrZp
fKlrbjGJb13Vd1t7C2iqfR3ZtUaGSrXRJMgaPY5DIQ1jJEgaRkyBlpyOax8n/AP7S1PagiFb8DIzSJChFGm7y2l
Adg0SW/wBIT3JEJciSSRS0bfCkyGvw0XINWklrBFVWZpy0Xbc7FtwojIICjZlbJJwQU4blwCmjnHYuvhsThr
uHo3rdtWGydyllr6TxNflkF2zZS2lavqosnG0Qp9Fqs5p7zAPXW6fHbkTK7LWdkBv7NQvY6lOD2HEZ1b22
KOSqqvum+nJFRaV3HsIUWYYJhXsJepQ2RWH08te1C/a2jby2dduxicnumcq5mm5hu+wrx8lHBwLmwba9
OibIaw0urvVFhewz460GrIbvo+wcZnL8VspYzi2nT6am/KYRmVDX5zV1D24vIZGsZvhU2GNtULNjFzUj9j
EomW73T6+5F514mKxXS7+Oj153imsGw8kaNMkbfX5XIEztLHCxZXrSl+4zllQbFeUDvESMj6JhTGHjjUk
gtntosbKZBuWZtyVIC4UU/wAgaPm9V0rXdMqPr4LlB0U2rjqlSr/laX3p1q7XXbK0VwhC7syMhCiLtAmaS/x
GyT418Q6bxNwhx7oM2qDteweDp8nci7HSNP2OZNTAsYGuyaUwp1Q7aW5llrcUmOfxoEg13TFiFOENSq
c2+Uei67s284izquBHFm2Cxfslw1O29YNybNaqfdWHPtXM3fHHJgIf8gVBuqn4y+JEM58ld05WocSbxbhNOy
/8Aou7p9Ovs2enX68uLMZZWz4nAanpuGP4yU7C4iWksctYK8hewb2msVyMMSut0t8rP090z+WKvhOR5
OeVHrxJb5uT8esNxClp5khR40BVmikuwTNI37hiK8DBHWSzdljB8pAqsHYojq5B1VVx4G7sc/agbsQrXt
M1q7mX4fkHZse2jmdz2SndTjLEi+MBg8Xis1GvYmJkTATrIJVjIjHoG5W3ccEdGKGR15O+PZ+UMth6SAd
kG5RkU8ihJrdrlCswEsetqGKdLmGqU1CiTF8i4pS1SoGSls/ACEnSuIdc3HOAw2Y3FYy4dSZsg92WbgrC4rf
nvDDc1ooiCE+zS+MOrCj2G2jZnI1XMyuQ+J+9b1mmox2OvGoWFkrKn2EDJmUfb0sTWXNhrFrj3TrjJq+Z
4wWd9LLJlZlngELsxCpXyF7ETRyyzSxbbsYq9KsIkVwVY1ERJvX+N1IEJ7OysDq7jwRjEecMjG7EH22Z
8rldG1KD7yrjNzt7TjuMdO22xhMYaYob7slai60zXsI1gWz+6jG1GpibhKMl38yZwaow/rKgmLSo/yVxrjW2
FVOM+WUGliqNUcnjMplIqZCFS7tbEqwsSxjTi5cYtbPywYeySCYgwNy2XY+LcFRx2tbNxfit92BjV3F168
7Bksl/htWLFhELt1AqiRJNP/cVJlfiIlOghb7U/m/LP17b8lZyecq5wLVdrcYkMLVwA42K1B7VolE3WHZYtJk
2vY1ru1g2wtnxQAA88YeT5JfTV5IqFKujJscjpnZklkKtdkQ0z3FmeB4Y2WWSOKKFFXDM7Mh/GpOZ5
2d1sF0jAiZkheQRjF/wC5Sv8AMMBhckv/ACXULI8TpWdHfkrPJ3ajesQzT9ayuUdjlnI9ozjsBSdq+HpioV
UQwWo/JkMsxzbTEZLH2uryi06vWkXjThaz+bK9H7gwWpfm/7cNpsfMPyWKRAtvJbRetexMu9qFjmfKsW
EKxiRZbvFmx6+vhwS+UdoxNVOU502Dbt5wutW0t9ZGrp2B2N1AVAoT+CorGhqloYSoKWLKVMs0xhl
Z+L+Gxu07zs2/qsXBxWtZDNxTdNhNPHXr52lwlYSRyTEDWkVBalZrA0MGZmZWx2EOWkscN1Ok0M6
xRLLXaaOCq0b2jHDQNKb64jEi1bfGzuko2gbLQxwr29BgV7jkh5fjO2Q7SNU0ckkgeJF0tly+EVMwyIvbz4V
AxbY9xrM85Kzt1l/YKeKyLBo1M5gMCp65aRvV/3H34d5GER7nJ9RFEyfsUzEAqWQNScP8A2DhvUREm
AvPW82Sjj7bslh96Mm32aw+SJMUCTBWC3uW6Y7A0Wkrzzarnr2PwyHVmFnd/1llclD2/dVVvuuGeodzS6
CdbBpNMmMZCQH9x1VP8mnZwujcb4KkMqZV1G7krC1QX3Q3sj9gSPkr9zEBULWMBHaZ/WJla3SYBnh
nlHGcZxitl8P58j9tywJij48BA3rqNp41fOjq2Sj5BYocrQBrHI2XYoErXAkAdsPJPfHfJ8NJ20b7YAIUA8DYL

1vDJ3+jcLyDh8cgGUcHu9TD0TbqwSZXmgZkbMjMsn3Kq92FGXwR+ICC9wuYltHGGKt27uTK7CjI8OdU
IbMCQIqFeGQ+VmcuUmYWHU/RQZHKpmJLvi/tONs7Xysm/ZaFQ9wwCjoKV8TKoVcLSUeU+dyGGtv
v0ntMdl+5/ygmZ6fxoWo8g0U57LW8jkK1erSxTE44UOYDWN98qZ9pmSFjDrhKIV5LspHeCkpdBRk/WvGz
SchYCxus9n8WU/slu7PPVpylBEIkJcyOTM+FIRl2yQfBUeEtK1CsDICscWe1sVVFZmwz5ACho8OFwAurk
BcZAoct6vdTt9DJZepdoYt+0bJQTNmSVWdL6pIfIWGyonzj1Yi8URWlgoJ0sarv8AGP8ABb1XkzLeLvIq+W
uPqtFG36HZyKMrRU4GWtw4hzUVE7RrWRxhgsG2UIQvKYdix+dGVxza9efV0gZZ3kpzTf3fnvV9aq3iRrd
DK2/7UhNaIpIdmaThdarAMzKp/umQehzYgxa5kQTGDHf+UtyNoeP3/KgBWSp5zJ4XIZXHZGoxoAv7Wutl
hbEzCpsIH4mJkSS1RW4WRNgIkSculhmQScZYmmCV/wABZ3VoS5wBMzxWQHAMLB7UcytIS1ZXbQP2
x8XZrMlexJJUEBS/kOkbxEbXVFSPzsNVUBI42BbVlYtkYVQLXN3J2geSG3Dbz+67VlcfgL2SyeV5VcV79
QMY/IWHY+jlsO52IGteNS6T2DSmv1VPQhJLTlg76WzIDtuLwt1FWlG8pn6mVyFOTQkRxdhN9FRqqww
yuonjXEnuKwK1gbpkFyRDhuQOD+QeLtoye1HQyGQ1fIWPvc/Rx1di8mVa2bXzIqoEbBsQMSqxYSmPff/M
AQZQrsUsxh5uJzMZINTFrTTpU2OYDHGswMnR7DrP3BGELak5BpkBR8fxrhUbHxtWnokXEypLRmhMK
QxpHKKUuNsw9sJh5WmLqDFgqNVSnmRK8liU6SAM8axaMGBZ45IZFJy+S8obZshX2U42KKGEJ3IMX
OUeW0Yy62wqxsNmzQjHRBVwx5KJi0V5UsPkGssjVXPPJuMFdghxGz+QPM8d19613YKZflrIHikOqs+3c2
4vI0pBtFomLXktF8QVSYg4ZMI8RokWJAY62l315rkrkS0JyqhcsrJQi6G2xL4R+WVJMg+Q22a5mUx0EXn6
XERlqWU+FxN/DaNuG5opoqUa+CkLAPXEwuwmikKYKkYGGWoyDqzoOPSu6IUhEtWwl2uXtAcRTpM
qlglaohd9WeTcVwjhlGZSoXUrKqApEuHvzhYiOYIoAmeGCXKMNQI44W/gz7HZh5XKnthNTjORW8Z/J3
lXx0Ts2vW8Q7c9Ewtgh3DXXsixk9fxfQqpXgq2EterGsdbQfLqFmuo5qJtFWNiyNgNLPaRz3rf974mtmnCrthb
fia7mxm8VkJfJmIo2FR7NIQPu2sCzXknPEns6sD4+o0ad4phzNw/ylzdgcg6nyHr2Xsuw660BarZ9tLBYSH4jJo
IT+4Teqjfl7Saz+z3itvzKNlZgMcGbnyRxdyjh8xxXithyGSVjs1k83hsFTblCHHYyAPOPNCLR2q/aVK1I90hQ
9SKZE4BRvruUjLbkBN6xOskSW68ywCylLGgnTCRPBRzXHOgjDwpawGSnkjIRlCt8cOO5QIY6pZngMca
Wqy4cPDN2mlrooEhY6kFWJEgiJySFJeLoWxo1WzFWwkP7nUI05D8GPxzaLPWJdC/kj1I+oYUQbZlp/HAF
AmWG55rXOT+GrWF22FZMMyrNSuyIyTsfklWQiu0H2Ep+KB+4k/UPhjVD/nn/AIK/i+MftOmcxYe3yBx/I5
wWZCkp+wa+5BrtjaZLBuVIVFiIsYhYsRBKMQs/4nLWpveGsrV9/s60d/WrWStW6WVZXZ8q1sIqrm20HJ
QtjBWLjVMmmJH1BCMEyRAvtiscKHkjuoZ4LlN1sa/uJY39ZHMcr22hQyI0TJI51jKqRJqvwX5F4l/Ckyt
OeORAcxvXEDN20IUOjl0AG6sqPIVZF9sgLc3e3Dw+5Rqcocc2rq6mJySXZKtUI1PrOL5Ek+a5MUBVrS5O
XIZLFLFqWdnh2H+bhfiVyZxP5bcJ6/zhqLBU7bZo3aG74Vv1ljG4nY7+IxFDNJrY2XIX+2yNGrUeil8QrrFZt
NEAbYmx1h9zxCN1OzGVsQ7WypIXIDWAakh1mJC01EsWRM+NpA+CkxNhSgZmSJkXwq8xt4+mvz5e
1DMRbyfCO9XAunTZEMUdd9ggTdp/MxIjbog5qbNY3dWVpj2HY1OXX634Juq+NhlGKpzdacZK84fsmUs7
TyUGKpsK0x3eBZHQxzbADtu2oeGSGvPMkkkZgwQgJmHMSgkOQRlCexewRtm3U4b2jGduvnjKvF8UYDF
mp2NwV55HOuYlj69WMiFCMfFxdYCSUQnHUCMhYACISXEBuTJexSd517HPMVgtxN5VbiVik5Qanl9uC
/txbUFTLIW9LDDY0QYftNgJ+UDT3/AJKfP/ZP465/49442XjuCqrxF/OKRdWdhITiYzI0qEV7NAQ6ilHAgF
mlZCG17EpWtk9GwYi6DzWh+v67YrUF3DvsmjlpM4Yx1K211dlgKblkv5YFv+Ixi5CCXmZA/CqJWomOle
Z6e46rytikYeUhkuV7UTFo2UB3dYzI7Mn489eJG2dmImwpGuqgLy3lwztNVQhq7GMxuNim6IMGMKpKFS
cEBFAXIAGjfAd3zjXYcnjW4VVK3fPaLCn43Jy1IULKa9f7m6LkSYDMERDY9W4S2wNmWV2CBnMBPg
tu3HJi7iFWScvWsRlMpkxyhdQx1vK04auu+40wNlpNOPuppiK3zAzMKXDC9Q0zk7Yj1rO7kGNAP7Xi8E3
Ka5cWEy2keOVDooOU8JhYvpsCCk1QTW13yMK+D9Fv+P8ArF7f8vavvri/I5C7kGKh4hDrNJMSoviUQdS
hrhsjLYIICBOfZQBTG0cZDZ5D/Go/bK2FE4MceH0jCod2VNlkPcrwBUZU2SVhqrGLRpziGlbmaJQqroXQl
EdhIrl2GSD2wdAQ2dSACVZThW6bu29gOPZOv4QsMb4sWbFj7djTQHUIJWmvUWwmSahggPr8Zkv12A/U
Bc2neMes3KptsbHeyucUu0dta1pXXqkyvLgORY0jJRNAXIVsJ4KEWqCO0fwhK3jnsPKZrJbdqa3z179WgwA
GSFIVzbHVqpqVsSTViKzAFTEM+RcGXHjlxpxxhs3lsfsar9nXJGUddspST7QVFOZTq13wkZOGR+2Fpm
EF8Xsxd27QzdTcY3C0prTw3WZ4e9HXjXB87d0sEckEo7KuFJQ76RgrLiRpYkuSpFWk7JkKlnZSRsj7sZD5
DKSQAVKqyjt+TeHhd4v1eP8Xhd/VFC1l6JXhbL0gk7FGEpE6AE1ZsF67AOdXUTVlc9aQZ+GTM29yHm
stsWZeu2I41FzJhi8bWNUBYCqmTNzAbCICUscYy1NWTkzkWAUKEpErtZyvH2n6PVxvHmZxtm7YsKQ+
pdyVRVliWVIZaZ11O6hK5CBrglkmfkgYZ/+rOFXF6lkbY0XbWosZahLUwgr1Sbj0iSHEfxEZkJVm+0ubXl
gxBwUkBEIz8tXeXmt271+1BYmleZ0iMxKyQqO3tgsVRQrOn7jAkxuWjwoJUo9ON4UhNhO4oR2bctE0xw
H0dGUtlAdxsFXyWx1DfMdwlpbMpumOymUwNRKNbsPYq+59WoxY28TI2jSEF84MACHyhaqqhUfK6Ah
hy6RqzXD2ZxtXlXmHD5qzd1+kjly7i8UubDZnM5d6QJisCXKuGzFUBqptWeiSa0trf8AEw/jCdP0mk/bcBd
VsWCQvNVxu+jObw7baXoodF3PsRbLSmCtfamPwtZYUThmCETOK8xfH2yYpNLBsyeJLD0NxySW16a7
NEctjM0N3KUGOB8eyr2qr/isOKCAXL+MY6yEfxB6p5WxBxotVyJlB41LdQRnBprHdEiK7LL+5JJNA7Z
CstgMwEWASnD1IGnNaYSJ2jYZZgFdVkkWJE2oZC6LGDMYmCHSPCIchgL3gfQvWtxvcemGY/6ayqMVT
ldCqg1rNgpRxtDOSC71Yaimegxra8R0gVyv8R66B2eQNXkfn3ZARaZqVYBEmwOoT99pmMhFdrMR6W
siqt9mJGTYaUQXxyXe4uAdZPC6fsaMCqVJwuy5X+1NUBAoqTciCkf45BMS6uKIQUECY9QENGZHqYvc
r4Fjflvk6+hrJvxT0TKLvjKgTWemjcqR+BkytOUEsAEzVEIA/sPr+LdVK0vJ9X25okaOzxVriokY79uMW+
Hr1llyZ7kkdZILT6KZGV5GXdwfk3Iu0PFck0YYfB8Fj2K7hHmkMYIdiuAQhOFUA4bIBNa8Y3s9lNj5Tvt
MruN/6iZHEsqwyJhH0G/Z2CX3E59xlvkQntIPXPxIlzMF/Dg1PH6dpXH+1VtwTD9PKyxTshlFMlIiePL3Uy
zJix9stayWKbzRhclKwY0GQuDrXi3FYfVnK3i1n7WLRlN1y2uZWZrjXkP3kfd6nQ7Mqj3/AMwWLXyFOUP+
OANclEeynL82ZlVnX7PGtC79p195t47CV5EYmDxFynefn7Aqkv2ZWw9a48TmYn5oSyDEYAJ5ucqvLdS0a
8KSU6y16UlmSB3WJVhoV97ETFHVewTKpm90wspkcfYpVoo61NrEiBpmkMSRuGlbLSUHCoJfBnYLIQ4
Ujfl1BOo3+EXHeqWsp3K76lIshtOXv5TWrfukmynXtNxly7iMDfIWSIJt5i6N3MXXgRXQo47H2qzk17TiY
dKMLvOR4+xtfc61F+Q5f5w0DDYwqoprJpedaxaO9iJfZYloPuZuzg35dsjVlBMS9bBh7ieazeD+SeTTyOjca6h
r2t06/I09KxNJkDe+6DXtUJmLsqri4yg6DUPyNf5ImVySciAkqHyRsu3flezgVMTxe8e8HVx7tYxdVm1WKfJ
cMHHPoYTNVq1p5EyWAKqdSxkFk+CCF5y435WvZ2J55+Hkb3lcvPIIXmXjuU5/wDclSRqFDgo7aQVYy8b

BYjFcWKBBHjd6LEFirGYVRkiRYm9ljM0VfwuEaSWRCwwQFJWNTv67LthSFZcMq5jrpzruPtD+NLqOIv
0spmiQEC8LAa/nYwFZxJnoIQtVNx4zASw1VCAZhgmIc8labULIPjJuzYDIZPjyvXzwbBk8XZdXdjX5YFD
WYVbGWxzDk1EUhh6qyHfLUu2Pcs/yJMlePMIY2ioe+ZISJm6ci3cqoAFcSvXa2LyeCwCiZMFIB/ZKiHnCii
Ba9pDEEZTlb8mXN15D5ujF6u69itM4+zq4m0BkgdjvjYfJZruVKGMrKTB1jj5G1mCxqPgaRI8ar0+JaRtVfyl
q1uK4maCaZXdSs/csQWJa7ROsbE07slencoirLKsiIcsNuTZYXELO8s8YEHroyRKD7kjarI1YuCWzICA+z
bSUv5b8hUcfZyGD8dMDR2TXdW1iirJZbX64GnXcxlxbY25SyoAJZSLFmoCxCtqj6FSQJ4k9USImN13j/B0
q9TP7DmM1l3KC/esYm2+tRrPvANhLBQEbDOahmQG1jDYwpmSL3+IaBkNcwzdibu+tYkKm9PpsO1FdQJp
7Hr6HLGdYziPYoyg55xWblOzbzpNBVpTFsHuda7V484u1mX5fUdNpZTCZ9VfNV2xjahfbFbUIFRKIYIrZ
VFIA4BAIh0sLr7KZlypc/QqV6vHBZ4a8cexn/KSO7aljhgUi3O6zKqxO0skJgEcNozSHth4WZualFpbcrt2Ax
RXWCNiFiSJ3VyUUYAbFvVg5LDUMuFc/JptGv4C3hPGrVMdiow2I4j4eXqOx3wa0Kqtt22rQcyosCYIWrisJ
xxlHZK6wWKNd9QILWfU/mC8bcdjMRonKVmsbGXz29WSYtdJS7RYQ8paTWWSo9LKCkomAXMqaM
MIfRo6lZuI49s7L4hcm8428talmX5auZ3WcZkbpnXHH5vC4yviqIXCmZWjG43LZUVKCOpuskjp3d6ms/Hul
kK/HW4umPuje+kwHMkuooh9kxGQEzEpBlkBWmvmS7tEoElko+g61+KHguVgsWigg5SvXEudWmnbk
m5G2/ddpZJUNu3cAJVdtSkZfRg+PXyZZebqv2l/crSytKASTvWSFI9EjHvGsKlchW9vYkMw+UNylkGDVY
l6lvIsYPbsI+hZh3+Cqw6IWBGSmpg1pfb/AMi4vk9FH28eywHN2wY5WuaNUqjYVkm9i8birGfszXH7QQx
+MXNWos4+dRA/HIBWWubLpZKokFm1k5fmdNA9f2+uV+JZawsZiAh0QIzNWY77uSAhMX1SXMxykyIr
gokWRAD/AZ8gtpMeEsXIRyCoPWmYsAsJMjZSEToklJnM+kR965xK+PpY9k79/1GAvcKq8xbpQHZ4Y7ct
YFI/ GFqCIRTB5Cw12Lntsnlz/civ8/NVaNLMRMbCwYAdChKASMPYhiQGYMGJLFsLqrZUBOpwztIGryR
y5Sr3bJoMsVXAVQLXvsV8fifvjV7WC0FJVJgSKGjHsh9l2Fn8IDPctzjpyv2+ZeFWyonWAT8a7CkqqQqCn5
JL9ijsEH29e4+X4oYYgCs+HdmXW2zabK7IOcdFOQuunIoTAqblWER+z4EBaQhIFJicyHpndYl2LPTN0xu4
MZnszYXUx9+qaQWokA19Z19MV5+WAgpY5lbuP+T0SzhFg5D5CXVnCW70VlJHbjjrx4jdULzrDAkax
KUAejis4wiqqeq+/7eC1QPHJ2EcwoEjBZJFKITHH5cklSGO5G5GMhizYUfCsyOi28njtb5FirtwcTqAbPVUD
ImyR67na2VzEuYpLDU9+Oq2KyH2FipVhvs65gmO1O4jdsllt30DJTJ2WYapnpK8QNWeQq2Ac8idMwaGE
tYnIwKyhxAXgyJzAuKiM3brf6R0bA9sg3P6is7irrQVVCm2La81e8ytgZCXQKDiwArdB+g9skZlf2GS2dx2Q
PVfqNJXa+Lx1XlJ97j2sk69mk+pTcV4VhaBq1M9RW+BYjLZKP1T+niOQ/wAglp4+5XqSyxhdCn4dky1UV0
SQPGoeJSCPHtl/wD8T8sX4TGRLErJq8cZYyapughZmiZB4GxUshIGUJ3+8nCjaNH3ZlJfZUaVK5jteFaXw
MVyffhHyOq+lwMOlZNYCBAvyS4+P2Aj6TnzfwJye3kfpZqes3irxYYyxWr1HKpMRTbNhNqxaJK6jHHVhb
68/HLn/LXgPIZMMMtL2SyOR5WzGIwdz4KlXFKopYtwvjYU/wBqG/dkA7dZJViu4gMBE+0gAT8n+MS10
DlfXNX0Xbqe3XqluxjtP2vY02bPpk37TH6ejJVK990OXYKz2hNMa4BDO6xXMQAnE3EtWomp5bHGJFaj
nq1jJTeSew00JYGQzhliUDVhK0sEsQBdinrgq9rVcyB3eIsqJN5DI5jsFCyop9gWCYzISqgH1ITZFHAVsMZl
Nidl6NdGR05VuOtrsh8Ym7H2bDmrhoE0Jao5KlkZiGfHHcZ7/sw/Z6bi4M2TG0CC1UyeAv5Fc1G/HZrHTkT
QJKrf4oBH+R0DbE1igSMWdBSZht468Lb/tlLKrc5FN5Oj5HPqu3cpJKZtZDZJwfuLQm7QclYwds5SYClhsO
+X0wBWVZQXWYajhLQWalBazmEs407Fp7Tf9iv4l+qUCsj7uyJLmYkgP0HqZfMiQm0L2qQp1dFYWW5
VMcs6xzJMBLXVhHHuSzRyRohZwoyR5dWyW+M1biJbdqaR0EQCYSVxIpKaRhBGrng5PavNQPCn7bIV
OL8AL+GjjLkjVqTIH/AGzYqFposJ7GJZd1/EjlfkWWFL6ut0rxx8cTLAkQMxaDWFVHNHiXudfP2PIrxkxkT
yDxT73DdNaQh4Wdu1+Y+XJlQprR1yWUVUsW6ubxp/Gefxfgq6hsWVJqWip4lbOjQfI/kPjJRqTheQdWD
MYpbTCCZs2pPeD0wUiJFNuhkWWDATbBSiGSPQiiGscM8n67q/Ia0170W7NnEspZilWsIsPSw68tE7kTYC
uDGAgO/wC4NMiv0agMT9ErCrTnYXHoRxxg/kKJYwBIGI7sc/opKziGUMAUK77Lu6ofgUu1PmK77MEQ5
kljABw0emWKYwUk1UIUBGSXPjypHY8DxlylRgscw+MuNXrmNzusJxm66MOSI7IDccAvyOFdNu1AoyF
lBi/FtiVU87WAmAIMK4mrV2D2a/gMbc/1gw6OVpnXuVplbUWXYW2R14Y6vAiipXr/bBEtdCWLEwkziZ7
Ha3ldhp8P/Ia5yVq1Smrg/n11nMZvWsKntjtc2H4zmyePUlRpJygON+VoDVNKZiziKawp1pUMLf5u3nE71lzd
oA7HN96cm7ZNgh9gRyGKepkWacY9IfDXxXUVMY+yaoGVwoWJGGfKY46yE4ktZdp1rWlXHVauGykjE
CWFrB7kksYXCFmVnkV12YNhYyjXZjbmaFA9azCxDgqIY3YJG2YIIDQshLMuDnZ1XURpgHEXPWq4fE
TQ1yJ27MOSr46lNy5r42wFkftzyuWY1NGgxjCIDNsnJYAsAbEnlk8t3t95pSimiriyerIpt47G4iqd6aLFg9Lvud
gPoXYoKIsDUgqXtaW2XwwAmKn4cCnx9teIZv1NF7Wdp08nAhaKzSoPtNYKxvrSRKRcZ/wBvZIIbHAv4
wZMTJ9NnXw/8LtE5wwWMz+BtY6hiH3KrbCiwWVyssZJflbcsvUzYVA/EhJyTThCMFXymfkr1Clwv5V
2H8OrIVWzK37kgZplcMAdW2dHjkikXtq2zNK0igqLfkRyUwfxKxjeQxq3clkCrOYyEfTIQu6h8N6sM/Slfm
utr/JW66ZodnRdmqZajVUxYTWylQhbWKJEXMx67IwRr7wIjZqQS5VId2SJDEWf488gbFO7VcF95f/ALbd
YZVK9oxR0lomzHksSQ74YtEa57LXAvQxwkUg2SjdRxXjhxZxK+njMvqms7LUxdKtTczK4OplkLMp9OeC
rFazDQYYLdZlyTH5YW0i7AEkBH1PfeVst01nWf17hXXdcRyxr/cpryScQNfEV9y037e0qcHkFqhNZWaxctr
29fu2kLNMIOKY5NdqW11WP9QYJr0HFzQZo240rrfABRprCRfiPPEYfWOPUxvIGeRRhsBm+NI/oC/X46
W0kiNMEWd0RMxEagFotWKHxhk09j4H0CfiOfNTLVUcUX9gxFkcfSWXfTxOwoN6xZYMseus59NalKaQ/
Yjm209wFlSiDhpCxO2fpJ+LdLIPLBtu14R17AaZgFqT8di3TKlMuVu/YW46pVpicfORX39C1bPmAmGafU
Crfl317NvvLMaw9+UxuKu/cSmhk5n3RQ6uBWXXwKUu1t2EISptcmfdQoGpYzslZulfSG0vj3E+OoNrijUXfvP
OFRAPUVuuhSE2LJg7u6DLJsvIFcsmwKvRvZyAiz+Mcnl/wDyb6LdryyzpUNXjoZR6oivKLMi+Z3dQsMHai
cyO+quieAkfE6nSBWGPldqy5vPNsykK+UwD49QHD6hl1zuFy+P+XhjvDbjPKKjYVRuJudsYqeqAtsVjtoN
JhZTJGZzLJ9rgDmVLiQZJFAithYva/pjcM7XSzP2TLGp7I9GOKlxxxJ+Cu2uKziH1fiUFqbgwiHSREbQAIM
iiIGGEVBr4+390LAh4BK8Yhxx6QifZmbZgy6GZrke0BHXIrX/k7x/MBd3pGHC5kn4r13IU5aNPtFIORu3pGG
CiSe6IcUqZPxiIjHcxKGqIoia36gfgDZ5ivUaheMMkMcCyxxThC0qsC/rIY5UZ0XMcygyBRGDKuF+X6nC0
R3I5q69snOxKtiMBSiMUymMoBA+32VRp4GG+JU5h8JM543pockY25O611VMTqUWipVK12Mzn50flTU
qIYXyKixB/eMmyKa4Tlj8y1nJR8S8BeN2ja1hP+oepQ3f7NJzNit75isgkSyLQVnntVW7bFuHKvDAEI+3s9D
BZkQywmBBD82adyVz/rmr1lQ163r+vci6NupXbjmwvYq+BvQ/I4YqySbFqtJc2JLq1K2pTEfKsjNdo7JseFx9
a7T2g0UchRHqOMb2utIboevu1ApBvs0B9GUN8QgswITKOox/Pn/lubv8hXhgfknltPqLqVbXZnCLMsVaKV4

IKyRKrSSsqhgGkVSUZUYWIOKrwWJzFD2oVCrEthRKgwpD9pnA1MjBQNmy+dQWUFvgu7qHi6Gk2IUd
P0bI7F8q4xjcaePJyXV7EmBFYpGi2kVR2+NNZqmvcrKCAH2Y0Pte8Zj7Djmkz8ezTcdkqFZlu0596RL7PB
Nq15h9obL4qNWagrTYa6CcQyTSiDDvg8nwZnchG6bflaWsbprjXZi9i87TOu18vcVo6ixogMspiWadeqQRM9
TH5E9TmFLI/yK41Q/garjGi+3kxxmSqUba2BWNTXYawahqWDnslS73f4IawQScHKzGZkpBdVQ8PFHxPE
LfksR3LpSzamsPP+M3Zr5eMiZygUMDLEyI+VTKB1Yjzj3thrVwVhA0MedY4ICTNsNGbAXYnK+yswAKr
5TYFX/wBPLmHH7hb3XFYjN5LI4GikMut7bwxajvSy1hISrn6YX7IsN6mpIdXJL2MNkjtTljD4XO817KjX
RCLr8Dr+af2slib9Go/KA0zI/fSqTbq2HHpRM7QEEPQIgFPArja9qea2phOsVazMddq5ekUvQ2cjbK7Zm0U
Mj05LlfcMa0haKxT1SRScGxrKnmvaPkcPskoVV2G9qGzau67YH1VkfHrrsEp0ksja2Tu3EKJZgax+dpQIL/br
rXjIIud5ePiZEleeCGOFFVwjTRpDNI7BmDSACuNmXJOydsKOFFGhIbHHRCwG7YnlYiTcntKWRI41Y4G
ANdQxBVjg++fkA5X1vGu4N1vk2hDKnIGCyHqYK0uPkC0ikd2lZP4SNq3Equ6GiRiwDmuH2wezblxrnurk
62qabyNjbkDuOCwGL18GDx6WLM17qlfKzXRUYJwqzSpQUKYqJMjzLEjHUUXeJ5u5IDDCS8IaxSXkLh
7fuluhcdXTFqKtNoUVhYIUBPwIFt0HhZQH+ARkmkTDOQ/vK/k/EaZomTwSMrXtuww2M9inwxR/c3046t
UwSP3no5idiymvOUyVkJzspMrwQTEI/EbiuI5JLfS7TBc2uY6jEOyqXk49JYePFOR8Mi1DLHOrROYofypJV
Kq7KtyVlaKzHGEjZoaCZGmz2+0R3fpR3TsrSsilDqVY/Rgfi3yDxPqnJ2T3PMOsWx0O/g+N+MKmQ+UKqt
hehg7Ht6RTWk8dDjrX79mZOGQ3PKVMiLpXFybfIw5HzO5B5TpVULo6Zwttd8XmqRLdlsYytga+MwZsg
p9RWygOX8sQsrELaFiPi/YyD3xr4cra7u+w323UZjCcP6hUy+2XbbDZSZyrkaC9p2MhT3+JjcHUxNTEvJM1
7Y1aq4alnt5TfQ7XWpcVeQXKmcUVDJ5vibU9aTxEI2fnysY9xFTkRP5QyJLM3a6RMChApOAcRLYjYW
WnPzNyXj5ppl5KnxXCSGydiYOQuCbKtdI3fulzUpjfsbli888yPGCzD4vzwWFESSFFjilmtKQMeyQzs3cdm8I
TiNGAI9AAcL6N8Rmnq4k4s1tOTPG5StjkZkSpwS22hwyalakDY/JCm6VorLiCfjKEml+1ycl1fsqmp6fn3yw
G3rltePhxuUxp25r1xsNVMKNkGtti7Ykf26n0kR/PshX8f+U7HImt8L5TNImpdXx6q02uZExS/lyKcegbXMO
DijTU9YxM/KRsbMF6kBJHZ7tC/tOt44TE1Hktz2G+qXAS+1NISgjsAdZH0g7QrH9oiUIMxH6TOVcnBaoSw
0y8elaeaxcQMSZJYZ55zEdlOUEiiOGRmOdtEb7w0RLI8XdjAOQArAnCq8cRWVVJ1Aw3nAAQqQpI+uhq
GCsZVZLte/tksG+sDEMhRV6mLxsqJdQ1MklxFu6wkzBLODD/Jljr/ABRnNfmLzL4tcn7dxFoW2rzOuYvKO
y1decoLyl7C2MzP3VvCfe2Fm5qaz+1kBP1KZuGmI9LgibTq214rU9FqbTavj8WL1L+72X2HBHp2Qt2bNgm
S8x7R8qZ+Zxj3kBkQPrBF/NWfkneMzyVyLve7Y9isqrP7XmbrLlp1VziYy0UgsmGYFMKrfbhETEwMR1Ge
kDEaN+nHF8fzlrnJeXpV+S4apFVhWraVfxxdaac1pEYwsokhqqylQobEpBLAAkTzUopQ03WVktOHDmNy
pVTguGLEASwUYCDJQkMy4+f/2Q==